

**УРАЛ—АЛТАЙ: БЫУАТТАР АША
КИЛЭСЭККЭ**

**УРАЛ—АЛТАЙ: ЧЕРЕЗ ВЕКА В
БУДУЩЕЕ**

УДК 8:389:7 (063)
ББК 81:83:82:85

Урал—Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. — 334 с.

ISBN 9-785916-080421

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников IV Всероссийской научной конференции “Урал—Алтай: через века в будущее”, посвященной III Всемирному курултаю башкир. В статьях нашли отражение проблемы развития языков, культур и истории народов Урало-Алтайского региона.

Редакционная коллегия:

**Ф. Г. Хисамитдинова, М. Х. Надергулов, Р. Н. Сулейманова,
Н. Ф. Суфьянова, Г.Р. Хусаинова, Р.М. Юсупов, А.Ф. Илимбетова,
Н.В. Ахмадиева**

Составитель: Р.Н. Каримова

ISBN ISBN 9-785916-080421

© ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010

РФА Өфө филми үзәге
РФА ӨФҮ Тарих, тел һәм әзәбиәт институты
Башкортостан Республикаһының дәүләт телдәре советы
Башкортостан Республикаһының Йәмәғәт палатаһы
Башкортостан халыктары ассамблеяһы
Башкорт катын-кыздары йәмғиәте

УРАЛ—АЛТАЙ: БЫУАТТАР АША КИЛӘСӘККӘ

III Бөтә донъя башкорттары королтайына арналған
IV Бөтә Рәсәй фәнни конференция материалдары
(25-27 март, 2010 й.)

II ТОМ

ТАРИХ

Уфимский научный центр РАН
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
Совет по государственным языкам Республики Башкортостан
Общественная палата Республики Башкортостан
Ассамблея народов Башкортостана
Общество башкирских женщин

УРАЛ—АЛТАЙ: ЧЕРЕЗ ВЕКА В БУДУЩЕЕ

Материалы IV Всероссийской научной конференции,
посвященной III Всемирному курултаю башкир
(25-27 марта 2010 г.)

II ТОМ

ИСТОРИЯ

Уфа - 2010

**Уважаемые участники Всероссийской конференции!
Дорогие гости!**

Сердечно приветствую вас в столице Республики Башкортостан – городе Уфе!

Заявленная для обсуждения тема “Урал-Алтай: через века в будущее” чрезвычайно актуальна в сегодняшних условиях. Об этом свидетельствует и состав участников, представляющий собой цвет академического и вузовского сообщества многих регионов страны.

Отрадно, что насыщенная программа конференции направлена на поиск новых путей и принципов сохранения этнического своеобразия народов в условиях глобализирующегося мира, укрепление патриотизма и гордости за нашу великую родину – многонациональную Россию.

В Башкортостане созданы все условия для реализации конституционных прав граждан на сохранение и свободное развитие языков, национальных культур, удовлетворения потребностей в области культуры, образования и информации. Принят целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты национальных отношений, выполняются долгосрочные целевые программы.

Считаю, что на нынешнем этапе государственного строительства особенно важно сохранить все, что связывает братские народы России столетиями общей истории и сотрудничества. Основой межнациональных отношений должны и впредь оставаться доверие, открытость, взаимоуважение, диалог и созидание.

Уверен, что нынешний форум также внесет достойный вклад в осмысление современного состояния истории и языков народов Урало-Алтайского региона, его решения будут способствовать гармонизации межнациональных отношений, укреплению духовных основ Российской Федерации.

Желаю вам здоровья, благополучия и счастья, плодотворной работы, успехов во всех ваших добрых делах!

Президент
Республики Башкортостан

М. Рахимов

УЧАСТИЕ ЖЕНОТДЕЛОВ БАШКИРИИ В ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ В 1919-1923 гг.

Женотделы на территории Башкирии были созданы вскоре после первого Всероссийского совещания работниц и крестьянок, проведенного 15 ноября 1918 года. В целях реализации задач, поставленных совещанием, при партийных комитетах областей, губерний Советской России были созданы комиссии по агитации и пропаганде среди женщин. В сентябре 1919 года эти комиссии были переорганизованы в отделы по работе среди женщин (женотделы). Повсюду начали созываться делегатские собрания, велась клубная работа [ЦГАОО РБ Д.149, л.10,10 об.].

Важнейшей задачей женотделов Башкирии было вовлечение работниц и крестьянок в строительство новой жизни. Сотрудницы отдела занимались также охраной материнства и младенчества, проведением недельников помощи детям, школе, праздника 8 марта, ревизией детских домов. Через советские и общественные организации они находили здания для детских домов, брали их под шефство, открывали детские ясли, бесплатные столовые для детей и т.д.

15–17 июня 1920 г. в г. Уфе прошла Сельмая Уфимская губернская конференция РКП (б), на которой по докладу о народном просвещении и задачах партии была принята резолюция о необходимости более широкого привлечения женщин-коммунисток к воспитанию подрастающего поколения [Резолюции... 1959, 65]. А 19 сентября 1920 г. состоялась Первая Всебашкирская беспартийная конференция женщин-работниц, где по вопросу народного образования постановили следующее: необходимо приложить все усилия и старания к открытию новых детских учреждений, где бы дети воспитывались свободными гражданами будущей социалистической жизни [Культурное строительство... 1985, 77].

В 1921 году прошло совещание представительниц женотделов партийных комитетов Туркестана, Азербайджана, Крыма, Татарии, Крыма, Сибири. В этом мероприятии приняли участие делегатки из Башкирии [www.uwfb.ru].

Во время голода 1921-1924 гг. женотделы Башкирии вместе с комсомолом и партийными органами пришли на помощь голодающим, в первую очередь детям. Вот что говорится об этом в воспоминаниях Веры Степановны Меркурьевой, работавшей заведующей женотделом Башкирского обкома РКП (б): «Летом 1921 г. начался голод, распространилась холерная эпидемия. Голодные и больные башкиры с гор и лесов хлынули в свою столицу, ища спасения. Заполнились улицы и площади. Женотделу поручили подбирать детей. Мы устраивали их в домах бежавшей буржуазии. Становилось ясно, что здесь детей не спасти. Продовольствие кончалось. Решили подготовить детей к эвакуации. Поручили это женотделу.

Правительство отпустило много цветной материи. Во Дворце труда развернулась мастерская. Шили рубашки, штаны, бешметы. Готовое складывали на сцене. Одежды детей отправляли в Ташкент – теплый и хлебный край» [Женщины... 1968, 69].

Из воспоминаний Мастюры Низамовны Сахаутдиновой, активистки женотдела Месягутовского кантона: «Лето 1921 г. было

засушливым, хлеб сгорел на корню, настал голод, началась эпидемия холеры. На женотделы партийные комитеты возложили заботу о детях. Наш актив занялся организацией питательных пунктов, где раз в день кормили детей. Таких пунктов по кантону было 80.

Комсомольские бригады ходили по деревням, подбирали обессиленных, опухших, обезумевших от голода детей и приносили в приемные пункты, где они находились под контролем до выздоровления. Потом их отправляли в детские дома» [Женщины... 1968, 64].

«В 1921 г. нашу республику постигло тяжелое бедствие — голод. ...Особенно плохо было детям. Тысячи их пришли за помощью в города, на железнодорожные станции, многие гибли от голода, дизентерии. Летом 1921 г. появилась «черная смерть» — холера. И вот в этот момент наши делегатки вместе с членами партии и комсомольцами взялись спасать детей. Стали организовывать детские дома, питательные пункты и приемники для детей. Больных, завшивевших, ослабевших от голода детей на руках несли по городу, чтобы доставить в больницу» — таким запомнила 1921 г. Каримова Асма Шакировна, работавшая в то время в женотделе Белебеевского кантона [Женщины... 1968, 74].

В августе 1921 г. Белебеевский женотдел организовал тройку (комиссию из трех человек) по приему беспризорных детей, им были открыты питательные пункты в помещении бывшей гимназии и мечети, где постоянно вели дежурство делегатки. Также к празднику 8 марта женщины провели субботник: побелили и вымыли пять детских домов, сшили триста штук детского и постельного белья, распилили два воза дров для двух детдомов. Ими было обследовано много семей, страдающих от голода, для выдачи дополнительных пайков детям [Женщины... 1968, 78].

Всего в 1921-1922 гг. при активном участии женотделов Башкирии 28 тысяч детей башкир и татар были устроены в детдома, тысячи их были эвакуированы в благополучные губернии страны [Женщины... 1968, 70].

В декабре 1923 г. Постановлением Коллегии областного женотдела была организована комиссия при обкоме по полной ревизии детских домов г. Уфы. Целью проверок являлось улучшение воспитательной работы путем увольнения неподходящих воспитателей и укрепления материального положения детдомов [ЦГАОО РБ Д.90, об.л.39]. Проверке подвергались детские дома по всей республике. Так, в 1923 году в связи с проведением «Двухнедельника по ликвидации безграмотности среди детдомов г. Стерлитамака и сотрудников» были обследованы все детдома г. Стерлитамака. Было выявлено следующее: «...Общее впечатление таково: дома улучшаются и вид принимают лучший, чем в 1921—1922 гг.; школьные занятия идут регулярно, но по 4 часа в день» [ЦГАОО РБ Д.92, л.8, 8 об].

Большое значение в работе по охране материнства и младенчества в республике имели «недельники» и «месячники» охраны матери и ребенка. Эти кампании, проводимые женотделами и здравоохранительными органами, стали в республике традиционными. Весной 1921 г. в Малой Башкирии была проведена «неделя ребенка». Было собрано много вещей, была устроена лотерея, вырученные деньги внесены в фонд охраны материнства и младенчества [Женщины... 1968, 69].

В г. Белебее в 1920 г. в результате проведенной недели ребенка было собрано более миллиона рублей (совзнаками), двести пудов зерна, много детских вещей, игрушек. В течение этой недели все дети из нуждающихся семей получали бесплатные обеды и ужины [Женщины... 1968, 76]. Весной 1921 г. в Малой Башкирии была проведена «неделя ребенка». Было собрано много вещей, была устроена лотерея, вырученные деньги внесены в фонд охраны материнства и младенчества [Женщины... 1968, 69].

В городе Преображенск Зилаирского кантона в результате организованных местным женотделом мероприятий по проведению недели охраны материнства и младенчества в марте 1923 г. было собрано: денег — 3398 руб. 9 коп., продуктов — 3 пуда рыбы, 34 фунта мяса, 5 пудов ржи, 15,5 фунта масла, 3 пуда пшеницы, 4 пуда муки, 27 штук яиц, 10 фунтов сахара, 10 фунтов молока, 1 фунт какао, 13 фунтов картофеля, а также 97 вещей, 40 аршинов мануфактуры [ЦГАОО РБ Д.156, л.28]. В г. Стерлитамаке с 10 июня женотделом была проведена неделя помощи беспризорному и больному ребенку. Сотрудницы отдела в течение этой недели организовали кружечный сбор, сбор вещей, устроили лотерею, поставили концерт, провели 2 субботника [ЦГАОО РБ Д.92, л.25].

Все вышеизложенное позволяет с полной уверенностью сказать, что женотделы Башкирии активно участвовали в организации помощи нуждающимся детям, организации детских домов, борьбе с голодом и эпидемиями, то есть внесли свой вклад в дело защиты детей.

Литература:

- Женщины Башкирии. Уфа, 1968.
Культурное строительство в Башкирской АССР (1917 — 1941 гг.). Уфа, 1985.
Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов Обкома КПСС (1917 — 1940 гг.). Уфа, 1959
ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 90. об. л.39
ЦГАОО РБ. Ф. П - 122. Оп. 1. Д. 92. л. 8 и 8-об.
ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 92. л. 25.
ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп. 2. Д. 149. л.10, 10 об.
ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 156. л. 28.
www.uwrb.ru/pages=14.

Абдулгазина Г.В., г. Уфа

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА БАШКИР ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ АРГАЯШСКОГО РАЙОНА ПО МАТЕРИАЛАМ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК 1834, 1859 гг.

Необходимо отметить, что для выявления особенностей происхождения и наречения личных имен в отдельных башкирских племенах и родах следует продолжить работу в этой области по деревням различных волостей. Данная статья написана на основе материалов ревизских сказок 1834 и 1859 годов по деревне Акбашево, Оренбургской губернии Челябинского уезда 9-го (по VIII ревизии), (по X ревизии 7-го кантона, Юрты №1) (ныне деревня Акбашево Аргаяшского района Челябинской области) [2]. По VIII ревизии 1834 г. в деревне числилось 29 дворов, в которых проживало 123 башкира мужского пола и 105-женского пола. А по результатам X ревизии в 34 дворах проживали 233 башкир мужского и 215 — женского полов.

Таким образом, переписями 1834 и 1859-х годов было охвачено все

мужское и женское население изучаемой деревни, и в документах переписи широко представлены имевшиеся в то время башкирские имена, которые привлекают внимание своим разнообразием и богатством. По лексическому составу эти имена можно разделить на две группы. Первая — исконно башкирские имена. Они возникли в глубокой древности и отражают общественную жизнь башкир этой эпохи, мировоззрение, поверья и обычаи. Вторая группа состоит из заимствованных имен, это имена арабо-персидского происхождения. Их проникновение связано с распространением ислама и влиянием восточной культуры.

Исследователи отмечают, что в материалах башкирских шежере XVII в. арабские заимствования занимают примерно половину башкирского именника. [1; 3] А по материалам ревизских сказок 1834, 1859-х годов, в изучаемой нами деревне, именник на 59,79% состоит из арабских, 9,96% персидских имен и 30,25% — башкирских имен тюркского происхождения. [ЦГИА РБ]. Следовательно, и на нашем примере подтверждается мнение ученых, что в XVIII—XIX вв. происходило интенсивное проникновение арабо-персидских имен в башкирский язык.

Исконно башкирские имена по семантике их лексических основ можно классифицировать следующим образом.

Имена, отражающие добрые пожелания родителей: Сылу - красивая, прекрасная; Аксылу - *ак* (белый, светлый, невинный) + *сылу*; Кыуандык - обрадовались, и др.

Имена, отражающие образ жизни и быт народа: Кусяк, Кусубай, Кусбика - от слова *кус* - кочевка; Малбика - богатство и др.

Имена, отражающие время рождения: Тансылу — тан-заря, Сулу — красивая, красивая как заря, Кунбика — *кун* — солнце + *бика* — девушка, родившаяся днем; обстоятельство рождения: Юлдыбай - *юл* — дорога, родившийся в дороге. [Кусимова 2000]

Самым употребительным компонентом башкирских личных имен является элемент *бай*, который, входя в сочетание с самыми разнообразными словами, образует личное имя: Бикбай — очень богатый, Яумбай *яу* - дождь + *бай* и др.

В процессе заимствования арабских имен прежде всего были приняты имена пророков, например, имя Мухамет, Ильяс. Примеры: имя Баймухамет (*бай*-богатый), Кильмухамет (*киль* — приходит), Диньмухамет (*дин* - вера, религия), Мухаметсафа (*саф* — чистый), Мухаметьян, Мухаметнасерий, Мухаметсадык, Мухаметхаким, Мухаметсалим и др.

А слова *дин* -религия и *улла* — Аллах образовывали имена в сочетании с самыми разнообразными словами башкирского и арабо-персидского происхождения. Например: Гайнитдин — сущность веры, Гаязетдин ~ помощь, Ильгаметдин — вдохновитель, Хисаметдин — меч веры, Фаттахетдин, Зайнетдин и др.; Абдулла — раб бога, Абдулвали, Абдулгиз, Абдулгариф, Ибатулла — дар бога, Набиулла — пророк, Хабибулла — любимец бога, Хисматулла — благонравный, Рахматулла, Фаткулла и др. [Кусимова 2000]

Активно выступало именообразовательным компонентом персидское слово *шах* -(молодец): Абушахман: *абу* - отец + *шах*, Ахметша:

ахмет — прославленный, Валиша: вали — хозяин, Давлетша — состоятельный, Мухаметша. Также употреблялись компоненты *мурза* — (царевич): Баймурза: бай — богатый + мурза, Акмурза: ак - белый, Галимурза, Гадилмурза, Мурзабай; *мир* — (глава): Мирхайдар: мир + хайдар — лев или сильный, могучий; *ян* — (душа): Янтура — умный, мудрый, Янузак — долгожитель.

Женские имена этого периода отличались эмоциональностью: Султана - царица, Зифа - статная, стройная, Гульназ — нежная, Умут - надежда, Забида — украшенная. Основными употребительными компонентами арабских личных имен является элемент *биби* - (хозяйка): Бибимагрифа — посвященная, Бибикарима — щедрая, велико-душна, Бибиямал — красивая, Бибисара; и элемент *гуль* - (цветок): Гульбустан — цветник, Гульзагифа — изящная, Гульямал - красивая.

Из башкирских компонентов, образующих женское имя, очень распространенным был элемент *бика* — (госпожа), который входил в сочетания и с башкирскими, и с арабо-персидскими словами. Примеры: Малбика — богатство, Юмабика - родившаяся в пятницу, Сылубика — красивая, прекрасная девушка, Кинзябика, Зьянбика, Иманбика, Карабика.

Из арабских компонентов можно выделить элемент *ямал* - (красивая): Магрифьямал — просвещенная, Гульямал - красивый цветок, Хабибьямал — любимица, Гайиньямал, Бадрьямал, Хасбиямал, Асхатьямал, Хусниямал.

Таким образом, исследование происхождения и семантика личных имен башкир д. Акбашево по результатам двух ревизий показало, что башкиры первой половины XIX в. предпочтение отдавали арабо-иранским именам, что следует объяснить усилением влияния мусульманской культуры в жизни башкир. Однако следует отметить, что в немалой степени сохранились и собственно башкирские имена.

Литература:

- Ономастика Поволжья 2. — Горький, 1971; — Уфа, 1973; — Саранск, 1976.
Кусимова Т.Х. Башкирские имена. — Уфа, 2000.
ЦГИА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.767; ЦГИА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.696.
Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г.Кузеева. — Уфа, 1960.

Абсалямова Ю.А., г. Уфа

К ИСТОРИИ БАШКИРСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

Оренбургские степи издревле входили в ареал проживания башкир. В настоящее время башкиры компактной группой проживают на западе и востоке Оренбургской области. Башкиры Западного Оренбуржья, проживающие в Красногвардейском, Новосергиевском, Александровском, Переволоцком районах, входят в юго-западную этнографическую группу башкир и известны в литературе под названием «ток-чуранские» (по названиям рек Ток (*Тук*), Большой и Малый Уран (*Соран*)). Разговорный язык их относится к демскому (юго-западный говор) и ик-сакмарскому говорам (суранский, суранско-иргизский говор) южного диалекта башкирского языка. Территория области полностью входила в состав Уфимской, позже Оренбургской губернии, и, таким образом, вплоть до образования в 1934 г.

Оренбургской области башкиры, проживающие здесь, находились в одних административных границах с материнским этническим ядром.

Башкиры на этой территории впервые зафиксированы в 922 г. арабским путешественником Ахмедом Ибн-Фадланом, проезжавшим через башкирские земли в Волжскую Булгарию. В путевых заметках, описывая свой путь после переправы через Урал, он писал: «Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом через реку Азхан, потом через Баджа, потом через Самур (Самара), потом через реку Кабал (Кинель), потом через реку Сух (Сок), потом через реку Канджалу (Кундурча), и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд». С установлением господства Золотой Орды башкиры были вытеснены из своих зимних кочевий в оренбургских степях на север, в менее благоприятные для кочевий районы. С установлением монгольского господства оренбургские степи превратились в арену боевых сражений. Однако башкиры, вероятно, продолжали использовать их в качестве кочевий, не имея здесь постоянных поселений.

В последующие несколько веков, вплоть до начала XVIII в., башкирам приходилось делить южные пастбища с пришлыми кочевниками. В период Ногайского ханства (XV – третья четверть XVI в.) башкиры кочевали с ногаями на одной территории, находясь в то же время в даннической зависимости от последних. Лишь с уходом ногайцев на юг во второй половине XVI в. башкиры вновь стали хозяевами оренбургских степей. После принятия русского подданства им была выдана грамота на «степные и уральские восточные земли» по рекам Яику, Сакмарю, Большому Малому Суреням вплоть до «... до трех Узеней по течению оных до Чижей по обе стороны вверх до Деркул». В то же время, согласно преданиям, некоторые деревни основываются уже в начале XVI в. (например, Кутучево Александровского района).

В начале XVII века через приицкие степи начинается движение новых кочевников, калмыков, вышедших из Западной Монголии и в поисках пастбищ продвигавшихся на запад. Движение их проходило через земли ногаев и южных башкир. Также как и с ногаями, башкиры продолжали совместно с калмыками пользоваться приицкими пастбищами, но населенных пунктов здесь еще не основывали.

С уходом калмыков в 1771 году начинается обратное движение башкир в оренбургские и волжские степи из территории современной Башкирии. Согласно сохранившимся преданиям, вновь прибывшие были преимущественно выходцами долин Демы, предгорий Ирендыка, из Бурзяна, долин Агидели («со стороны Кармаскалов»). Причиной переселения всегда называются богатые пастбища. Башкиры расселяются в долинах рек Иргиз с притоками Камалек и Каралык (Самарская, Саратовская области), Ток, Большой и Малый Уран (запад Оренбургской области). В то же время они продолжали кочевать и далеко на юг, в верховья Урала и Эмбы [Левшин, 1832. С. 70–72]. Кочевья за Яик прекратились в связи с продвижением казахов Младшего Жуза на север в первой четверти XVIII в., которые заняли пастбища башкир и калмыков. После принятия подданства казахами Младшего Жуза и в связи со строительством Оренбургской пограничной линии кочевья башкир на юге окончательно отграничиваются

рекой Яик. Другой причиной позднего основания населенных пунктов являлось опустение этих мест вследствие башкирского восстания 1735–1740 гг. В народной памяти оно сохранилось как «Акай яуы» по имени одного из предводителей восстания.

Учитывая позднее расселение башкир, возвратившихся на свои кочевья из разных мест, родоплеменной состав башкир Западного Оренбуржья был смешанным. В их составе преобладали племена *табын* (роды *юмран*, *кансер*), *бурзян* (род *янсары*), *кипчак*, *сынрян*. О родоплеменной принадлежности жителей часто говорят неофициальные названия населенных пунктов. Обычно деревню называют по названию рода тогда, когда она находится в окружении населенных пунктов другого рода. В данном случае все родоплеменные образования расселялись смешанно.

В преданиях самих оренбургских башкир сохранились лишь сведения о более позднем переселении на места своих кочевков. Сотрудником ИИЯЛ УНЦ РАН Н.Д. Шункаровым было собрано несколько таких легенд в 1960-х годах [ЦГИА РБ. Ф. Р-1874, Д.10]. Некоторые предания по истории деревень были записаны в ходе работы экспедиции в башкирские деревни Западного Оренбуржья, организованной в 2006 году отделом этнологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Надо отметить, что зачастую сведения преданий противоречат друг другу. Приведем здесь наиболее распространенные из них.

Одним из первых переселенцев считается старик Пырслак, который в 1700-х гг. переехал «со стороны Бурзяна» (Пырслак → Байсары → Аксары → Исянгильды → Кутлуахмет → Рахметулла). Здесь ему пришлось столкнуться с калмыками. О том, что башкиры на берега Тока и Урана прибыли одновременно с калмыками, сообщает и Мухаметша Бурангулов, который сам являлся выходцем из деревни Верхнеильясово Красногвардейского района. Первыми деревнями, основанными в долине реки Ток, считаются деревни Ахун, Акназарово, Юлдыбаево, Масгутово, Абдразаково, основанные потомками некоего Туктарбея. В другом предании одними из наиболее древних деревень в долине Тока считаются основанные сыновьями Агиша, которые пришли из Иренддыка и основали одноименные деревни Исянгильды (бурзяне, ара: *хайыскан*, *манка*), Актеин, Котос и Бик-булат (Буласа). Два его сына — Така и Актырнак — вернулись обратно. В другом варианте говорится, что три сына старика Каипкула — Курпэс, Котдос, Исенгильды — основали одноименные деревни.

Деревня Старогумирова Красногвардейского района, по преданию, основана в середине XVIII в. выходцами с Иренддыка. Свое нынешнее название деревня получила от имени Гумера Исякаева, внука известного предводителя башкирских восстаний Алдара Исякая (Байбакты → Кадырбакты → Исякай → Алдар → Исянгильде → Гумер). Сохранились исторические записи, в которых сообщается, что деревня Старогумирова основана в 1730–1740-х гг. «Переселились в год Зайца (вероятно, в 1735 г.)». «В один год, когда возвращалась подвода, остановились и основали новую (другую) деревню. Это был год Барса (Тигра) (1734 или 1746 г.)». Выселком ее, по-видимому, являются деревни Малогумирово (Зиннэт) и Новогумирово (Юрматы). По другим сведениям, деревни Кутушево,

Гумирово, Караяр раньше были одной деревней. Мухаметша Бурангулов писал, что «после подавления первых восстаний башкир жителей Ирандекского, Бурзянского родов сослали на берега реки Ток». Один из них, Исянгильды, основал одноименную деревню, а его сын Актеин другую, названную также его именем.

Переселившимися с Ирендька считаются также основатели деревни Зиганник (Егәнлек, Абдулево, основана в 1820-х гг.). Основатель Абдул-карт переселяется к речке Бурлюк (в местечко «Микитин яланы», рядом с д. Ивановкой).

Некоторые бурзянские деревни появились здесь в связи вынужденным уходом башкир из своих земель в долине рек Накас, Ташлы, Яманболак (Кугарчинский район РБ, Тюльганский район Оренбургской области) в конце XVIII в. В 1754 году земли бурзян покупают заводчики Тимашев И.Б. и Мясников И.С., а в 1792–1793 гг. жители деревни Бакаево и часть жителей деревни Караево уходят на свои старинные родовые земли, в долину реки Уран. Недалеко от кипчакской деревни Кунакбай они основывают деревню Бакаево. Через некоторое время деревня переселяется к речке Кувайр, а затем – Кинделе. Часть жителей под начальством Кутлумбета Агиева в 1831 году основывают деревню Кутлумбетово в долине реки Уран. Другая – расселяется в соседних деревнях Кунакбай, Ахмерово, Мрясово, Габзалилово, Исянгильды, Смаково, а семья Юлумбета Шимаева – в деревне Гумерово в долине речки Малый Уран. В 1862 году часть бурзян из Верхне- и Нижнекунакбаево и Ахмерово основывают деревню Габдрафиково (Переволоцкий район) [Биишев 2003, 28–34].

В оренбургские степи переселились и *юмран-табынцы*. По «Владельческой» грамоте 1683 г., за ними закреплена «вотчина на степи по Току реке», с которой они платили в казну ясак в размере 21 куницы в год. Поначалу эти степи использовались только в качестве летовок, и лишь в 1764 году переселяются 50 семей. На собственной юмран-табынской и арендованной у других волостей земле они образуют деревни Юлдашево, Исянгулово, Каипкулово, Абдулзелилово (Габзалилово, Канчерово), Кутучево, Актеиново, Исянгильдино, Юлтыево, Байгузино, Булатово, Яиково, Бахтиярово [Асфандияров 2009, 176]. С деревней Исянгулово связаны своим происхождением Старое и Новое Шарипово.

Родная деревня башкирского классика Даута Юлтыя Юлтыево основана выходцами из долин Агидели во времена правления Екатерины II. По одному из преданий, в это время *юмран-табынцами* были основаны деревни Абде(у)ль, Юлтый, Азнабай (Юлдашево), Ильясово, Яиково, Верхнеильясово (Тенэс), Нижне-Ильясово (Кы-рыстал). Малоюлдашево (Абдулла). Часть жителей Юлтыево отделяется и основывает в середине XVIII в. деревню Исмагилово. Сюда переселяются и *бурзяне* (Мөрийән башкорттары). Однако в другом предании говорится, что деревни, расположенные по реке Ток, считаются основанными переселенцами из долин Дёмы. Деревню Нижнеильясово (Кырыстал) основали выходцы с берегов озера Кандрыкуль, Верхнеильясово (Тенэс) из долин реки Усень, что в Туймазинском районе РБ. Выходцы из западных районов РБ считают себя *кипчаками, минцами, реже канлинцами* [НА УНЦ РАН, Ф.3., О.2, Д.484. Л.3].

Деревня Кутушево (Котос), по словам информаторов, также основана *табынцами*, переселившимися со стороны Кармаскалов. Название свое она получила по имени Кутуша Аккулова. Деревня Канчерово основана переселившимися со стороны современного Абзелиловского района стариком по имени Кояш с четырьмя сыновьями. Они основали деревни Габзалилово, Габитово, Курпячево [Батталова Марьям Шайхисламовна 1939 г.р.].

В рассказах информаторов часто можно было услышать о том времени, когда начали забирать в солдаты: тех, кто жил по правому берегу – в Оренбург, тех, кто по правому – в Самару. Или же, считается, что раньше жили по одну сторону реки, а когда вышел указ, что проживающих на этом берегу не будут брать в солдаты, переселились на другую. [Инф-р: Мамбетов Сулейман Мустафиевич 1893 г.]. В связи с этим многие деревни поменяли расположение (относительно реки). Здесь нашел отражение исторический факт перехода саратовских, самарских и части оренбургских башкир в 1832 году под власть Уральского казачьего войска.

Литература:

- Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа, 2009.
Бишев А.Г. Икские бурзяне, Туембет и Кутлумбет. – Уфа, 2003.
Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.1. Известия географические; Ч.3. Этнографические известия. – СПб., 1832.
ЦГИА РБ. Ф. Р-1874.
Научный архив УНЦ РАН, Ф.3., О.2, Д.484

Ахатов А.Т., г. Уфа

СКОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БАШКИР МИАССКО-УЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В настоящее время в Миасско-Уйском междуречье башкиры проживают компактно в пределах современных административных границ Альменевского, Сафакулевского и части Щучанского районов, расположенных в юго-западной части Курганской области, где на их большей части до 1920 гг. находились исторические Катайская и Сарт-Калмакская волости Челябинского уезда Оренбургской губернии.

Как свидетельствуют письменные источники и материалы участников академических экспедиций третьей четверти XVIII в. основной отраслью хозяйства башкир данного региона в обозначенный период времени являлось полукочевое скотоводство. Его неперменным атрибутом были межсезонные перекочевки и практически круглогодичное пастбищное содержание скота [Кулбахтин 2005, 120; Паллас 1786, 95; Георги 1776, 91; И.П. Фальк 1824, 321].

С установлением устойчивой теплой погоды, в первых числах мая, практически все башкирское население изучаемого региона, оставляя зимние жилища, перемещалось вместе со всем своим скотом на весенние пастбища, откуда башкиры постепенно перекочевывали на летние места кочеваний. С приближением холодов, башкиры уходили на места осенних стоянок, где они, оставаясь до октября, готовились к возвращению в деревни, происходившему с первыми снегами [Курганские башкиры 2002, 49; Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962, 203].

Маршруты кочевков всех номадов были меридиальными, горизонтальными и радиально-круговыми, но обязательно в направлении с зимовок на летовки, при этом как можно больше дальше от зимних мест проживания [Железчиков 1984, 10].

На сегодняшний день сложно определить точные направленность и расстояния перекочевок башкирского населения Миасско-Уйского междуречья в тот период времени. Тем не менее, нужно отметить, что направления сезонных перекочевок курганской группы башкир во второй половине XVIII в. определялись, прежде всего, неравномерной плотностью населения в крае. Вторым не менее значимым фактором, определявшим направленность сезонных перекочевок, были особенности землевладения разных башкирских родоплеменных групп проживавших в изучаемом регионе.

Ко второй половине XVIII в. территории, расположенные к северо-западу от Сарт-Калмакской волости были уже заселены татара-мишарями, с северо-востока к Китайской волости примыкали земли ичкинских татар, а в северном направлении от обеих волостей располагались деревни русских крестьян-переселенцев. Таким образом, относительно свободные земли, пригодные для кочевий располагались только в юго-западном, южном и юго-восточном направлениях. Поэтому основная часть курганских башкир на протяжении второй половины XVIII в. кочевала летом в степях в долине р. Уя, вплоть до ее впадения в р. Тобол (сарт-калмаки, кара-табынцы, ай-линцы и катаяцы). Но некоторые из них (катаяцы) вплоть до начала XIX в. также перегоняли скот в Уральские горы, как это делали юго-восточные и южные башкиры [Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962, 172, 203].

По мнению исследователей, средняя плотность расселения кочевых народов составляла около 1-1,5 человек на квадратный километр [Кузеев 1957, 217]. Башкирам-вотчинникам катаякской и сарт-калмакской волостей в начале XIX в. принадлежало 3086,8 км² (121 820 дес. 101 саж. и 160721 дес. 769 саж. соответственно [ОГАЧО Ф.И.-46, Оп.1 Д. 484 Л. 50 об. — 51 об.; Д. 1009 Л. 25]. В общей сложности в конце 1780 гг. в пределах изучаемой территории проживало около 1,5-2 тысяч человек [Томашевская 2002, 121; ОГАЧО Ф. И-115 Д. 53, Л. 1 об.]. Таким образом, свободные площади позволяли вести традиционный образ башкирам практически до конца XVIII в.

Сложившиеся на протяжении длительного периода времени скотоводческие традиции ведения хозяйства башкир наложили свой отпечаток на качественный и на количественный состав стада. Говоря о составе стада зауральских башкир на протяжении всего XVIII в. все очевидно отмечали, что оно состояло из лошадей, овец, коз, крупного рогатого скота, а также верблюдов.

Исходя из их свидетельств и биологических особенностей содержания различных видов животных можно предположить, что в среднем бедные хозяйства курганских башкир в 1770-80 гг. насчитывали 30-50 лошадей, столько же овец, 10-25 коров. В средних хозяйствах табуны состояли из 200-400 лошадей, примерно такого же количества овец и 100-150 голов крупного рогатого скота. Наиболее зажиточная часть могла позволить себе содержать стада в более 1000 лошадей и овец, 500 голов

коров и несколько верблюдов [Паллас 1786, 95-96; Георги 1776, 91; Фальк 1824, 321; Таиров 1997, 3].

Нижний минимальный количественный порог согласуется с расчетами Руденко С.И. по мнению которого для обеспечения минимальных потребностей средней скотоводческой семьи из 5 человек необходимо было иметь в переводе на лошадей 25 голов скота, исходя из расчета, что одна лошадь приравнивалась 1,2 головам крупного рогатого скота или 6 головам мелкого рогатого скота [Акбулатов 1996, 87].

Максимальный размер же количества скота так же находил аналогию на указанной территории даже в конце XIX в. когда, по словам информаторов в Сафакулевском районе у бая Шигая, из д. Султаново было около 700 лошадей, а старшина Давлетбай имел 7 или 8 табунов лошадей по 400 голов в каждом [Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962, 204].

Полукочевое скотоводство характеризуется тем, что хотя экстенсивное скотоводство с периодической сменой пастбищ на протяжении всего или большей части года является и в нем преобладающим занятием, в качестве второстепенного и вспомогательного оно дополняется земледелием [Хазанов 2002, 88-89]. Наиболее ранние сведения о наличии земледелия непосредственно среди предков современных курганских башкир относятся к 1770 гт. [Георги 1776, 74].

Однако в целом, на протяжении всей второй половины XVIII столетия темпы роста земледелия среди всего башкирского населения, проживающего в междуречье рек Миасс и Уй были медленными. Более быстрому переходу башкир к земледелию мешали отсутствие у них необходимых традиций и навыков, также более высокая трудо-емкость земледельческого производства, приграничное с казахским населением положение занимаемой ими территории и наличие большого количества относительно свободных земель.

Важной составляющей скотоводческого хозяйства курганских башкир вплоть до начала XIX в. являлась так же охота [Юсупова 2005, 52; Мурзабулатов 1976, 132].

К концу XVIII в. демографическая ситуация в пределах изучаемого региона достаточно резко изменилась, вследствие чего поменялись направления и расстояния перекочевков, и в первую очередь для башкир Сарт-Калмакской волости.

На рубеже XIX-XX вв. ввиду увеличения числа русских Переселенцев на территориях к западу и юго-западу от Сарт-Калмакской волости, указанные направления постепенно закрываются для перекочевков башкир. Между тем территории лежащие к югу и юго-востоку от Китайской волости оставались относительно свободными до 1830 гт., позволяя вести традиционный образ жизни.

В новых исторических условиях население Сарт-Калмакской волости было вынуждено пойти по пути интенсификации своего хозяйства путем увеличения объемов сенокосения на зиму и увеличения площадей земледелия.

Только так можно объяснить тот факт, что в начале XIX в. здесь уровень земледелия был на порядок выше, чем у соседей Китайской волости, а площадь покосов на одно хозяйство в первой волости была в 6 раз больше чем во второй [ОГАЧО Ф.И.-46, Оп.1 Д. 484 Л. 50 об. — 51 об.; Д. 1009 Л. 25].

Таким образом, имеющиеся источники и литература свидетельствуют, что на протяжении практически всей второй половины XVIII в. развитие хозяйственного комплекса башкирского населения Миасско-Уйского междуречья определялось доминирующим положением полукочевового скотоводства, дополненного земледелием и охотой. Однако, если к рубежу XVIII-XIX в. под влиянием различных социально-экономических факторов скотоводческая отрасль в Катайской волости продолжала идти по пути экстенсивного развития, то в Сарт-Калмакской волости наблюдался процесс ее интенсификации.

Литература:

Акбулатов И.М. Характер и протяженность маршрутов кочевания номадов южноуральских степей (VI в. до н.э. – IV в.н.э.) // Башкирский край: Сб. статей. Вып. 6. — Уфа, 1996.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. — СПб, 1776.

Железничков Б.Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала: Сборник научных трудов. — Уфа, 1984. С. 3-17.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. — Уфа, 1957.

Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. — Уфа, 1962. С. 171-267.

Кулбахтин И.Н. Наказы Народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. — Уфа, 2005.

Курганские башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2002.

ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области) Ф.И.-46, Оп.1 Д. 484, Д. 1009; Ф. И-115 Д. 53.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Часть II-ая. Книга I-ая. — С.-Петербург. 1786.

Таиров А.Д. Пастбишно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники Урало-казахстанских степей: Сб. науч. трудов. — Екатеринбург, 1993. С. 3-23.

Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. — Уфа, 2002.

Фальк И.П. Записки путешественника академика Фалька. — С.-Петербург. 1824.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. — Алматы, 2002.

Юсупова Л. Я. Северо-восточные башкиры в первой половине XIX века. — Стерлитамак. 2005.

Мурзабулатов М.В. Архивные источники по этнографии Зауральских башкир // Южноуральский археографический сборник. Выпуск 2. — Уфа, 1976. С. 127-141.

Ахмадиева Н.В., г. Уфа

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ БАШКИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена в рамках проекта Президиума РАН «Региональные особенности национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»

В годы Великой Отечественной войны лидирующее место на Урале в производстве сельскохозяйственной продукции и пополнении продовольственных фондов страны принадлежало Башкирии. Всего за годы войны в аграрном секторе БАССР было произведено продукции на сумму 1479,5 миллионов рублей, что составило около четверти (23,5%) уральского и 2,2% союзного производства [Мотревич 1991, 7]. Одним из основных поставщиков хлеба, мяса, овощей и других продуктов в БАССР являлось башкирское крестьянство. Безусловно, достойный вклад тружеников села в победу был результатом трудового подвига всего крестьянства республики.

В годы войны материально-техническая база и трудовые ресурсы башкирской деревни подверглись существенным деформациям. На сокращение численности сельского башкирского населения повлияли мобилизация населения в действующую армию, перераспределение сельского населения между отраслями промышленности, строительства и транспорта, процессы естественного движения населения. За 1941–1945 гг. сельское население республики сократилось с 2631,9 тыс. чел. (81,3% населения республики) до 1925,4 тыс. чел. (72,9%), или на 706,5 тыс. чел. [Корнилов, 1990, 30]. За годы войны из БАССР было призвано и мобилизовано 575019 человек или примерно 18% наиболее трудоспособного населения республики [Бикмеев 2000, 314]. Следует отметить, что на начало 1942 г. военнообязанные и призванные в Красную Армию из районов с преобладанием башкирского населения составили: в Абзелиловском – 18,9% от общей численности населения района, Баймакском – 27,8%, Бурзянском – 19,6%, Учалинском – 22,1%, т.е. больше, чем в среднем по республике за годы войны [Башкирия в годы Великой... 1995, 378-379].

Резкая убыль мужского населения изменила структуру трудовых ресурсов колхозов республики. Вся тяжесть сельскохозяйственного производства легла на плечи женщин, стариков и подростков. С 1941 по 1945 годы доля мужчин в сельхозартелях сократилась с 33,8 до 26,7%, женщин – возросла с 65,9 до 73,2% [Корнилов 1990, 40]. На начало 1943 г. обеспеченность рабочей силой для проведения основных сельскохозяйственных работ составляла всего лишь 55,6%. В некоторых районах этот показатель составлял 30-40%: в Хайбуллинском – 32,4%, Мелеузовском – 33,0%, Давлекановском – 40,6%, Миякинском – 43,6% [Башкирия в годы Великой... 1995, 157-158].

Трудоспособное сельское население, в первую очередь колхозники, активно привлекались на сезонные работы (лесозаготовки, торфозаготовки, строительство дорог). Так, количество рабочей силы, привлекаемой в порядке платной трудовой и гужевой повинности, на I квартал 1942 г. по леспромхозам Наркомлеса и районам республики составило из Макаровского, Воскресенского, Белорецкого, Стерлита-макского, Абзелиловского районов – пеших рабочих 900 человек, конных – 2110 человек, аналогично по Бурзянскому и Юмагузинскому районам – 250 и 670 человек, Зилаирскому, Кугарчинскому и Зианчуринскому – 430 и 690, Салаватского, Кигинского – 489 и 855 человек и т.д. [ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 115. Л. 161-162.]. Таким образом, большое количество трудоспособного, в том числе башкирского, населения отвлекалось от сельскохозяйственного производства.

Отчеты райкомов ВКП(б) республики фиксируют значительное увеличение трудовой выработки в районах с преобладающим башкирским населением. Вот один из многочисленных примеров. В Баймакском районе в 1941 г. отмечалось значительное повышение трудовой активности колхозников. С начала войны все колхозники колхоза имени Нариманова стали вырабатывать обязательный минимум трудодней. Имелись передовики сельскохозяйственного производства. Так, колхозник Хадый Миннибаев увеличил выработку трудодней с 131 в 1940 г. до 430 в 1941 г. Колхозник Латыф Абдрашитов увеличил количество трудодней с 314 до 523, Хабиба Баширова с 249 до 417. В результате

повышения трудовой активности населения колхоз своевременно справился с уборкой урожая, сумел полностью рассчитаться с государством по хлебопоставкам и завершить обмолот хлебов к установленному сроку. Также в районе особо отличились колхозы имени Фрунзе и «Красная дружина», своевременно убравшие хлеб без потерь и рассчитавшиеся по хлебопоставке с государством [ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 142. Л. 41.].

В 1943 г. в республике развернулось соревнование женских тракторных бригад. Всего насчитывалось 5600 женщин трактористок в составе 134 женских тракторных бригад. Первое место заняла тракторная бригада Фаузии Кагармановой из Дюртюлинской МТС. Ее бригада вырабатывала по 750 га в среднем на 15-ти сильных тракторах, перевыполнив установленный план на 151% и сэкономив более 3 тыс. кг горючего [ЦГАОО РБ. Ф. 341. Оп. 7. Д. 102. Л. 26.]. По итогам полевых работ 1944 г. в число передовых попали бригадиры тракторных бригад башкиры М.Шайхатдинов из Янаульской МТС, Ш. Хамидуллин и С.Хасанов из Туймазинской МТС, С. Рамазанов из Нижне-Троицкой МТС, Г. Мухамметов из Макаровской МТС, Х. Фаррахов из Приюговской МТС. Передовиками сельскохозяйственного производства также были названы трактористки-башкирки Фаузия Салыхова из Янаульской МТС, Амина Юнусова из Кармаскалинской МТС, Сайма Галеева, Зиган Габбасова, Габидя Галифуллина из Туймазинской МТС, Малика Идиатуллина, Сагида Юнусова из Нижне-Троицкой МТС и др. Все они имели большую выработку на единицу техники и сумели сэкономить немалое количество горючего материала. В числе передовых комбайнеров был отмечен башкир Шакир Рамазанов из Нижне-Троицкой МТС [ЦГИА РБ. Ф. 164. Оп. 9. Д. 698. Л. 5-9.].

Самоотверженно трудились и животноводы. Высоких надоев молока добывались доярки Х. Хайбуллина из Зилаирского совхоза, С.Алтынбаева из колхоза «Партизан» Бурзянского района, М. Рахимкулова из колхоза «Янги-юл» Макаровского района и др. Немало башкирских женщин руководили сельскохозяйственным производством. В Бурзянском районе работали председателями колхозов «Кызыл юл» М. Марясева, «Яны тормош» Б.Карабаева, «Урняк» З. Хадыева, им. К. Ворошилова А. Иткарина, им. Молотова С. Манпова, проявившие себя способными организаторами производства [Труды Института истории... 2009, 152-153].

За самоотверженный труд в годы войны в республике было награждено орденами и медалями 300 колхозников, среди них было немало башкир. Кроме того, многим трудящимся были вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», почетные грамоты [Ахмадиев 1972, 87].

Несмотря на имевшиеся трудности, Башкирская АССР давала самые большие объемы поставок сельхозпродукции на Урале. За 1941–1945 гг. государственные заготовки и закупки зерна по обязательным поставкам составили 2086,1 тыс. т, закупки и заготовки картофеля во всех категориях хозяйств 442,8 тыс. т, овощей – 68 тыс. т, сахарной свеклы – 10,8 тыс. т, молока и молочных продуктов – 429,9 тыс. т, скота и птицы в живом весе – 161,4 тыс. т [Мотревич 1993, 267, 272, 274, 275,

280–282]. Башкирская деревня внесла свой весомый вклад в дело победы, поставив государству сотни тысяч тонн сельскохозяйственной продукции.

Литература:

Мотревич В.П. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). – Свердловск, 1991.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск, 1990.

Бикмеев М.А. Башкортостан в годы Второй мировой войны 1939–1945. – Уфа, 2000.

Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. – Уфа, 1995.

Труды Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Вып. III. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: исторические очерки. – Уфа, 2009.

Ахмадиев Т.Х. Трудовые и ратные подвиги башкирского народа в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Башкирии. Советский период. – Уфа, 1972.

Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1945 гг.). – Екатеринбург, 1993.

Ахметжанова Н.В., Ялалитдинова Р.К., г. Уфа

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА БАШКОРТОСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Газета «Красная Башкирия» от 24 июня 1941 года писала: «В ответ на разбойничье нападение гитлеровцев мы готовы встать в ряды Красной Армии и отстаивать свободу и независимость Родины до последней капли крови». В кратчайшие сроки из западных районов страны в глубокий тыл были эвакуированы промышленные предприятия, материальные ценности, население.

В один строй с защитниками Родины встали и деятели культуры и искусства. На страницах газеты «Красная Башкирия» от 22 июня 1941 года было опубликовано заявление заслуженного артиста БАССР А. Мубарякова: «Мы, работники искусства орденоносной Башкирии, будем сохранять спокойствие и дисциплину, честно трудиться на культурном фронте, всячески помогая нашей доблестной Красной Армии. Но если партия и правительство призовут нас, мы вместе с многомиллионным советским народом, с непобедимой Красной Армией встанем на защиту наших рубежей».

На фронт ушли свыше двадцати поэтов и писателей республики, в том числе Гайнан Амири, Габдулла Ахметшин, Ибрагим Абдуллин, Газим Алляров, Тимер Арслан, Шариф Биккул, Мустай Карим, Акрам Вали, Хаким Гиляжев, Батыр Валид, Муса Гали, Анвер Бикчентаев, Гилемдар Рамазанов, Назар Наджми, Нажип Идельбай, Якуб Кулмый, Рашид Нигмати. Геройски погибли в боях за родину Сагит Мифтахов, Низам Карип, Мухамедьяр Хай, Хусаин Кунакбаев, Мазгар Абдуллин, Малих Харис, Али Карнай [Гайнуллин, Хусаинов 1977].

И на фронте башкирские писатели не прерывали своей литературной деятельности. Многие из них, например, Анвер Бикчентаев, Габдулла Ахметшин, Гилемдар Рамазанов, Гайнан Амири, активно сотрудничали с фронтовыми газетами. В годы войны были написаны книги рассказов «Башкиры», «Джигиты» К. Мэргэна; «Всадник Ильмурза», «Ахмадулла», «На фронт» С. Агиша; «Красные маки» А. Бикчентаева; пьеса «Лес шумит» Р. Нигмати; поэмы «Дочь

Урала», «Солдат Файзулла» Г. Гумера; «Декабрьская песня» и «Ульмасбай» М. Карима; «Письма твоей невесты», «Убей, сын мой, фашиста!», «Поэма о героях» Р. Нигмати; сборники стихов «Огненные дороги», «Наш город», «Платочек», «Родина зовет!» и «Да здравствует жизнь!» Б. Бикбая; «Сердце солдата» Г. Амири и другие [Гайнуллин, Хусаинов 1977].

В 1941 году Башкирия радушно приняла на своей земле представителей литературы братских городов и республик. В Уфу был эвакуирован Союз писателей Украины. В числе других здесь находились такие виднейшие украинские мастера слова, как Максим Рыльский, Павло Тычина, Натан Рыбак, Владимир Сосюра, Петро Панч, Юрий Яновский, Иван Кочерга, Александр Корнейчук.

В военные годы резко сократилась численность членов Союза художников Башкирии: многие ушли на фронт. Среди них Р.Г. Гумеров, Р.У. Ишбулатов, С.М. Калимуллин, Г.С. Мустафин, А.Т. Платонов, Н.А. Русских, А.В. Храмов. В 1943 году на полях сражений погиб башкирский художник, один из первых выпускников Уфимского техникума искусств Г.А. Амиров [Фенина 1979].

Представители изобразительного искусства республики создали целый ряд произведений, в которых запечатлели героизм советского народа в трудные дни великого испытания. Военные будни, картины тяжелых сражений, солдатский быт и солдатский подвиг — все это нашло яркое отражение в работах живописцев: В. Андреева («Проводы на фронт», «Концерт в госпитале», «Парашютный десант»), К. Герасимова («Подвиг А. Матросова», «Зверство фашистов», «Вручение знамени Башкирской кавалерийской дивизии»), А. Тюлькина («Танковый десант идет на фронт», «Урал фронт», «Мясо фронт»), И. Урядова («В разведке»), А. Лежнева («Бой под Ростовом», «Башкирская дивизия»), Р. Ишбулатова («Катюша»), Г. Зырина («Взяли языка») и других.

Башкирский академический театр драмы с первых дней войны взялся за коренную перестройку своего репертуара. К 1943 году было осуществлено десять новых постановок. С большим успехом шли пьесы «Салават» и «Родина зовет!» Б. Бикбая, «Лес шумит» и «На прекрасных берегах Агидели» Р. Нигмати, «Тансулпан» К. Даяна, «Мажит Гафури» С. Кудаша.

Интенсивной была музыкальная жизнь Уфы в 1941–1945 годах. В этот период в дело развития музыкальной культуры республики неоценимый вклад внесли Союз композиторов Башкирии, Башкирский государственный театр оперы и балета, Башкирская государственная филармония, Башкирский радиокomiteeт, Уфимское музыкальное училище, музыкальные школы и коллективы художественной самодеятельности, организованные при заводах, фабриках.

В годы Великой Отечественной войны организация башкирских композиторов пополнилась талантливым молодежью. В 1941 году в состав СК БАСССР вошел Х.Ш. Заимов, в 1942 году — З.Г. Исмагилов и Х.Ф. Ахметов, в 1943 году — К.Ю. Рахимов. Плодотворно работал баянист и композитор Т.Ш. Каримов. В военные годы в Уфе находились члены композиторских организаций Москвы (композиторы З.А. Левина, Н.И. Пейко, А.Э. Спадавеккиа, Н.К. Чемберджи, А.А. Эйхен-

вальд, музыковед Г.А. Поляновский), Белоруссии (М.Я. Береговский, Е.К. Тикоцкий), Украины (Г.Г. Веревка, М.И. Вериковский, Ф.Е. Козицкий), Ленинграда (музыковед Л. Орлова).

С первых же дней войны башкирские композиторы стремились попасть на передовую, чтобы с оружием в руках защищать социалистическое Отечество. В этом они видели свой священный гражданский долг. Один из ведущих композиторов республики, народный артист СССР, профессор З.Г. Исмагилов, вспоминая позднее суровые военные годы, рассказывал, как не один раз обращался в призывные комиссии и военкоматы с просьбой послать его на фронт. Но везде молодой музыкант получал один и тот же ответ: «Работайте, на фронте пока обойдутся без вас!» [Дель 1980]. В годы войны вступили в ряды Красной Армии учащиеся башкирской студии при Московской государственной консерватории — Р.Л. Габитов, Р.А. Муртазин., Ш.З. Кульбарисов, Ш.Ш. Ибрагимов, Х.Ф. Ахметов, М.З. Баширов, Л.П. Атанова. Музыкантами военных духовых оркестров Уфимского гарнизона служили Х.Ш. Заимов и К.Ю. Рахимов. Тяжелое ранение получил на полях сражений Р.А. Муртазин, погиб Р.Л. Габитов.

В годы Великой Отечественной войны в Уфе жили и работали известные музыканты и композиторы, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и др. В Башкирском государственном театре оперы и балета был поставлен ряд национальных опер. Так, страницы героической истории башкирского народа отражает опера Н.К. Чемберджи «Карлугас», созданная на либретто Б. Бикбая. Связь с музыкальным фольклором ярко проявилась в операх А.А. Эйхенвальда «Мэргэн» и «Ашкадар». Мотивы эпического сказания «Акбузат» — памятника духовной культуры башкирского народа — легли в основу одноименной оперы Х.Ш. Заимова и А.Э. Спа-давецкиа. По мотивам мелодий и народной легенды был написан балет Л.Б. Степанова и З.Г. Исмагилова «Журавлиная песнь», премьера которого состоялась в 1944 году в г. Уфе. Украинский композитор Ф.Е. Козицкий вместе с музыкантом и драматургом Х.К. Ибрагимовым на либретто С. Кудаша создали оперу «За Родину!». Опера была поставлена 15 марта 1943 года. На сцене театра шли также и русские классические оперы. В спектаклях участвовали известные украинские певцы И.С. Паторжинский, З.М. Гайдай.

Наряду с работой над обширным репертуаром, пропагандой лучших достижений многонационального советского театрального искусства, коллектив Башкирского государственного театра и балета вел большую работу по обслуживанию воинских частей, госпиталей, тружеников городов и районов республики. Бригады артистов театра утром давали концерты на призывных пунктах, в обеденные перерывы выступали на заводах и фабриках, а вечером — в спектаклях. Например, в газете «Красная Башкирия от 31 января 1943 года написано: «Спектакли и концерты, данные на сценах колхозных клубов и в полевых станах, охватили сотни тысяч зрителей, стали источником творческого вдохновения и трудового энтузиазма ударников социалистических полей Башкирии. Советский театр может гордиться тем, что в суровую годину Отечественной войны он внес свою долю в закладку героического фундамента победы над врагом».

В 1941–1945 годах в Башкирии велась большая работа по сбору и пропаганде народных песен и мелодий. Особенно плодотворно работали в этой области молодые композиторы Х.Ф. Ахметов и З.Г. Исмагилов, а также певец и кураист Г. Сулейманов. С 1942 по 1945 годы в СК БАСССР было рассмотрено девять рукописных сборников, в которые вошли двести башкирских песен в записи Х.Ф. Ахметова, двадцать башкирских и татарских песен в записи З.Г. Исмагилова, семьдесят восемь песен в записи Г. Сулейманова.

В составе Башкирской государственной филармонии к концу четвертого месяца войны работали ансамбль башкирского народного танца, ансамбль эстрады и миниатюр, башкирская и русская эстрадная бригады, театр оперетты, духовой оркестр, эстрадно-цирковая бригада, бригада одесской эстрады и филармоническая группа. Артисты филармонии выезжали с концертами на фронт, выступали в воинских частях, госпиталях, на предприятиях, в колхозах. В 1942 году большим событием стало исполнение 1-й части Ленин-градской симфонии Д.Д. Шостаковича в переложении для духового оркестра И.В. Петрова. На концерте присутствовал сам автор симфонии.

Представители творческой интеллигенции Башкирии в составе фронтовых бригад добирались на самые опасные участки переднего края, давали концерты под вражеским обстрелом в перерывах между боями, выступали в палатках медсанбатов, в госпиталях.

Славный путь в годы Великой Отечественной войны прошел Башкирский ансамбль народного танца, созданный при филармонии в 1939 году. Его основателем и художественным руководителем был первый профессиональный башкирский танцовщик, выпускник хореографического училища Большого театра СССР Файзи Адга-мович Гаскаров. К 1941 году в составе ансамбля находились такие замечательные танцоры, как И. Ибрагимов, Х. Магазова, М. Идрисов, Н. Мударисова, А. Морозова, Р. Бикташева, О. Христофорова, Г. Мотыгин. Репертуар ансамбля включал как башкирские танцы («Зарифа», «Гульназира», «Семь девушек», «Муглифа», «Байк»), так и танцы других народов (русская «Полянка», белорусские «Лявониха» и «Краковяк», украинский «Гопак»).

При Башкирской государственной филармонии в конце 1941 года был организован лекторий по вопросам культуры и искусства. Вокруг него объединились литературоведы, музыковеды, критики, композиторы, музыканты-исполнители, артисты, находившиеся в Уфе. С предельной напряженностью работал и республиканский лекторий. Здесь выступали многие известные советские музыканты, артисты, мастера слова. Они знакомили жителей республики с лучшими достижениями мировой музыкальной культуры.

Артисты Башкирской государственной филармонии вписали славные страницы в историю развития музыкального искусства республики. В 1941 году филармония дала 1223 концерта, в 1942 году — 2416 концертов. В 1943 году из 937 шефских концертов 490 было проведено на фронте.

Таким образом, культурная жизнь в Уфе в годы Великой Отечественной войны не замирала ни на один день. Активная творческая деятельность музыкантов, артистов, театральных коллективов, воодушевляла трудящихся республики на новые трудовые подвиги, призывала советских воинов к бесстрашию, мужеству, стойкости перед

лицом злейшего врага Родины, служила ярким образцом преданности искусству и родной Отчизне.

Литература:

- Гайнуллин, М., Хусаинов, Г. Писатели Советской Башкирии. — Уфа, 1977.
Дель, Ю. Песни, созвучные времени // Вечерняя Уфа, 1980. — 25 апр.
ЦГИА РБ. Фонд 775. Оп.1, ед. хр.26, л.133.
Художники Советской Башкирии : справочник / авт.-сост. Э. Фенина. — Уфа, 1979.

Басырова С.Г., г. Стерлитамак

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX В.**

История школ министерства народного просвещения Южного Урала XIX в. берет свое начало с народных училищ, учрежденных в Уфимском наместничестве по указу Екатерины II от 3 ноября 1788г. на основе Устава народных училищ 1786г. Этот устав стал результатом работы русских и приглашенных в Россию европейских педагогов, самой Екатерины II и основывался на популярных тогда просветительских идеях. Народные училища должны были по мысли их организаторов заниматься не только обучением учеников, но и воспитанием в них добродетелей, понятий о душе, обязанностях, долге и т.д. Поэтому к учителям народных училищ предъявлялись высокие требования, они должны были быть терпеливы, снисходительны, прилежны, обладать христианским благочестием, любовью [Дашкевич Л.А. 2006, 45, 59].

Подготовкой учителей для народных училищ занялась Комиссия об учреждении народных училищ, созданная в 1782г. По указу Сената и Синода в столицу были вызваны сто воспитанников духовных семинарий, желавших перейти на светскую службу, стать учителями народных училищ. Они стали обучаться в открытом в 1783г. Петербургском главном народном училище и в выделившейся из него в 1786г. учительской семинарии. Кроме детей священнослужителей, бывших семинаристов, туда принимались и все желающие. Отсюда в составе будущих учителей появились дети солдат, мелких служащих, свободных крестьян. В течение пяти лет будущие учителя изучали не только общеобразовательные предметы, в особенности те, которые им предстояло преподавать, но и «способ учения».

Открытие главного училища в г. Уфе и малых народных училищ в Оренбурге, Мензелинске и Челябинске произошло в 1789г. В Уфимское (с 1797 г. Оренбургское) главное училище были направлены четыре учителя — сыновья священников Тульской губернии. Трое из них — учитель исторических и географических наук Трапезонтов Петр Петрович (работал до 1808г.), учитель математических наук Смирнов Иван (до 1798г.), учитель первого класса Соколов Василий Никитич (до 1804г.) — обучались первоначально в Тверской духовной семинарии, а еще один — учитель второго класса Степанов Илья Александрович (до 1808г.) — в Коломенской духовной семинарии. Завершили они свое обучение в Петербургской учительской семинарии [РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 125. Л. 2-4].

Учителя малых училищ были подысканы уфимским наместником О.А. Игельстромом в Казани с помощью казанского архимандрита Амвросия. Они обучались в Казанской духовной семинарии и изучали

«способ учения» в Симбирском главном училище. Это были учителя Уфимского (до 1797 г. Оренбургского) малого училища Протопопов Василий Федорович (работал до 1805 г.), Киргизов Матвей Васильевич (до 1815 г.), Мензелинского малого училища Воронин Степан Петрович (до 1826 г.), Топорнин Василий Андреевич (до 1804 г.), Бузулукского (до 1794 г. Челябинского) малого училища Адоратский Алексей Степанович (до 1829 г.), Строгатовский Николай (до 1801 г.).

Это были первые учителя общеобразовательных школ, открытых в Уфимском наместничестве в конце XVIII в. Деятельность этих педагогов создала основу для развития государственной системы учебных заведений на базе народных училищ края. Но процесс развития школьного дела проходил очень трудно и противоречиво, в нем очень многое зависело от учителя, его образования, мастерства, отношения к своему делу.

В Оренбургской губернии, созданной в самом конце XVIII в., на протяжении всего дореформенного периода остро стояла проблема замещения вакантных учительских должностей. По Уставу 1786 г. подготовка учительских кадров для малых школ должна была осуществляться в главных народных училищах. Но Оренбургское главное училище практически не занималось этим. Поэтому в малых училищах края в начале XIX в. работало лишь по одному учителю.

Учителя главного училища присылались через власти учебного округа из Петербурга, Казани, Симбирска и имели, как правило, высшее образование. Но многие из них долго не задерживались в отдалённой Башкирии. За первую треть XIX в. сменилось семь директоров народных училищ, увеличилась текучесть учительских кадров [РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.90, 200, 369, 382].

В начале 1820-х гг. народные училища были преобразованы в уездные училища по уставу учебных заведений 1804 г. Но учебная работа школ оставляла желать лучшего. По материалам ревизии 1820-х гг. многие учителя названы несведущими в предметах, преподающими «вяло и скучно, непонятно». Серьёзной проблемой, влияющей на состояние начальной школы, была нехватка учительских кадров. С 1811 г. подбором и подготовкой учителей учебного округа занимался созданный при Казанском университете училищный комитет. Самым распространённым путём подбора кадров для начальной школы было привлечение для работы в училищах выпускников гимназии, духовных семинарий, уездных училищ. Другим путём подбора кадров было проведение экзаменов на право занять должность учителя среди людей, изъявивших такое желание. Однако тяжёлые условия жизни, небольшой заработок делали учительский труд непривлекательным. В первую треть XIX в. училища министерства народного просвещения Оренбургской губернии были обеспечены педагогическими кадрами на 60–70%, а в 1835–1836 учебном году, когда школы были преобразованы по уставу учебных заведений 1828 г., оказались не замещёнными 49% учительских должностей [Мирсаитова С.Г. 2000, Ч.1, 34, 55].

Потребность в педагогических кадрах возрастала по мере увеличения числа начальных школ в крае. К 1835 г. в Оренбургской губернии было 8 начальных училищ учебного ведомства (7 уездных и 1 при-ходское), 1840 г. — 16 (8 и 8), 1860 г. — 22 (6 и 16). Численность учителей, работавших в этих школах, возросла с 27 в 1835 г. до 63 в 1860 г.

Уже на рубеже 1820-х — 1830-х гг. основную массу учителей начальных

школы министерства народного просвещения на Южном Урале стали составлять уже не выходцы из центральных и соседних губерний, а представители местной зарождающейся разночинной интеллигенции. Большая часть их являлась детьми священников и получала образование в Оренбургской духовной семинарии, находившейся в г. Уфе. Однако постепенно доля выходцев из духовенства сокращалась: если в 1835 г. она составила 44,4% всех учителей начальных школ министерства, то в 1850 г. — 33,3%. Особенно ярко эти процессы отражались в уездных училищах. Если выходцы из духовенства в них составляли в 1835 г. 52,4%, то в 1860 г. — только 22,8%. Доля же мещан среди учителей возросла с 19 до 34,3%.

В приходских училищах региона центральной по-прежнему оставалась фигура священника (57,1% в 1860 г.). При открытии новых школ в первую очередь в них назначались законоучителя. Лишь при большом количестве учеников принимались вторые учителя. Эти должности в приходских училищах занимали выходцы из мещан, купцов, солдат, крестьян (в 1860 г. соответственно 21,4%, 7,1%, 3,6%, 7,1%) [Мирсаитова С. Г. 2000, Ч. 2, 74–75].

К концу 50-х гг. XIX в. большую часть учительства начальных школ Башкирии стали составлять выпускники местных учебных заведений (около 64% в 1860 г.). Наблюдалась тенденция роста числа учителей, имевших среднее образование (58,7%), полученное, как правило, в гимназии и духовной семинарии в г. Уфе, а также во «втором разряде» Главного педагогического института в Петербурге. В уездных училищах края увеличивалась доля учителей, обучившихся в высших учебных заведениях (20%). Правда, не все из них имели законченное образование. Нехватка учительских кадров заставляла учебные власти Казанского округа отправлять в школы казеннокоштных студентов старших курсов университета.

В приходских училищах в 1860 г. 18 из 28 учителей были священниками и имели среднее духовное образование. Остальные учителя являлись выпускниками местных уездных училищ и имели только начальное образование.

Так шло формирование педагогических кадров начальной школы Южного Урала. Этот процесс в целом отражал общероссийские тенденции расширения учительской интеллигенции, демократизации ее состава и повышения образовательного уровня.

Литература:

Дашкевич Л. А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII — первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006.

Мирсаитова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Екатеринбург, 2000.

Шуртакова Т. В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805–1836 гг. Казань, 1959.

Белевцова В. О., г. Самара

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ВОСТОЧНОМАРИЙСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Ценнейшим источником по этнической истории и культуре народов, а также и трансформации культуры в настоящем является традиционная обрядность.

К сожалению, свадебная обрядность восточных марийцев мало изучена, хотя исследование традиций данной этнографической группы могло бы послужить ключом к пониманию факторов и результатов

взаимодействия различных этнических структур на общей территории расселения восточных марийцев. Одним из немногих исследователей, внесших большой вклад в изучение восточномарийской этнографической группы, является Г.А. Сепеев [Сепеев 1975].

Наряду с общими для всех этнографических групп марийцев этнокультурными процессами и явлениями, восточным марийцам присущ ряд своеобразных черт. В своем традиционном варианте свадебный комплекс обрядов сложился ко второй половине XIX века. На протяжении XX века он подвергся существенным преобразованиям под влиянием социальных, культурных и экономических факторов.

На примере брачной обрядности мы попытаемся проследить степень сохранности традиционных элементов этнической культуры, а также рассмотрим механизм их функционирования в современных условиях. Настоящее исследование было проведено на основе анализа опубликованных источников [Лоссиевский 1881; Мендиаров 1984], а также полевых материалов автора, полученных в ходе экспедиции 2008 года в Балтачевском, Бакалинском и Бирском районах Республики Башкортостан [ПМА].

Рассматривая оригинальные признаки свадьбы в данном ареале, следует отметить, что помимо заключения свадьбы посредством сватовства, у восточных марийцев вплоть до первой половины XX века широко был распространен брак путем умыкания невесты. Однако в настоящий момент обряд умыкания находится в стадии отмирания в связи с упрощением свадебного цикла и снятия обязательной выплаты приданого и калыма.

В прошлом для традиционной свадебной обрядности было характерно наличие выборных чинов, тогда как в настоящее время отмечается тенденция к сохранению терминологии с потерей ее смысловой значимости. Традиционное языческое оформление брака подразумевало, что религиозная часть обряда проводится *картом* (жрец), но в современных условиях его функция трансформировалась в распорядителя свадебной процессии. Кроме того, у *карта* появилась пара (*карт* — *вате*) — женщина, обеспечивающая фольклорную составляющую обряда. Также модификации подверглись ключевые свадебные роли: так, *ончал шогошо ўдыр* и *кугу венге*, ранее являвшиеся заместителями жениха и невесты в некоторых ритуалах, в настоящее время утратили часть своих функций, приобретя статус свидетеля и свидетельницы в гражданском бракосочетании. Как и прежде, высоким социальным статусом обладают *сўан-вате* (букв. «свадебные женщины»), осуществляющие наравне с музыкантами фольклорное сопровождение всего свадебного цикла.

Свою функциональную направленность сохранил *саус/сабус*, который, как и прежде, несет на себе функции распорядителя свадебного торжества. Однако некоторые его функции перешли к *карту*, что несколько снизило значение этого персонажа.

Специфической чертой свадьбы восточных марийцев остается локализация торжества в доме посаженных родителей *пўртомо пўрт*, в который невесту отвозят после проведения *юкташ* (букв. напоить)/*кўрў йўмаш* (букв. «предбрачный пир») — «малой свадьбы» для родственников невесты. Хронологические изменения обряда

закрываются в уменьшении длительности пребывания невесты в доме посаженных родителей, а также в функциональной наполненности. Сохранилось и такое понятие, как *ўдыр модыш* («дом девичих игр»), и до сегодняшнего дня его функционирование во многом остается неизменным; в этом помещении проводятся игры для молодежи, и именно туда приходят жених и его свита, чтобы забрать невесту. До сегодняшнего дня сохранился специальный мотив *такмак*, который исполняется музыкантами только в доме девичьих игр. Следствием коллективизации 1930-х годов стал перенос *ўдыр модыш* из дома родственников в сельский клуб.

Исключительную роль в свадебном комплексе восточных марийцев играл институт посаженных родителей (*нўртым ача/ава, кияматлык ача/ава*). В обязанности посаженной матери входила смена девичьего головного убора на женский, исполнение всех ключевых свадебных обрядов вместе с молодыми. В настоящее время остаточным явлением вышеуказанного обряда является символическое расчесывание волос невесты, свидетельствующее о переходе ее в статус замужней женщины.

Характерным и стойким элементом восточномарийской свадьбы является обязательное одаривание невестой как своих родственников, так и родственников жениха. Трансформация обряда прослеживается в сохранении функциональности подарков, но при этом произошло изменение их материалов. Так, сегодня чаще используются фабричные ткани, традиционная одежда заказывается у специальных мастериц.

Также существенные изменения произошли в свадебной кухне. В употребление вошли блюда интернациональной кухни, которые в XX веке получили всеобщее распространение, тем не менее традиционные блюда и сегодня актуальны при проведении отдельных элементов свадебного церемониала, так как они несут сакральное значение.

Значительной социальной устойчивостью отличаются магические обряды, которые проводятся для оберегания молодой пары. Архаичные материалы (войлок, хмель) не потеряли своего значения и сегодня.

Обряд хождения к источнику воды, имевший огромное значение в традиционной церемонии, сегодня постепенно утрачивается в связи с потерей практической значимости. Шуточный характер со временем приняли обряды проверки мастерства и умений молодой, но в традиционном обществе этому также придавалось очень большое значение.

Вопрос о сохранности традиционного свадебного ритуала осложнен поликонфессиональностью и полиэтничностью современного общества, предполагающего возможность заключения межэтнических браков, в результате чего нередко создается угроза потери народом своей этнической идентичности. Как правило, вследствие вирилокальности брака после свадьбы невеста принимает культурную традицию семьи жениха. Сложность в сохранении традиционных форм обусловлена также урбанизационными процессами.

Таким образом, на основе анализа современного состояния свадебной обрядности восточных марийцев можно сделать вывод о том, что, несмотря на существенную трансформацию, ее роль в сохранности традиционной культуры остается достаточно значительной. Несмотря на доминирующую тенденцию десакрализации общества, свадебная

обрядность дохристианского религиозного плас-та синкретизируется с гражданским институтом регистрации брака. В этом ключе свадебная и семейная обрядность являются связующим звеном между глобализирующимся российским обществом и этнической культурой народа. Свадебная обрядность может выступать в качестве способа сохранения и трансляции традиционной культуры восточных марийцев и в какой-то мере служить индикатором ее адаптации к условиям современного мира.

Данное исследование является первой попыткой изучения свадебной обрядности марийцев как примера функционирования традиционной культуры в современном обществе. Выводы, представленные в статье, являются промежуточными и в дальнейшем будут корректироваться и дополняться.

Литература:

Лосиевский М.В. Черемисская свадьба // Записки Оренбургского отделения Императорского географического общества. – СПб. – 1881 – Выпуск 4. – С.141–146.

Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. – СПб.: – 1894. – № 3. – С. 38 –46.

ПМА - экспедиция, организованная ИЭА РАН, грант РГНФ (проект 06-01-00204а), д. Новоямузино Балтачевской район, д. Старобазаново Бакалинский район, д. Нарат Чукур Бирский район Республики Башкортостан.

Сепеев Г.А. Восточные марийцы. – Йошкар – Ола. – 1975.

Белинская К.Ы., г. Новосибирск

ЖЕНСКАЯ СУБКУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ТЮРОК САЯНО-АЛТАЯ

В этнокультурной истории Центральной Азии, в эпоху раннего средневековья, охватывающей период с VI по Xв., особая роль принадлежала древним тюркам. Благодаря своему военному превосходству они смогли объединить под властью каганов из правящего рода Ашина все кочевые племена степного пояса Евразии. С образованием единого тюркского государства тюркоязычные кочевые скотоводческие племена расселились на всей обширной территории Центральной Азии – от Хэнтэя на востоке Монголии до Урала на западе, от Алтая, Саян и Прибайкалья на севере до Восточного Туркестана и Средней Азии на юге. Восточные тюрки заселили Монголию, южные районы Сибири, западные тюрки освоили степи южного и восточного Казахстана, горы и долины Тянь-Шаня, Восточный Туркистан.

В течении последних десятилетий, помимо анализа и ввода в научный оборот новых письменных, изобразительных, монументальных и вещественных источников, обсуждения вопросов хронологии и периодизации этнокультурной принадлежности памятников древнетюркской культуры в Центральной Азии, активно исследуется вооружение, структура военной организации и военное искусство древних тюрков, конское и воинское убранство, социальные отношения в древнетюркском обществе, религия и мифология, монументальное, изобразительное и декоративно прикладное искусство средневековых тюркских nomadов. Однако, несмотря на значительные достижения и постоянное внимание к изучению истории и культуры древних тюрков, есть ряд проблем которые еще ждут своего решения. И одним из таких белых пятен является женская субкультура древних тюрков. Женская субкультура древних тюрков до сих пор не была объектом специального исследования, за исключением отдельных

статей, рассматривающих ее в совокупности с мужской военной культурой древних тюрков и затрагивавших лишь отдельные аспекты проблемы. Вся предшествующая научная литература по женской субкультуре древних тюрков, как правило, отдавала предпочтение какой-либо одной категории источников, либо затрагивала только ее отдельные аспекты. При анализе погребальных и поминальных комплексов, основное внимание уделялось исследованию памятников и вещей, характерных для взрослых мужчин-воинов или для мужской субкультуры. Поэтому одной из актуальных задач является систематизация и анализ имеющихся данных, относящихся к женской субкультуре древних тюрков. Эта задача включает создание классификационной схемы женских погребений, выявление особенностей женской поминальной обрядности, характеристику предметного комплекса, реконструкцию костюма и набора украшений, изучение изображений женщин в петроглифике и монументальной скульптуре. Археологические материалы не дают полной картины для реконструкции образа древнетюркской женщины, в этой связи на помощь приходят источники другого характера – изобразительные, письменные, фольклор. Таким образом, на основе анализа разных видов источников представляется возможным проследить эволюцию заупокойной обрядности и выявить особенности социальной дифференциации среди женской части древнетюркского населения.

Хотелось бы отметить и тот факт, что воссоздание женского образа древних тюрков важно не только как продолжение древних традиций, прошедших испытание временем, и как обогащение современных знаний о древних тюрках не только для специалистов, но и для их потомков, то есть тех народов, которые проживают непосредственно на указанной территории. Ведь становится очевидным, что со временем, смешиваясь, изменяя свой состав, женская субкультура древних тюрков становилась фундаментом для последующего ее воплощения уже в этнографическое время. В идеале, результатом нашего исследования должен стать ответ на вопрос, какой нам представляется женская субкультура древних тюрков, какие образы женщин представляли перед предками южно-сибирских народов, какое место занимала женщина в кочевом мире. Вместе с тем, мы четко осознаем, что предпринятая нами попытка реконструкции женской субкультуры древних тюрков может рассматриваться лишь как один из возможных вариантов подобных реконструкций, как один из способов понимания женской культуры, вовсе не исключающий иные подходы и точки зрения.

Очень важное место в социальной структуре древних тюрков занимала супруга правителя – хатун. Супружеская чета каган и хатун, считались земным воплощением небесной пары божеств – Тенгри и Умай. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. История дописьменной материальной культуры как европейских, так и многих азиатских народов свидетельствует о том, что жизненный мир доисторического человека был часто замкнут вокруг универсального женского божества, имя которого на многочисленных языках имело одно и то же значение – Великая богиня-мать. И вавилонская Иштар, и египетская Исида, и согдийская Анахита, и фригийская Кибела, и тюркская Умай-эне – все они прежде всего заведуют плодородием, способствуют увеличению человеческого рода, его сохранению и защите.

Статус женщин из более привилегированного круга был очень высок. К их услугам был штат служанок и невольниц. Родственники жены пользовались большим уважением. В Монголии, среди памятников Кюль-Тегину и Тоньюкуку можно найти скульптурные изображения их жен. Исключал возможность пониженного положения женщин у древних тюрков Л.Н. Гумилев. По мнению А.Д. Грача, семейное право у кочевников Центральной Азии издревле предусматривало известную правовую самостоятельность женщины – специфическая черта социальной организации номадов, сложившаяся в глубокой древности. Сведения о высоком положении женщины у тюркских народов в доисламское время (X–XV вв.) привел А.Н.Кнонов. Известно, что у монголов в XII–XIV вв. женщины играли важную политическую роль. Тюрки утверждали, что их матери «подобны Умай». Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай («моя мать-царица, подобная Умай») [Кляшторный, Султанов 2000, 158].

Доказательства тому, что тюркские женщины играли далеко не последнюю роль в политической жизни древнетюркского общества можно найти как в комплексе материальной культуры древнетюркских женских захоронений (поминальные комплексы, предметы вооружения, детали костюма, наличие одного или нескольких сопроводительных захоронений с конем), так и в письменных источниках, памятниках фольклора Горного Алтая, Хакассии, Тувы, в которых представлены повествовательные сюжеты о молодых девушках-воинах. Например, По-бег, ханша-мать, дочь Тоньюкука имела определенную власть в управлении придворными кликами, боровшимися друг с другом. Она же возглавила оставшихся в живых тюрков и привела их в Китай, оговорив условия сдачи. Тюрков зачислили в пограничные войска, а Побег получила титул принцессы и княжеское содержание. Спасая людей, По-бег не спасла народ. Тюрки, как и прочие кочевники, перемешались с табгачами и ассимилировались в их среде [Гумилев Л.Н. 1993, стр.365]. Речь идет только об отдельных личностях и опосредованном влиянии женщин на те или иные военно-политические события благодаря их высокому социальному положению (мать, жена или наложница правителя). В китайских, арабских, персидских, византийских, русских и других источниках часто упоминаются женщины из окружения кочевых правителей, но не все они проявляли себя как самостоятельные политические фигуры (Бобров В.В., Васютин С.А. 1998, 9]. Думается, что несмотря на то, что эпос и легенды в некоторой степени преувеличены, однако, нам кажется, что они могут отражать представления тюркского населения древнетюркского времени, а также могли запечатлеть часть исторической действительности в которой присутствовал образ тюркской женщины.

Делая акцент на том, что женская субкультура древних тюрков, на сегодняшний день остается все еще слабо изученной, поскольку основное внимание уделялось истории государственности, военного дела, мы должны прийти к пониманию того что, изучение древнетюркских женских погребений имеет широкие информативные возможности в области социальной реконструкции древнего общества, получения дополнительной информации для определения социальной

принадлежности владелицы, а также реконструкции ее одежды и набора украшений. Кроме того, хотелось бы отметить, что изучение женской субкультуры древних тюрок является важной задачей при изучении этнокультурной истории кочевых народов Центральной Азии и Саяно-Алтая.

Литература:

Бобров В.В., Васютин С.А. О роли женщины в социогенезе средневековых кочевников. Журнал Сибирские татары, Тобольск, 1998.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. С-П., 2000.

Буляков И.И., г. Уфа

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ВОТЧИННОГО ПРАВА БАШКИР

После принятия подданства русского царя башкиры являлись единственным народом в составе Русского государства, который обладал вотчинным правом на свои земли. Это стало возможным благодаря сложившимся договорным началам между башкирскими племенами и царской администрацией.

Тема вотчинного права башкир, несмотря на подобный уникальный случай в истории России, когда целый народ от имени царя был жалован землёй, остаётся слабо освещённой в исторической литературе. В дореволюционной и советской историографии специальные исследования, затрагивающие истоки формирования башкирского вотчинного права на землю, его эволюцию в XIII – первой половине XVI вв. отсутствуют. Всё большее число современных авторов, которые так или иначе рассматривают историю башкир в золотоордынский период, признаёт, что земли башкирам были пожалованы в вотчину Чингисханом вследствие установления договорных отношений между ними; башкиры обязаны были платить за свои вотчинные угодья ясак непосредственно ханскому двору [Мажитов, Султанова 2009, 333-337; Азнабаев 2005; Буканова 2000, 107-109].

Как видим, вопросы, касающиеся вотчинного права башкирских племён до принятия ими русского подданства, в исторической литературе не рассмотрены. Уникальные источники, как башкирские шежере и фольклор, активно вводимые в научный оборот в последнее время, при их детальном разборе указывают на то, что прецедент для складывания договорных отношений башкир с русским царём был ещё в XIII в. при принятии подданства Чингисхана. Более того, именно к этому периоду относятся первые достоверные сведения о закреплении за башкирскими племенами их земель правителем монгольского государства. Имея подобный опыт вассально-сеньориальных отношений, башкирские племена, с одной стороны, и правительство Ивана IV – с другой, воспользовались ими. Таким образом, возникает необходимость постановки вопроса о первичном юридическом оформлении вотчинного права башкирских племён на занимаемые ими земли в XIII в. в условиях вхождения Исторического Башкортостана в состав Монгольского государства. Исходя из этой цели мы ставим задачу определения условий принятия башкирами монгольского подданства.

Различные по типу источники свидетельствуют, что территория Исторического Башкортостана стала частью Монгольской державы.

Верховным собственником всех земель империи считался верховный правитель державы — Каан (Чингисхан и его наследники). Он же являлся верховным сюзереном всех башкирских племён. Только он по установленному порядку (Великой Ясе) имел право жаловать земли тем или иным лицам, родам и племенам. В нашем случае, благодаря установленным между башкирами и монголами договорным вассальным отношениям, Чингисхан закрепил за башкирскими племенами их земли. Правителям улусов — чингизидам — было запрещено включать исконно башкирские земли в зону своих кочевий. Таким образом, территория Исторического Башкортостана не вошла в состав ни одного из улусов Золотой Орды, сохранив большую автономию от ее правителей. Река Яик стала естественной границей с юга и востока между страной башкир и улусами Золотой Орды. Несмотря на постоянное расширение территории владений чингизидов, башкирские земли по правому берегу Яика не входили в зону основных кочевий монгольских ханов, а башкирские племена являлись лишь объектом сбора ясака.

Г.А. Федоров-Давыдов, который также считает, что территория современного Башкортостана не вошла в состав ни одного из улусов Большой Орды, объясняет это тем, что «наличие огромных степных просторов Дешт-и-Кипчак, возможно, несколько ослабило стремление монгольской кочевой знати XIII в. отобрать у местной феодальной верхушки земли, чтобы использовать пашни и луга оседлого населения в качестве пастбищ для своего скота, как это имело место в Иране и Азербайджане» [Федоров-Давыдов 1973, 26-28]. Да и сами монголы и пришлые с ними кипчакские племена в природно-климатических условиях Южного Урала, обусловленных долгой зимой, не были готовы к ведению скотоводческого хозяйства полукочевоего типа.

Немаловажно и то, что территория Башкирии с начала монгольских завоеваний и вплоть до распада Золотой Орды служила укрытием для тех, кто не хотел подчиняться монгольским ханам (например, после пленения восставшего против монголов хана Бошмана кипчаки бежали на Южный Урал, где влились в состав башкир). Все подобные противники Орды не стали бы искать убежище на территории, где существовала монгольская администрация и улусная структура монголов [Азнабаев 2009, 124-127].

Помимо этого, Исторический Башкортостан представлял собой северную периферию Золотой Орды, отдаленную от важных культурных и стратегических регионов, сырьевую базу, снабжавшую купечество пушниной, медом, воском, кожей и другими продуктами, вывозившимися по рекам в приволжские торговые города [Егоров 1985, 106].

На наш взгляд, следует отметить и существенные изменения, произошедшие в хозяйстве башкир-скотоводов. В период возвышения половцев в XI-XII вв. кочевые пути башкирских родов, практиковавших кочевое скотоводство, в Приаралье или же в Прикаспий были закрыты или же ограничены [Кузеев 2009, 60]. Помимо этого, в условиях, когда многие башкирские родовые группы, напуганные приближением монгольского войска, или под давлением других родов, пришедших в движение в связи с монгольскими походами, покидали удобные для скотоводства степи и лесостепные районы южного и юго-

западного Приуралья и углублялись в горы, леса, далеко на север от р. Агидели. Все это, естественно, вело к обособлению башкирской территории. Нарушение же привычных связей и природно-географических условий постепенно трансформируют формы ведения скотоводства, структуру всего хозяйства в целом. Превращение лесных и горно-лесных районов в места постоянного расселения требовало приспособления или перестройки хозяйства. На смену традиционному кочевому скотоводству с частым переселением в течение круглого года с места на место, не имея постоянных жилищ, постепенно приходит полукочевое хозяйство, где род кочует с весны до поздней осени вместе со стадами, хозяйством и семьями, на зимнее время оставаясь на одном месте. В данном случае возникала необходимость закрепления кочевых угодий (здесь — летовок, зимовок и т.п.) на Южном Урале за конкретными башкирскими родами, что они и осуществили, отмечая уголья своими родовыми тамгами, выходя на их защиту от посягательств со стороны других родов и племён. Нормативными актами же государей Монгольской империи, Улуса Джучи и Золотой Орды были закреплены данные вотчинные права башкирских родов на занимаемые ими земли, что находит отражение в башкирских шежере, легендах и преданиях, особенно монгольских письменных источниках.

Обязанность башкир выплачивать ясак (дань) императорскому двору за право владения землями являлась признанием своего вассального положения по отношению к сюзеренам-монголам (золотоордынцам), договорным и юридическим оформлением вотчинного права башкир на занимаемые ими родовые земли.

Таким образом, башкирская племенная вотчина как родовые земли формируется в условиях закрепления за конкретными племенами пастбищных земель до монгольского нашествия. Территории кочёвок отмечались родовыми тамгами, неприкосновенность родовых владений регламентировалась нормами обычного права. Впервые юридически оформленное вотчинное право башкир на свои земли в письменных и фольклорных материалах отражается со времён установления над башкирскими племенами монгольской власти.

Литература:

Азнабаев Б.А. Апология власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» // Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.). — Казань, 2009.

Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.). — Уфа, 2005

Буканова Р.Г. Башкирия в составе Золотой Орды: (По страницам забытой рукописи) // Ватандаш. 2000. — №4. С. 107-109.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. — М., 1985.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. 2-е изд., стереотип. — Уфа, 2009.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. — Уфа, 2009.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.

Булáкова Ф.М., Сибай к.

ЙӘМФИӘТ. УКЫТЫУСЫ. ӨЗӘБИӘТ

2010 йылдың Рәсәйҙә «Укытыусы йылы» тип билдәләнеүен укытыу-тәрбиә өлкәһенә ҡағылышы булған бөтә кешеләр — мәктәптәрҙә эшләгән ябай укытыусылар ға, махсус урта һәм юғары укыу

йорттарында укыткан преподавателдәр зә, шулай ук мәгариф учреждениелары етәкселәре лә зур кәнәгәтлек һәм ниндәйзәр өмөт менән кабул итте. Был анлашыла ла, сөнки һунғы 15–20 йыл эсендә укытыусы-педагогтарзын элекке абруйы, йәмғиәттә тоткан роле шактай төшөп, уларзын мағди хәле лә күзгә күренеп хөртәйгәйне. Укытыусы профессияһы, элекке престижлығын юғалтып, иң түбән түләнгән (малооплачиваемый) һөнәрзәрзән берененә әйләнде. Бөтә был күренештәрзән кире һөзөмтәләре лә озак көптөрмәне: мәктәп укыусылары, һөмүмән, йөш быуын вәкилдәре араһында тәртипһезлек көсәйзе, енәйәтселек артты, аң-белем алыуға кызыкһыныу, ынтылыш көмене. Күрһәтелгән етешһезлектәрзә кайһы берәүзәр заманды һәйепләй: имеш, хәзерге компьютер, юғары технологиялар осоронда укытыусы-тәрбиәселәрзән роле, әлбиттә, үзенән-үзе арткы планға күсә. Был фекергә каршы сығып, шуны әйтергә йөрәт итәм: ә бит заман менән бергә укытыусы ла үзгәрә, йәғни хәзерге заман укытыусыларының үткән быуаттың 20–30-сы йылдарзағы мөғәллимдәре йәки 80–90-сы йылдарзағы коллегалары менән сағыштырырлык та түгел бит.

Ни генә тимә, беззән илдә укытыусының йәмғиәт тормошонда тоткан роле үткән быуаттың 80–90-сы йылдарына тиклем ярайһы ук зур булды. Сөнки совет педагогикаһы укытыусы балаларға аң-белем биреүсә генә түгел, ә әйләнә-тирәгеләрзән барыһына ла һәр яклап өлгөлә шәхес булырға тейеш тигән принциптан сығып эш итте. Шуға күрә совет осоронда ижад ителгән күпселек әсәрзәрзә — рус әзәбиәтендә булһынмы ул, башка халыктар әзәбиәтендәме — укытыусы образы йыш кына башкаларға йөшәү өлгөһө — идеаль герой дәрәжәһенә еткереп һүрәтләнде. Ошо йөһәттән карағанда, мәшһүр кыргыз язусыһы Сыңғыз Айыпматовтың «Беренсе укытыусы» повесындағы укытыусы-комсомолец Дүшән, «Быуаттан да озак һузылыр көн» романындағы Әбүталип Коттобаев образдары кемдәрзә генә тулкынландырмай за, кемдәрзә генә һөкландырмай икән?! Был мәкәләлә башкорт язусыларының төрлә йылдарза ижад ителгән әсәрзәрзәндә төрлә дәүер укытыусылары образы нисегерәк сағылдырылыуын асыклау мақсат итеп куйылды ла инде.

Совет мәктәбененә түгә укытыусылары образын талантлы балалар язусыһы Рәйес Фабдрахманов үзенә «Язғы рашкы», «Кыңғырау тауышы» повестарында һынландырзы. «Язғы рашкы»ла ауылдың беренсе укытыусыһы Әминә образына әллә ни зур урын да бирелмәгән. Шулай за ул алып барған укытыу-тәрбиә эштәре Сабир, Гибазулла, Рауил исемле үсмерзәрзән синфи аны үсәенә, уларзын Совет власы өсөн актив көрөшөүселәр булып китеүенә булышлык итеүә әсәрзә ярайһы ук тулы сағылдырыла. Ә «Кыңғырау тауышы»ның үзәгенә укытыусы Усман образы куйылған. Күп каршылыктарзы, ауырлыктарзы енеп, Усман төпкөлдә яткан башкорт ауылдарының берендә түгә совет мәктәбен асыуға ирешә. Шулай итеп, ур ярылыябаға балаларына һилем юлын аса, аң-белемдән һәр кешегә көрәк булыуын, кеше тормошонда зур әһәмиәткә әйә булыуын төшөндөрә. Усмандың «Укы, улым, укы, укыһан, кеше булырһын» тигән һүзәрә әсәрзән төп леймотивын тәшкил итә.

Әгәр зә балалар әзәбиәтендә яңы тормош өсөн көрөшөүсә укытыусы образын тәүгеләрзән булып үрзә күрһәтелгән әсәрзәрзәндә

Рәйсә Фабдрахманов тыузырға, ололар эзәбиәтендә иһә бындай геройзарзан һис икеләнмәй халык язуысыһы Зәйнәб Бишшеваның «Яктыға» трилогияһындағы Иштуған образын күрһәтергә мөмкин. Тормошон халык бәхетә өсөн көрәшкә арнаған Иштуған «изелгән, көмһетелгән халкын уатырға, бил турайтып тороп басырға ярзам итергә» тигән максат менән йөшәй. Һәм ул, укытыусы буларак, кешеләргә аң-белем биреүзә генә түгел, яны тормош төзөү өсөн дә ин актив көрәшсегә әйләнә.

Артабанғы осор, йәғни 20—30-сы йылдар, укытыусыһының типик образын Дәүләтхан педагогия техникумы укытыусыһы Сәлим Дауытов йөзөндә үзенә «Тәүгә дәрестәр» повесында күренекле язуысы Сәғит Ағиш тыузырзы. Әйткәндәй, был әсәрзә яны властың мөғариф өлкәһендә һәм укытыусылар алдына қуйған максат-талаптары ла бик асык итеп әйтеп бирелә. Был турала Мөғариф халык комиссары урынбасары Тәхәүи Атанбаев үзенә бер сығышында бына нимә ти: «Безгә яны типтағы укытыусылар, учителдәр, ошо ике исемде эсенә алған ысын педагогтар тыузырыу енел булманы. Без власты алғас та, инженерзар, агрономдар, врачтарға карағанда ла, эште иң элек укытыусылар әзерләүзән башланьгк. Сөнки иң мөһим эш илде грамоталы итеү ине. Инженерзы, врачты, агрономды, хатта укытыусылар әзерләү өсөн дә укытыусылар көрәк ине. Шуға күрә без укытыусыларзы бер, өс, алты айлыгк курстарзан сығарзык».

Башкорт язуысыларының үрзә карап үтелгән барлык әсәрзәрәндә лә тиерлек укытыусы, алдарак әйтеп кителгәнсә, балаларға аң-белем биреүсә итеп кенә түгел, киләсәк «якты тормош», халык бәхетә өсөн ялкынлы көрәшсә, ошта ойоштороусы, дөйөмлөштәрәп әйткәндә, йөш быуындын идеалы һымағырак итеп һүрәтләнә. Уларзын бер генә кире яғы ла юк, улар «һөтгән ақ, һыузан пак». Ә бит реаль тормошта ундай кешеләр бик һирәк осрай. Йәғни был әсәр геройзарына тормошсанлыгк етешмәй, тиер инем. Бына шундай тормошсан, тулы канлы укытыусы образдарын башкорт эзәбиәтендә тәүгеләрзән булып Ярүлла Вәлиев үзенә «Хәйерле иртә, Исмәғил!» повесында Хөрмәт Хисамов образында асты.

Әсәрзә язуысы укытыусы-тәрбиәселәр Хөрмәт, Ғимат Әхсанов образдарында совет педагогтарының төрлө быуын вәкилдәрән һынландыра: әгәр «күптә күргән, күп кисергән карт директор Ғимат Сәлимович мәктәптә қырк йылдан ашыу» эшләһә, Хөрмәт — бөтә ғүмерә алда торған йөш укытыусы. Ләкин уларзың икеһендә лә укытыусы өсөн бик мөһим уртақ си фаттар бар. Был, беренсенән, үз эшенде, балаларзы яратыу. Икенсенән, балалар психологияһын якшы белеү, уларзын күнеленә юл табырға тырышыу. Өсөнсөнән, балаларға, уларзың әхләқи көсөнә ышаныс менән карау. Әйе, укытыусы өсөн был сифат айырыуса мөһим. «Баланы төзәтергә теләйһең икән, унда үзенә төзәлә алыуына ышаныс тыузырырға көрәк» — Хөрмәт менән Ғимат Сәлимовичтың төп тәрбиә алымда-рының береһе бына шундай. Тап ошо ышаныс, балаға иң беренсә сиратта кеше итеп карау уларға якшы лыгкка, ғөмүмән, кешеләргә ышанысын юғалтқан, өмөтһөзлөккә бирелгән Исмәғилде тура юлға бастырырға ярзам итә лә инде.

Үткөн быуаттың 80—90-сы йылдарында ижад ителгән әсәрзәрзән Д. Бүләкөвтың «Саған япрак янырта», «Уткын ситендә бейеү», Р. Байбулатовтың «Селтер-селтер шишмә аға», Р. Сабитовтың «Кәүсәрзән күңелһез көндәре», «Кыйғақ-кыйғақ қаз қысқыра» повестарында укытыусы-тәрбиәсе образына, нигеззә, йәш быуындын рухи-әхләки яктан формалашыуында укытыусының ролен күрһәтеү максатында мөрәжәғәт ителгән.

Күренеүенсә, элегерәк донья күргән мәктәп тормошо, укыусы балалар һәм укытыусылар тураһындағы повестарзың күбәһендә укытыусы-тәрбиәсе образына зур ғына урын бирелә. Ләкин мәктәпкә, укытыусы-тәрбиәселәргә арналған был әсәрзәрзә языу-сылар профессиональ остальг, мәктәп программаһының йөкмәт-кәһе, укыу-укытыу процесының үзенсәлектәре хақындағы мәсьәләләргә бик қағылмаһса тырышалар. Уларзы күберәк балалар менән өлкәндәр мөнәсәбәте, бала шәхесенә формалашыуы, был процеска йогонто яһаусы факторзәр, әхләки аспекттар күберәк қызыкһын дыра, йәғни беззән балалар өсөн языусы әзиптәрәбез күберәк мәктәптән тыш яғында барған вақиғаларзы ғына һүрәтләү менән мауығалар, ә мәктәп бинаһы үзә был вақиғаларға ниндәйзәр бер фон ғына биреп тора һымак. Ә кайһы бер языусылар, мәктәп темаһына мөрәжәғәт иткәндә үззәренәң бала сак хәтирәләренә генә таяналар. Улар үззәренән һун булған, булып ятқан, буласак үзгәрештәрзә йә белмәйзәр, йә иһәпкә алып еткермәйзәр, күрәһен.

Бына ошо йәһәттән карағанда, Лира Якшыбаеваның «Бәхетен үзән менән» повесы бындай әсәрзәрзән қырка айырылып тора. Үрзәге авторзәрзән айырмалы рәүештә, укытыусы-языусы Л. Якшыбаева мәктәптән «тышқы» яғында ғына йөрәмәй, ә кыйыу рәүештә уның «әсенә» лә үтеп инә.

Әсәрзән унышлы яғы шунда: мәктәптә «әнәһенән ебенә» тиклем белгән әзибә Ғәзилә Илһамовна, Вәлимә Саптаровна һымак алдынғы қарашлы заман укытыусыһы образын тыузырыу менән бергә, хәзәрге мәғариф системаһындағы, укытыу-тәрбиә эшендәге кайһы бер етешһезлектәрзә, қытыршы яктарзы ла асып һала. Ә бындай етешһезлектәргә юл қуйлыуына, языусы һүрәтләүенсә, төрлө объектив сәбәптәрзән тыш, мәктәп директоры булып эшләшән Рәшит Азнабаевич Иншаров янына «оялап» алған Орқоя Килдеғошовна, Хәнә Ситдиқовна, Хәлимә һымак ялағай, үз эштәренә яуапһыз қараған һәләтһез хәсрәт-укытыусылар ғәйепле. Педагог-языусы фекеренсә, «укытыусы ябай һөнәр түгел. Якшы укытыусы булып өсөн дә Хозай Тәғәләһән айырым бер һәләт биреләү қәрәк». Ә Иншаровта тап бына шул һәләт (призвание) юк.

Милли прозабызға укытыу-тәрбиә проблемаларын күтәргән әсәрзәр үрзә тукталып кителгәндәр менән генә сикләһмәй, әлбитгә. Ағымдағы йылдың «Укытыусы йылы» тип иғлан ителеүе был һөнәр әйәләренәң матди һәм социаль хәленәң якшырыуына, йәмғиәтебеззә тотқан урындарының һәм ролдәренән артыуына булышлық итеп кенә қалмайынса, әзәбиәтебеззән мәктәп, укытыусылар темаһына арналған, заман талаптарына, дәүер укыусыһы зауығына тап килерзәй яңы әсәрзәр менән байыуына ла ярзам итер әле тигән өмөттә қалайығк.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ УРАЛО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

Вот уже около двадцати лет языки народов России существуют и развиваются в новых условиях: языки коренных народов объявлены государственными языками на соответствующих территориях, приняты законы о языках, определяющие сферы их использования, действуют государственные программы сохранения, изучения и развития языков, нет явного осуждения за использование родного нерусского языка в общественных местах, появилась возможность открыто проявлять беспокойство по поводу отсутствия должного внимания проблемам развития языков со стороны государственных органов и требовать удовлетворения этноязыковых потребностей. Однако одно дело, когда всем этим пользуются, когда все это действительно действует, другое дело, когда что-то остается на бумаге, где-то ответственность перекладывается на других и виноват во всем кто-то другой.

Несмотря на наличие определенных общих моментов (государственный статус языков, наличие закона о языках, программ и т.д.), конечно же, языковая ситуация в регионах разная. На ее развитие влияют как объективные (численность народа, финансовые возможности, урбанизация, индустриализация, глобализация, двуязычие, престижность языка доминирующего этноса), так и субъективные (политика государства в сфере использования языков, возможность использования языка как средства обучения, лояльность к своему языку самих носителей, глубина национального самосознания) факторы [Карпов 2008, с. 5-6].

На наш взгляд, в обществе наблюдается тенденция (и она с каждым годом усиливается), когда школа становится чуть ли не единственным местом, где учат детей говорить на родном языке. Семья как социальный институт постепенно выпадает из цепочки непрерывного обучения родному языку. Она перестает даже быть местом закрепления полученных в школе знаний в силу того, что родители сами либо совсем не владеют языком, либо владеют на очень низком уровне (частое языковое смешение), что им проще говорить на русском, либо просто не хотят себя утруждать. В таких условиях особенно важно правильно организовать процесс обучения языку. Это и подготовка высококвалифицированных специалистов, и создание соответствующих учебно-методических пособий, и умелая организация урока, и использование на занятиях по родному языку в классах, где дети изначально не говорят, либо плохо говорят на родном языке, апробированных методов обучения ранее не знакомому, новому (и в нашем случае не совсем правильно будет, если скажем иностранному) языку.

Особо хочется остановиться на учебниках по родному языку. При их составлении важно учесть уровень владения языком учащимися, т.е., по крайней мере, должно быть два варианта учебника: один для владеющих языком, другой для тех, кто изучает родной язык чуть ли не как иностранный. В последнем случае необходимо избегать объемных текстов и излишней информации (по крайней мере, на первых порах). Иначе русскоязычный ребенок не успевает усваивать все это на уроке, да и дома не сможет, так как помочь некому. Таким образом,

неусвоенный материал накапливается, ребенок не видит никакого прогресса, не может использовать язык даже в бытовых условиях, и в итоге не чувствует никакой потребности в овладении им, так как может обходиться без него. Но так как предмет есть, и за него ставят оценки, он ради них и старается (выучил стихотворение – отлично, правильно переписал предложения – отлично, без ошибок прочитал текст – отлично).

Касаясь вопроса подготовки высококвалифицированных специалистов по родным языкам для сферы образования, следует отметить проблему, связанную с низкой языковой компетенцией абитуриентов, поступающих на национально-языковые факультеты вузов. Получается, что в процессе обучения в вузе необходимо давать не только квалификационные знания, но и повышать уровень владения языком будущего специалиста. Так как последнее не предусмотрено программой (и даже постановка такого вопроса должна вызывать недоумение), то не трудно догадаться, какой в результате специалист получится.

Существование диалектов наряду с литературным языком явление обычное. Кроме того, за основу литературного языка берется тот или иной диалект или особенности нескольких диалектов. В случае значительного расхождения диалектов создаются две литературные формы одного языка. По идее литературный язык должен жить и развиваться, в том числе и за счет диалектов, пополняя свой лексический запас за счет данного ресурса и заимствуя из него какие-либо грамматические формы. Причем в этот процесс должны быть вовлечены все диалекты конкретного языка.

Значительные различия между диалектами и литературной формой способствуют разобщению единого народа, уменьшению потенциальных носителей литературной формы языка, что отрицательно сказывается на его функциональных возможностях. Носители диалекта, далекого от литературной формы языка, с неохотой, а то и вовсе не желают изучать последний. Возьмем, к примеру, алтайский язык с его диалектами, которые и по происхождению различны, т.е. относятся соответственно к кыпчакской и уйгуро-огузской группе тюркских языков, «дали основание некоторым тюркологам (С.М. Малов, В.М. Наделяев, Е.И. Убрятова) для выделения кумандийского диалекта в особую единицу в системе тюркских языков Сибири. Это вызывает дезинтеграционные процесс-сы в алтайском народе, из которого выделяются субэтнические группы кумандинов, тубаларов и чалканцев со своими диалектами, претендующими на создание на них письменности и преподавание их в школе» [Боргоякова 2002, с. 96-97]. Здесь также следует отметить низкую популярность алтайского литературного языка среди населения, о чем позволяет говорить низкий процент тех, кто говорит на нем. Или, например, северо-западные башкиры. В результате непродуманной политики еще в советский период в районах их проживания в качестве языка обучения и предмета изучения был введен татарский литературный язык, который хоть и близок к языку северо-западных башкир по фонетическим признакам, но не соответствует их языку по некоторым грамматическим показателям. Это привело к отдалению северо-западного диалекта

башкирского языка от его литературной формы, к ослаблению чувства национальной принадлежности северо-западных башкир и связи с остальной частью башкирского народа.

Безусловно, язык является одним из важнейших признаков этноса, который наглядно демонстрирует простому человеку его различие с другими, т.е. с теми, кто не его национальности. Однако если учесть социально-демографические, экономические, политические условия, то заострение внимания на языковых (диалектных) различиях приводит лишь к разединению народа, к конфликтам между представителями различных диалектов, мешает решать общенациональные, в том числе языковые, проблемы. Тогда как положительное решение общенациональных проблем позволило бы решить некоторые вопросы частного характера.

Как уже отмечалось выше, на развитие языковой ситуации в конкретном регионе существенное влияние оказывает численность представителей той или иной национальности. Количественный показатель важен и для развития конкретного языка. Большое число говорящих должно способствовать более широкому раскрытию коммуникативных возможностей языка и в связи с этим дальнейшему развитию его внутренней структуры. Однако, например, количественное доминирование чувашей в своей республике, несмотря на создание правовой основы для расширения социальных функций чувашского языка в разных сферах, не внесло существенных изменений на развитие языковой ситуации в Чувашской Республике. Как отмечают специалисты, «политика реализации чувашского языка и обеспечения языкового существования чувашского этноса даже на территории республики, фактический социальный статус языка мало изменились по сравнению с предшествующим принятию Закона о языках периодом, тем более общественно-языковой практикой 20-30 гг.» [Хузангай 1999, с. 91]. Причин тому, по мнению А.П. Хузангая, несколько, и среди них он выделяет следующие: «Русскоязычное меньшинство республики и часть «языковых нигилистов» – чувашей воспринимали языковую проблему исключительно в политизированном аспекте, а не как социолингвистическую задачу. В свою очередь, чувашская научная и гуманитарная интеллигенция, не проявив национального самосознания, не исполнила в то время свой моральный долг и большей частью пассивно стояла в стороне. Дал о себе знать в полной мере и «языковой эгоизм» русскоязычной части населения, органов государственной власти и управления республики, административно-управленческого аппарата. Последний, начиная с самого высшего уровня до районных и местных администраций, имел весьма отдаленное представление о целях и методах языковой политики, никогда не задумывался о «проекте на будущее» (Ортега-и-Гассет) для чувашской нации. Не последнюю роль сыграли и материальные трудности, связанные с общим ухудшением социально-экономической ситуации» [Хузангай 1999, с. 91-92].

Литература:

- Карпов В.Г. Прошлое, настоящее и будущее хакасского языка. – Абакан, 2008.
Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан, 2002.

Гарустович Г.Н., г. Уфа

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

(историографический аспект проблемы)

На рубеже I и II тысячелетий н.э. в лесостепной зоне Южного Урала, на территории Башкортостана, произошли важные социальные изменения, оказавшие определяющее влияние на все стороны жизни башкирского общества. Наиболее явно новации проявились в области идеологии и выразились в проникновении и постепенном распространении ислама, новой мировой монотеистической религии Востока. Вопрос о времени приобщения башкирского народа к самой передовой в те годы Мусульманской цивилизации рассматривается практически во всех работах по истории Южно-Уральского региона. Сюжет о начале распространения ислама среди башкир можно встретить в научных статьях и монографиях по этнографии, истории, фольклористике и археологии. В данный момент мы как раз и обращаемся к анализу взглядов специалистов по указанной теме.

Письменные источники. В своем «Рисале» (отчете о посольстве багдадского халифа ал-Муктадира к «царю» болгар Алмушу) Ибн-Фадлан дает краткое описание языческой религии башкир: *«Кое-кто из них говорит будто бы у него двенадцать господов...А господь, который на небе, самый больший из них»* [Ковалевский. 1956, 131]. Специфику языческой религии башкир в X веке характеризуют ярко выраженный политеизм, обожествление сил природы, свойственный шаманизму. Но при всем том секретарь арабского посольства сообщает: *«Был с нами один человек из их числа (т.е. из башкир – Г.Г.), уже принявший ислам и служивший у нас»* [Ковалевский 1956, 130]. Из этих слов становится ясно, что в 20-х годах X века некоторые из башкир уже приняли мусульманскую религию. Можно сказать, что данное сообщение фиксирует самую раннюю стадию проникновения ислама (здесь и далее выделено мною – Г.Г.) в Башкортостане, и датируется она концом IX-началом X века.

Следующее сообщение нарративных источников фиксирует процесс распространения ислама на стадии, близкой к своему завершению. Вот что писал в начале XIV в. (1320 г.) венгр-минорит, брат Иоганка: *«Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно заражённым сарацинскими заблуждениями»* [Аннинский 1940, 92].

Необходимо отметить, что в отдельных работах встречаются цитаты о башкирах-мусульманах, вырванные из контекста источников. Чаще всего приводят выдержки из сообщений Абу Хамида ал-Гарнати (XII в.) и Йакута ал-Хамави (XIII в.). Но если ознакомиться с текстом самих источников, становится совершенно ясным, что речь там идет не о башкирах, а о мусульманах – коренных жителях Венгрии [Путешествие Абу Хамида... 1971; 2006, С.806] и вовсе не об эмигрантах – пришлых переселенцах. По этой причине мы не рассматриваем данные сообщения.

В целом, письменные источники весьма фрагментарно отображают интересующий нас социальный процесс, и он, несомненно, требует специального научного изучения.

Краеведческая литература. Определенные данные по вопросу распространения мировой религии приводят в своих работах краеведы XIX – начала XX века – М.В. Лоссиевский, Д.П. Никольский, И.А. Кастанье и др. К сожалению, их точки зрения ничем не аргументированы. К примеру, во второй половине XIX в. о распространении ислама в Башкортостане писал Р.Г. Игнатьев. На основе башкирских легенд он относил процесс исламизации ко времени существования Золотой Орды: «...покорители башкир, татары (имеются в виду монголо-татары – Г.Г.), хотя, по преданию, были дурные мусульмане, что очень естественно – они недавно были сами язычники и худо еще знали Коран, но все-таки были мусульмане и, вероятно, они же и обратили в свой закон башкир язычников. На помощь татарам приходили миссии из Болгарской Орды, Бухарии, Туркестана и Кокана». Больше всего прославился своей миссионерской деятельностью среди башкир и ногайцев Башкортостана имам Хусейн-Бек – ученик «святого мужа» Хузя-Ахмета-Ясовей-хана [Игнатьев 1873, 171, 174].

Врач Д.П. Никольский в монографии «Башкиры» утверждает, что распространение ислама у башкир началось в X веке, но, по его мнению, первоначально «могла быть перинята лишь обрядовая сторона» [Никольский, 1899].

Башкирский просветитель М.И. Уметбаев со ссылкой на «историю» Шараф-ад-дина Муслими писал в работе, названной «Ядкар»: «башкиры приняли ислам намного раньше своих соседей, в 195 г.х. (748 г.). Они приняли ислам раньше турок, которые жили в Турецкой области, приняли ислам в 400 г.х., по гречески – X в. Миссионерскую деятельность за Агиделью возглавил основатель сис-темы тариката Ахмет Ясееви (умер в 514 г.х.)» [Уметбаев 1984, 198]. В книге «История Башкортостана» Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова написали о том, что массовое принятие ислама башкирами произошло в 1152 г. [Со ссылкой: Уметбаев. 1984; но без указания страницы] и назвали эту точку зрения «обоснованным мнением» [Мажитов, Султанова 2009, 389]. С данной характеристикой трудно согласиться, поскольку Шараф-ад-дин Муслими Булгари – автор поздний (не ранее конца XVIII в.) и малодостоверный. Об этом писали Ш. Марджани, Н.А. Усманов [1972, 143], М.Х. Надергулов [1986, Гл. II], да и многие другие специалисты законно сомневаются в приведенной им информации. Работы Ш. Муслими, насыщенные чудесами, были популярны у дореволюционных мусульманских писателей Волго-Уральского региона, ими широко пользовался не только М.И. Уметбаев, но и Т. Ялсыгулов в «Тарих наме-и булгар» [«Таварих»... 1977, 123-138], Гали Сокрый в «Тавари-и Булгарийа йаки Такриб-и Гари» [Надергулов 1986-а, 1-20; 1986. Гл. I, II] и другие авторы.

Шараф-ад-дин Муслими сообщает о многочисленных могилах мусульманских проповедников в Башкирии, на реках Бирь, Ай, Уфа, Агидель, Ик и Дим. Переводы этого перечня публиковали И.Н. Березин [1853, 72-91], С.М. Шпилевский [1877], В.В. Вельяминов-Зернов [1859, 262-269]. В 50-е годы XX в. Г.В. Юсупов потратил несколько лет

на проверку сведений Ш. Муслими и, в итоге, констатировал, что описания «...ни в одном случае не совпадают с топографией выявленных на сегодня надгробий» [Юсупов, Эпиграфические памятники... С.2].

В «Истории башкир» М. Хадыева [1912] проникновение мусульманской религии на территорию Башкортостана описано более достоверно. По его словам, «...принятию башкирами мусульманства способствовали арабские путешественники-миссионеры, а не чудотворения пророка Мухаммеда, как утверждала феодальная историография» [Надергулов, 1986, 167].

Необходимо сказать, что современным историкам надо с большой осторожностью подходить к использованию высказываний из работ краеведов прошлого. Исторические данные, целиком основанные на легендарной традиции, без соответствующей исторической критики не могут считаться достоверными.

Историческая литература. Высказывания профессиональных историков по теме распространения ислама на Южном Урале начнем с работ исследователей, жизнь которых не была связана с нашим регионом. Еще в начале прошлого столетия В.В. Бартольд в статье «Басджирт» отмечает: «...они (башкиры) подчинялись болгарам и в противоположность этому народу оставались еще язычниками... Даже в XIII в. еще не все башкиры стали мусульманами» [Бартольд 1968, 498]. Как видим, академик относил начало мусульманизации Башкортостана к домонгольскому периоду и констатировал активное внедрение ислама в среду башкир уже к началу монгольской экспансии.

Первое научное обобщение разнородных этнографических и исторических материалов Башкортостана было сделано С.И. Руденко в монографии «Башкиры» [1955, 2007, 265-279]. По вопросу о распространении ислама на Южном Урале выводы Сергея Ивановича можно представить так: «Ислам начал проникать к башкирам, по всей вероятности, в X–XI вв., когда арабские купцы и миссионеры, часто посещавшие Великую Булгарию, заходили в страну башкир. В XIV в. ислам уже значительно распространился среди башкир. Укреплению религиозных мусульманских идей способствовал ход исторической жизни башкир и то положение, какое заняла Башкирия после падения Казанского ханства» [Руденко 2007, 265]. Другими словами, С.И. Руденко констатирует протекание процесса принятия мировой религии в трех стадиях: а) проникновение; б) распространение; в) утверждение ислама.

Первая попытка осмысления археологических материалов Башкортостана периода РЖВ и средневековья осуществлена в середине 50-х гг. XX в. московским археологом А.П. Смирновым. По его мнению, «В распространении мусульманства важную роль сы-грали болгары, хотя, по-видимому, они были не единственными проповедниками. Немало сил вложили в это дело и выходцы из Средней Азии – Самарканда и Бухары» [Смирнов 1957, 89]. Таким образом, автор датировал процесс исламизации домонгольским временем.

Со второй половины 50-х и в 60-е годы XX века в Башкортостане появляются свои специалисты, активно приступившие к разработкам проблем истории Южного Урала. Б.Г. Калимуллин в книге

«Архитектурные памятники Башкирии» кратко пишет, что ислам начинает проникать в Башкирию в X–XII вв. [1956, 28]. А в монографии 1978 года издания он несколько меняет свое мнение: «...с X века в Башкирию проникает и утверждается мусульманская религия» [Калимуллин 1978, 110]. Обе названные даты никак не аргументированы.

В книге «Очерки по истории Башкирской АССР», которая является первой попыткой обобщения истории Башкортостана, говорится, что к X–XII вв. в Башкирию проникает ислам, «распрос-траняемый купцами и мусульманскими миссионерами из Булгарии и Средней Азии» [ОИБА, 1956, 69]. Историк А.Н. Усманов в книге «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству» дату проникновения ислама в Приуралье не называет, но он отмечает зависимость западных и северо-западных башкир от Булгарского государства [1982, 72–73]. «Позднее Казань оказывала религиозное влияние на башкир по «традиции, которая установилась при Булгарском ханстве» [Усманов 1982, 57]. Другими словами, А.Н. Усманов распространение мусульманской религии среди башкир относил к домонгольскому времени и отводил решающую роль в данном процессе влиянию булгар.

Крупнейший специалист в области исторической этнографии башкир Р.Г. Кузеев писал в монографии «Очерки...», что «башкиры приняли мусульманскую религию, видимо, в IX–XIII вв.» [Кузеев 1957, 99]. В другой работе он констатировал, что ислам проник в Приуралье в XI–XIII вв., укрепление мусульманской религии приходится на XV–XVI вв., а полное утверждение единобожия автор относит к XVII–XVIII вв. [БШ 1960, 203,205,209,213]. Возможно, что самая ранняя дата – XI в. – опечатка, поскольку на стр. 213 той же работы написано: «Начиная с IX–X вв. башкиры постепенно принимают мусульманскую религию». В той же работе Р.Г. Кузеев отмечает, что «ислам в Башкирию проникает с двух направлений: из соседней Булгарии и из Средней Азии. В конечном итоге, центром распространения ислама становится Средняя Азия» [Кузеев 1960, 213]. В своем основном труде «Происхождение башкирского народа» Р.Г. Кузеев пишет о том, что «время приобщения башкир к мусульманской религии с достоверностью не установлено. В X в. башкиры не были еще мусульманами; судя по имеющимся источникам, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее XIV–XV вв.» [Кузеев 1974, 8]. При этом в той же работе можно обнаружить такую цитату: «Бурзяне, усерганы, тангауры стали мусульманами через булгарское посредство в XI–XII вв., т.е. в период, когда они обитали в непосредственной близости от границ Волжской Булгарии» [Там же, 158].

И позднее в работах выдающегося этнолога можно найти высказывания о времени принятия башкирами ислама: «Материалы свидетельствуют о влиянии мусульманских традиций из Волжской Булгарии... Но даже в XIV в. население современной Западной Башкирии еще не оставило древние языческие верования (тенгрианство) и «исповедовало религию синкретической формы (мусульманство и язычество)» [Кузеев 1992, 78–79]. Понятно, что особых противоречий в выводах Р.Г. Кузеева нет, поскольку в одном

случае автор говорит о проникновении ислама, в другом – о распространении и утверждении мусульманской религии.

Надо сказать, что точки зрения С.И. Руденко и Р.Г. Кузеева по интересующей нас теме до сих пор определяют взгляды большинства исследователей истории нашего края [Нагаева 1981, 12; Башкиры 2002, 182 и т.д.].

Из археологов, писавших о времени мусульманской религии на Южном Урале, необходимо выделить точку зрения Н.А. Мажитова. В популярной работе 1973 года издания он высказался, что начало распространения мировой религии в Уральском регионе приходится на XI–XII вв. [Мажитов 1973, 174]. Несколько ранее датой распространения ислама у башкир автор назвал XII в. [Мажитов 1971, 15].

В своей обобщающей монографии «Южный Урал в VII–XIV вв.» автор по-иному расставляет акценты: «Башкиры одними из последних приняли религию ислам... Принятие ислама произошло в XIII–XIV вв.... Среди башкир исламская религия никогда не приобрела такие ортодоксальные формы, как это было в южных центрах мусульманского мира, а тесно переплеталась с древними языческими представлениями» [Мажитов 1977, 38, 119].

В книге Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой о проблеме распространения ислама в Приуралье сказано очень коротко: «Как известно, под влиянием болгар определенная часть башкир приняла мусульманскую веру... Но этот начавшийся процесс мусульманизации у башкир завершился только в XIV–XV вв.» [Мажитов, Султанова 1994, 208]. В следующей монографии названных авторов высказываются совсем иные даты: «Массовое принятие башкирами ислама состоялось в 1152 г... Ислам в Башкортостане прошел длительный путь проникновения и распространения. Часть башкир ислам могла принять вместе с хазарами еще в 40-х г. VIII в., а в начале X в. – вместе с волжскими болгарами» [Мажитов, Султанова 2009, 389]. Причины кординальных изменений датировок процесса исламизации башкир авторы не называют, как и не сообщают и о том, на каких источниках основаны их новые выводы.

Из работ, изданных в последние десятилетия, мы назовем лишь несколько, связанных с тематикой религиоведения. А.Б. Юнусова в своей работе попыталась логически совместить различные даты, взятые у разных исследователей. Первоначально говорится, что «проникновение в Башкирию ислама как религиозной системы начинается в X в.», а на следующей странице мы читаем: «Пантеизм башкир в древности подтверждается археологическими памятниками X–XII вв., которые представлены языческими погребениями, без каких-либо элементов исламской обрядности» [Юнусова А.Б. 1999, 20–21]. Общий вывод автора звучит так: «Распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий, и, как считает большинство исследователей, завершилось только в XIV–XV вв.» [Там же, 25]. Примерно о том же писали Ю.Н. Сергеев [1994, 72–73], Г.Б. Фаизов [1995, 32–33], и также без какой-либо аргументации.

В интересной монографии З.Г. Аминова и Л.А. Ямаевой говорится: «По мнению большинства исследователей, ислам среди башкир стал распространяться примерно после XII в.» [Аминов, Ямаева 2009, 7].

В качестве тенденции последнего времени отметим, что работ, в которых просто названа дата распространения ислама у башкир без ее обоснования, становится все меньше. Положительным моментом является также обращение к работам археологов, в которых на примере появления, локализации и хронологии раннемусульманских памятников обосновывается время, темпы и особенности распространения мусульманской религии на Южном Урале.

В заключении отмечу, что нам ранее также приходилось писать о проблеме распространения ислама на Южном Урале. Но на рассмотрении динамики и характера изменений собственных взглядов на датировку процесса мусульманизации мы планируем остановиться в следующей статье.

Общие выводы из нашего историографического обзора в тезисной форме можно выразить так: 1) тема начала распространения ислама в нашем регионе пока еще не стала объектом специального исследования; 2) точки зрения специалистов основываются большей частью на легендарных данных. Отсюда возникают различия между археологическими реалиями и взглядами специалистов других отраслей знаний. Историки лишь в последнее время стали обращать внимание на археологические источники по теме; 3) в научной литературе существует значительный разброс мнений о хронологии процесса исламизации, но общая тенденция прослеживается достаточно четко – большинство исследователей относит начало проникновения мусульманской религии в среду башкир к X веку, а утверждение ислама – к XIII–XIV или к XIV–XV вв.; 4) основным негативным моментом в истории изучения процесса исламизации является то, что научная аргументация датировок минимальна. В лучшем случае, в работах даются ссылки на взгляды в статьях своих коллег, которые также слабо обоснованы. Возникает своеобразный замкнутый круг, выход из которого мы видим в том, что тема распространения ислама на Южном Урале станет объектом специального исследования.

Литература:

- Аминев З.Г., Ямаева Л.А. Региональные особенности ислама у башкир. – Уфа, 2009.
- Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. – М.-Л., 1940.
- Бартольд В.В. Басджирт // Соч. Т. V. – М., 1968.
- Башкиры - Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры. Уфа, 2002.
- Березин И.Н. Болгар на Волге // УЗ КазанУн-та. Т. III. – Казань, 1853.
- Башкирские шежере. Перевод текстов и комментарии Р.Г. Кузеева. – Уфа, 1960.
- Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Труды восточного отделения ИРАО. Ч. 4. – СПб., 1859.
- Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. I. – Уфа, 1873.
- Иакут ал-Хамави. Муджам ал-Булдан (Словарь стран) // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006.
- Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии. – Уфа, 1956.
- Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. – Уфа, 1978.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фаллана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956.
- Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. – Уфа, 1957.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974.
- Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. – М., 1992.
- Мажитов Н.А. Происхождение башкир // АЭБ. Т. IV. – Уфа, 1971.

- Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. – Уфа, 1973.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М., 1977.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа, 2009.
- Надергулов М.Х. Традиции жанра Таварих в башкирской литературе и «Таварих-и Булгарийа йаки Такриб-и Гари» Гали Сокрыя. Дисс. к.ф.н. – Уфа, 1986; См. также: Надергулов М.Х. Традиции жанра ... Автореф. дисс. к.ф.н. – Уфа, 1986-а.
- Никольский Д.П. Башкиры. – СПб., 1899.
- Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. – Уфа, 1956.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. – М., 1971.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.-Л., 1955.
- Сергеев Ю.Н. Религиозные верования народов Башкортостана // Очерки по культуре народов Башкортостана. – Уфа, 1994.
- Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА. №58. – М., 1957.
- «Таварих» - вариант рукописи «Тарих наме-и Булгар» Талжетдина Ялысулова. Подготовлена И.Г. Галаяудиновым // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. – Уфа, 1977.
- Уметбаев М.И. Памятки (Ядкар). – Уфа, 1984. (на башкирском языке).
- Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Изд. 2-е. – Уфа, 1982.
- Усманов Н.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972.
- Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа, 1995.
- Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. – Казань, 1877.
- Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.
- Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники западных районов Башкирии (XIV–XVIII вв.) (Рукопись) // Архив УНЦ РАН. ф-3. оп. 29. ед.хр.11.

Гафарова Л.М., г. Уфа

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОГО ОРНАМЕНТА НА КОВРАХ И ПАЛАСАХ МАСТЕРИЦ УФИМСКОГО РАЙОНА РБ

Актуальность участия простых людей в этнических процессах современного мира отражают повышение активности сознания членов этноса. Материальная культура народа ярко демонстрирует подлинное стремление человека в создании ценностей, которые органично вплетаются в русло развития единой мировой цивилизации.

Региональный слой материальной культуры – это фактор этнической близости и сотрудничества народов мира. Участие членов этноса в создании предметов материальной культуры в последние годы повышается. Это связано с усилением интереса к жизни, занятиям, творчеству предков. Чем больше человек знает о прошлом, тем активнее его желание сохранить историческую память своего рода и передать ее потомкам. Одним из шагов реализации желания – создание предметов материальной культуры, их изучение, распространение.

Каждое творение мастериц – это удивительное сокровище материальной культуры. Оно выполнено золотыми руками моих односельчан. Работы хранятся в музее сельской библиотеки /заведующая библиотекой Ф. М. Рахматуллина/ и в этнографическом уголке МОБУ СОШ с. Чернолесовский /заведующий кабинетом башкирского языка и истории РБ Л. М. Гафарова/.

Во всех работах сохранены традиционные элементы народного творчества. Паласы декоративны, удобны, практичны. Конструкции

изделий выразительны, разнообразны. У А. Г. Садыковой — в виде дорожки, у В. Г. Габдулхаковой и М. З. Султановой — в виде ковра. Наличие поля и канвы работы объединяет, отделка у каждой мастерицы индивидуальна. Поле изделия — черное, канва — 5 см, ровная. Колорит работ гармоничен, цветовые элементы взаимосвязаны: черный, красный и оттенки зеленого. Насыщенность цвета, их согласованность — главное достоинство изделий. Колорит паласов теплый, спокойный, радостный. Цвет изделий создает сложную гамму настроения мастериц. Чувство колорита — это очень ценный дар. Он передается от поколения к поколению. Отрадно заметить, что с годами этот дар достигает в предметах народного творчества все большего мастерства. В работах мы видим замечательные чувства меры и достоинства. Общее в колорите паласов находит свое отражение в их орнаментах. Орнаменты на паласах построены на ритмическом чередовании элементов узора. Ритм орнамента наиболее ярко выражен в дорожке А. Г. Садыковой. Здесь орнамент ритмически повторяется 3 раза. На ковре В. Х. Габдулхаковой ритм мы видим в повторении узоров лепестков, листьев, стеблей. На этом общее завершается, потому что мотивы орнамента в работах разные.

Ковер В.Х. Габдулхаковой отличается тем, что его основа — это растительный орнамент, композиционно вытканый в форме круга, который симметрично выстроен мастерицей на черном фоне. В центре композиции — массив зеленой листвы, крупный и яркий, разработанный в различных тональностях. Зеленый цвет и его оттенки искусно переплетены. В окружении густой нарядной листвы большим ярким пламенем горят розы. На их цветах и бутонах искусно подобраны сочетания различных оттенков цветов — красного, розового, малинового. Сама мастерица говорит: «Когда я работала над ковром, была молода, счастлива, работа в руках кипела. Очень хотелось передать радостное настроение, чтобы и у других на душе стало легко, радостно, как под теплым солнышком». Композицию ковра завершает принцип «виньетки». Он заключается в выразительном, ритмичном чередовании оттенков разных цветов.

В мировой культуре у всех народов мира встречаются мотивы «Древа жизни». Этот мотив может изображаться и как дерево, и как цветущий куст. Именно цветущий куст мы видим в работах В. Х. Габдулхаковой и С.Т. Галиной. Цветущий куст розы — символ бесконечной жизни природы и человека. На ковре В.Х. Габдулхаковой образ «древа жизни» — это гармоничная композиция, состоящая из ствола куста, стебля, ростков, бутонов, распустившихся цветов розы, плодов. Все вместе указывает на вечное течение жизни. «Древо жизни» у многих народов символизирует возрождение, счастье, благополучие» [Сергеева 2008, 10]. С течением времени магический смысл на изделиях мастериц преобразуется в украшение. Форма букета приобретает изящные элементы, отсутствует строгая симметрия в изображении «древа жизни». На орнаментах усиливается цвет. Цветовые символы выходят на первое место. В цветовом решении изделие может быть полихромным и монохромным. В народном творчестве мотивы орнамента выражают фольклорно-поэтическое отношение к миру. Особенно ярко это выражено в солярных знаках: солнечные диски,

круги, знаки Земли, Воды, Огня. В древности орнамент служил оберегом от злых духов. В наши дни он утратил свой первоначальный смысл и сохранил лишь декоративную выразительность.

Композиция паласов подчеркивает выразительность изделий. Веками мастера ткали наиболее выразительные композиционные схемы. Композиция подобна стволу дерева, которое связывает корни, ветви, подчиняя элементы друг другу и целому. Наиболее важные элементы размещают не хаотично. Они образуют простые геометрические фигуры. Композиция бывает замкнутая и открытая. С композиционной точки зрения дорожка А. Г. Садыковой открытая, с ритмически повторяющимся орнаментом, создающим эффект движения. Это вызывает впечатление объема. Композиционная схема дорожки — прямоугольник. Ковер В. Х. Габдулхаковой — замкнутая система, в которой на полосках ритмически чередуются линии изображения цветов, стеблей, листьев роз. Он представляет собой замкнутый круг. Обе мастерицы добиваются образности и выразительности приемами композиционного сочетания тех или иных элементов в своих произведениях. Художник берется за свою работу для того, чтобы выразить состояние своей души и поделиться им с друзьями. Мы чувствуем радость, любовь к жизни, оптимизм, рассматривая изделия народных мастериц.

Итак, произведения народно-прикладного искусства — часть мировой художественной культуры. В них изначально заложены материальная и духовная ценность членов этноса. Предметы народного искусства имеют преимущественно декоративное и прикладное значение. Паласы моих односельчан служили им в доме, создавая уют, оберегая дом. Кроме того, они учили и учат молодое поколение любить прекрасное в быту, уважать предков, чтить их традиции и продолжать творить, создавая новые мотивы орнаментов. При этом уважать древнее мифологическое и символическое значение узоров. Произведения народного искусства живут веками. Навыки технического мастерства, найденные образы произведений, переходят из поколения в поколение, сохраняются в памяти народных умельцев. Наша задача хранить, беречь, учиться навыкам у мастеров народного творчества.

Гвоздикова И.М., г. Уфа

ВОЕННОЕ ГУБЕРНАТОРСТВО В.А. ПЕРОВСКОГО И БАШКИРЫ

С 1796 по 1854 гг. Главными начальниками Оренбургского края были 7 военных губернаторов, с 1851 по 1864 гг. Главными начальниками Оренбургского и Самарского губернаторства, в 1865-1881 гг. — Оренбургского губернаторства назначались 4 генерал-губернатора.

Военные губернаторы и генерал-губернаторы являлись доверенными лицами императора и были ответственны только перед ним. Осуществляя политическую связь между высшими, центральными и местными органами управления, они наделялись чрезвычайными полномочиями. Главные начальники края несли функции верховного надзора за всей системой местных управленческих структур и одновременно командовали регулярными и иррегулярными воинскими частями, расположенными в губернии. В распоряжении военных губернаторов были большие воинские силы: Отдельный Оренбургский

корпус (армия), Оренбургское и Уральское каза-чьи войска, Башкиро-мещерякское войско. Им принадлежала огромная власть в крае.

Обязанностью военных губернаторов пограничного Оренбург-ского края было проведение в жизнь азиатской политики правительства. Она полагала утверждение российской государственности в казахских жузах, находившихся в номинальном подданстве России, а также – укрепление политического и экономического влияния в среднеазиат-ских ханствах.

Самой длительной – 15 лет – и наиболее плодотворной была служба генерал-адъютанта В.А. Перовского: Оренбургский военный губер-натор в 1833-1842 г. и Оренбургский и Самарский генерал-губернатор в 1851-1857 г. Хорошо образованный, прошедший военную службу от прапорщика до генерала от кавалерии, участник Бородинского сражения и русско-турецкой войны 1828-1829 гг., Перовский находил-ся в дружеских отношениях со многими видными политическими и культурными деятелями. В.А. Перовский относился к той группе влиятельных государственных чиновников, чья служебная деятельность была направлена на «общественное благо». Прослужив военным губернатором более четырех лет, в декабре 1837 г. писал в Москву: «Без сомнения, мое место не так видно и не так почетно, но оно дает мне возможность доказать, что я могу быть полезен. Скажу больше, на нем я сделался необходим, и в настоящее время трудно было бы заменить меня: так много начато здесь дел, ключ от которых в руках у одного меня ...» [Письма графа В.А. Перовского к А.Я. Булгакову 1878, 35].

За время своей административной деятельности Перовский много сделал в разработке и реализации управленческих нововведений в экономической, политической и культурной сферах общественной жизни края. В воспоминаниях его друзей и сослуживцев Главный начальник Оренбургского края предстает умным, умелым управителем, строгим начальником, «для которого все были равны от знатного барина и кончая серым мужиков» [Юдин 1896, 410-411]. Вместе с тем современники сообщают о честолюбии, крутом гневливом характере Перовского, способности при сильном раздражении забывать о человеколюбии. Многие в военном губернаторе не позволяют идеализировать его. В.А. Перовский был человеком своей эпохи, своей среды со всеми сильными и отрицательными свойствами характера [Футорянский 1994, 229-236].

С большим вниманием и уважением губернатор относился к коренным жителям края – башкирам. В одном из отчетов императору В.А. Перовский писал о башкирах: «Воинские качества: сметливы, проворны, отличные наездники, не знают усталости, ни опасности и слепо повинуются воле начальства... Это, государь, одни из усерднейших и надежнейших слуг Вашего величества в Оренбургском краю». Башкиры участвовали в Хивинском походе в 1839 г., военной экспедиции в Кокандское ханство в 1852-1853 гг., сопровождали военного губернатора в многочисленных экспедиционных поездках в казахскую степь, они были всегда в составе почетного конвоя при губернаторе. В своих письмах друзьям он писал: «мои башкиры». Потомственный оренбургский казак генерал-майор И.В. Чернов ревниво воспринимал особо внимательное отношение В.А. Перовского

к башкирам: «Следуя раз намеченному взгляду на башкир, граф Перовский в каждом представлявшемся случае желал доказать на самом деле справедливость своего мнения об особенной способности и боевых качествах башкир» [Чернов 2007, 117, 120].

Проводя политику укрепления общероссийских порядков, Перовский считался с интересами башкирского народа, учитывая их традиции, требования, нужды. Его управленческая практика была рассчитана на законодательное закрепление военной службы башкир – оформление Башкиро-мещерякского войска. В отчете императору в 1842 г. за 9-летнее правление Перовский назвал свои «верные улучшения» в войске: «образовано было несуществовавшее дотоле войсковое управление; назначены в кантоны попечители и стряпчие и обязанности их определены подробными инструкциями; кантонные начальники также снабжены наставлениями относительно важнейших предметов должностей своих; деятельными мерами утушены в самом начале возникавшие в народе неудовольствия и постановлены различные полицейские правила; определены и пояснены служебные обязанности войска; облегчены прочие повинности и без отягощения народа созданы значительные войсковые доходы; учреждены хозяйственные заведения для усовершенствования главных народных промыслов; определены правила для охранения поземельной собственности от растраты и истребления; приняты меры к ограждению вотчинных прав башкир от незаконных притязаний и к скорейшей развязке дела о припущенниках, столь долго утруждающего правительство и вредящего войсковому хозяйству» [РО РНБ. Ф. 571. Д. 13. Л. 13].

Уверенный в превосходстве законов над приказами Перовский по мере своих возможностей способствовал принятию высшей властью законов, защищающих права башкир-вотчинников. Ряд высочайше утвержденных положений Комитета Министров, сенатские указы были приняты по настоятельным объяснениям губернатора [Законы Российской империи о башкирах... 1999, 265-272, 277-280, 284-286]. Показательна его позиция в отношении золотопромышленников, принуждавших башкир соблюдать кабальные условия аренды их земель [Мударисов 2003, 170-190].

Перовский высоко ценил и воинское мастерство, и искусство башкир. В Оренбурге при встречах высоких гостей они обязательно участвовали в военных парадах, демонстрировали скачки на лошадях, соревнования борцов. В летних резиденциях губернатора башкиры несли охрану, на них возлагалась «летучая почта» для перевозки из Оренбурга важных сообщений для Главного начальника. Здесь проходили праздники, на которые приглашались именитые гости, кантонные начальники, и перед ними демонстрировали свое искусство башкирские певцы и музыканты. По инициативе Перовского в Оренбурге был построен величественный комплекс Караван-сарая с мечетью.

В «Воспоминаниях старожила», принадлежащих, по мнению исследователей, одному из сыновей командующего Башкиро-мещерякским войском генерал-майора С.Т. Циолковского, Николаю Станиславовичу, говорится о добром отношении башкирского народа к В.А. Перовскому: «Граф Перовский пользовался в Башкирии громадным почетом и уважением, он в глазах башкирцев был вторым

лицом после Магомета; имя его произносилось с глубоким благоговением и умилением; рассказы о нем переполняли Башкирию; ему посвящались песни, которые и в настоящее время можно слышать в Башкирии» [Воспоминания старожила ... 1896]. Свой энергичный, мужественный воинский танец башкиры называли «Перовский». В.А. Перовскому посвящен башкирский народный наигрыш танцевально-маршевого характера «Перовский» («Перовский марш»). Из всех Оренбургских военных губернаторов и Оренбургских и Самарских генерал-губернаторов, являвшихся Главными начальниками для башкир и всего населения Южного Урала, в башкирском народном творчестве воспет только один — Василий Алексеевич Перовский.

Литература:

- Воспоминания старожила // Тургайская иллюстрированная газета. 1896.
Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях. — Уфа, 1999.
Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1801-1861). Уфа, 2003.
Отдел рукописей РНБ. Ф. 571. Д. 13. Л. 13.
Письма графа В.А. Перовского к А.Я. Булгакову // Русский архив. 1878. — №5.
Футорянский Л. Военный губернатор Перовский // Любовь и Восток. — М., 1994.
Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургского края генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. — Оренбург, 2007.
Юдин П.Л. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. Кн. 5.

Гниятуллина Г.Г., г. Уфа

ИЗ ИСТОРИИ ЗАГСА В БАШКИРИИ В 1920-х гг.

Один из первых актов Советской власти были декреты от 18–20 декабря 1917 г., затронувшие существенную область общественной жизни. Октябрьская революция, изменившая в корне весь социальный строй страны, изменила и строй семейных отношений. 18 декабря 1917 г. был принят декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», уничтоживший старый порядок брачно-семейных отношений, провозгласив равенство между мужчиной и женщиной. После принятия декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви стала формироваться новая ведомственная структура государственного управления — отделы записи актов гражданского состояния (ЗАГС или загс). Нормативные акты по вопросам деятельности отделов загса принимались Наркоматом юстиции, наркоматом внутренних дел, Главархивом и др. [Десять лет... 1929, 397.]

Метрические книги велись при церквях и мечетях не ранее 1722 г. представляли собой книги записей актов рождения и крещения, бракосочетания и смерти. Они заполнялись священником, который венчал, крестил и отпевал прихожан своего прихода. Каждая книга состояла из частей, содержащих сведения о рождении — дата рождения и крещения, имя и фамилия, место жительства и вероисповедания родителей и крестных родителей, законность и незаконность рождения; о браке — имя фамилия, место жительства, национальность вероисповедания жениха и невесты, в каком возрасте вступают в брак, дата венчания, фамилии и имена свидетелей; о смерти — имя, фамилия, место жительства возраст умершего, дата и причина смерти, место захоронения. Велись метрические книги в церковных приходах до 1918 г. (в некоторых районах до 1921 г.), затем регистрация актов гражданского

состояния была передана подотделам загсов местных органов исполнительной власти.

В 1918-1919 гг. принимались меры по изъятию из церквей и мечетей метрических книг и размещению их в архивах при отделах загсов. Возник вопрос о дате признания официальности и законности метрических актов записей и церковных определений о расторжении брака. По Кодексу об актах гражданского состояния законными признавались церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 г. 14 октября 1919 г. Центрозаг разослал по ведомству циркуляр о законной силе метрических свидетельств. Признавались законными все документы о рождениях, смертях и разводах, выданные религиозными или соответствующими им организациями не позднее 31 декабря 1917 г., а также метрические документы (с той же ограниченной датой выдачи) о религиозных браках, совершенных не позднее 20 декабря 1917 г., в 1920 г.

В 1920-х годах шла бурная дискуссия о роли семьи и регистрации брака в коммунистическом обществе. Судя по передовым взглядам того времени, в будущем семья как институт должна была исчезнуть, а вместо него предлагалось «парное сожительство мужчины и женщины до момента исчезновения симпатии» [ЦГАОО РБ. Ф.П-122. Оп.2. Д.151. Л.50-50 об.]. Казалось бы, такие идеи, исходившие из центра страны, были актуальны только там, но они не обошли и регионы. Проводниками этих идей в массы были работники женотделов, которые в целях раскрепощения женщины от семейных уз и быта вели специальную пропаганду. Необходимость регистрации брака в загсе объяснялась тем, что при разделе имущества легче распределить имеющееся какое-либо имущество супругов [ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.4. Д.186. Л.50 об.] А также нужно было для того, чтобы население постепенно отвыкало от религии. Особенно признавалось, что регистрация нужна в деревне, а то «деревня пойдет за попом...» [ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.5. Д.209. Л.57].

Несмотря на все неблагоприятные условия, в которых создавались отделы загса, все же в начале 1920 г. их только по Уфимской губернии насчитывалось до 215, а в далеких от центров районах отделы загса еще долго не функционировали, если даже и учреждались. На территории Башреспублики были учреждены Центральный орган ЗАГСа при Административном отделе БНКВД, кантонные органы при административных отделах кантисполкомов, волостные органы при волостных исполнительных комитетах и сельские органы при сельских советах. Центрозаг наблюдал и контролировал за работой местных органов. Занимался постановкой вопросов перед надлежащими органами о введении в кодекс принципиальных изменений и добавлений, обусловленных местными условиями. Кантонные органы загса наблюдали и руководили работой местных органов загса — волостных и сельских.

Мало было формально создать органы загса, изъять метрические книги, веденные служителями религиозных культов, надо было завоевать доверие населения как широко развернутой политической и культурно-просветительной работой, так и путем усиления деятельности самих органов загса. Вначале население не обращалось в загс. Многонациональность, отсталость населения, еще не уничтоженное

религиозное сознание — все эти обстоятельства замедляли темпы развития института загса [Десять лет..., 1929, 39].

Большой урон половозрастной структуре страны был нанесен войнами, голодными годами. Если посмотреть статистические данные, только по Уфимской губернии за 1921-1922 г. было зарегистрировано актов смерти среди мужчин — 95414 и 70712 среди женщин. Мужская смертность превышала женскую, шла интенсивная внутренняя миграция, городское население увеличилось на 6,3%, а сельское же уменьшилось на 10,5%. В деревнях оставалось меньше мужчин по сравнению с женщинами, поэтому женщины были вынуждены быть и второй, и третьей ... женой. Многие даже не утруждали себя регистрацией брака, отношения складывались в форме простого сожителства или «любовных связей на стороне». На практике мужчина никакой ответственности за судьбу женщины и рожденных детей от этих отношений не нес. По этому поводу вспоминается герой-ловелас из сатирического рассказа писателя В.Канторовича «Дон-Жуан из Гадельгареева» — о похождениях башкирского многоженца Юсуфа Хамитова. Воспользовавшись тем, что калым был отменен, а загсы в Бурзяне еще не работали, никто брак не регистрировал, Юсуф Хамитов к своим 22 годам успел 5 раз жениться. Автор пишет, что после того как «...религия оказалась развенчанной и новая власть осудила калым», у многих сработал примитивный силлогизм: «за девку не плачено, значит и обязанностей по отношению к жене не возникает...» [Канторович 1967, 135]. Судя по архивным данным, таких Юсуфов Хамитовых в эти годы было немало.

Агитационно-пропагандистская работа в области популяризации советского права и регистрации брака в отделах загса постепенно давала свои результаты. Авторитет органов загса рос из года в год. Население понемногу свыкалось с существующим положением вещей. Однако, несмотря на существование загса, все еще большой процент населения, особенно в сельской местности, параллельно с записью в отделе загса обращались к духовенству за совершением того или иного религиозного обряда [ЦГАОО РБ.Ф.П.-122. Оп.5. Д.199. Л.25 об.].

Зарегистрировать брак могли лица, достигшие совершеннолетия (мужчина 18 лет и женщина 16 лет), и если они по медицинскому освидетельствованию были здоровы. Браки, совершенные до 1920 г. (без регистрации в загсе), сохранялись, а те, которые совершены после 1920-х г. помимо загса, считались недействительными. Национальность при заключении брака не играла роли. Жена имела право носить свою фамилию или фамилию мужа. Если один был болен, то другой обязан был содержать (при условии, что у него есть средства). Кто бы не являлся их отцом, дети, родившиеся в семье, считались законными. Женщина должна была заявить в загс еще во время беременности и указать отца. В случае если с женщиной одновременно жили несколько мужчин, то все они несли обязанность в материальной поддержке матери до родов, во время родов и ребенка до совершеннолетия. Развод мог состояться при отсутствии одной из сторон [ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.4. Д.189. Л.14-14 об.].

1 января 1927 г. вступил новый кодекс о браке, семье и опеке. К переработке кодекса 1918 г. побудил ряд условий экономического и

бытового порядка. За 9 лет существования советской власти семейный быт стал претерпевать изменения — старый кодекс не мог уже регулировать отношения, понадобились новые регулирующие нормы. Основным принципом нового кодекса являлось раскрепощение женщины, полное осуществление эмансипации и защита личных и имущественных прав супругов и детей. С того же года вводилась новая форма регистрационных книг загса, направленная к упрощению техники записей актов и сокращению употребляемого на это времени. В 1927 г. разрешился окончательно вопрос о передаче регистрации актов сельсоветам. Функции не передавались сельсоветам ранее из тех соображений, что работники их были еще не вполне подготовлены [Десять лет...1929, 40].

Таким образом, именно в 1920-е г. государство вводит основы советского загса на смену религиозным брачным обрядам, но не с целью укрепления семьи и брака, а борьбы с религией. Однако большинство населения наряду с регистрацией венчалось по религиозным канонам. Власть отчаянно боролась с такими явлениями с помощью женсоветов, комсомола и т.п.

Литература:

- Десять лет Советской Башкирии. 1919-1924. — Уфа, 1929. — 430 с.
Центральный Государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ).
Канторович В. Бурзянские рассказы. — Уфа, 1967.

Гришкина М.В., г. Ижевск

ДЕТИ И ДЕТСТВО В КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ XIX ВЕКА

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой».

В крестьянском мире круговорот времени и течение жизни воспринимались через смену поколений: дети — взрослые — старики наглядно и конкретно демонстрировали течение временного процесса. Жизнь в природном окружении была замкнута в круг. Природные циклы: восход и закат солнца, появление и исчезновение с небосклона луны, смена лета и зимы, цветение и увядание всего живого — повторялись с неизбежностью в круговороте времени. Философию неразрывной связи временных ритмов и смены поколений образно передает удмуртская народная песня.

Шунды но лужа но,
Шунды но пуксе но,
Нош ик со интые,
Толэзь но лужа.
Пиос но будо но
Пиос но кошко но,
Нош ик со интые
Пиос будыло.
Ньльёс но будо но,
Ньльёс но кошко но,
Нош ик со интые
Ньльёс будыло.
Толэд но вуэ но,

Толэд но ортче но,
Нош ик интые
Гужем чеберске.

(Солнце встает и садится, и снова сменяет его Луна. Взрастают мальчики, уходят в мир иной мужчины, и снова сменяют их мальчики. Взрастают девочки, уходят женщины, и снова их сменяют девочки. Приходит и уходит зима, снова и снова сменяет ее красное лето. Раскрываются и увядают цветы, и на их месте появляются плоды).

В тексте песни, построенной на параллелизме циклов природы и циклов жизни социума, как и в народной философии, важна мысль не только о неизбежной и закономерной смене времен года, периодов цветения и увядания во имя зарождения новых плодов, но и подчеркнутое равенство в ритме смены поколений и мужчины, и женщины. В удмуртской семье не отдавали предпочтения мальчикам, конечно, рождению пахаря были безмерно рады, но одновременно рождение мальчика означало увеличение налогового бремени (с 1724 г. подать стала подушной, в ее основе лежала мужская ревизская душа независимо от ее возраста). Мать, глядя на младенца-сына, уже кручинилась о его доле — не дай бог, падет на него рекрутская очередь, и будет он отбывать ее в дальних, чужих краях или скитаться, если станет беглым, не смея появиться в отчем доме. Девочка, конечно, тоже покинет родной очаг, уйдет в другую семью, будет вкладывать физические и духовные силы в продолжение чужого рода, но она будет не столь далеко, будет навещать родных. Кроме того, в труде удмуртские мужчина и женщина были равны: женщина прекрасно справлялась с работами, которые считались «мужскими»: «Их жены исправляют такая работы, которые у русских считаются не бабыми: ездят в лес за дровами, в дуга за сеном, на гумна за соломой и т. п.» — писал священник М.И. Осокин (Осокин М.И. 1857, 49)

Дети считались (и были) главным богатством удмуртской семьи. Недаром в удмуртской песне поется:

Пиё, пиё коркае но,
Соин шудо коркае.
Ныло, ныло коркае но,
Соин шулдыр коркае.

(Много-много сыновей в моем доме, и тем весел мой дом, много-много дочерей в моем доме, и тем весел мой дом). Выдающийся удмуртский этнограф Г.Е. Верещагин, основываясь на своих многолетних наблюдениях, писал, что удмуртские крестьяне «счастье полагают только в детях, особенно в сыновьях; поэтому у кого есть дети, тот считает себя вправе назвать себя счастливым, довольным судьбой». («Счастье в сыновьях» в период наблюдений Г. Верещагина определялось тем, что земельный надел с внедрением общинных переделов давался на душу мужского пола — М.Г.).

Явившийся в мир новый человек, независимо от того, родился ли он в браке или вне его, встречался с радостью, а его мать могла гордиться способностью к продолжению рода. Изучая разнообразные материалы уездных судов, в которых встречается немало дел о внебрачных беременностях, истреблении младенцев, мертворожденных, расследовании таких случаев на общинном сходе и т.д., мы не

столкнулись ни с одним подобным фактом, касавшимся удмуртской общины и удмуртского крестьянства. Это еще раз подтверждает, что ханжеская средневековая мораль не была присуща удмуртскому «миру». Дети, рожденные вне брака, назывались у удмуртов «*сяська выльысь шедьтэм нылти*» (найденные в цветах дети), сама поэтичная метафора характеризует отношение к явлению, называемому «незаконнорожденные дети». Г.Е. Верещагин в своих замечаниях о Сосновском крае приводит очень показательный пример: «в одной из деревень дочь зажиточного вотяка, не имеющего сыновей, (не будучи замужем — М.Г.) одарила отца здоровым мальчиком, и он, отец ее, подарил дочери «на зубок» 30 руб. и отпраздновал рождение внука особенно блистательно» (Верещагин Г.Е. 1996,103). Многие наблюдатели быта удмуртов подчеркивали, что рождение ребенка вне брака отнюдь не было препятствием для замужества его матери, напротив, ей, как доказавшей способность к деторождению, оказывали предпочтение.

Вновь возникшая пара молодых супругов вскоре после бракосочетания представлялась божеству Инву через особое жертвоприношение (Выл вöсь), и жрец просил для них счастья, мира, согласия, чтобы были у них дети и водилась скотина.

Рождение ребенка, как правило, происходило в бане — этом пограничном пространстве между двумя мирами — миром сакральным и земным. При первых признаках наступления родов призывали бабу-повитуху и начинали топить баню. И ребенок, и его мать должны были пройти обряд очищения через омовение, прежде чем влиться в повседневный, профанный мир. По наблюдениям К. Герда, собранным в 20-е гг. XX в., женщины чаще рожали в избе, но «неоднократное посещение бани для «распаривания ее тела и омовения говорит о том, что мы имеем здесь далекий пережиток обряда очищения, перешедший от предков» (Герд Кузубай 1997, 228).

Ребенка после обрезания пуповины обмывали теплой водой. Однако нередко роды заставляли женщину-крестьянку во время страды в поле, в сенокос — на лугах, и в этом случае она сама справлялась со всеми действиями, сопровождающими появление ребенка: новорожденного просто заворачивала в какую-либо часть своей одежды, обмыв холодной водой. Как отмечает К. Герд, у глазовских удмуртов обмывали ребенка холодной или так называемой «дряблой водой», т.е. водой комнатной температуры. При этом соблюдалось одно неперемное условие: малыша заворачивали в пеленку, изготовленную из старой, мягкой материнской или отцовской одежды. Этот обычай был продиктован не только и не столько экономическими соображениями. На наш взгляд, он имел психофизиологическое значение: ребенок сразу оказывался в поле воздействия энергетики родителей, которая была призвана защитить его от всех враждебных, злых сил. Необходимо отметить, что беременная женщина вела себя чрезвычайно осмотрительно, чтобы оградить себя и будущего ребенка от злых сил, колдунов, завистливых и злых духов. Окружающие также должны вести себя в ее присутствии очень осторожно, чтобы не нарушить равновесие необдуманном словом, неуравновешенной эмоцией. Женщина стремилась ничем не обидеть не только окружающих людей, но и животных. Она должна строго соблюдать все нравственные заповеди:

не должна воровать, ссориться, проявлять к кому-либо неприязненные чувства и выдать их взглядом. Любопытно, что совершенно интуитивно удмурты различали людей с доброй энергетикой – «*капчи киё*» (легкая рука) и с отрицательной – «*секыт киё*» (тяжелая рука). У первого типа людей, по их представлениям, все действия совершаются чрезвычайно легко и плодотворно как для самого человека, так и для окружающих. Люди же, обладающие тяжелой рукой, на все влияют отрицательно. В их присутствии все затрудняется, усугубляется, делаются продолжительными болезни, бедствия и т.д. По поверьям народа, здоровье и самочувствие ребенка зависели от того, кто перевязывал пуповину: если это был человек с «тяжелой рукой», нервный и сердитый, то дитя непременно будет много плакать и хворать (Герд Кузубай 1997, 233, 236).

Не случайно самой первой болезнью, которая грозила ребенку, по поверьям, был сглаз, поэтому на первых порах младенца старались не показывать посторонним, на руку ему повязывали красную нить, желающие взглянуть на малыша выполняли ритуал сплевывания в сторону очага со словами *син медаз усыы* (чтоб не сглазить). Обеспечить новорожденному и его матери здоровье и покровительство воршуда и почивших предков должен был ритуал, проводившийся в семейной куале. По сведениям «Описания Вятской губернии» 1850 г., «по рождении младенца старший в семействе делает жертвоприношение, разложивши огонь перед шалашем, становится у онаго всегда с непокрытою головою и выливает в онай из деревянной чашечки, называемой семык, несколько капель кумышки с произношением молитвы,.....подает оставшуюся кумышку первоначально родильнице, потом старшему по нем и и так далее всем вообще домашним, потом собираются соседи и угощаются кумышкою и горячей кашею, но последнюю до того не употребляют, пока каждый посетитель не подаст роженице на ломте хлеба ... какого-либо достоинства медную монету» (ГАКО, Ф. 574. Оп.1. Д.11. Л. 36).

Конечно, понятие об энергетике не артикулировалось в повседневной жизни, но удмуртский язык сохранил и донес до нас древний корень *ви*, в котором сжаты, скручены воедино и время, и пространство (*ви*–время, ~ *виэз шедтыны* 1) найти подходящий момент; 2) не упустить время); одновременно *вис* – промежуток в пространстве, промежуток, грань, межа; *виснумыр* – бесконечность; *виэыл* – стрезень, стремнина, перекал. Корень *ви* входит в основу целого гнезда слов, обозначающих жизненную силу, энергию жизни: *ви* – нерв; *вир* – кровь, *вирву* – плазма крови; *вирсэр*–вена, артерия, кровеносный сосуд; *езви* – сустав, *виэз*– ум, разум, сообразительность, *виым* – мозг и др. Эту же основу *ви* несут слова, несущие смысл лишения жизни, уменьшения жизненной силы, энергии: *висён* – болезнь; *виён*–убийство. Нельзя не обратить внимание на совпадение удмуртского корня *ви* и основы латинских слов *витальность*, *витаальный*, означающих жизненность, жизненный.

Умение управлять энергией, присущее в древности всем людям, жившим в неразрывном единстве с Природой и Космосом, впоследствии сохранили только колдуны и знахари, использовавшие свои знания в лечебной и вредоносной магии. В то же время во многих ритуалах, смысл которых уже утрачен, на эмпирическом уровне

сохранялось это стремление учитывать воздействие энергии, объединявшей человека с природным миром и со всей вселенной. Способом управления энергией «*ви*» было проговаривание вслух и про себя магических текстов и совершение определенных действий (круговые действия рукой при помешивании лечебного напитка; руки, воздетые к небу, при произнесении куриськонов). Смысл передачи жизненной энергии непосредственно ребенку от матери имело частое поглаживание его по головке, по спине со словами, выражающими любовь и ласку: «*гыдке, зарние, мусое!*», после чего плачущий ребенок вскоре успокаивался. Любопытна попытка обмануть, отвести от ребенка злые силы: обряд «продажи» ребенка родственникам или чужому человеку за монету, обряд выпекания «нового» дитяти в печи.

Укладывание новорожденного в колыбель сопровождалось также магическим обрядом «*кёкы шьид*», во время которого собираются все ближние родственники, и глава семьи просит у богини Инву «вордском пинаалы сёт шудбур» (родившемуся ребенку дай счастья), а в уголок колыбельки, в которой предстоит путешествовать ребенку вместе с матерью, кладутся между стенкой и постелью ножницы—железный предмет, призванный оберегать ребенка от всякой нечисти (Верещагин Г.Е. 1996,112).

Важнейшим элементом формирования физической природы человека у удмуртов была закалка. Наблюдатели отмечали, что малышей здесь никогда не кутали, напротив, доверяли их здоровье природным стихиям. «Влиянию холодной воды, которая употребляется при омовении по рождении, но и нередко и в дальнейшем возрасте при омовении от нечистот, надобно приписать то явление, что кожа вотских детей делается мало чувствительною к воздушным переменам, поэтому в деревнях нередко приходится видеть, как в зимнее время годовых или еще в меньшем возрасте детей, ничем, кроме рубашки не одетых и не покрытых, переносят через всю улицу в соседний дом, и без всяких, по-видимому, дурных последствий для ребенка», — писал протоиерей М. Фармаковский. «Далеко не редкое явление, когда ребенок босой и полуодетый зимой перебегает из избы в избу иногда на значительные расстояния — продолжает он. — В этих случаях перебежавший значительное пространство по снегу, по прибытии в избу прямо отправляется на печь и на печи согревает свои заоченелья ноги. А из бани дети большей частью препровождаются босыми и даже без штанов. Натуры крепкия, выдержавшие холод и голод и всякия невзгоды еще более крепнут и закаливаются. Ребенок с младенчества приученный ко всяким воздушным переменам, не знает впоследствии ни насморка, ни простуды, вынослив, терпелив. По достижении 7—10 летнего возраста он вместе со взрослыми работает в лесу в глубокую осень, иногда весь сырой и обмокший сидит на возу с дровами при сильном ненастном ветре, при той же утлой одежонке, его берут в проводники под извоз. Вообще, с самых юных лет под влиянием всевозможных воздушных пермен дети вотяков вступают в свою жизнь, и полуголодные, полухолодные доживают до глубокой старости» (Фармаковский М. 1897, 3). Точно такую же картину с оттенком осуждения рисует Г.Е. Верещагин: «малолетние дети зимой из обуви и одежды, кроме коротенькой рубашонки, на себе ничего не имеют и,

несмотря ни на какой мороз, ходят весь день босиком и сидят на полу, вдыхая в себя холодный воздух». Такая закалка имела следствием, что удмурты в самые лютые морозы одевались довольно легко, чем приводили в удивление и русских крестьян, и ученых наблюдателей их быта. Жалобы на холод в удмуртской деревне встречались довольно скептически: «*улэп мурт кызы кымоз?*» (живой человек разве может замерзнуть) — удивлялись крестьяне.

Закалка в дальнейшем продолжалась в труде, к которому удмуртские дети приобщались в очень раннем возрасте. С самого нежного грудного возраста ребенок делил с матерью, если так можно выразиться, ее труды: в колыбельке *мушко*, изготовленной для легкости из бересты или луба, она брала его с собой в поле, на луга, на овин, где во время перерывов в работе кормила материнским молоком (кормление продолжалось чаще всего до года, но могло растянуться и до 3 лет), баюкала, но чаще ребенок оставался предоставленным самому себе. Таким образом, терпение, которое все наблюдатели отмечали как одну из самых характерных черт удмурта, воспитывалось в нем с младенчества. Судебные дела свидетельствуют, что иной раз с детьми, оставленными без присмотра в поле, случались непредвиденные трагедии. В сентябре 1836 г. новокрещеный удмурт Ельцов привез в церковь умершую дочь и рассказал: «С семейством находился на жатве хлеба в поле и полугодовую свою дочь, спавшую в люльке, оставил за несколько расстояния у раскладенного огня, от ветру вылетевшими искрами воспалило на ребенке одежду, когда это было усмотрено, ребенок уже сильно обгорел» (ЦГА УР. Ф.126. Оп. 1. Д. 155. Л. 417). О случаях подобного рода повествует и Г.Е. Верещагин. Повседневный напряженный ритм труда приводил порой к трагедиям и в домашних условиях. Так, у новокрещена Уканской волости Данила Сунцова в 1830 г. сгорел дом и ребенок. Потрясенные родители рассказали, что «8 октября поутру в обыкновенное время по затоплении у них в жилой избе печи первые двое ушли для работы в лес, а жена, невестка и 14-летняя дочь Анна остались дома с 4-летним Алексеем и 2-летней Анной, спавшей в зыбке.. По закрытии трубы жена Анна с дочерью и мальчиком ушла в сени для ломания льна, а невестка Домна осталась в избе. Вдруг стоявший на печи для сушки лен вспыхнул. Домна стала с печи тот лен с огнем сбрасывать, Анна бросилась к зыбке и вынесла дочь сквозь дым и огонь на улицу». На мальчика не обратили внимания, не слышали его криков, и он сгорел вместе со всем домом и остальными строениями (ЦГА УР. Ф. 126. Д. 136. Л. 570).

Важнейшей нравственной ценностью народа, которая прививалась детям, было трудолюбие. Сказки, пословицы и поговорки, которые исподволь по мере взросления впитывались детьми, были проникнуты высочайшим уважением к труду как к источнику всех ценностей и самой жизни. «*Уж зарнильсь но дуно*», *Ужатэк кйт уг тыр*. *Ужтэк нянь уд басты*» (Труд дороже золота, без труда сыт не будешь) — утверждают удмуртские пословицы. Начиная с освоения навыков труда внутри дома, крестьянской усадьбы, дети постепенно подключались к труду на поле, в лесу, на лугах. При этом передача навыков происходила в процессе самого труда, на личном примере родителей, прежде всего отца и матери. Г.Е. Верещагин писал: «Находясь при работах и занятиях

родителей, дети их скоро и легко привыкают к работе; сын находится постоянно при отце, а дочь — при матери. С семи лет сыновья уже боронят, ездят за дровами, за сеном, а с десяти — владеют сохой, и с этого времени вотский мальчик уже заменяет большого работника во всех полевых работах. Девочки тоже с семилетнего возраста много помогают матерям в трудах их» (Верещагин Г.Е. 1996,49–50). В. Кошурников отмечал, что «мальчик лет девяти ходит с отцом на охоту в качестве ученика и пособника, где учится всем приемам скрадывания птицы и сжигивания зверя и, кроме того, знакомится с местами их гнезд и логовищ по следам их и перелету... Возмужавши, он становится хорошим охотником, настойчивым, терпеливым и ловким» (Кошурников В.С. 1880, 12). Архивные материалы дают поразительные свидетельства очень раннего и очень ответственного отношения детей к трудовым обязанностям. В семьях, в которых все взрослые жили в напряженнейшем трудовом ритме, дети очень рано осознавали необходимость посильного участия в делах семьи. Приобщаясь к повседневным заботам, они исподволь становились умелыми работниками, способными заменить родителей в нелегкой крестьянской доле.

Литература:

- Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собрание сочинений в шести томах. — Ижевск, 1996. Т.2.
Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Собрание сочинений в шести томах. — Ижевск, 1995. Т.1.
Герд Кузубай. Стихи, поэмы, статьи и научные работы, письма. — Ижевск, 1997.
Кошурников В.С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. — Казань, 1880.
Осокин М.И. Народный быт в северо-восточной России // Вятские губернские ведомости. 1857. — № 8.
Фармаковский М. Сведения по вопросам первоначального физического воспитания детей вотского племени // Вятские губернские ведомости. 1879. — № 93.

Гәбизуллина З.К., Өфө к.

БАШКОРТ ДӘҮЛӘТ ТЕЛЕН ҺӘМ ТУҒАН ТЕЛДӘРЗЕ ӨЙРӘНЕҮЗӘ УКЫТЫУСЫНЫҢ РОЛЕ

Мәғарифтың бөгөнгө төп максаты - белемле, ирекле, зыялы, әхлаки һәм физик яктан сәләмәт, тормошта үз урынын дөрөс билдәләүгә, киләсәктә үзен яклауға һәләтле шәхес тәрбиәләү. Педагогик процестын нигезен укыусы һәм укытыусы араһындағы мөнәсәбәт тәшкил итә. Баланың үзенә кызыкһыныуына, ихтияжына, һәләтенә һәм мөмкинлектәренә тап килгән белем алыуға хокуғы булыуы билдәле. Был һәр укытыусынан укымышлы шәхес һәм мәзәниәтле кеше булыуы талап итә.

Башкортостандың үзаллылык алыуы, башкорт теленә дәүләт теле итеп кабул ителәү һөҙөмтәһендә, республикабыҙың үзәндә лә, башкорттар күпләп йәшәгән төбөктәрзә лә башкорт дәүләт һәм туған телдәрен укытыуға иғтибар арта төштө. Бының сәйәси, рәсми һәм фәнни нигезҙәре бар: Рәсәй Федерацияһының һәм Башкортостан Республикаһының "Мәғариф тураһында", "Башкортостан халыҡтары телдәре тураһында" Закондары, «2006–2010 йылдарға Башкортостан Республикаһы халыҡтары телдәрен һаҡлау, өйрәнәү һәм үстәрәү буйынса Дәүләт программаһы» кабул ителде. Шулар нигезендә республиканың Мәғариф министрлығы тарафынан башкорт балаларына үз туған телендә белем биреү, башка милләт балаларын

башкорт теленә өйрәтәү буйынса Концепция төзәлдә һәм укытыу-тәрбиә пландары булдырылды. Айырыуса башкорт телен дәүләт теле буларак укытыуы заман талабы юғарылығына күтәрәү бурысы бөгөн илебез алдына куйылған үзгәртеп короу, йәмғиәттә демократлаштырыу, гуманитарлаштырыу, укыусыларзы яны карашлы шәхес, Рәсәйҙең һәм Башкортостандың патриотик рухлы гражданыны итеп тәрбиәләү менән билдәләнгән. Урта, дөйөм һәм профессиональ белем бирәү учреждениеларында ошо бурыстарзы хәл итеү күзлегенән сығып укытыусыларзың профессиональ белемле, белем кимәлдәре юғары булыуы, эффектлы укытыу технологиялары һәм алымдары кулланылыуы талап ителә. Әммә рус телле укыу йорттарында был йүнәлештә эшләгәндә иғтибар талап иткән мөһим проблемалар за килеп тыуы. Укытыусынан бөтә нәмәне янынан башларға: укыусыларға өндәрзе дәрәҗә әйтергә өйрәтергә, һәр һүзәң мөгәнәһен аңлатырға, һөйләмдәр төзөтөргә һәм укыусыларзың телмәрен үстәрәргә тура килә. Ошоларға нигезләнеп балаларзың йөш үзәнәлектәрен өйрәнәп был мәсьәләләрзе сисеү юлдарын һәм телде үзләштерәүгә йүнәлтелгән эффектлы алымдарзы эзләү талап ителә.

Укытыусы ин тәүзә балаларзы башкортса өйрәтәүзә төрлө социаль, физиологик, психологик һәм милли үзәнәлектәрзе иҫәпкә алырға тейеш. Күпселек укыу учреждениеларындағы кеүек үк укыусыларзың башкорт телен белеү кимәле төрлө. Башкортса бер аз аңлай алғандары менән бергә был телде бөтөнләй белмәгән укыусылар за бар. Был иһә укытыу эшен үзәнәлектә ойоштороуы талап итә.

Ин әлек "башкорт телен өйрәнәү уға нимә бирә, уны кулланыу мөмкинлеге ниндәй, укыусы телдән грамматик нормаларын өйрәнәме, көндәлек тормошта башкортса менән аралашырға, һөйләшергә һәрәкәме, башкорт телендә әҫәрзәр укып, тейешле мәүлүмәт аламы" һымак проблемалы һоразар куйыузан башлау күпкә отошло. Уға бөйлә рәүештә башкорт телен белеүзән мөһимлеген, кәрәклеген дәрәстә конкрет ситуациялар тыгузырыу аша укыусының зиһененә еткерәү күзаллана.

Балалар башкорт телен сит тел итеп кабул иткәнлектән, эште башкорт телендә һөйләшеү, телмәр төзөү кағизәләренән ин ябай формаларын аңлатыузан, үзләштерәүзән башлау шарт. Балаларзың телмәре урыҫса һөйләшеү кағизәләренә, структураһына калыплашқан, шунлыктан укыусыларзың һөйләү манераһы урыҫ теленән тулы күсмәһенә якын тора Шуның өсөн укыусыларға башкорт теленән кайһы бер орфоэпик кағизәләренә, тәржемә эше вакытында һүззәрзе бермә-бер тәржемә итеүзән хата булыуын, башкорт телендә һүззәрзән урынын күрһәтәүгә, аңлатыуға зур иғтибар бирәү мотлақ.

Замандың үзгәреш елдәре һөзөмтәһендә үз туған телдәрен һәм мәзәни традицияларын белмәгән "ата-бабалар һәм балалар"зың тотош бер быуыны үсеп сықты. Үз телдәренән мәхрүм калған ике-өс быуын үз балаларына туған телгә һөйөү тәрбиәләрлек хәлдә түгел. Был күренештән аяныслығын иҫбатлап Мәрийәм Буракайеваның түбәндәге һүззәрен килтерергә мөмкин: «Туған телебеззе белмәү аркаһында без кешелек донъяһы кимәленә күтәрерлек гилемебеззе өйрәнә алмайбыз, һөзөмтәлә башка халыктарзығына иҫебез китеп, уларзан өйрәнәргә мәжбүрбәз. Ә менәр йылдар буйы үз донъяһын үзә көткән, үз малын үзә

баккан, үз ауырыуын үзе дауалаған, үз ризығын үзе булдырған, буяуын да, барыһын да яһаған, булатын да койған, тимерен дә иреткән халкыбыз өсөн ғорурланаһы урынға уны һанламайбыз» [«Башҡортостан» гәзитө, № 95-96, 23 май]. Ошоларға нигезләнеп бөгөнгө көндө һәр башҡорт һәм туған телдәре укытыусылары алдында укытыу максатын тормошҡа ашырыу бурысы тора - укыусыларҙы туған телдәрен, үз халкының тарихын, мәҙәниәтен белгән, уның киләсәге менән кызыкһынған, ижадсы, һәләтле, әхлаки тотанаклы, изге күңелле кешеләр итеп тәрбиәләү. Был иң элек халкыбыздың ғөрөф-ғәҙәттәренә, йолаларына, музыка коралдарына, әҙәби комарткылары-бызға, мәҙәниәтебезгә, тарихыбызға һөйөү тәрбиәләүҙән башлана. Шиғриәт кисәләре, әкиәттәр сәхнәләштерәү, ихтирамға лайыҡлы шәхестәр менән орашыу-кисәләре ойштороу, фольклор байрамдары үткәрәү кеүек саралардың һөҙөмтәһе баһалап бөткөһөз, һанап үткән эштәр барышында укыусы сәнғәт, мәҙәниәт, тарих, әхлак өлкәһендәге мәғлүмәт менән яҡындан таныша, өйрәнә, эшләр, ләззәтләнә ала. һәр бала күңелендә донъяның матурлығына һоклану хисе кабына һәм ғүмер буйы байытып, илһамландырып йәшәүгә әйҙәр.

Әммә шуны ла билдәләп үтергә кәрәк: кайһы бер укытыусылар туған тел дәрестәрен уйын-йырға, байрам-концертка нигезләп ойштора. Был үз сиратта телдәрҙе фән буларак өйрәнәүгә ҡаршылыҡтар тыуыра, укыу процесына булған етди ҡарашты һызып ташлай. Укытыусы һәр дәрестә, синифтан тыш сарала тәрбиә менән укытыу максаттарын эзмә-эзлекле, параллель рәүештә тормошҡа ашырыу өстөндә эшләргә бурыслы.

Һәр бер укытыусы иң тәүҙә балаға шәхес буларак ҡарарға һәм уны шәхес итеп тәрбиәләүгә бөтә көсөн һалырға тейеш. Шуға ла укытыу процесы ваҡытында укыусылардың психологик үзенсәлектәренән сығып эш төрҙәрен билдәләүҙе өстөн ҡуярға кәрәк. Дәресте ойшторғанда баланың психологик үзенсәлектәренән улардың хәтерләү һәләтенә көслө булығын иҫәпкә алыу зарур. Укыусы нәмәнә күрә, ишетә - шулардың бөтәһен дә тиерлек хәтерләй, хәтерендә оҙак һаҡлай ала. Әммә уларҙы үз телмәрендә кулланырға кыйынһына. Шунлыҡтан һәр дәрестә мөмкин булған һәр оракта баланың әүҙем ҡатнашыуын тәмин итергә тырышырға мәжбүрбөз. Был төрлө юлдар менән тормошҡа ашырыла: укыусы иптәштәренә һорау бирә, һорауҙарға яуаптар таба, уларҙы дөрөс әйтә белә. Эш төрҙәрен һайлағанда укыусылардың укыу һәм белем кимәлдәре иғтибарға алына. Психологтар ҡарашы буйынса укыусылар төркөмдәрҙә эшләү эшмәкәрлеге аша тормошҡа өйрәнә, төрлө эш алымдарын үзләштерә. Әйтәйек, төркөмдәрҙә алып барылған эш төрҙәре барышында берҙәмлек, коллективлыҡ, үз-ара ярҙам күрһәтәү хистәре балаһан тиз һәм дөрөс яуап биреүҙе талап итә. һөҙөмтәлә ана шул һүҙҙәр, һөйләмдәр укыусының телмәренә килеп инә - бала үз максатына ирешә - дөрөс телмәр төзөргә өйрәнә һәм психологик ҡаршылыҡтарҙы юкка сығара, укыусылар араһында бер-беренә ярҙам итеү, ихтирам, толерантлыҡ хистәре тыуыра.

Һуңғы йылдарҙа укытыусылардың мәртәбәһен күтәрәү, укытыусының алып барылған эшенә әһәмиәтен баһалау буйынса байтаҡ эштәр алып барыла: «Йыл укытыусыһы» конкурсы уҙғарыу,

«Мәғариф» милли проектын әүзем тормошқа ашырыу, укытыусыларзың социаль тотороклоғон тәмин итеүгә нигезләнгән рәсми программалар қабул итеү, укытыусыларзың эшмәкәрлеген, тормошон яктырткан төрлө семинарзар, конференциялар, кәнәшмәләр үткәрәү, һ.б. Дәүләт кимәлендә алып барылған был ынғай эштәр укытыусыларзан үзенең эшенә талапсан һәм етди карашлы булузы талап итә. Тимәк, дәүләт һәм туған телдәре укытыусылары үззәрен укытқан фәне, уның методикаһы, педагогика һәм психология әлкәһендә эзләнеү, тикшерәү эштәре алып барған белгес итеп танытырға тейеш. Ул үзен филми, ижади яктан үсешкән шәхес булырға, яны осорза киң кулланылған информацийон технологияларзы үзләштергә, профессиональ белемен камиллаштырырға ынтылырға бурыслы.

Кызғаныска каршы, башкорт, туған телдәрзе өйрәнеүгә бөтә шарттар тыузырылһа ла укытыузың тейешле ынғай һөзөмтәләре һизәлмәй: укыусылар милли телдәрзе аралашырға ояла, дәүләт телдәрен укытыуға кире караштарын белдерә, туған телде өйрәнеүзән әһәмиәтен дөрөс баһаламай. Шуны ла билдәләп үтергә кәрәк: һуңғы йылдарза заман менән бер иш атлаған, хәзәрге замандың канундары менән йәшәгән ата-әсәләр «туған телдәге мәктәптәрзе түгел, ә урыс мәктәптәрәндә укытыу өстөнөрәк, ә туған тел «артык йөк», «артык мәшәкәт» тигән фекерзе үстәрәләр. Минәң уйымса, был фекерзән артабанғы үсешен булдырмау эше тәрбиә, белем бирәү йорттарында тәрбиәселәрзән, укытыусыларзан башланырға тейеш, башкорт телен дәүләт теле буларак өйрәнеү, туған телдәрзе укытыу мөһим урында булырға һәм Башкортостан Республикаһының һәр гражданынына уның нигеззәренә өйрәнеү өсөн бөтә шарттар тыузырылырға тейеш. Ә был үз сиратында дәресте методик яктан дөрөс, заман талаптарына тап килгән, укыусылар өсөн кызыклы һәм мауықтырғыс итеп ойштороу өсөн укытыусынан үзаллы эшләүзе, сит, туған һәм башка телдәрзе укытыу методикаһы буйынса кулланмалар һәм китаптар өйрәнеүзе, төрлө укытыу-тәрбиә эш төрзәрен кулланузы талап итә. Шул остракта ғына без бөгөнгө көндә мәғариф алдында торған укытыу-тәрбиә бурыстарын тормошқа ашыра аласакбыз.

Давлетишина З.М., г.Уфа

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИЗГОТОВЛЕНИИ ВОЙЛОКА У БАШКИР

До недавнего времени в быту башкир значительное место занимали женские домашние производства, связанные с переработкой шерсти и изготовлением войлока. Как и у других скотоводческих народов Евразии, у башкир сохранилось почтительное отношение к этому универсальному изделию, служившему атрибутом традиционных семейно-бытовых обрядов и ритуалов. Особенно ценилась белая кошма. Войлочные покрытия утепляли и защищали переносные жилища. Из войлока изготовляли подстилки, белые и узорные кошмы, молитвенные коврики, широко использовавшиеся в украшениях интерьера, в свадебных обрядах. Из него шили одежду, головные уборы, обувь. Он применялся при изготовлении свадебных и праздничных изделий: чепраков (серге, сергетыш), ковриков (кызыл түшәк). Имеются сведения об использовании войлока в качестве покрывала в погребальных обрядах (Белорецкий район, с. Серменево).

Изготовление войлока — древний процесс обработки шерсти, известный скотоводам Центральной Азии и евразийских степей. Катание войлока как вид домашнего ремесла было известно древним тюркам [Стеблева 2007, 13, 19]. Археологические материалы свидетельствуют о том, что древние кочевые племена, населявшие Алтай в IV–III вв. до н.э., обладали высоким уровнем художественной культуры, в т.ч. и в изготовлении войлочных изделий [Древнее искусство Алтая 1958].

Об умении башкир “валять войлок” и об “узорчатых войлоках” есть упоминания исследователей и путешественников XVIII и XIX веков (И.Г.Георги, В.М. Черемшанский, Н.Казанцев, П.И. Небольсин). В XX в. эти сведения пополнились наблюдениями и заметками этнографов С.И. Руденко и Н.В. Бикбулатова, а также членов этнографических экспедиций, организованных Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН. В 2006 г. появилась работа известного этнографа С.Н. Шитовой, в которой автор, опираясь на многолетние полевые исследования, музейные экспонаты и литературные источники, впервые рассмотрела полный процесс изготовления войлока и кошмоделии у башкир [Шитова 2006, 17–45].

В историческом прошлом изготовление войлока было знакомо всем башкирам. Однако в связи с переходом к оседлости и прежде всего с сокращением количества скота оно сохранилось в тех районах, где преобладало скотоводство полукочевого типа. По сведениям С.Н. Шитовой, до сих пор «в южных и восточных аулах катают войлоки однотонные постилочные и декоративные» [Шитова 2006, 27].

Специалисты отмечают, что «в целом в технологии изготовления кошем выявляется древняя основа, объединяющая в один ареал монгольские, многие тюркские, некоторые ираноязычные, отдельные яфетические (кавказские) народы» [Шитова 2006, 23]. Повсюду соблюдался обычай взаимопомощи: коллективный характер труда по выделке кошм; были известны одинаковые приемы «взбивания» шерсти и «катания» кошм. Одни из них тяготели к традициям коневодов Центральной Азии (работа верхом на лошадях), другие (ручное валяние) вели в оседлый быт овцеводов Средней Азии и Северного Кавказа [Там же].

Изготовление войлока у башкир, также как и у других народов, в том числе у казахов и киргизов, начинается с очень важного подготовительного этапа, включающего обработку шерсти. После этого переходили к свайлачиванию шерсти или созданию основы для войлока, т.е. предварительному уплотнению войлока. Известно несколько способов катания войлока: руками; ногами; руками, затем ногами; применяя силу лошади. Башкиры, согласно исследованиям, «зная все способы получения войлоков, предпочитали тот или иной, руководствуясь целесообразностью: количеством шерсти в хозяйстве, назначением и размерами кошмы. Тяжелые войлоки для юрт катали на лошадях, домашние — руками и ногами. Иногда начинали уплотнение с более интенсивной обработки, затем переходили на ручную отделку» [Шитова 2006, 23]. В южных районах Башкортостана при изготовлении небольших узорных кошм для достижения четкости узора, сохранения симметрии цветных пятен до сих пор применяют один из древних и популярных способов — ручной. Это занятие преимущественно

женское, и его осуществляют в обычных домашних условиях. Для создания больших войлочных изделий привлекают близких родственников или соседей, организуя коллективную помощь (өмә). Такая информация получена нами в ходе полевых исследований в Хайбуллинском районе. Этнографические работы подтверждают древность этого способа валяния войлока, он известен казахам, киргизам, туркменам, кочевым узбекам и таджикам, ягнобцам – потомкам ираноязычных согдийцев [Шитова 2006, 21-22].

Различают два типа войлочных изделий: одноцветные неорнаментированные и орнаментированные. В качестве постилочного материала чаще всего использовали неорнаментированный войлок. Вместе с тем применение кошм в художественном оформлении интерьера жилища и убранстве верхового коня обусловило необходимость их орнаментации. Как отмечает Н.В. Бикбулатов, было «известно несколько способов их декоративного оформления: аппликация тканью, вышивка, вваливание или вкатывание узора». В юго-восточных районах республики практиковалось стачивание, или так называемая мозаичная техника [Бикбулатов 1979, 63]. Существовала орнаментация непосредственно самого войлока, с одной стороны, и традиция покрытия кошмы узорной тканью или паласом – с другой [Там же].

У башкир в последние полтора-два века, согласно исследованиям С.Н. Шитовой, практиковался лишь один из известных технических приемов орнаментации войлоков, обусловленных фактурой материала, – создание орнамента вваливанием (вкатыванием) в основу прядей или слоев шерсти другого, чаще естественного, цвета. Этот прием (как видно – наиболее древний) знали все изготовители войлоков Евразийского континента. У многих тюркских народов войлоки с вкатанным орнаментом назывались одинаково – “ала кийиз”. Как и у башкир, вкатывание преобладало у алтайцев, каракалпаков, балкарцев, карачаевцев. Самобытность башкирского декора подчеркивали нечеткий, как бы размытый, не строго симметричный рисунок, несложные композиции из прямых линий, зигзагов и простейших геометрических фигур, разреженный орнамент. Дальнейшее развитие узоротворчества связано с использованием роговидного орнамента. Вкатанные узоры-завитки встречались в башкирских войлоках, изготовленных в оренбургских и приволжских аулах [Шитова 2006, 42].

В старинных башкирских войлоках использовалась некрашенная шерсть. Традиционным способом орнаментации войлочных изделий у башкир было сочетание темной и светлой шерсти в процессе скатывания войлока. Для этого шерсть, подготовленную в виде прядей или пучков для создания узора, «внедряли» в разложенный основной слой. При почтительном отношении к белому войлоку основа в кошмах могла быть светлой и темной, что зависело от того, каких овец в хозяйстве было больше.

У южных и особенно восточнозауральских башкир было распространено декорирование войлочных изделий аппликацией из сукна или плотной ткани. При украшении войлоков аппликацией геометрические фигуры (треугольники, ромбы) или «кускарные» узоры, вырезанные из фабричных или домашних тканей и сгруппированные в полосу, нашивались непосредственно на кошму или на фоновую

основу, которая в готовом виде прикреплялась к кошке. Декорирование войлока в виде аппликации было распространено также у восточных казахов и киргизов [Шитова 2006, 31-32].

Для юго-восточных башкир, также как и для народов среднеазиатского региона, особенно тюркских, было характерно использование техники лоскутной мозаики. Края войлока обрамляли черной, красной, зеленой полоской ткани, иногда дорогого бархата или сукна. Постилки и праздничные кошмы покрывали разноцветным чехлом из маленьких треугольников и квадратных лоскутков, собранных в мозаичный узор (корама). В искусстве «корама» важной была цветовая подборка материала: с помощью близких по тону лоскутков компоновались ромбы, звезды, уступчатые диагональные узоры, вписанные друг в друга контрастные зигзаги. При оформлении свадебных войлочных изделий – узорного чепрака под седло (серге, сергетыш) и нарядного коврика (кызыл түшәк) – использовались мелкая аппликация и сложная “кускарная” вышивка [Шитова 2006, 33-34].

В XX в. у башкир для украшения войлоков аппликационными и мозаичными узорами, а также вышивкой применялись специальные тканевые покрывки. Однако в характере большинства аппликационных нашивок (полосных, состоявших из зубцов, соединенных в цепочку ромбов, треугольников), в линейном и рамочном построении орнамента угадываются ранние общетюркские традиции. Это дает возможность исследователям предполагать, что у башкир, как у казахов и киргизов, прежде орнаментировалась сама кошма [Шитова 2006, 42].

В прошлом войлочные изделия украшались также орнаментированной стежкой, которую выполняли опытные мастера-стегальщики (һырыусы) [Шитова 2006, 42]. Орнамент в технике стежки наносился на войлок и у древних тюрков [Стеблева 2007, 13,19].

Для простегивания и обметывания полотнища войлочного изделия, прикрепления орнаментированного аппликацией чехла или сотканной шерстяной покрывки применяли специальную большую иглу (зур йыуан энә, кейез энәһе) (р. Сакмар) [Шитова 2006, 39-40].

Таким образом, принципы изготовления войлочных изделий у башкир однотипны с изделиями глубокой древности, это подтверждается археологическими материалами, в т.ч. изделиями, найденными в Пазырыкских курганах Алтая [Руденко 1953, 289].

В силу своих уникальных свойств войлок вновь становится популярным. Возрождение, сохранение и обогащение народных традиций в области искусства войлока – важное явление современной культурной жизни нашей республики. Начало мероприятию, превратившемуся во всенародный праздник башкирского войлока, было положено в 2002 г. в д. Рыскужино Абзелитовского района во время проведения фольклорного праздника «Ак кейезгә бағһам...» (Ступая на белый войлок...) [Кайдалова 2002, 16-17]. На научно-практических семинарах художественного войлока, ежегодно проводимых в РБ, народные мастера делятся своим опытом по созданию войлочных изделий, а приглашенные принимают непосредственное участие в процессе изготовления традиционного башкирского войлока. Уникальная ценность таких показательных семинаров также в том, что они сопровождаются старинными башкирскими обрядами: “Киленде

ак кейезгә баҫтырыу”, “Аҡ тәмләтеу”. Они возрождают народное искусство, подлинно народную культуру, вдохновляя народных мастеров и профессионалов на создание новых изделий. Свидетельством этого явления становятся многочисленные выставки декоративно-прикладного искусства.

Знаменательным моментом современности является то, что в последнее время в республике к этим мероприятиям стали привлекать молодежь. Такая работа ведется, например, в Хайбуллинском и Белорецком районах. В с. Серменево Белорецкого района Башкортостана под руководством учителя технологии МОБУ СОШ Гариповой Айгуль Иксановны и руководителя школьного музея, учителя географии этой школы Абдуллиной Ляйли Закировны создан кружок, на занятиях которого школьницы постигают азы традиционного кошмоваления, изучают секреты мастерства местных ковровщиц. Работы школьников неоднократно демонстрировались на выставках прикладного творчества учащихся, проводившихся в школе и краеведческом музее г. Белорецка. Свою творческую работу кружковцы начинали с тщательного изучения традиционного процесса изготовления войлока у башкир. Этнографический материал собирается у старожилов окрестных деревень. Опытные мастера с гордостью показывают свои ковры, старинные фотографии и охотно делятся секретами своего ремесла, помогают молодежи в овладении этим нелегким искусством. Практическую работу начинали с изготовления небольшого кусочка войлока. Когда был полностью освоен технологический процесс изготовления войлочных изделий, приступили к экспериментам: в белый войлок стали вваливать черные и цветные узоры. При изготовлении войлочного панно стали использовать разные виды шерсти: шерсть взрослых овец и шерсть ягнят.

В ходе творческой работы рождаются новые интересные идеи, связанные с новым нетрадиционным направлением в изготовлении войлочных изделий. В качестве украшения стали применять конский волос, внедрять в войлок кусочки холста, научились изготавливать не только однотонное полотно, но и многоцветные изделия. Весьма продуктивным и перспективным кажется дизайнерское направление в работе с войлоком. Имеются планы практического использования войлока не только в интерьере, но и в изготовлении современной одежды по национальным мотивам. На конкурсе кружковцы продемонстрировали некоторые эскизы будущих моделей.

Т.о., в изготовлении и украшении войлока у башкир применялись такие традиционные приемы, как катание кошм (наиболее распространенное — ручное), орнаментация войлока вваливанием (вкатыванием) в основу прядей или слоев шерсти другого цвета, а также аппликацией из сукна или плотной ткани, лоскутной мозаикой, вышивкой, стежкой. В современных башкирских войлочных изделиях стали применять такие нетрадиционные приемы, как использование в орнаментации войлока кожи и конского волоса, многоцветную орнаментацию широкого круга изделий.

Литература:

- Бикбулатов Н.В. Ковры и кошмы // Декоративное творчество башкирского народа. — Уфа, 1979. — С. 60-64.
Древнее искусство Алтая. — Л., 1958.

- Кайдалова К. «Ступая на белый войлок...» // Рампа. 2002. — № 10-11. — С. 16-17.
Полевой материал автора, 2008 г., Хайбуллинский район РБ.
Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953.
Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков. Историко-культурный контекст древнетюркской литературы. — М., 2007.
Войлок далекий и близкий / Работа, представленная на Республиканский конкурс по краеведению “Дорогами Отечества”. — Уфа, 2010 (МОБУ СОШ с. Серменево Белорецкого района РБ).
Шитова С.Н. Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир (Этнографические очерки). — Уфа, 2006.

Зайтунова Г.А., г. Белорецк

РОЛЬ ПЕДАГОГА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Значимость роли учителя в прогрессивном развитии общества определил русский педагог К.Д. Ушинский (1823—1870): “Воспитатель, стоящий в уровень с современным ходом воспитания, чувствует себя живым, деятельным членом великого организма, борющегося с невежеством и пороками человечества, посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святых заветов людей, борющихся за истину и за благо. Он чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра и сознает, что его дело, скромное по наружности— одно из величайших дел истории, что на этом зиждутся царства и им живут целые поколения”

Слово “учитель” известно людям всех возрастов, от школьника-шестилетки до почтенного старца. Учитель обучал грамоте первоклассника, а им в свое время был каждый из нас.

Но на житейском уровне учителем называют не только профессионального педагога, а любого человека, который научил другого чему-то: рукоделию ли, столярному ли ремеслу, управлению ли машиной, виртуозно-мастерскому владению музыкальным инструментом... — продолжать можно бесконечно. И люди уважительно, с почтением, называют такого человека своим учителем. Но мы будем говорить о профессиональных педагогах: учителях и преподавателях, воспитателях, наставниках и тренерах, словом, о тех, кто избрал учебно-воспитательную деятельность делом всей своей жизни.

За 25 лет работы в школе с младшими школьниками, я часто задаю себе вопрос: какой я учитель? Анализируя каждый свой урок, ставлю «плюсы» и «минусы» каждому этапу. Затем делаю вывод: от меня зависит судьба десятков, сотен детей. А если сложить труд всех педагогов, мне кажется, что вся планета держится на их плечах. Для того, чтобы увидеть результат труда педагога, я сравниваю работу учителя и врача. Свой результат врач увидит через 3-7 дней. Он говорит: «Состояние пациента пошло на поправку». Учитель увидит свой результат труда через много лет, т.е. ученик окончит школу, затем какое то другое учебное заведение, после чего как он найдет свое место в жизни. Вот тогда только учитель может говорить о результате своего труда. Отсюда я делаю вывод: учитель или воспитатель, начиная с малых лет должен посеять то семя, которое могло дать такой урожай, что с гордостью мог сказать: «Это мой ученик!» Для достижения такого результата учитель должен идти в ногу со временем, должен обладать всеми качествами, которые он хочет увидеть в своих учениках. Это

гуманность и образованность, патриотизм и интернационализм, честность, справедливость и многие другие качества, которые так необходимы в жизни человеку. Я думаю, только педагог, обладающий такими качествами, может научить жить таких же людей.

Особенно сегодня человек нуждается в новой нравственности, в новых знаниях, в новом менталитете, в новой системе ценностей. Кто их будет создавать? Конечно же, учитель остается центральной фигурой общества. Тут появляется другой вопрос: как?

Исходя из своей практики, я прихожу к следующим выводам. Младшие школьники верят в своего учителя, в его знания, в справедливость. Учитель для них высокый авторитет. Нужно, чтобы дети любили своего учителя. А ребенка надо нацелить на завтрашний день. Учитель должен уметь определить возможности ребенка. Отталкиваясь от этого, он должен выбрать эффективные методы и средства подачи знаний. Все это зависит от мастерства учителя.

Педагог вовремя должен прийти на помощь к ребенку, установить отношения сотрудничества.

Итак, школа для ученика – это прежде всего учитель, подчеркивал Д.Н.Узнадзе. Отсюда видно, что для ребенка личность учителя имеет большое значение.

Зинуров Р.Н., г.Уфа

ОБ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕВРОАЗИАТСКОГО (XIV-XV ВВ.) И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО (XVIII-XIX ВВ.) НОМАДИЗМА

В первой половине XVII века на двух противоположных сторонах земного шара начались великие войны двух совершенно противоположных народов за свободу – началась эпоха башкирских восстаний и индейских войн, в обоих случаях продолжавшаяся более двухсот лет. Начались они почти одновременно: на просторах Южного Урала примерно в 1616 году (год начала первого крупного выступления башкир), в Северной Америке в 1622 году. По теме об общности и закономерностях вооруженных выступлений этих народов нами уже была издана монография («Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории». Уфа, «Гилем», 2001).

Здесь мы обращаемся к такой неисследованной проблеме, как сравнение в этносоциальном и экономическом аспектах особенностей кочевых обществ этих народов. За неимением возможности в рамках данной статьи дать развернутую характеристику, ограничимся лишь наиболее существенными и заметными сторонами проблемы.

Основная этносоциальная характеристика башкирского и индейского обществ вкратце может быть сведена к следующему. К территориям, где этнически сформировались, они были привязаны не только в социально-экономическом плане, но в большей степени и в духовном. Поэтому они считали себя первыми и единственными хозяевами этих регионов. А право владения ими – первичными по отношению ко всем пришельцам. Разница столкнувшихся этнических систем, как в Евразии, в частности на Южном Урале, так и на далеких просторах Северной Америки, была огромна. Поэтому непримиримость противостояний была предопределена сутью социально-экономических укладов аборигенов и пришельцев.

Башкиры-номады этнически сформировались в результате взаимодействия и смешения различных кочевых племен (выходцев из глубин Азии) между собой, а также и местными финно-уграми. Номадизм башкир с сохраняющимися остатками военной демократии и родового общества индейцев Великих равнин стадии военной демократии объективно обеспечивали их полувоенный быт и союзы племен, необходимых для выживания в условиях тотального давления извне. При этом институт родоплеменных вождей и общинная жизнь сыграли огромную роль в их этнической консолидации. Осознавая связь жизнеспособности племени с наследственностью традиций и территориями, вожди и община стремились к изоляции и самостоятельности. Это, конечно же, требовало постоянного наличия и увеличения такого жизненно необходимого потенциала в степи, как табунное коневодство, неразрывно связанного с постоянными военными стычками за свои кочевья и пастбища. Именно данное обстоятельство обеспечивало и башкирам, и далеким от них по уровню социальной жизни индейцам воинственность и относительную организованность в войнах.

Предки индейцев-номадов также являются выходцами из Азии, но более древнего времени.

Социальная организация кочевых обществ башкир и индейцев была типичной для кочевых обществ: полувоенный и иерархический статус членов общества, институт самоуправления, элементы имущественного расслоения и военной демократии (у номадов-башкир уже лишь в виде отголосков).

В обоих случаях кочевой образ жизни этих народов по мере освоения их территорий странами-метрополиями постепенно сужался. Главный фактор здесь заключался в том, что договора на продажу земель, вначале погасив зреющие конфликты, позже становились причинами непримиримых противостояний, так как становились экономически невыгодны и переселенцам, и правительству. Постоянный и неконтролируемый поток переселенцев сводил на «нет» попытки мирных отношений с аборигенами и стремления правительств препятствовать самовольным захватам их земель.

Следует отметить, что свободные переселенцы как в Башкирию, так и на просторы американских прерий сыграли важнейшую, если не решающую роль в ограничении номадизма этих народов. Во-первых, сужались свободные земли для кочевий и пастбищ. Во-вторых, они, эксплуатируемые землевладельцами и правительством, являлись агрессорами в отношении земель аборигенов, а в период восстаний, соблазненные условиями возможной, быстрой наживы за счет аборигенов, становились защитниками своих господ. Все это позволяло правительствам России и США их легко использовать против подавления выступлений этих народов.

При этом, на наш взгляд, уровень их конфронтации по отношению к местным народам в значительной степени определялся материальной стороной, а не этническим невосприятием.

Говоря о боеспособности конных формирований башкир и индейцев, следует отметить, что башкиры, непосредственно сформировавшиеся на волне номадизма, имели древнейшие навыки конного боя, характерные для Великой степи. В то же время башкир и индейцев в этом плане

объединяло одно важное обстоятельство: среди них было много тех, кто служил в кавалерийских формированиях русской и американской армий, что в свою очередь, безусловно, сказывалось в какой-то мере на их вооружении, тактике и стратегии и, в конечном счете, боеспособности. Но заметим, что индейцы не привлекались к военной службе в кавалерии американской армии в массовом порядке. Но число индейцев-скаутов (разведчиков, проводников) было значительным. Так, в период последних войн индейцев прерий против правительства, и особенно в ходе великого сражения 1876 года на Литтл-Биг Хорн против 6-ой кавалерии полковника Кастера, индейцы-скауты оказали американской армии ощутимую помощь.

Таким образом, полного единства в их конных формированиях не было и не могло быть.

Но особенностей и различий в этих кочевых обществах все же было больше, чем объединяющих факторов. Кратко их можно свести к следующим обстоятельствам.

Образование племен башкир-номадов было завершено на столетие раньше — где-то между VII и VIII веками, тогда как возникновение индейского номадизма произошло только под давлением «белого человека» и шло одновременно с формированием новых племен, продолавшимися даже в XIX веке.

Социальное расслоение евроазиатского (башкирского) номадизма было завершенным, хотя атрибуты родоплеменной жизни еще стойко сохранялись (что объяснялось необходимостью военного сопротивления). В индейском номадизме оно было «зачаточным», но власть великих вождей к началу XIX века уже постепенно вытеснялась выборными военными вождями.

Все кочевые племена Евразии и, конечно же, башкиры в силу целого ряда объективных социально-экономических факторов постепенно переходили к оседлости. Напротив, племена индейцев прерий, которые вплоть до XVIII века все были оседлыми, под давлением колонизации на рубеже XVIII века преобразовались в номадов прерий. Номадизм индейцев значительно отсрочил конец их борьбы, тогда как переход к оседлости ускорил окончание военного сопротивления башкир.

Индейцы-номады за несравнимо короткий срок (не более одного столетия) ускоренно прошли путь становления и развития кочевого общества, на который у номадов Евразии потребовались столетия. При этом, по данным Ю.А.Аверкиевой и Дж.Велтфиш, индейцами были воспроизведены почти все характерные явления и особенности этносоциального быта кочевого общества. Это, на наш взгляд, свидетельствует об объективных закономерностях степного номадизма, без которых номадизм как социально-экономическое общественное устройство не мог бы получить своего развития.

Российская, английская, а позже и американская метрополии всегда предпринимали наиболее оптимальные меры военного подавления аборигенов и управления ими. Это, прежде всего, обуславливало необходимость подрыва социально-экономических основ их номадизма, с которым они справедливо соотносили способность этих народов к сопротивлению. Так, башкир царская власть принуждала в массовом порядке поставлять коней в русскую армию, зачастую ставя им

непосильные задачи. Сюда же следует отнести и уплату участниками башкирских восстаний «штрафных лошадей». А в прериях власти США целенаправленно уничтожали сотни тысяч бизонов. Индейцы же, для которых бизоны являлись средством к существованию, вынуждены были в поисках их уходить на территории других племен, что непременно влекло жестокие межплеменные войны. Следует заметить, что тому были подвержены как индейцы-номады (Кайова, Шайены, Дакота, Сиу, Кайова-Апачи и др.), так и оседлые племена (Пауни, Хикарилья-Апачи, Манданы и др.).

Другие примеры представляются наиболее результативными шагами правительств России и США по ускорению интеграции этих народов в свои государственные системы и по окончательному подавлению их военного сопротивления. Так, царское правительство в самом конце XVIII века лишило башкир возможностей военного сопротивления: Указом от 10 апреля 1798 года была введена кантонная система управления башкирами, с жестким военным режимом. Почти аналогичная мера была предпринята и властями США примерно в первой трети XIX века – система резерваций. Но надо отметить, что и кантоны, и резервации, как некий компромисс, преследовали двоякую цель: сохранили за аборигенами части их исконных территорий и, насильственно ускорив их интеграцию, лишили возможностей военного сопротивления.

В этом же аспекте следует упомянуть и другую меру властей, предпринятую чуть раньше. В 1735 году русское правительство учредило Комиссию Башкирских дел – специальный государственный орган с сугубо управленческими и карательными целями под руководством генерала А.Румянцева. В 1835 году правительство США также учредило аналогичный орган – Бюро по делам индейцев под руководством министра обороны Г.Нокса. Эти новые структуры под руководством и жестким контролем опытных боевых генералов сыграли решающую роль по ограничению степного номадизма этих народов: их свободные связи с другими племенами и народами отныне были пресечены, а такой жизненно важный атрибут социально-экономической основы номадизма – табунное коневодство отныне находилось под жестким контролем и давлением.

Свойства и особенности номадизма башкирских племен, упомянутые выше, в той или иной степени на протяжении веков были присущи и другим народам Евразии, на которых в рамках данной статьи мы не имеем возможности остановиться подробнее.

В целом, история и суть евроазиатского и североамериканского номадизма есть история столкновения различных этносоциальных систем.

Зинуров Р.Н., г. Уфа

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ОПЫТ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕЕ

«Соглашение Российского рабоче-крестьянского Правительства с Башкирским Правительством о Советской Автономии Башкирии» от 20 марта 1919 года, стало первым историческим примером договорного разграничения полномочий субъектов России и положило начало федерализму в России [Парламентаризм в Башкортостане 2005, 80]. Относительно реализации положений Соглашения, наряду с

определенной помощью центра, наблюдалось постоянное вмешательство в дела республики, проявлялось недоверие и пренебрежение к руководству республики, происходили острые конфликты.

Так, Пленум Уфимскому губкома РКП(б) 14 сентября 1919 года отметил, что Башревком не дорос до управления республикой и принял одностороннее решение о персональной перемене состава ревкома [ЦГАОО РБ, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 97]. В сентябре того же года, секретарь Оренбургского губкома И.А.Акулов на заседании заявил, что «...Башревком буржуазен и враждебен советскому строительству, является прибежищем контрреволюционного элемента» [Образование БАСССР 1959, 323].

Башобком РКП(б) буквально с момента своей организации стал претендовать на руководящую роль в сферах жизни республики придавая всем действиям Башкирского Правительства националистический смысл. Масла активно подливал Губком ЧК, уже превратившийся в реальную, разветвленную политическую силу. Желая отличиться перед центром, якобы раскрыв контрреволюционный заговор среди руководителей Малой Башкирии, лидеров Башревкома во главе с Харисом Юмагуловым, они считали сепаратистами и чинили им всеческие препятствия.

Положения Соглашения от 20 марта 1919 года, как правило, ими игнорировались. Особенно их возмущало то, что А.Валидов не будучи членом РКП(б) стоит во главе военного аппарата Башкирской Республики.

В январе 1920 года все это привело к тому, что в отношениях Башкирской республики и Уфимского обкома начался серьезный кризис. Рассмотрим два примера открытого и грубого вмешательства Уфимского обкома РКП (б) и губкома ЧК в дела Башкирского правительства.

Когда на основании Соглашения была определена структура центральных органов республики, и президиум Башревкома 12 января 1920 года сформировал отдел внешних связей и утвердил заведующим К. Ракая-Рычкова, Башобком определили этот как «первый шаг к полному отделению» и признал это назначение неправильным [История Башкортостана с древнейших времен до наших дней 2004, 165].

Камнем преткновения стал и вопрос о председателе ЧК Башкирской Республики. Башобком под давлением Уфимского ГубЧК настойчиво предлагал свою кандидатуру. На заседании Башобкома 22 декабря 1919 года на должность Председателя БашЧК, несмотря на протесты членов Башревкома, был назначен А.Измайлов, человек с сомнительным прошлым [Мардамшин 1999, 29].

Между тем, сотрудник БашЧК Карл Муценек, как потом выяснилось, внедренный агент Уфимского Губкома ЧК, утверждал, что БашЧК не подчиняется правительству Башкирской Республики, является здесь верховной властью и вправе проверять и контролировать работу членов Башкирского правительства [Мардамшин 1999, 31].

Видя открытую деятельность против Башкирской Республики, на экстренном заседании Башревкома 14 января было принято решение об аресте наиболее активных и одиозных лиц, фактически открыто ставших против башкирской автономии в столице Малой Башкирии Стерлитамаке: Измайлова, Шамигулова, Мустафина и Муценека, ко-

торых арестовали 15 января. Это обстоятельство немедленно было расценено как контрреволюционный заговор башкирских националистов.

Противостояние нарастало, и Башобком о контрреволюционности Башкирского правительства уведомил Ленина. Уже 16 января Ленин срочной телеграммой потребовал немедленного выезда Юмагулова в Москву для дачи объяснений. Навести порядок в Малой Башкирии было поручено М.В. Фрунзе, который ввел в Стерлитамаке военное положение и отдал приказ командиру Оренбургского укрепрайона И. Каширину направить в Стерлитамак конный отряд для пресечения беспорядков со стороны Башкирской Республики.

Между тем в Москве при особом отделе ВЧК была создана комиссия по январским событиям в Стерлитамаке. В мартовском заключении комиссии отмечалось, что Башревком по сути проводит сепаратистскую политику, направленную на полное обособление БСР от РСФСР [Мардамшин 1999, 49].

Комиссия предложила «...срочно отозвать Валидова под предлогом представительства его ВЦИК по делам Башкирии, отдав под наблюдение особому отделу, заменить состав всего Башкирского правительства» [Мардамшин 1999, 49]. Большую опасность увидели в бригаде М.Л. Муртазина, которого предлагалось немедленно убрать из Башкирии, отправив на польский фронт, что впоследствии и было осуществлено.

В решении Пленума ЦК РКП (б) 8 апреля 1920 года, по «башкирскому вопросу» отмечалось «существование контрреволюционной опасности в Башкирии». Было решено передать в Политбюро предложения о передаче суду Юмагулова, отозвать Валидова.

14 апреля на заседании Политбюро ЦК РКП (б), была утверждена комиссия в составе Сталина, Каменева, Преображенского для разработки пунктов взаимоотношений Башреспублики с РСФСР, предусматривался отзыв Валидова, Юмагулова и других в Москву.

Весьма примечательно, что в дальнейшем эти тезисы Политбюро легли в основу печально известного Постановления ВЦИК и СНК о государственном устройстве Башкирской республики, который резко ограничил самостоятельность Малой Башкирии вопреки пунктам Соглашения от 19 марта 1919 года. Красноречивым является и тот факт, что ВЧК в последующем контролировала ход выполнения решения Политбюро по Малой Башкирии [Мардамшин 1999, 52].

А. Валидов выехал в Москву 30 апреля 1920 года по вызову Сталина якобы для согласования вопроса о будущем государственном устройстве республики. Очевидно, что преследовалась цель его изоляции от Башревкома. 14 мая в ходе приема у Сталина последний заявил, что некоторые башкирские деятели считают свою республику независимой от РСФСР, а некоторые русские работники автономии Башкирии сводят на нет.

А. Валидов, отрицая обвинения в сепаратизме, отметил, что «...каждый из нас, придерживается основ Конституции РСФСР, где в пара-графе 8 записано о предоставлении рабочим и трудящимся каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном съезде, и мы непреложно стараемся провести в

жизнь эти положения Конституции и Соглашения от 20 марта 1919 года, а не оставлять их только на бумаге» [ЦГАОО РБ, ф. 22, оп. 4, д. 98, л. 53].

По телеграмме А. Валидова в Стерлитамак о намерениях центра ограничить автономию Малой Башкирии состоялось срочное совещание членов Башревкома. В записке на имя Валидова ими было выражено резкое несогласие с позицией центра. Они восприняли этот документ как прямое посягательство центра на автономию Башкирской Республики, как фактическую её ликвидацию [История Башкортостана ... 2004, 170].

Однако эти обоснованные на Конституции РСФСР и пунктах Соглашения от 20 марта протесты никто не захотел даже слушать. Упомянутое выше Постановление ВЦИК И СНК РСФСР от 19 мая 1920 года, принятое в одностороннем порядке, «О государственном устройстве БАССР», в ведение центральных органов передало комиссариаты иностранных дел, внешней торговли. Комиссариаты продовольствия, финансов, Совет народного хозяйства, РКИ. Управления почт и телеграфов при Народном комиссариате внутренних дел, оставались в непосредственном подчинении соответствующих комиссариатов РСФСР.

Таким образом, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 19 мая 1920 года, подписанное В.И. Лениным, М.И. Калининным и А.С. Енукидзе в одностороннем порядке, существенно урезал права Малой Башкирии. С юридической точки зрения, оно было нелегитимным, поскольку было принято без согласования с башкирской стороной — ведь очевидно, что речь шла о дополнении Соглашения от 20 марта 1919 года.

Этот необдуманный и волонтаристский шаг центральной власти привел к тому, что в Башкирской Республике начались массовые выступления башкир. О подавлении этих восстаний, как правило, было не принято говорить, так как пришлось бы признать массовые нарушения законности и произвол властей в отношении населения. Достаточно упомянуть имена Вячеслава Поленова, Руденко, Ключникова, Жилкибаева и других.

За неимением возможности в рамках данного выступления шире коснуться вопросов взаимоотношения Башкирской Республики с Уфимскими губернскими властями, с центром, лишь отмечу, что в корректировке статуса Башкирской автономии в сторону её резкого-го сужения на первом же году существования республики основную роль сыграла, прежде всего, великодержавная позиция центра, который в этом плане во многом превзошел аналогичную политику царского правительства на национальных окраинах.

Даже краткий правовой анализ современного состояния российского федерализма позволяет заключить, что ошибки и перегибы центра во федеративных взаимоотношениях с субъектами не только не учитываются, в некотором смысле почти копируются.

Важнейшими принципами федеративного устройства России являются единство системы органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов федерации, разграничение предметов ведения и полномочий между органами

государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов федерации, декларированные ч. 3 ст. 5 Конс-титущии Российской Федерации.

Таким образом, эффективность функционирования системы органов государственной власти России, де-юре и де-факто, напрямую связана с состоянием осуществления полномочий федерального центра и её субъектов. Реальным отражателем этих процессов выступает правовой подход сторон к вопросу осуществления совместных полномочий как важнейшего института реализации общегосударственной политики.

Исходя из целей успешной реализации государственной политики России всеми её субъектами, Конституция Российской Федерации в статьях 71 и 72 предусмотрела разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов федерации. Следует отметить, что разграничение полномочий между государством и его частями не является новшеством, впервые введенным во внутривполитическую жизнь российской Конституцией. Еще в Далекое XVII веке знаменитый голландский юрист Гуго Гроций утверждал, что основой внутривполитического права являются обязательства, принятые по взаимному согласию при образовании государства. По сути, речь велась о необходимости согласованности позиций центральной власти с другими уровнями власти на местах. Голландский юрист это называл «общественным договором».

Сегодня, в условиях реформирования основных направлений жизни российского государства в экономической, социальной и политической сферах, безусловно, важнейшее, а подчас и решающее значение имеет четкое осуществление Российской Федерацией, как центром, и её субъектами, своих полномочий в соответствии с их конституционным разграничением. Актуальность данного положения особо возросла в связи с продолжающейся в стране административной реформой, когда полномочия органов государственной власти субъектов федерации, постоянно меняются путем внесения изменений в законы, регулирующие порядок их организации и обеспечения деятельности.

Казалось бы, так и должно быть, ведь все субъекты Российской Федерации находятся в её правовом поле. Однако, очевидно, что федеральный центр при этом почему-то не принимает во внимание императивную конституционную норму о том, что разграничение предметов ведения между органами государственной власти России и органами государственной власти её субъектов, осуществляется Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Эта норма закреплена в ч. 3 ст. 11 Конституции России и ч. 2 ст. 4 Конституции Республики Башкортостан.

Не будем дискутировать относительно правового смысла и юридического содержания термина «иные договора», ведь даже не юристу очевидно, что здесь, прежде всего, имеется в виду официальный юридический документ, подписанный обеими сторонами, притом содержится конкретное указание, что это должен быть договор, а не закон или другой нормативный правовой акт.

Между тем, п. 2 ст. 26.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», допускает разграничение полномочий и посредством федеральных законов, что противоречит названной диспозиции ч. 3 ст. 11 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, можно говорить о том, что приведенная выше конституционная норма в настоящее время подменяется упрощенной правовой процедурой разграничения полномочий, при котором наблюдается сужение конституционных полномочий субъекта федерации. Об этом можно судить из практики подхода федерального центра к осуществлению совместных полномочий Российской Федерации и Республики Башкортостан, регламентированных в частности п. «л» ст. 72 Конституции Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов федерации, образуют единую систему исполнительной власти. Кроме того, частью 7 ст. 18 Федерального закона от 06.10.99 №184 «Об общих принципах организации...», установлено полномочие высшего должностного лица субъекта федерации по организации взаимодействия органами исполнительной власти субъекта федерации и федеральными органами исполнительной власти.

В развитие названного выше конституционного положения, Указом Президента РФ от 02.07.05 №773, установлена норма, согласно которой, федеральные министры до решения вопроса о кандидате на должность руководителя территориального федерального органа исполнительной власти, согласовывают кандидатуру с высшим должностным лицом субъекта федерации. Да, так и должно быть - пункт «л» ст. 72 Конституции РФ вопросы кадров судебных и правоохранительных органов, относится к предметам совместного ведения федерального центра и её субъектов. Однако, этот важнейший организационно-правовой инструмент разграничения полномочий в Федеральном законе №184 «Об общих принципах организации...» не нашел отражения. Между тем, в последние годы де-факто применяются лишь положения данного федерального закона.

Таким образом, конституционный предмет совместного ведения по этим вопросам, превратился лишь в прерогативу федерального центра. На законодательную инициативу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о внесении изменения в названный федеральный закон №184 в соответствии с Конституцией и Указом Президента РФ, было получено отрицательное заключение. При этом в обоснование позиции было отмечено, что взаимодействие предполагает и согласование, что, конечно же, не одно и то же.

Необходимо обратить внимание и на другие правовые аспекты, также свидетельствующие о том, что предметы совместного ведения, декларированные ст. 72 Конституции России, в настоящее время претерпевают значительное сужение в пользу федерального центра. Для краткости возьмем лишь кадры судебных органов, не затрагивая

правоохранительные органы, хотя и те, и другие, диспозицией п. «л» ст. 72 Конституции России, отнесены к предметам совместного ведения

Пункт 2 ст. 17 федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», исключает участие субъекта федерации в процедуре формирования Высшей квалификационной коллегии судей РФ. Это находится в явном противоречии с названной выше федеральной конституционной нормой. Аналогичным образом сужены полномочия субъектов федерации и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и об адвокатуре Российской Федерации» (напомним, что п. «л» ст. 72 Конституции РФ, кадры адвокатуры, также отнесены к предмету совместного ведения).

Таким образом, хотим мы этого или нет, но также напрашивается вывод о том, что на современном этапе интересы чрезмерной централизации власти (вертикаль власти), де-факто и де-юре, подменяют конституционный порядок разграничения полномочий. Тенденции федеральной власти таковы, что федеративный статус субъектов федерации, исподволь, претерпевает изменения в сторону его сужения.

Поэтому, если одним из основных принципов федерализма закрепленных в ч.3. ст.5 Конституции РФ в виде разграничения предметов ведения и полномочий нарушается в пользу унитаристских тенденций центра, то неизбежно будут нарушаться и другие его принципы.

Если ст. 1 Конституции Российской Федерации декларирует, что Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство (обратим внимание на слово «федеративное»), все его конституционные принципы должны неукоснительно соблюдаться, иное на современном этапе не отвечает целям и задачам укрепления и развития российской федеративной государственности.

Литература:

- История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Том 2. Уфа.
История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Том 2. Уфа, 2004.
Мардамшин Р.Р. Башкирская чрезвычайная комиссия. Уфа, «Китап», 1999.
Образование БАССР. Сборник документов. Уфа, 1959, с. 323.
Парламентаризм в Башкортостане. История и современность. Книга I. Уфа, 2005.
ЦГАОО РБ, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 97
ЦГАОО РБ, ф. 22, оп. 4, д. 98, л. 53.

Иванчина О.А., г. Самара

ЖЕНЩИНА В СТРУКТУРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧУВАШЕЙ (по материалам полевых исследований 2009 г.)

Семья — это основополагающая ячейка человеческого общества. Как определенная структура, она выполняет ряд функций, одной из которых является предоставление определенного социального статуса всем ее членам. Эта функция, как правило, характеризует традиционную аграрную семью, в которой четко соблюдалось жесткое распределение ролей, основанное на традициях и экономической целесообразности.

Работа посвящена одной из малоизученных проблем этнографии чувашей — роли и положения женщины в структуре отношений традиционной чувашской семьи, что связано с актуализацией гендерного направления в современной этнологической науке, а точнее, «женской» тематики.

Исследование построено на материале полевых исследований автора, географически частично охватывающие ареал расселения низовых чувашей — это село Хорновар-шигали Дрожжановского района Республики Татарстан; села Никольское, Старые Чукалы и Асаново Шемуршинского района Республики Чувашии. в опросе участвовали чувашские женщины в возрасте от 80 до 93 лет. выбор информаторов данного возрастного интервала определен наибольшей возможностью сохранения традиционных представлений о внутрисемейных отношениях.

Абсолютное большинство опрошенных женщин когда-то состояли в браке, но в настоящее время все они являются вдовами. среди информаторов была и женщина, которая ни разу не была замужем. этому могли способствовать, во-первых, религиозные убеждения самого информатора. женщина была староверкой и в молодости ограничивала круг общения со сверстниками, не посещала молодежные гуляния. Во-вторых, этому могло способствовать и тяжелая демографическая ситуация 40-50-ых гг. XX века, связанная с резким падением численности взрослого мужского населения вследствие Великой Отечественной войны.

Структура семейных отношений предполагает наличие отдельных линий взаимодействия, это — женщина с мужем, женщина с родственниками мужа (в первую очередь, со свекровью и свекром) и женщина с детьми. Значительная часть опрошенных женщин характеризуют отношение со стороны мужа как «уважительное», «доброжелательное» («ни одного злого слова не слышала от мужа»), но большая часть информаторов отрицательно отзывается о взаимоотношениях с мужьями. Среди наиболее распространенных замечаний является моральное унижение и физическое насилие в виде рукоприкладства. При всем этом, в абсолютном большинстве случаев браки не были расторгнуты, и лишь в одном из них женщина решилась на развод. У большинства опрошенных женщин супружество вызывает определенные ассоциации, связанные с несчастной судьбой, с неизбежностью всего происходящего, и видят выход только в терпении и покорности все это, с одной стороны, говорит о тяжелой жизни чувашской женщины в традиционной семье, а с другой стороны — именно женщине принадлежит исключительная роль в сохранении семьи. Последнее можно увидеть не только на примере покорности и терпения чувашской женщины по отношению к своему мужу, но и в том, что она становилась экономической, социальной и культурной основой семьи после смерти мужа, а это имело важное значение для семей наших информаторов, так как большинство из них очень рано стали вдовами.

Исследование показало, что большинству из опрошенных женщин после замужества приходилось совместно жить под одной крышей со свекром и свекровью. Отношения, которые складывались между молодой невесткой и родителями мужа были неоднозначными. Больше половины опрошенных чувашек с уважением и любовью отзываются о родителях мужа, хранят в памяти благодарность «за переданный опыт», «за своевременные советы», «за помощь в воспитании детей» и т.д. У другой части опрошенных женщин отношения со свекром и свекровью

складывались крайне отрицательно. Ярким примером этому может послужить взаимоотношение одного из наших информаторов со своей свекровью. В ходе интервью выяснилось, что причинами расторжения брака информатора явились недоброжелательное отношение и притеснения со стороны ее свекрови, выраженные в частых и необоснованных упреках («много спишь», «не так готовишь еду, не правильно печешь хлеб» и т.д.), а также в клевете на честь и порядочность замужней женщины («родила ребенка не от нашего сына»), что повлекло за собой ухудшение взаимоотношений с мужем. Примечательным фактом в данном случае является то, что после расторжения брака женщина, имея ребенка от первого брака, спустя несколько лет повторно вышла замуж за неженатого мужчину. По словам информатора, к расторжению брака и уходу от мужа ее родственники и члены сельской общины отнеслись с пониманием.⁶

Анализ линии взаимодействия «женщины с детьми» показал, что женщины, состоявшие в супружестве, являлись многодетными. Численность детей в семье варьировалась от 3 до 9 человек. Многодетность в семьях определялась установками на традиционное представление о роли женщины как прародительницы рода, на отношение к детям как к будущей рабочей силе, а также на отрицательное отношение со стороны родственников и членов общины к аборту.

Иззлбаев М.Х., Өфө к.

КОБАҒОШ МЕНӘН АКМЫРЗА ӘЙТЕШЕНДӨ ӘХЛАКИ КИММӘТТӘР ҺӘМ ИЛ ЯЗМЫШЫ САҒЫЛЫШЫ

XVI быуат баштарына караған мәшһүр комарткы – Кобағош менән Акмырза әйтешә башкорт ауыз-тел әзәбиәтендә ифрат зур урын биләй. Ике сәсән әйтешендә ил, ырыузар язьмышы, халыктың эзәп-әхлак киммәттәре айырыуса асык сағылыш тапкан.

Әйтешен тыгуу шарттары түбәндәгесә: Казан ханы Мөхәмәт Әмин нуғай мырзаһы Каракөләмбәтте Өфө кенәзе итеп тәғәйенләгәнгә тиклем Дим буйзарын, Торатау тирәһен Кобағош бей биләгән. Һунынан, ошо ерзәрзе тартып алған Каракөләмбәт (башкорттар уны “хан” тип атаған) менән яулаша торғас, Кобағош катайзар яғына касып китә. Уның Айбағош һәм Көнбағош тигән улдары үсеп, Үсәргән ырыуын кыйрата башлай. Үсәргәндәр башлығы Бикбау бей (Каракөләмбәт яклы) килешәү тәкдим итә. Ике яктың шарты буйынса, килешәү йыйында үтергә тейеш: “кем һөйләһә лә ирек булһын. Халык кемде ғәйепле тапһа, уға үлем булһын” [Башкорт халык ижа-ды: Эпос. Өсөнсә китап 1981, 132]. Күрәһен, Казан ханлығы вәкиленәң “болғауы” һөзөмтәһендә ике күрше ырыу үз-ара көсөргәнешле, үлемесле мөнәсәбәткә ингән. Килешәү сараһы ла дошманлык шарттарында үтә. Кобағоштон сәсәнлек ғәйрәгәнән куркыштыр инде, уны “нисек тә... һөйләтмәскә юл эзләгәндәр”. Каркөләмбәт хандың тәкдими буйынса, уны икенсе бер сәсәнән аңғармастан әйтәлгән йомағы менән енергә ниәтләйзәр. Кобағош көсөргәнешлектән кимәленә бәрәбәр тағы бер шарт куя: “Халык һинән дә, минән дә куркмаһын, беребеззе үлем көткәнән дә белһен. Минең улдарымдың береһе һинең күкрәккә, һинең улың минең күкрәккә хәйиәзәрән терәп торһон”. Ярыш инде башланды тигәндә, Бикбау

яны шартын тәкдим итә: “Бер сәсэнәмә кушам, йомак әйтһен. Шуға яуап бирә алмаһан, теләң киҗелһен. Башың киҗелһә лә, нишләтһәм дә үз иркемдә булайым”. Кобағош ризалаша, әммә, еңгән озракта теге якка ла шул шартты тәкдим итә. Икеһе лә килешәләр. Бына ошондай хәлдә башлана әйтеш.

Үсәргәндәр үз ырыуының һүз осталары араһынан иң маһирын – Акмырзаны һайлап, уға фатиха бирә. Борондан килгән традиция буйынса, алдында дошманы торғанда, ауыз-тел осталарының әйтер һүзә бер-береһен мыҗкыллауға, әсә келәүгә, рухын һындырыуға королор булған. Бында һисек һун?

Әйтеште Акмырза башлай. Тәүге 14 юл сәләм биреүгә, үзенең ниәтен белдереүгә иҗәпләнгән инеш һүзгә тартымы-рак. Шул арала Акмырза Кобағоштоң хәлен аңлағанын һиззәртеп куя, ике генә юл менән әйтеп тә бирә:

Илен-йортон үртәткән,
Үсәргәнде йөзәткән...

Ошо юлдарзың тулы мәғәнәһен асып қарайык: “Илен-йортон [хандан] үртәткән [дә, ситкә китергә мәжбүр булған, шуға күрә ырыу башында хан яклы Бикбау бей торған] Үсәргәнде [ул үзә лә яу менән] йөзәткән”. Артабанғы уйы һисек Кобағоштоң: “булат қылысын һелтәрмә, һүзән әйтеп китәрмә?” һис тә мыҗкыллауға, рух һындырыу ниәтенә окшамаған был инеш. Ошонан һун инде Акмырзаның “йомарланған һүзлә” телмәре – йомактар циклы башлана.

Беренсә йомактағы кинәйәлә образдар: һунарсы, кош (тал турғайы), ябалак, игәрзәр, арыслан. һунарсы “күзән қарға суқыған, йөзәп йөнә екегән, қанаты һынык, башы юк” хәлендәге бер кошто атып ала; “ябалактан йөн алып”, кошто уға бирә; “қара төндә ай-һайлап, игәрзәрен өҗкөтөп”, бер арысланды тотта, уға ин киртә. Был нимәнә аңлата? Бер юлы йомақтың йәбешкәген дә күрһәтеп бирә Акмырза: һунарсы – Кобағош түгелме? Кош, арыслан – Үсәргән менән бей түгелме? Игәрзәре – улдары түгелме? Яуап түгел, йәбешкәк кенә. Яуапты Кобағош әйтергә тейеш. һунарсы – бей; имгәнгән кош – бөлгән ил; ябалак – хан; игәрзәр – яһаксылар; арыслан – асыуынан ярһыған ил. һунарсының кош атып алыуы – бейзәң үз илен хандан тапатыуы, мал-тыуарын талатыуы; кошто ябалакка биреп йөн алыуы – илен ханға һатып, “йөндәй осор юк дан” алыуы; игәрзәрзә өҗкөтөү – яһаксыларзың илде аямай талауына юл қуйыу, ил асыуын арыслан ярһыуы хәленә еткерәү. Йомақтың ошондай сиселеш алыуын Акмырза үзә лә белгән, дәрәсәрәге – шуға иҗәп тотқан, булырға тейеш: сөнки хан қысымы астында қалған ил хәлә куштан бейзә кәнәғәтләндергән озракта ла, сәсендә тыныс қалдырмаҗ. Был хәл Кобағоштоң хан изеуә астындағы Үсәргән иленә килеп, бейзә йонсотоуы (йәбешкәктәгесә) ише генә түгел. Әгәр Акмырза Кобағоштоң яуабына риза булмаһа, бәлки артабанғы телмәрен уны кире қағыу йүнәләшендә дауам итер ине. Юк, Акмырза тыныс, хатта кәнәғәт тә һымак: киләһе өс йомак тәүгеһенен яуабындағы фекерзәрзә тағы ла тәрәнәйтә төшөү ниәтендә бирелә. Өсәүһе бер телмәрзә, бер-бер артлы әйтелә.

Икенсә йомақтың асылы: “Дингеззән дә ятыулы, Уралдан да артыулы нимә булыр?”

Өсөнсөһөнөкә: Хандан күркмаҗ, бейзән өркмәҗ кем бар?

Дүртенсөһенекә: Хандан ғәййәр, бейзән тайяр кем бар?

Быларға Қобағоштон яуаптары: Ил зары. Сәсән. Батыр.

Әлбиттә, Қобағош ул яуаптарзың һәр қайһыһын йыйындағы халык ишетеп, күнеләнә һендереп калырлық итеп тасуирлап, сәсән менән батырзың күркәм сифаттарын тезеп һүрәтләп бирә. Әммә Акмырзаның йомағында ла уларға (әйтеләсәк яуап төшөнсәләренә) анык характеристика бирелә. Иғтибар итәйек әл! Акмырзаның йомағында *ил зары* – “яманға каршы тулқынған, якшыға қарап урғылған”. Ошо йомакты үзә биргән сәсән кеше ил зарының нимә икәнән аңламай булырмы? Йомактағы *сәсән* – “булаттан үткер, яу қыйыр; кан сығармай, яу һуйыр”. *Батыр* – “ағыр һыузы актырмаҫ, юлына тузан ятқырмаҫ”. Иң мөһиме – ханға ла Акмырзаның үз характеристикаһы бар:

“Мин – мин” тигән, “мин” тигән,

Бауыры бөтөн хозайзай,

“Мин, үзем мин – хан” тигән,

“Бар фарманым – дан” тигән...

Акмырза менән Қобағоштон әйтеше, ғәмәлдә, илдә килеп тыуған хәлдә, ил зарын, сәсән вазифаһын, яугир егет бурсыын, “мин-минлеклә” хан һәм уның көйөнә бейергә әзәр торған бейзең кемлеген халыкка бергәләп, бер-беренә өстәп, тулыландырып асып биреүгә королған. Йыйында сығыш яһаған ике сәсән – ике “актер” – үз ролдәрен ифрат унышлы башкара, уларзы тынлаған һәр төркәм сәсәндәр һүзән үзәнә кәрәгенсә қабул итә. Акмырзаның төп фекере ғәйәт ошта йәшеренгән, эргәһендә торған Бикбау бей һәм уның яклылар Үсәргән сәсәнән үзәрәнсә (йәбешкәктәгесә) аңларға мөмкиндрә. Әйзә, шулай аңлаһындар. “Театрзағы” “роль” буйынса тап шулай кәрәк тә. Иң мөһиме – халык дәрәс аңлаһын. Ә уның өсән барсолаһы юк, сөнки Акмырза Қобағоштон дәрәс яуабына иҫәп тота. Яуап һәммәһенә, шул иҫәптән үсәргәндәргә һәм Бикбау бейгә лә, тәғәйенләнгән. Акмырза менән Қобағоштон әйтешенән һуң ырыузар араһында бығаса йәшәп килгән көсөргәнәшлек һүреләү яғына табып ынғайлай. Бының иң тәүге билгәһе – Бикбау менән Қобағоштон улдарының кулындағы хәййәрзәрзең қындарға тығылыуы. “Азақ Қобағош, Бикбау бейгә якын килеп, тағы ла өстәп” әйтеп қуя. Артабан да яманлығын қалдырмаһа, “хандан күнелән уймаһа”, көрәштең дауам ителәсәген қиҫәтә:

Толпарға менгән улдарым

Атанан күргән юлдарын

Ташлап ситкә тайшанмаҫ,

Һыныңа қарап аңшаймаҫ,

Сергәһенән кан кисмәй,

Арысландай айқап кан әсмәй,

Аттан әйәр алмаҫтар, ау,

Қыңға қылыс һалмаҫтар.

Башкорт ырыузарын бер-беренә каршы котортоусы көс – хан (уның йөзөндә – Каракөлөмбәт) икәнлегә артабанғы вақиғаларза тағы ла асығырак күренә. Халык Қобағош яғына “ықлағас”, Каркөлөмбәт “түзмәгән, касқан”. Шунан һуң Бикбау “Қобағошқа буй биргән”; азақ бүтән бейзәр менән бергә ак батша яһына һөйләшәргә барған. Тимәк,

ике сәсэн әйтеше ырыузарзы үз-ара кан койоштарзан курсалап алып калған, ил эсендәге алдағы ынғай үзгәрештәргә юл асып ебәргән.

Әзәбиәт:

Башкорт халык ижады: Эпос. Өсөнсө китап. – Өфө, 1981. – 132-се бит. Артабанғы өзектәр ошо китаптағы “Кобағош менән Акмырза” тигән язманан килтерелә (131-137-се б.)

Илимбетова А.Ф., г. Уфа

ОРЕЛ В ФОЛЬКЛОРЕ, ОБЫЧАЯХ И ПОВЕРЬЯХ БАШКИР

Проблема культа орла у башкир интересовала многих этнографов и фольклористов. С.И. Руденко в своих трудах обратил внимание на почитание башкирами орла («бөркөт» / «карағош») [Руденко 1955, 327]. А.Н. Киреев, Р.Г. Кузеев и А.М. Сулейманов связывали с тотемическим культом орла этнонимы «карағош» и «бөркөт» в родоплеменной номенклатуре башкир. В этот же круг артефактов они относили причисление орла в сонм священных птиц отдельных этнографических групп башкир [Кирәй 1961, 34; Кузеев 1957, 48–57; Сөләймәнов 1997, 180]. Сказочные мотивы о чудесном муже в облике орла и о благодарном беркуте, помогавшем герою жениться на красавице анализировались в работах М.Х. Мингажетдинова и М.М. Сагитова [Мингажетдинов 1971, 301, 307; Сагитов 1984, 80]. М.М. Сагитов затрагивал также тему о месте образа орла в хореографическом искусстве и песенном фольклоре башкир [Сәғитов 1987, 82]. Апотропейные функции орла и частей его тела (когти, клюв) рассматривались в исследованиях Ф.А. Надршиной и Ф.Г. Хисамитдиновой [Надршина 1999, 27; Хисамитдинова 2006, 41]. В монографических трудах С.Н. Шитовой даются описания и рисунки женского украшения из когтей беркута, изображений орла на бытовых предметах и в архитектурном декоре башкир [Шитова 1995, 109; Шитова 2001, 102–106; Шитова 2004, 186] и др.

В сказочном фольклоре башкир широко известен мотив отождествления человека и орла. Так, в сказке «Серая ворона» девушка, воспитанная дэвом, могла войти в различные образы, в том числе орла [БНТ 1989, 74]. В сказке «Таз-батыр» Таз-батыр мог превращаться в орла, встряхивая плечами [БНТ 1988, 350, 354, 359]. В эпосе «Идукай и Мурадым» (версия Р. Нигмати, Б. Бикбая, М. Бурангула и А. Усманова) Мурадым поднимается на сторожевую гору хана Туктамышша, приделав себе орлиные крылья. Ханские люди принимают его за орла [БХИ 2000, 351]. Факт уподобления человека орлу обнаруживается и в обычае армянских башкир (Челябинская область) называть грудного ребенка словом «балапан» («орленок») [Максютова 1996, 84]. В устных рассказах «Молодой охотник и мяскай», «Озеро счастье» и др. орел наделяется способностью говорить по-человечески. В сказках «Езтырнак», «Сказка о беркуте» и др. необыкновенные орлы обладают даром приобретать человеческий облик, жениться на девушке и вести человеческий образ жизни [БНТ 1989, 203, 209, 212; Сагитов 1984, 80]. М.М. Сагитов отмечал, что в башкирских сказках беркут выступает в ипостаси прародителя [Сагитов 1984, 80]. Орел числится родовой птицей, онгоном катаяских башкир [Кирәй 1961, 34], кыпчаков, бурзянцев [Ахмеров 1996, 33; БХИ 1995, 275, 276; БХИ 2004, 159; Полевой дневник (в дальнейшем – ПД) Илимбетова 1966, 12, 41; Сөләймәнов 1997, 180], яиксыбы-минцев [Кузеев 1957, 80; Сулейманова 2005, 24], табынцев

[БХИ 2004, 158, 457; Кузеев 1974, 254; Сулейманова 2005, 24]. Следы воззрений предков башкир о тождественности (несмотря на все различия) отдельных групп людей и орлов, их принадлежности к единой общности, взаимном родстве и происхождении от единого тотемического предка отчетливо проступают в родоплеменной номенклатуре и антропонимии, где зарегистрированы родовые подразделения «карагош» («орел») в составе бурзянского рода жанса [Кузеев 1957, 48–57], «беркет» («орел») в составе восточно-табынского рода кара-табын [Камалов 1994, 286; Кузеев 1957, 48–57] и «беркет-катай» у катайцев [Кирей 1961, 34]. Возможно, к слову «беркет» восходит и родовой этноним «меркет-мен» («миркит-мин») [Кузеев 1974, 314] у минцев. К этому же кругу раритетов относятся личные имена Балапан (Орленок), Беркет (Беркут), Карагош (Орел) [Кусимова 1991, 19, 23, 166, 184], Беркетхан (Беркут+хан) [БНТ 1989, 87] и фамилии Балапанов и Карагушев (Хайбуллинский район РБ). Башкиры считали, что носитель такого антропонима приобщается к тотемной птице, приобретает ее силу, зоркость, стремительность и храбрость. Орел как тотемная птица входил в круг сакральных существ. Его признавали священной птицей (Баймакский район РБ [ПД Илимбетова 1966, 66], Люксембургский район Оренбургской области [БХИ 1995, 58]), запрещали убивать, разорять его гнезда и рубить деревья, на которых гнездились орлы (Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский районы РБ). По суевериям башкир, при нарушении этих табу виновника наступала неминуемая кара – погибнет не только провинившийся человек, но и весь его род (Баймакский, Бурзянский районы РБ) [ПД Илимбетова 1966, 1, 5, 11, 25, 36, 66]. В фольклоре, обычаях и поверьях башкир орел как первопредок предстает в облике заступника людей, в первую очередь покровителя семьи, женщин и рожениц, охранителя жизни младенцев. В сказках благодарный орел дарит батыру свое перо, которое придавало ему силу во время сражения с дэвом («Озеро счастья»); помогает молодому джигиту поймать птиц-оборотней, дочерей мяскай («Молодой охотник и мяскай»); оказывает всяческое содействие герою в поисках его жены, похищенной страшной птицей с медными когтями и найти спрятанную в яйце душу этой демонической птицы («Езгырнак»); перевозит на своей спине сказочных персонажей в нужное место («Абдулла и Зубейда», «Езгырнак»); помогает батыру добыть невесту – дочь бире (злого духа) и создать семью («Биранхылу – дочь бире») [БНТ 1989, 91, 166, 207, 209, 210, 213, 345]. При тяжелых родах роженице давали пить воду, прополоскав в ней орлиный коготь (Бурзянский район) [ПД Илимбетова 1966, 20]. Если в семье не выживали дети, то, поймав в горах орла, приносили его домой, обводили им несколько раз новорожденного, а затем отпускали его на волю [Башкортгарзың им-том китабы 2006, 27]. Испытанными охранителями жизни и здоровья младенцев от нечистых сил служили орлиные когти, прибитые к колыбели ребенка (Абзелиловский, Бурзянский [ПД 1966, 19, 45], Белорецкий [ПД 1971, 19], Зианчуринский [ПД 1970, 65], Зилаирский [ПД 2005, 23], Хайбуллинский [ПД 1968, 7] районы РБ, Кувандыкский район Оренбургской области [ПД 2001, 50]). Чудотворные свойства приписывались различным частям тела орла. Так, мясо орла использовалось при лечении от укуса

бешеной собаки: им кормили пострадавшего человека (Альшеевский район РБ) [ПД 1969, 61]. Когти и клюв беркута применялись знахарями при лечении болезней как отпугивающие злых духов средства [Надршина 1999, 41]. В сказке «Санай-батыр» герой вылечил своего отца, больного от удара молнии, напоив его кумысом, вытекшим из волшебного орлиного когтя [БНТ 1989, 345]. Среди башкир бытовало поверье, что если носить при себе орлиный коготь – человека не коснется никакое моровое поветрие («зэхмэт») [БХИ 1980, 31]. Знахари царапали когтем орла злокачественную опухоль (Хайбуллинский район РБ) [ПД 2000, 77]. К числу надежных оберегов от всякой вредоносной скверны относились и изображения орла. Об этом говорят, в частности, чучело орла, растянутое на фасаде одного из домов в с. Шигаево Белорецкого района [Шитова 2004, 186], веерные узоры и накладные орнаменты под названием «беркөт» («беркут»), часто встречающиеся на наличниках окон домов в Хайбуллинском, Бурзянском и Белорецком районах РБ [ПД 2000, 81; 2004, 186] и рельефные резные узоры под тем же наименованием («беркут») на стенках и крышках кумысных кадок («кымыз тәпәне») (Бурзянский район РБ) [Шитова, 2001. С. 102]. Отголоски культа орла дают о себе знать в песенном и танцевальном фольклоре башкир. В легенде народного наигрыша «Ак яурын беркөт» («Седой беркут – белое плечо») рассказывается (вариант К.М. Диярова) о том, что некий молодой охотник обнаруживает в горах Ирлендыка орлиное гнездо с двумя птенцами. Он поднимается на скалу, забирает из гнезда одного из двух птенцов. В это время орлы возвращаются в гнездо и, увидев, что пропал один из птенцов, взмывают в небо и, заметив спускающегося с горы человека, бросаются на него. Юноше удается спастись бегством и принести орленка домой. Орлы долго искали своего птенца, с печальными криками кружа под облаками. Старики советовали охотнику отнести орленка обратно в орлиное гнездо, говоря, что в противном случае его настигнет проклятие орлов. Однако сделать этого не было возможности. Не в силах забыть скорбные крики орлов, молодой человек заиграл на курае зародившуюся в душе мелодию [Дияров 1988, 28–31]. В другом варианте легенды, записанной Ф.А. Надршиной, говорится, что батыр во время большого йыйына (праздника) подобрал птенца беркута, выпавшего из гнезда с вершины горы. Вернувшаяся с охоты орлица увидела своего птенца в руках молодого человека и ринулась на него сверху. Она кинулась на него и стала раздирать его тело острым клювом. Джигит очнулся и, собрав все свои силы, в борьбе оторвал ей голову. Затем вынул из чехла курай и заиграл с каким-то странным воодушевлением. Доиграв мелодию до конца, батыр сказал: «Это песня Седого беркута – белое плечо», – и снова потерял сознание [БНТ 1987, 379–380]. В баш-кирской народной хореографии известны танцы «Бөркөтгәр бейеүе» («Танец беркутов») и «Сәмреғош» («Самригуш»), в которых телодвижениями и руками изображают парение орла в облаках и стреми-гельный бросок сверху на жертву. Исследователи отмечают тотемический характер этих плясок [Нагаева 1981, 54; Сағитов 1987, 82]. Весьма возможно, что в глубокой древности эти этнографические и фольклорные раритеты могли оказаться

элементами какого-то единого тотемического обряда, в частности тотемического праздника орла.

Литература:

- Ахмеров Р.Б. Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. — Уфа, 1996.
- Башкирское народное творчество (в дальнейшем — БНТ). Предания и легенды. — Уфа, 1987.
- БНТ. Богатырские сказки. — Уфа, 1988.
- БНТ. Волшебные сказки. Сказки о животных. — Уфа, 1989.
- Башкорт халык ижады (в дальнейшем — БХИ). Эпос. Беренсе китап. — Өфө, 1972.
- БХИ. Мәкалдәр һәм әйтемләр. — Өфө, 1980.
- БХИ. Йола фольклоры. — Өфө, 1995.
- БХИ. Тарихи кобайырзар, хикәйәттәр (иртәктәр). — Өфө, 2000.
- БХИ. Язма киса һәм дастандар. — Өфө, 2004.
- Башкорттарзың им-том китабы. Дауалау һәм һахлау магияһы. Автор-төзөүсе Ф.Ф. Хисамитдинова. — Өфө, 2006.
- Дияров К. Сал Уралдын мондары. Башкорт халык йырзары һәм йыр-риуәйәттәре. — Өфө, 1988.
- Камалов А.А. Башкирская топонимия. — Уфа, 1994.
- Кирәй Мәрған. Башкорт халкынын эпик комарткылары. — Өфө, 1961.
- Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. — Уфа, 1957.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М., 1974.
- Кусимова Г.Х. Исемдәр доньяһында. — Өфө, 1991.
- Максютова Н. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. — Уфа, 1996.
- Мингажетдинов М.Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // АЭБ. — Уфа, 1971.
- Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. — М., 1981.
- Надршина Ф.А. Жанры башкирской несказочной прозы: к проблеме взаимодействия и взаимосвязи жанров // Башкорт фольклоры: тикшеренеуҙәр һәм материалдар. — Өфө, 1999.
- Полевой дневник Илимбетова Ф.Ф. 1966, 1968, 1969, 1970, 1971 гг., Полевой дневник Илимбетовой А.Ф. 2000, 2001, 2005 гг.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. — М., Л., 1955.
- Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. — Уфа, 1984.
- Сөләймәнов Ә. Әкиәттә хәкикәт (Башкорт халкынын көнкүреш әкиәттәренен жанр составы, сюжет төрлөлөгө, тормош ерлегө). — Өфө, 1997.
- Суләйманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. — Уфа, 2005.
- Сәғитов М. Боронго башкорт кобайырзары. — Өфө, 1987.
- Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. — Уфа, 1995.
- Шитова С.Н. Резьба и роспись по дереву у башкир. — Уфа, 2001.
- Шитова С.Н. История архитектурного декора в башкирских аулах. — Уфа, 2004.

Имамбаев Р.Р., г. Сибай

А. ВАЛИДИ О ПРОБЛЕМАХ ДЕМОКРАТИИ И СОЦИАЛИЗМА

Общеизвестно, что проблема демократии и переустройства общества на началах социальной справедливости стали фундаментальными вопросами всего XX в. Будучи активным участником наиболее значимых событий эпохи, А. Валиди уделил пристальное внимание данной проблематике, рассматривая ее через призму соотношения принципов социализма и демократии, противостояния движений угнетенных народов за самоопределение с имперскими традициями ведущих европейских стран, свободы личности с тоталитаризмом.

Значительное место в системе политических взглядов А. Валиди занимают социалистические идеи, которые, однако, резко отличались от теоретических построений Маркса, Ленина, Чернова и др. Принимая основные конструктивные положения социалистического учения, тем не менее он являлся одним из самых последовательных

противников и критиков большевизма и тоталитаризма. Общий ход исторического процесса подтвердил правоту его критических мнений о характере и перспективах тоталитарного режима, установившегося в России после 1917 г, которые в этой связи представляют большой интерес.

А. Валиди представлял социализм в качестве «демократической федерации, объединяющей в масштабе всей России национально-государственные образования, возникшие на основе учета своеобразия каждой нации», в то время как Ленин считал, что «признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа» [Ленин В.И., 1982, с. 255]. Лидер башкирского национального движения был против диктаторского давления при проведении коренных преобразований в обществе. Необходимым было сохранение и функционирование важнейших институтов демократии (принцип плюрализма, независимость печати, наличие оппозиции и т.д.). Ликвидацию последних он рассматривал как признак эволюции политического режим в сторону тоталитарной диктатуры. В частности, А. Валиди писал: «Независимость печати - святое право народа. Крайне отрицательные последствия имеет тот факт, что вся печать в России находится в руках государства и одной партии. Лишение права народа быть хозяевами собственных богатств приведет к установлению неограниченного господства над личностью» [Валиди 1998, 176]. Также он предупреждал от перехода в другую крайность — государство с минимальными функциями в соответствии с либеральными представлениями — считающее экономические и общественные сферы частным делом граждан, по отношению к которым оно «нейтрально», что становится важнейшей предпосылкой для неконтролируемого развития власти экономически сильных, так как в обществе с неравным распределением собственности и власти люди неравноправны. Наиболее приемлемым для России он считал третий путь — строительство социально ответственного государства, а залогом устойчивого политического и социального развития — развитие среднего класса [Валиди 1998, 149]

Вопреки утверждениям большевиков о возможности строительства подлинной демократии только после установления пролетарской диктатуры в результате бескомпромиссной классовой борьбы, А. Валиди придерживался принципиально иной точки зрения: «У демократии нет единственного рецепта. Цель демократии — дать народам и обществам возможность жить в формах, соответствующих их собственным потребностям и воле» [Валиди 1998, 195]. Основным условием строительства демократического общества в стране ученый считал умение внутри общества или народа разделять и нести общую ответственность и в соответствии с этим подчиняться установленным законам, что весьма актуально в современной России. Такое чувство коллективной ответственности в государственных делах не зависит только от культурного уровня народа, а еще от его традиций, обычаев, менталитета.

Анализируя общую социально-экономическую и политическую ситуацию в Европе и России в сер. 20-х гг. XX в. А. Валиди выделял 3 магистральные пути эволюции социалистических идей в будущем:

национал-социализм, большевизм и христианско-социалистическое движение. Первые 2 направления он охарактеризовал как «ложные направления социалистических идей» — идеологии завоеваний колоний, поэтому попытку большевиков радикальными методами «внедрить» социализм в России считал глубоко ошибочным, так как многие положения марксистской теории не соответствуют реалиям жизни нерусских (тюркских) народов России. Практическую значимость социалистические идеи могла приобрести для этих народов только тогда, когда они «взяв за основу демократию и эволюционное развитие, сумеют соединиться с национальной идеей и исламскими ценностями» [А. Валиди, 1998, с.233]. Национальной идее он отводил главную роль в процессе консолидации нации в сложных политических и социокультурных условиях, подчеркивая, что в развитии этой идеи необходимо обратиться к опыту европейских стран и не доводить ее до фанатизма [Валиди, 1998, с.184].

Таким образом, система политических взглядов А. Валиди представляет вершину общественно-политической мысли Башкортостана нач. XX в., которая сыграла значительную роль в становлении российского федерализма.

Литература:

- Валиди А. Воспоминания. Кн. 2. — Уфа: Китап, 1998.
Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование БАССР(1917-1920). — Уфа, 1992.
Ленин В.И. социалистическая революции право наций на самоопределение// ПСС.Т.27.С. 255- 256.

Исламов Р.Р., г. Уфа

БАШКИРСКАЯ ВОКАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ

Народное и профессиональное музыкальное искусство играет большую роль в становлении и развитии духовных ценностей современной молодежи, способствуя не только повышению ее музыкально-эстетического вкуса, но и переосмыслению духовных ценностей, благодаря глубокому этическому воздействию музыки.

Возрождение национальных культур является актуальным. В последние годы ведется активная работа по поиску содержания, форм и методов приобщения личности к культуре родного народа. Возникла потребность в теоретической основе и методической разработке проблемы восстановления традиций, праздников в условиях школьных и высших учреждений. Башкиры — один из тех народов, которые в силу определенных исторических условий сохранили в большей мере, чем ряд других народов свою празднично-обрядовую культуру, различные устно-поэтического жанры, музыкально-хореографического фольклора и декоративно-прикладного искусства. И все это необходимо использовать в педагогическом образовании.

Известно, что, постоянно развиваясь и изменяясь, музыкальный фольклор, тем не менее, сохраняет на протяжении веков такие первичные элементы, как интонации, полевки, ладовые и ритмические образования, а в ряде случаев отдельные сюжеты и образы. Естественно, что процессы складывающейся башкирской народности отразились в системе средств музыкальной выразительности так же, как они отразились в языке и других элементах материальной и духовной

культуры башкир. Так, в частности для башкирской вокальной музыки характерны длинные мелодии, мелодии богато украшенные орнаментикой, нерегулярный ритм, частые остановки и т.п.

Своеобразие башкирского музыкального фольклора в значительной степени обусловлено длительным процессом взаимодействия и слияния фольклора древней башкирской народности с музыкально-поэтическими формами тюркских племен. Этот процесс был настолько органичным и постепенным, а роль музыки древних башкирских племен настолько главенствующей, что к моменту образования единой башкирской народности сложился богатый и разнообразный фольклор, отличающийся оригинальностью и единством стиля.

Бытвая в устной традиции, народное творчество, естественно, постоянно изменяется. Отмирают отдельные формы и жанры, на смену им приходят новые, несущие в себе как черты нового, так и черты старого. Данный процесс, начавшийся в глубокой древности, продолжается и в наши дни.

Обращение к духовному опыту человечества, к национальной культуре способствует нравственно-эстетическому и художественному воспитанию детей, обогащая их эмоциональный и духовный потенциал, развивая чувства взаимопонимания дружбы и сотрудничества, раскрывая творческие способности и потребности современных школьников.

Говоря о развитии башкирской национальной вокальной музыкальной культуры, следует еще раз подчеркнуть, что она складывалась на протяжении многих столетий. Богатство и своеобразие башкирской вокальной музыки, как и всего фольклора в целом в значительной степени обусловлено длительным процессом взаимодействия и слияния фольклора древней башкирской народности с музыкально-поэтическими формами других тюркских племен.

Воспитательные возможности вокальной работы осознаются не в полной мере и мало используются в учебно-воспитательном процессе на уроках музыки. Данная проблема на протяжении многих лет остается актуальной и привлекает внимание все большего круга музыкантов-педагогов, ученых разных специальностей, потому что форма певческого исполнительства обладает огромными возможностями. Это и развитие музыкальных способностей, и формирование вокальных навыков, воспитание лучших человеческих качеств, и, наконец, развитие творческого потенциала личности.

Возможности использования потенциала национальной музыкальной культуры обуславливаются научной разработкой проблем изучения национальных традиций в образовательном процессе в подготовке будущих учителей.

Богатство и своеобразие башкирского музыкального фольклора в значительной степени обусловлено длительным процессом взаимодействия и слияния фольклора древней башкирской народности с музыкально-поэтическими формами других тюркских племен. Историко-географические условия жизни народа, особенности его национального характера и психологии, язык и речь во многом повлияли на формирование образно-художественного содержания башкирского музыкального искусства. Сложилась разнообразная

жанры устного поэтического и музыкального творчества. Большое значение играют обряды, именно они и формировали первоначально башкирскую музыкальную культуру. Обрядовые напевы связаны с явлениями природы («зачлочки дождя»), самими обрядами (свадьба) и так далее. Наиболее древний жанр башкирского фольклора кубаир обычно сопровождался напевом, близким к речевым интонациям. Кубаиры и возникшие позднее байты связаны с сольной исполнительской традицией народных певцов-сказителей (сээнов), основу которой составляет импровизационность. Можно предположить, что каждый из них при исполнении различных сказаний пользовался одним или несколькими излюбленными мотивами.

Черты национального характера башкирского народа, самобытные особенности его песенной культуры нашли наиболее полное выражение в протяжных песнях — узун-кюй (длинный напев) — музыкальной классике башкирского народа. Их широта, мелодическая яркость сочетается с высококачественным поэтическим текстом. Слой протяжных исторических песен, например, разнообразен и значителен как по количеству, так и по своей художественной ценности. В основе сюжетов исторических песен — конкретные явления, судьбы отдельных исторических личностей, размышления о судьбах Родины.

Обращаясь к народным традициям, к опыту тысячелетий, мы находим не только множество красивых мелодий и песен, но и советы — как учить музыке, как воспитывать. В комплексе народных средств, направленных на музыкально-эстетическое воспитание подрастающего поколения, как и у русского народа, ведущее место отводится детскому фольклору, который является ключом к пониманию психологии развития художественных и творческих способностей ребенка.

Сложность изучения особенностей жанров любой народной музыки заключается в том, что они создавались веками народными певцами и сказителями. Не является исключением в этом плане и башкирская народная вокальная музыка, которая создавалась на протяжении всего времени ее становления. Как уже отмечалось, история становления башкирских народных вокальных жанров связана с функционированием школы сээнов — народных певцов и сказителей (О.В. Ямилова). Отличительными характеристиками их творчества является: связь содержания песни с определенными легендами, сказаниями и преданиями (поэтому-то в некоторых из них главным является не музыкальная ее составляющая, а поэтическая). М.П. Фоменков, определяя связь башкирской песни с поэтическим текстом, указывал на то, что «Поэтический текст песни нельзя рассматривать как явление литературное. Он представляет собой сложную музыкально-повествовательную систему. Слово в песенном стихе не является единственной формой воплощения художественного образа. Его смысловое значение подчеркивается также выразительностью музыкальной интонации. Метроритмическая структура стиха народной песни определяется, прежде всего, строением напева»

Башкирская музыкальная педагогика сочетала в себе различные виды музыкальной деятельности, которые были обусловлены характером труда и быта народа. В материальной и духовной культуре башкир значительное место занимают народные музыкальные

инструменты, которые развивались наряду с песенным творчеством. Причем инструментальная музыка чуть ли не преобладала над вокальной музыкой. Почти в каждой песенной мелодии у башкир имелась инструментальная, как свободная её вариация. В глубину веков уводят исторические сведения о древнейших инструментах: курае и кубызе, думбыре, кыл-кумызе, сорнае и дунгуре.

Изучение традиций башкирской музыкальной культуры в системе вузовского музыкального образования может стать эффективным, если:

— выявить научно-теоретические подходы, научно-методические положения, лежащие в основе вокального обучения студентов в системе педагогического музыкального образования и определяющие его успешность;

— ориентировать содержание вокальной работы с будущими учителями на развитие национального самосознания;

— учитывать взаимосвязь теоретического, практического и методического компонентов вокальной работы в процессе обучения будущих учителей музыки;

— разработать и реализовать педагогическую модель изучения башкирских национальных традиций в процессе обучения будущих учителей музыки;

— определить педагогические условия изучения традиций башкирского музыкального искусства в практике преподавания вокальных дисциплин у будущих учителей музыки.

В целом, башкирская музыкальная культура представляет целостное, национально-самобытное явление, основными компонентами которого оказываются народное творчество, глубинные исполнительские традиции, композиторская школа. Ее традиции проявляются в народном творчестве и искусстве, народном быте и укладе жизни, мифологии и музыкальном искусстве. Педагогическая модель изучения традиций башкирской музыкальной культуры в процессе вокальной подготовки будущего учителя музыки является структурным образованием, ее части соответствуют основным компонентам вузовского педагогического процесса, а их содержание — ведущим принципам личностно-ориентированного подхода (диалогичность, ориентация на личность, интеграция). Модель содержит цели и задачи профессиональной вокальной подготовки учителей музыки в вузах Башкортостана, основанной на традициях башкирской музыкальной культуры; основные виды вокальной работы со студентами на основе традиций Башкортостана; главные формы и методы, способствующие реализации задач изучения традиций национальной культуры. Педагогическими условиями реализации педагогической модели являются: гуманизация образования при изучении вокальных курсов; опора на личностно-деятельностный подход; поря на культурологический подход; рефлексивная готовность будущего учителя музыки для работы в общеобразовательной школе Республики Башкортостан; творческий подход к организации процесса вокального обучения.

Литература:

Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. — М.: КД Университет, 2004. — 280с.
Фоменков М.П. Башкирская народная песня. — Уфа, 1976.

О БАШКИРСКИХ ГОРОДАХ У ИДРИСИ

До самого последнего времени вопрос о наличии городов у древних башкир решался сугубо отрицательно. Это стойкое убеждение базируется на общем впечатлении о кочевом характере культуры этого народа, подпитываемом прямыми указаниями некоторых средневековых европейских путешественников об отсутствии на Урале крупных стационарных поселений [Путешествие..., 122-123]). Между тем показания нарративных источников на этот счёт далеко не столь однозначны. Ещё Геродот, живший в V в. до н.э., знал о существовании у племени будинов огромного деревянного города-крепости Гелон (Геродот, IV, ...) (О локализации этого племени в Зауралье см. [Исмагил 2000, 74]). В средневековой историографии отмеченная античная традиция находит своё продолжение в произведениях ряда арабских авторов, прежде всего ал-Идриси (XII в.). В его знаменитом трактате «Нузхат ал-муштак» приведены сведения о нескольких городах башкир (басджиртов): Гурхан, Карукийя, Намджан, Кастр и Мастр.

Наиболее крупным из них являлся Гурхан, от идентификации которого современные комментаторы фактически отказываются [Коновалова 2006, 23-124]. Между тем то обстоятельство, что он указан стоящим на берегу реки Есиль (Итиль), под которым в арабоязычной географической литературе понималось нижнее и частично среднее течение Волги с впадающей в неё Камой с притоками, позволяет уверенно локализовать Гурхан на месте современной Уфы и идентифицировать его с комплексом городищ Уфа II-IV [Мажитов, Султанова 2009, 174]. Однако следует уточнить, что этот город нельзя сводить только к скоплению нескольких относительно небольших мысовых городищ, он включал и прилегающие к ним обширные неукреплённые участки, аналогичные среднеазиатским арку с рабодом или славянским цитадели с посадом. Скажем больше: Гурханом мог считаться занимающий стратегически главную точку Южного Приуралья в месте слияния рек Агидель и Караидель обширный «Уфимский полуостров», насыщенный городищами, селищами, курганными и грунтовыми могильниками середины I – середины II тыс. н.э.

Город на Уфимском полуострове был известен также под названиями *Имән-кала* и *Башкорт*. Их этимология (соответственно «Дубовый город» и «Башкир», соимённый названию основавшего его этноса) не вызывает никаких затруднений. Что касается обозначения «Гурхан», то Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова считают его композитом «гур» («могила») + «хан» («хан», «правитель»). «Могила хана», по их мнению, могла принадлежать знатному башкиру, лежащему в одном из уфимских курганов [Мажитов, Султанова 2009, 211-212]. В принципе, описанную модель образования топонима исключать нельзя; в соответствии с ней возникло, например, являющееся тюркским название русского города *Смоленска* (*оc моlá* – «три кургана»). Возникновением своего названия Смоленск обязан находящемуся на левом берегу Днепра по соседству с городом курганов (*моlá*) огромного Гнёздовского некрополя IX-XI вв., три (*оc*) из которых выделяются своей высотой [Исмагилов 2006]. Нелишне напомнить, что именно в Гнёздово была найдена амфора со считающейся древнейшей русской

кириллической надписью «*гороухша*». Обычно предполагается, что она обозначает «*горох*», «*горшцу*» и пр.; на деле – тюркизм «*кураашы*» – «(*продавец*) *кураги*» [Исмагилов 2006]. Слабым местом гипотезы Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой является не соответствующий тюркскому порядку слов: в башкирском словосочетание «могила хана» может быть передано только как «*хан гУрэ*», но никак не «*гУр хан*».

На мой взгляд, за топонимом «Гурхан» скрывается известный в соответствующей тюркской (а также в пограничной тюрко-славянской) топонимике термин «*корган*» (ср. гт. *Курган* на Тоболе, *Талды-Курган* в Семиречье, *Курганинск* на Северном Кавказе и пр.). Название (по крайней мере, в нашем случае) восходит к глаголу *коруу* – «сооружать», «строить» и, очевидно, обозначает сокращённый вариант топонимов типа «*ат баткан*» (букв. «лошадь утонула»), «*калмак хуйган*» («[место, где] зарезали калмыка» или «[место, где] зарезал калмык») и пр. Переводить его следует, очевидно, как «Сооружённый [город]», «Построенный [город]», тогда как у заимствовавших его восточных славян это слово обозначает погребальное сооружение (насыпь).

Гораздо сложнее идентифицировать город Карукийя, находящийся на земле внешних башкир. Сугубо предварительно, и рискуя навлечь на себя гнев части коллег, я рискнул бы отождествить с ним Муромский городок на Самарской луке, расположенный, по ал-Идриси, в восемнадцати переходах к западу от Гурхана. «На него часто нападают болгары, до земли которых шестнадцать переходов, и они постоянно воюют друг с другом с незапамятных времён» [3: *Коновалова*, 2006. С. 128]. Эта идентификация могла бы отражать моё представление о широком участии башкир в болгарском культурно- и этногенезе (например, в «Великом городе» – Биляре).

Топоним «*Каракийя*», на мой взгляд, является композитом «*Кара кая*» со значением «Чёрная скала», хорошо отражающим топографию Муромского городка.

Идентификация Намджана, Кастра и Мастра пока крайне затруднительна.

Литература:

Исмагилов Р. Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. – Самара, 2002.

Исмагилов Р. Гнёздово-Смоленска: от интерпретации “древнейшей русской надписи” к этимологии названия древнейшего русского города // Кузеевские чтения. – Уфа, 2006.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М., 2006.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность, средневековье. – Уфа, 2009.

Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. – М., 1957.

Исянгулов Ш.Н., г. Уфа

ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ОСОАВИАХИМЕ БАШКИРСКОЙ АССР В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1927–1941 гг.)

В начале 1927 г. в стране путем объединения двух оборонных организаций – Общества содействия обороне (ОСО) и Авиахима – появилось новое общество – Осоавиахим. Появление Осоавиахима совпало с обострением международной обстановки для страны Советов, что активизировало оборонную работу в стране и приводило к росту влияния и авторитета новой общественной организации. В мае

1927 г. консервативное правительство Великобритании порвало дипломатические отношения с СССР. Руководство страны и население всерьез готовились к войне. В связи с обострением международной обстановки многие общественные организации обратили внимание на оборонную работу. 8 июня 1927 г. Центральный Совет Осоавиахима страны обратился с воззванием «Ко всем членам Осоавиахима, ко всем трудящимся Союза ССР» об усилении оборонной работы.

Руководство Осоавиахима учитывало особое значение работы с женской половиной населения. Президиум ЦС Осоавиахима СССР 9 июня 1927 г. отметил необходимость организации секции по военной работе среди женщин [Информационно-методический 1927. № 7, 7; ГАРФ. Ф. 8355. Оп. 1. Д. 4. Л. 34]. В 1927 г. было обращено внимание на военную подготовку женщин. Так, в Уфе состоялись районные собрания женщин, на которых были приняты постановления об укреплении рядов Осоавиахима, налаживании агитации среди женщин на предприятиях и учреждениях за вступление в общество. При районных женских отделах были организованы курсы красных сестер милосердия [Красная Башкирия. 1927. 10 июня]. Позже было принято специальное постановление отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), в котором было определено, что вся практическая работа по подготовке женщин к обороне страны должна проводиться в кружках ячеек Осоавиахима [Информационно-методический 1927. № 8, 7]. Также вскоре было решено, что в национальных республиках и областях следует вовлекать женщин в кружки общества, «не останавливаясь перед созданием отдельных кружков для женщин». Особые формы и методы на местах следовало использовать среди представительниц восточных народов [Информационно-методический 1927. № 10, 11]. Однако еще в 1927 г. в одной из работ утверждалось, что «работниц и крестьянок в ячейки Осоавиахима надо привлекать для подготовки их к вспомогательной службе в армии, то есть к несению обязанностей по обслуживанию тыловых учреждений». В основу этой подготовки предлагалось положить военно-санитарное и дело противогазовой защиты [Богат 1927, 24]. Однако данное мнение не было тогда услышано.

Общество пыталось учесть особенности работы с женщинами. Например, в ноябре 1930 г. по всей стране проводилась «декада обороны» [КПСС 1958, 323–324]. В дни «декады» в районы республики выехало 6 бригад Осоавиахима по организации на местах женской военной работы и авиамоделлизма. Осоавиахим также организовал женские курсы трактористок, связисток и администраторов [Красная Башкирия. 1930. 14 ноября].

Обучение женщин военным специальностям в обществе также имело свои особенности. С 1929 г. Осоавиахим начинает готовить молодежь военным специальностям в летних лагерях. В них для женщин создавались особые условия. В частности, летом 1929 г. в лагеря Осоавиахима г. Уфы женщины не были привлечены. Взамен лагерной подготовки были организованы женские военно-учебные недели по 25-часовой программе. По 3 часа в будние дни после работы проходила боевая подготовка женщин в городе, а выходные они проводили в лагерях, занимаясь стрельбой, тактическими занятиями на

местности и военно-химической подготовкой. В пять учебных недель военную учебу прошло 650 женщин, которые составили 1-й женский батальон Уфимского горосоавиахима. По окончании летнего учебного периода состоялся итоговый 40-верстный марш-переход в село Богородское и обратно в Уфу. Зимой были организованы женские кружки по отдельным специальностям: связи, химии, стрелковые [ЦГАОО РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 107. Л. 4–5]. За годы первой пятилетки к середине 1931 г. обществом было подготовлено более 10 тыс. женских кадров. На 1932 г. было запланировано подготовить женского актива Осоавиахима еще 520 человек [ЦГАОО РБ. Ф. 8897. Оп. 1. Д. 58. Л. 528]. В дальнейшем в летних лагерях Осоавиахима для «физически слабых» и женщин устанавливался облегченный режим занятий [Договор 1936, 8–9].

В середине 1930-х гг. усилилось внимание комсомола к военной работе. XI Башкирская областная конференция ВЛКСМ в марте 1936 г. приняла специальное постановление о работе среди женской молодежи, в котором обязало все комсомольские организации добиться массовости охвата женской молодежи сдачей норм на значок ГТО, ГСО, организуя специальные женские команды и физкультурные кружки из женщин. Конференция поручила обкому ВЛКСМ совместно с Башосоавиахимом провести в 1936 г. областные курсы инструкторов оборонной работы на 40 человек из девушек-башкирок, увеличить издание популярных брошюр по оборонной работе на башкирском языке [Постановления 1936, 20]. В результате стало практиковаться проведение отдельных лагерных сборов женской молодежи. Например, летом 1936 г. Зианчуриинский райсовет Осоавиахима совместно с райкомом ВЛКСМ провел лагерный сбор женской молодежи. Более 20 девушек в течение 18 дней изучали винтовку, противогаз, строевую подготовку, учились стрелять [Комсомолец Башкирии. 1936. 29 сентября].

Также в мае 1936 г. в стране возникает так называемое движение общественниц – жен армейских командиров, хозяйственников и ИТР. Движение было формой организации жен представителей элиты. В январе 1937 г. президиум ЦИК республики обязал председателей райисполкомов, горсоветов и райвоенкомов обеспечить учебные пункты Осоавиахима и школы обучения допризывников помещениями и культурно-бытовыми условиями, широко использовать опыт общественности и жен командного и начальствующего состава, ИТР, ответственных работников, колхозниц Москвы, Кабардино-Балкарии и Малоязовского района, которые превратили учебные пункты в образцовые культурные очаги [Свод 2008, 42]. Движение общественниц получило некоторое распространение и в системе Осоавиахима республики. Например, летом 1937 г. лагерь в Бакалинском районе создавался силами не только райсовета. Как отмечала политрук Шигабутдинова, большую работу по подготовке к открытию провели женщины – жены районных работников [На страже. 1937. 18 июля].

В 1940 г. были утверждены новые программы подготовки по военным специальностям. Осоавиахим отказался от привлечения к обучению женщин по всем военным специальностям, как делалось раньше.

Таким образом, в 1927–1941 гг. в Осоавиахиме Башкирской АССР военное обучение женщин имела свои особенности. Во-первых, вплоть до 1939–1940 г. преобладало мнение все более широкого вовлечения женщин в подготовку военных специальностям. Однако на практике, например, в летних лагерях для женщин, создавались особые подразделения и облегченные условия. После начала Второй мировой войны Осоавиахим отказывается от подобных методов работы. В частности, прекращается подготовка ворошиловских всадников из женщин. Отныне женщин обучают лишь таким отдельным военным специальностям, как телефонисты, санитары, телеграфисты и т.д. Военная подготовка стала более приближенной к условиям войны.

Источники и литература:

- Богат А.П. Работница и крестьянка на страже СССР. — М., 1927.
ГАРФ. Ф. 8355. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.
Договор БашОСО с Башнаркомпросом о проведении военно-физкультурных лагсборов ОСО с учителями, студентами и пионервожатыми в 1936 году. — Уфа, 1936.
Информационно-методический бюллетень Президиумов Союза Осоавиахим СССР и Осоавиахима РСФСР. — 1927. — № 7, 8, 10.
Комсомолец Башкирии. — 1936. — 29 сентября.
КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. 1917–1958. Сборник документов. — М., 1958.
Красная Башкирия. — 1927, 1930.
На страже. — 1937. 18 июля.
Постановления XI Башкирской областной конференции ВЛКСМ, 10–15 марта 1936 года. — Уфа, 1936.
Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. XVII том. 1937 год. — Уфа, 2008.
ЦГАОО РБ. Ф. 342, 8897.

Казанчиев А.Д., г. Уфа

**БАШКИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРАВЫЙ ФЛАНГ
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ЛАГЕРЯ: ПРИЧИНЫ РАЗРЫВА**

Башкирское правительство и подчиненные ему войска до 18 февраля 1919 г. являлись частью антибольшевистского лагеря. Переход Башкирского правительства на сторону советской власти связан не с конфликтом с антибольшевистским лагерем в целом, а лишь с его правой частью.

На начальном этапе Гражданской войны у Башкирского правительства были относительно неплохие отношения не только с левыми, но и с правыми группировками антибольшевистского лагеря, с Временным Сибирским Правительством (ВСП) и Правительством Оренбургского Казачьего Войска (ПОКВ). Однако следует отметить, что летом 1918 г. внутри антибольшевистского лагеря в целом тенденция к примирению, координации усилий в борьбе с противником превалировала над разногласиями.

Одним из конфликтных факторов было параллельное сосуществование властных органов Башкирского и других правительств на одной и той же территории. Отсюда были неясности в том, какое именно правительство формирует местные органы самоуправления, собирает налоги, проводит мобилизацию. Важно подчеркнуть, что у Башкирского правительства в данном вопросе были трения не только с правыми ВСП и ПОКВ, но и с Комучем. Такие проблемы характерны опять же для всего антибольшевистского лагеря. У только что образовавшихся и самопровозглашенных правительств не было и не

могло быть легитимных границ, ибо отсутствовала общепризнанная центральная власть, которая одна только могла узаконить все детали внутреннего устройства страны.

Уфимское Государственное Собрание (УГС), проходившее в сентябре 1918 г., являлось одновременно и пиком консолидационных тенденций в антибольшевистском лагере и первым масштабным столкновением левого и правого его флангов. С одной стороны, все антибольшевистские группировки осознавали необходимость создания единого военно-политического центра (ради этой задачи и было создано УГС). С другой стороны, в важнейших вопросах о составе, полномочиях всероссийской власти, государственного устройства России внутри антибольшевистского лагеря не было единства.

В Согласительной комиссии, занимавшейся выработкой приемлемых для всех решений, Башкирское правительство было представлено А. Валидовым. Разногласия между правыми и левыми проявились особенно ярко по вопросу об Учредительном собрании. Правые считали, что Директория должна отчитаться через определенное время перед Госсовещанием. В дальнейшем планировались выборы “нового” Учредительного собрания, которое должно было окончательно разрешить вопрос о власти. Легитимность же “старого” Учредительного собрания не признавалась. Такая позиция аргументировалась следующим образом. Во-первых, Директория создается не Учредительным собранием, а Госсовещанием. Во-вторых, выборы в Учредительное собрание проходили с нарушением демократических норм. В-третьих, большевики, левые эсеры и некоторые представители национальных окраин выбыли из состава Учредительного собрания. Левые считали все вышеперечисленные аргументы непринципиальными. Валидов заявил, что Башкирское правительство ответственность перед Учредительным собранием нового созыва понимает как безответственность. Подоплека этих споров заключалась в том, что продление полномочий “старого” Учредительного собрания было желательно для левых по причине доминирования в нем эсеров и по этой же причине нежелательно для правых. В данном вопросе победила точка зрения левых.

Довольно долго обсуждался на УГС и вопрос о возможности федеративного устройства будущей России. По мнению представителя одного из казачьих правительств полковника Березовского, “федеративный строй может быть лишь в будущем, как идеал, но сейчас наш крестьянин мыслит себя членом единой России...” В.Фомин (“Единство”) назвал обилие областных правительств “бедой России”. По его мнению, в резолюции недопустимо подчеркивать их существование, так как “это может быть понято как желательное”. Министр просвещения ВСП И. Серебренников обратил внимание “на трудности установления при смешанности национальностей территории национальной автономии”. Кроме того, многие правые считали, что этот вопрос недопустимо предрешать за Учредительное собрание. Иначе будет “насильственное насаждение автономии”. Нельзя сказать, что все правые безоговорочно выступали против федерации. Кадет Л. Кроль, заметив, что кадеты были всегда против федерации, призвал “не закрывать глаза на действительность, например, Украина: на полное присоединение она не согласится, и

только путем федерации можно воссоединить ее с Россией”. Эсер М. Гендельман в своем выступлении исходил из того, что областные и национальные автономии уже сложились, и надо “просто считаться с установившимися в жизни принципами”. А. Букейханов (Алаш-Орда) еще на пленарном заседании от имени всех мусульманских правительств заявил, что они не сторонники сепаратизма и “мыслят себя только частью единой России”, государственное устройство которой должно быть федеративным. А. Валидов позднее говорил о недопустимости “урезывать права народностей на самоуправление”. По его убеждению, “Россию можно собрать только на основе федеративности”. По данному вопросу была принята резолюция, в которой признавались “широкие автономии для отдельных областей”. Автономия могла быть обусловлена “географическими, экономическими и этническими признаками”. Для народов, “не занимающих отдельную территорию”, предусматривалось “культурно-национальное самоопределение”. Окончательно разрешить проблему “государственной организации” могло только Учредительное собрание. Следует отметить, что Директория получила на УГС право упразднить все областные и национальные правительства на период войны. Они должны были передать все свои полномочия Директории “по первому требованию” [ЦГИА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 71-73, 78-79, 90].

4 ноября 1918 г. Директория издала указы об упразднении всех правительств на Востоке России, в том числе и Башкирского правительства. Согласно указу, его органы управления временно сохранялись, но подчинялись Директории через так называемого “Главноуполномоченного”. Управление должно было соответствовать “национально-бытовым и экономическим особенностям башкирского народа”. В дальнейшем предполагалось создать национальный представительный орган. Башкирское правительство не подчинилось указу и продолжило свое существование [ГАРФ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 22. Л. 16].

В данном вопросе Башкирское правительство координировало свои действия с Советом управляющих ведомствами Кумуча. В начале октября 1918 г. в Уфу в связи с падением Самары переехал Совет управляющих ведомствами Кумуча. Он выполнял функции комучевского Совмина. Так как собственно Кумуч уже не существовал, Совет в уфимский период по своему статусу был близок к областному правительству, хотя официально он себя таковым не провозглашал. Как и Башкирское правительство, Совет отказался упраздниться, заявив о необходимости “оставить хоть небольшой уголок территории, где бы демократия хоть чуточку могла дышать полной грудью” [ЦГИА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 99-100].

Отрицательное отношение Башкирского правительства к идее своего упразднения следует из его послания Совету. Оно было диаметрально противоположным позиции Директории. Если последняя выступала за временное упразднение региональных правительств до окончания гражданской войны, то Башкирское правительство высказалось за то, что “временно вплоть до установления федеральной конституции Всероссийским Учредительным собранием положение о началах областной автономии и границах Башкириидолжны быть выработаны комиссией представителей Комитета членов

Учредительного собрания и Правительства Башкортостана”. До выработки соглашения “административное управление башкирским населением” предполагалось строить также в контакте с Комучем. В начале ноября Совет выразил положительное отношение к данному проекту: “Башкирам как народу земледельческому ..., со своеобразным укладом жизни, для сохранения своей национальности и для безболезненного перехода необходимо восстановить свою территорию под управлением единой облеченной доверием народной власти и тем оградить себя от расхищения земель и богатств и ростовщичества сильных...Прежде всего, самоопределение должно выразиться в национально-территориальной неприкосновенности” [ЦГАОО РБ. Ф.1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 140- 145].

18 ноября 1918 г. в Омске военными была свергнута Директория. Совет министров, существовавший при ней, высказался за установление диктатуры, избрав на должность Верховного Правителя А. В. Колчака.

На разрыв Башкирского правительства с колчаковцами повлияли три момента. Во-первых, в колчаковский период усилилась роль военных, значительная часть которых была настроена националистически. Имели место в их среде и антибашкирские настроения, в частности у Дутова. Так, начальник штаба колчаковской Западной армии генерал Щепихин сообщал в своем докладе, что Дутов перенес своё негативное отношение к Валидову сначала на всё Правительство Башкирии, а затем и на весь башкирский народ, обвинив его войска в своих неудачах. Щепихин называл позицию Дутова тактическим и политическим промахом. Схожие взгляды были и у командующего колчаковской Западной армией генерала Ханжина [Волков Е.В., 122]. Некоторые историки, в частности Дж. Боффа, считают, что именно данная причина склонила Башкирское правительство к примирению с большевиками: “...в рядах белогвардейцев царил махровый великорусский шовинизм. Поэтому часть националистов перешла к большевикам (например, башкирская группа Валидова)” [Боффа Дж., 173].

Во-вторых, это колчаковский курс на ликвидацию Башкирского правительства и самостоятельности его армии. Правительство Колчака рассматривало этот курс как продолжение политики Уфимской Директории. Соответствующий указ был издан 21 ноября 1918 г. В свою очередь, Башкирское правительство также не изменило своей линии на отказ от упразднения, тем более что он исходил от власти, считавшейся им нелегитимной.

И, наконец, позицию Башкирского правительства следует рассматривать в общероссийском контексте. Оно, как и ранее, находилось в постоянном контакте с Советом управляющих ведомствами, эсеровским руководством и левым крылом национальных движений. Более того, кризисная ситуация заставила их еще теснее координировать свои действия. Все вышеназванные группировки строили совместные планы по организации сопротивления колчаковцам, а затем практически одновременно перешли на сторону большевиков. М.М. Кульшарипов, описывая собрание 46-го башкирского стрелкового полка, обращает особое внимание на то обстоятельство, что “особоуполномоченные, оправдывая действия Башкирского правительства по сближению с

Советами, делали упор на установление таких же контактов с большевиками бывших своих союзников – самарских учредителей” [Кульшарипов М.М., 191, 207].

Схожая резолюция была принята 21 февраля на I Всебашкирском военном съезде в д. Темясово. Борьба между силами “демократической контрреволюции” и большевизмом трактовалась в качестве борьбы между двумя группами “трудящихся масс”: “за идею народовластия, с одной стороны, и за идею диктатуры пролетариата, с другой”. В это время “темные и реакционные силы”, захватив власть в Сибири и ряде других регионов страны, “повели политику диктатуры буржуазии, возвращения старого режима и строя”. Далее в резолюции шла речь об обстановке в Европе, где также имело место подобное противостояние. С учетом вышесказанного в резолюции содержался призыв к объединению всех “трудящихся” против “реакции”, объединению “бедных башкир” с такими же бедными крестьянами и рабочими и присоединению Башкирской Советской Республики к РСФСР [ЦГАОО РБ. Ф. П-9776. Оп. 2. Д. 9. Л. 156.].

В ходе переговоров между эсеровской делегацией и членами Уфимского Временного Ревкома в январе 1919 г. была принята эсеровская декларация к солдатам антибольшевистских частей с призывом переходить на сторону Советской власти. Мотивация перехода практически идентична темясовской резолюции, использовался даже аналогичный понятийный аппарат (“трудовая демократия”, “народовластие”) [Вестник БГПУ, 6]. Вышесказанное характерно не только для периода перехода Башкирского правительства на сторону большевиков, но и для всего периода Гражданской войны в целом. Это признавал и Валидов: “Мы никогда не скрывали, что в политических делах всероссийского масштаба мы действовали в единстве с социалистами” [Валиди А.З, 265].

Таким образом, если говорить о причинах разрыва Башкирского правительства с правым флангом антибольшевистского лагеря, то разногласия с правыми в сфере строительства национальной автономии переплетались с причинами, обусловленными нахождением Башкирского правительства на левом фланге антибольшевистского лагеря.

Литература:

Волков Е. В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. — Екатеринбург, 1999.

Боффа Дж. История Советского Союза в двух томах. От революции и до второй мировой войны. Ленин и Сталин (1917-1941). — М., 1990.

Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917-1921гг.). — Уфа, 2000.

Вестник БГПУ. Уфа, 2000. № 2. Серия “Гуманитарные науки”.

Валиди А. З. Воспоминания. Кн. 1. — Уфа, 1994.

Казманов Н.К. Казахстан, г.Актобе

ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСКОЙ ЮРТЫ

Придуманное кочевыми народами жилище является феноменом общечеловеческой цивилизации, показывающий высокое мастерство его авторов. Юрта всегда была объектом познания, а в то время — средством познания окружающего мира. Кочевники могли чувствовать себя свободными и защищенными только в таком жилище, где все сочеталось бы с природой, окружающей их.

Юрта в середине I тысячелетия н.э. имела широкое распространение исключительно у тюрко-монгольских народов Великого пояса степей – от Восточной Азии до Восточной Европы. Другие народы средневековья юрту не знали. В Среднюю Азию, в частности к огузам, она проникла, видимо, в конце I тысячелетия. Наряду с юртами у огузов были переносные жилища типа чум (шатыр и алячик) и палатки из различных покрытий и деревянных опор.

То, что юрта – изобретение тюрко-монгольских народов, подтверждается следующим интересным фактом. У узбеков и туркменов, живущих в Афганистане, а также среди хазаров и джемшидов – иранизированных тюрко-монгольских групп, ведущих скотоводческое хозяйство, господствующим типом жилища является юрта, в то время как ираноязычные народы, живущие рядом, ею не пользуются. А ираноязычные народы, действительно, не знали юрту вплоть до начала XVI века. Об этом имеются дошедшие до нас сведения персидского автора Фазлаллаха бен Рубехана Исфгани: «Я раньше не знал юрты; первый раз ее видел в окрестностях города Яссы. Я был поражен устройством их: некоторые юрты с окошками и разноцветными войлоками были установлены прямо на арбах». Следовательно, знакомство с тюркской юртой лишь отдельных представителей ираноязычных народов не привело к распространению ее в быту этих народов. Тем самым можно объяснить, почему и в настоящее время нет юрты у нетюркских народов Малой Азии.

Реконструкцию древнетюркского типа юрты дал С.И. Вайнштейн: «...у древнетюркской юрты решетки стен были сделаны из ивовых палочек...; коническую или полусферическую крышу делала из прямых или выгнутых жердей, низ которых скреплялся с решеткой остова, а верх – с обручем дымового отверстия; с ним же скреплялись концы перегнутых и связанных вверху планок, создававших впечатление своеобразного заостренного купола...».

Таким образом, наиболее характерным признаком древнетюркского типа юрты следует считать куполообразное завершение дымового отверстия. Потому-то, как и считает С.И. Вайнштейн, юрта хазарейцев Афганистана, описанная Э.Э. Гафферберг, является не только реликтом жилища монголов XIII века, но и более архаического типа жилища – древнетюркской юрты.

Некоторые исследователи считают, что юрта – изобретение тюркских народов и заимствовано у них монголами. Это находит подтверждение в сочинениях средневековых авторов, утверждающих, что в начале XIII века основная масса монголов пользовалась жилищем хуннского типа, но знали и юрту, и она, заимствованная у тюрков, бытовала в основном как жилище монгольских ханов и феодальной верхушки [Муқанов 1981, 204].

Что касается казахской юрты, то ее особенность в его приспособленности к кочевой жизни и соответствии всем ее требованиям. Юрта мобильна и быстро устанавливается в любом месте. Ко всему этому она вобрала в себя все разнообразие символики казахского декоративного искусства. Особого внимания заслуживает символика самой юрты, раскрывающая культурный, духовный и философский смысл кииз уй (юрты). Почти все виды традиционных

ремесел казахов задействованы в обстановке внешнего и декоре внутреннего убранства юрты. Все изделия, сделанные руками мастера, украшены замысловатыми узорами и орнаментом, повторяющими картины природы. Растительные узоры текеметов (постилочных войлочных ковров), космогонические орнаменты баскуров (тканых узорных лент, опоясывающих внутренний периметр юрты), тонкая резьба и инструкция мебели отражают представления казаха-кочевника об устройстве и красоте мира, в котором он живет. Во всех этих узорах и орнаментах оживают мифологические представления и понятия о небесных светилах, многовековые знания о цикличной смене времен года, узнаваемые в обобщенных символах орнамента, изображающих животных и растительный мир.

Следует отметить, войлочные изделия являются предметом декоративного и утилитарного назначения. Нанесение узоров текемета в Западном Казахстане имеет свои особенности. Для изготовления узора используется предварительно окрашенная, расчесанная, непряденая шерсть. Узоры мастерица раскладывает на полуготовую, полускатанную основу (талдырма). Ведущими мотивами текеметов Казахстана (большинство Западного Казахстана) являются разновидности стиля бараньих рогов. Центральным рисунком текемета является «кос муйиз» (двойные крестообразные рога, торт кулак). Вокруг обвивали квадратом (шырша), ромбом, по краям использовали разные мотивы (сынар муйиз – один рог, сынар окше – каблук, тумарша – треугольник, обереги т.д.).

Характерной особенностью узоров (текеметов) является его монументальность. Большое распространение в быту казахов имеют войлочные инкрустированные ковры – калауыш. Они распространены в Атырауской, Актыубинской областях. Имеют трапецивидную форму [2, С. 24].

Символика войлочного дома кииз уй, раскрывающая его культурно-духовное, научно-философское значение, не продолжает привлекать к себе внимание специалистов, изучающих тюркский мир.

Особенным символом кииз уй является его сферическая форма. Сфера, как и все округлые формы, – символ картины мира, доминирующий во всех проявлениях восточной культуры: будь то архитектурные сооружения, творения живописи или же продукты каллиграфии. В этих объектах восточной культуры круглые геометрические формы преобладают над угловатыми. Если считать центр сферы центром мироздания, то помещенный в эту точку человек будет отделен от внешнего мира точками, равно одинаково расположенными от него, таким образом, получается картина микрокосмоса с человеком в центре макрокосма. Данный символ отражает своеобразную модель понимания мира: человек внутри природы, в центре Вселенной, но не над ней, сотворенный им мир не отделен от внешнего, а он сам – не изменяющий природу, а созерцающий и познающий ее.

Таким образом, сферическая форма юрты не только практична и удобна, так как сделала ее максимально теплоемким жилищем, но и философски значима, ибо выражает миропонимание казаха-кочевника.

Сферическая форма юрты дополняется и более ярко подчеркивается деталями каркаса и внутреннего декора, имеющими

круговую форму. Разнообразие употреблений круга в юрте начинается с ее внешней формы, затем бесчисленные круги конструкции подчеркиваются кругами баскура, множатся в розетках сырмаков и текметов, в красочных спиралевидных узорах посуды, кровати и сундуков и достигают в итоге главного круга юрты — шанырака — открытого отверстия в куполе юрты. Солнечные лучи, проходя через отверстие шанырака, освещают юрту по кругу, и все эти круги ведут взгляд человека к солнцу — источнику света и жизни, божеству Тенгри.

Через шанырак — границу между небесным и земным, внешним и внутренним мирами — кочевник-казах связывался с солнцем, луной и звездами. Шанырак служил для определения времени дня и ночи, так как юрта непрерывно была связана с астрономией. Благодаря круглой форме и количеству жердей (уыков) казахи-кочевники определяли астрономический цикл природы. А также была обусловлена традиция, по которой молодая жена в первые месяцы после свадьбы должна была вставать на заре и приоткрывать тундик (покрывало из кошмы) над шаныраком. Считалось, что молодая семья, следующая этой традиции, могла надеяться на плодovitость.

Священным считался *кара шанырак* — шанырак предков, он передавался от отца к сыну и олицетворял собой духовное единство всех поколений, благосостояние всего рода.

Трехуровневый каркас кииз уй, состоящий из кереге (сборно-разборное основание юрты, образующее круговую стенку юрты), уыков (купольные жерди, образующие крышу юрты), шанырака (кругового навершия для закрепления в нем верхних концов уыков, являющегося одновременно дымоходом и окном юрты), символизировал три уровня мироздания: высший, средний и нижний. Также внутреннее пространство кииз уй делилось на значимые территории, выражающие социально-культурные отношения в кочевом обществе: *тор* — почетное место напротив двери, предназначенное для гостя (казахи считали гостя посланником небес); *он босага* — правая сторона связывалась с женским началом, сол босага — левая сторона — с мужским началом; *босага* — порог ассоциировался с границей между жизнью и смертью; *очаг* — центр юрты — место, где разводили огонь — священную стихию, источник тепла и жизни, символизирующий продолжение жизни хозяина юрты: «отың сөнбесін» (пусть не погаснет огонь в твоём очаге) — говорят казахи, когда желают долголетия и продолжения рода.

Из всего сказанного выявляется основная функция юрты, ее главное назначение — обеспечение здоровья, благополучия, плодородия, роста и процветания ее обитателей. Все это было также целью обрядов и традиций кочевого общества, чему были подчинены все его моральные устои и категории [Умбеталиева-Молдагалиева Ф.Н. 1999, 135-136].

В истории жилища и архитектурного искусства мира известно только два образца юрты. Это кипчако-казахский образец — с купольными жердями идеально круглой, сферической формы, как микрокосмос. Второй образец калмыцкая или монгольская юрта, она имеет прямые жерди. Вследствие такой конструкции калмыцкая или монгольская юрта приобретает остrokонечную или коническую форму.

В казахской юрте удачно соединяются два логических начала: утилитарность и художественность. Архитектура юрты, ее внутреннее

убранство образуют неповторимое гармоничное целое. Казахская юрта является самым совершенным из переносных жилищ. Казахские номады изобрели одно из величайших приобретений мировой цивилизации — юрту, которая по своему функциональному назначению наиболее соответствует кочевому образу жизни [Ергазы К.Е. 2006, С.85].

По своему назначению казахские юрты делились на три основных типа. Парадные юрты, предназначенные для приема гостей, отличались большим размером и богатым убранством. Парадные юрты состояли минимум из 12 канатов, покрывались белым войлоком и шелком. Наиболее богатые по убранству были свадебные юрты — отау. Юрты, служившие жилищем, были меньшего размера. Маленькие походные юрты могли перевозиться на одном верблюде или даже на лошади. Кроме того, были юрты, использовавшиеся как склады и другие подсобные помещения.

Походные юрты можно отнести к типу специализированных, предназначенных для военных походов или пастухов и табунщиков. Наиболее простым переносным жилищем был шатер — курке, состоящий из уыков, поставленных конусом и покрытых войлоком. Чаще использовались в походах юрты холама уй, состоявшие из 3-4 решеток — кереге и уыков [Тимошинов 2001, 127].

Таким образом, казахская юрта имеет глубокие исторические корни. Богатый характер юрты и ее семантика является продуктом традиционной культуры, ориентированной на экологический баланс, стремящейся в своем развитии не подчинить природу, а познать ее законы и жить в гармонии с природой. После сбора юрты казахи закапывали остатки бытового мусора в очаговую яму. Это доказывает, что казахи умели соблюдать экологическую чистоту, жили в гармонии с природой.

Литература:

- Муқанов М.С. Казахская юрта. — Алма-Ата: «Кайнар», 1981.
Самашев З. Семь чудес Казахстана. — Алматы: «Таймас», 2006.
Умбеталиева-Молдагалиева Ф.Н. Национальное декоративно-прикладное искусство как часть национальной культуры. — Астрахань, 1999.
Ергазы К.Е. Истоки казахской юрты //Ж. Алаш. — Алматы, 2006.
Тимошинов В.И. Культурология: Казахстан — Евразия — Запад. — Алматы, 2001.

Каримова Л.Н., г. Уфа

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ У УЧАЩИХСЯ ДЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Мы предполагаем, что распространение идей гуманизма на содержание, формы и методы обучения в детской музыкальной школе обеспечит свободное и всестороннее развитие личности средствами музыкального, в частности вокально-хорового искусства; социализацию учащихся через коллективную вокально-хоровую деятельность; формирование у них отношения к человеческой личности как высшей ценности в мире. Эффективное решение данной задачи на уровне учреждений дополнительного образования, к которым относятся и детские музыкальные школы возможно при условии формирования гуманистических ориентиров у учащихся в процессе учебной вокально-хоровой деятельности через приобщение к шедеврам музыкального

искусства, несущим в себе действенные гуманитарные начала личностного развития.

К сожалению, существующая образовательная практика детской музыкальной школы далеко не всегда обеспечивает в полной мере реализацию принципов гуманистической педагогики в учебной деятельности, в связи с чем наблюдается несоответствие декларируемых целей художественно-эстетического образования детей и способов их достижения, требующее разрешения на уровне организационных, научно-методических и психолого-педагогических подходов. Следовательно, возникает необходимость создания более мобильных интегрированных программ образовательного процесса учащихся в детской музыкальной школе, требующих смещения акцента с механического и технического тренинга на использование преобразующего потенциала музыки в процессе становления личности учащегося.

Чтобы понять логику формирования гуманистических ориентиров личности в музыкальном образовании и представить себе возможные перспективы их дальнейших преобразований, в процессе исследования мы обратились к музыкально-педагогическим воззрениям, сложившимся в философии отечественного музыкального образования. Исходя из системного анализа научной литературы, мы можем констатировать, что благодаря многовековому развитию музыкального образования в настоящее время отчетливо прослеживаются традиции и новаторство трех ключевых мировоззренческих парадигм, осмысляющих сущность и направленность музыкального образования: народного (Л.М.Кашапова, Л.В.Кузнецова, Л.В.Шамина и др.), религиозно-духовного (И.В.Кошмина, В.В.Медушевский и др.) и светского (Э.Б.Абдуллин, Ю.Б.Алиев, Д.Б.Кабалевский, Л.В.Школяр и др.). Несмотря на определённые различия, они едины в гуманистической сущности и направленности музыкально-педагогических воззрений.

Проведенный в исследовании анализ литературных источников и нормативных документов свидетельствует об основательной проработке личностного направления в образовании, в целом (Ш.А.Амонашвили, М.Н.Берулава, Л.И.Божович, Е.В.Бондаревская, В.А.Каравковский, А.Н.Леонтьев, А.А.Мелик-Пашаев, И.С.Якиманская и др.) и в музыкальном, в частности (Э.Б.Абдуллин, Ю.Б.Алиев, В.Г.Ражников, Г.П.Стулова, Г.М.Цыпин и др.).

Вместе с тем, проблема формирования гуманистических ориентиров по отношению к учащимся детской музыкальной школы путем приобщения их к вокально-хоровой деятельности на современном этапе разработана недостаточно, что предполагает отбор таких ориентиров, которые содействуют решению задач развития личности и общества. При этом мы обращаем внимание на возможность реализации в процессе музыкального образования совершенно уникального двуединства: возможности глубоко *личностного* восприятия шедевров музыкального искусства, наполненных необычайным духовным содержанием и – наличием коллективных чувств, мыслей, выражаемых в хоровом пении (Э.Б.Абдуллин).

Обобщение различных научных подходов к решению проблемы показал, что гуманистические ориентиры лежат в основе человеческого бытия и наряду с другими, не менее важными составляющими

(взглядами, убеждениями, идеалами), входящими в структуру мировоззрения, определяют смысл жизни человека. В своем исследовании мы исходим из того, что если гуманизм – это основа системы определенных взглядов на мир, то именно человек оказывается системообразующим фактором, его ядром и центром. Причем учащийся выражает свое отношение к окружающей его природной и социальной среде не только через оценку мира как объективной реальности, но и оценку своего места в этой действительности, во взаимоотношениях с другими людьми. При этом освоение и «присвоение» им мира происходит сквозь призму музыкального искусства, художественного образа произведения, заключающего в себе выраженную в художественно-эстетической форме мировоззренческую позицию-отношение. Учитывая вышесказанное, мы включили в содержательные компоненты гуманистических ориентиров учащихся детской музыкальной школы гуманность; эмпатию; толерантность; рефлексию. Эти ориентиры, взаимодополняя друг друга, обогащают гуманистическую сущность личности.

Исходя из проведенного анализа научной литературы по изучению феномена «гуманистические ориентиры», в исследовании обосновывается вывод о том, что гуманистические ориентиры учащихся детской музыкальной школы – сложное интегративное образование, входящее в структуру личности; обобщенная система мировоззренческих установок, через которые человек выражает свое отношение к окружающей его природной и социальной среде, основанное на нравственных нормах и общечеловеческих ценностях и проявляющихся как наполненные оптимистическим видением мира смысловые основания жизнедеятельности в процессе учебной вокально-хоровой деятельности. Интериоризация гуманистических ориентиров создает фундамент музыкальной культуры личности учащегося детской музыкальной школы как части его общей культуры, выступающей, в свою очередь, «гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации», как указывал в Декларации прав культуры Д.С.Лихачев. Интериоризируя и экстериоризируя гуманистические ориентиры через вокально-хоровое искусство, учащийся начинает относиться с гуманистических позиций к себе, к другим людям, к окружающему миру.

Обобщение педагогического опыта, в том числе индивидуального, подвело нас к раскрытию особенностей формирования гуманистических ориентиров у учащихся детской музыкальной школы, отражающих специфику данного процесса применительно к вокально-хоровым занятиям, которые способствуют освоению и присвоению мира сквозь призму собственного исполнительского «Я». Это 1) организация образовательного процесса с опорой на принципы гуманистической педагогики как условие личностного развития в атмосфере сотворчества и сотрудничества; 2) приобщение учащихся к шедеврам вокально-хорового искусства как фактор развития позитивного отношения к художественно-образному и ценностному освоению действительности; 3) личностно-коллективное восприятие музыкального искусства в процессе нахождения смысловых оснований

жизнедеятельности через прочувствованный и проинтонированный каждым учащимся образ мира и себя в этом мире).

Для успешности и эффективности процесса формирования гуманистических ориентиров у учащихся детской музыкальной школы был определен и обоснован следующий комплекс педагогических условий, заключающийся в мотивации учащихся к принятию гуманистических ориентиров через увлеченность вокально-хоровой деятельностью в процессе воплощения художественных образов музыкальных произведений, создания атмосферы сотрудничества и сотворчества как условия их личностного развития; аксиологизации предметно-содержательной деятельности, оказывающей воздействие на поиск и нахождение смысловых оснований жизнедеятельности учащихся через личностно-коллективное восприятие и исполнение вокально-хоровой музыки; программно-методическое сопровождение данного процесса с использованием шедевров мирового вокально-хорового искусства, способствующего освоению нравственных норм и общечеловеческих ценностей учащимися детской музыкальной школы. Данный комплекс инициирует интериоризацию гуманистических ориентиров через приобщение к высокому музыкальному искусству в процессе личностно-коллективного восприятия и исполнения вокально-хоровых произведений.

С целью выявления возможностей совершенствования образовательного процесса и в поиске резервов его эффективности мы разработали теоретическую модель, обеспечивающую, с нашей точки зрения, формирование гуманистических ориентиров у учащихся детской музыкальной школы на вокально-хоровых занятиях через воспитание личностного отношения к музыкальному произведению, которое актуализирует его содержание и способствует выведению в звучащий план художественных новообразований в виде субъективных эмоционально-эстетических программ.

В основе данной модели лежит целевая установка на создание в сознании учащихся целостной картины окружающего мира средствами музыкального искусства, обладающего, по мнению М.Ш.Бонфельда, особыми, уникальными возможностями непосредственного воздействия на человеческую психику. Рассматривая музыку как мышление, автор приходит к мысли о целесообразности углубления, сравнения музыки с другими видами искусства с точки зрения связей каждого из видов с определенными близкими этому виду участками мира вокруг человека, но главным образом — с человеческим в человеке.

В результате возникает «внутренний диалог» (М.С.Каган), выступающий побудителем творчества и предусматривающий равенство «партнеров», при котором происходит проникновение, погружение личности в музыку, понимание и личностная интерпретация его содержания. Подлинная выразительность исполнения вокально-хоровых произведений возможна лишь при постижении смыслового содержания *словесного* текста и особенностей *интонационного* музыкального развития в их взаимосвязи. Неприятие, отвержение, равнодушие к содержанию музыкального произведения, к его художественным образам происходит из-за возникновения ситуации непонимания, «барьеров понимания» (Ю.В.Сенько). Снятие «барьеров

понимания текстов» (вербальных и невербальных) мы видим в погружении этих текстов в широкий *диалогический* контекст, предполагающий создание участниками процесса обучения «встречных» текстов различного уровня и использования для них различных языков. Педагогическая функция текста и языков его выражения состоит в организации поиска смыслов и их осуществлении в процессе коллективного создания художественно-исполнительского образа через глубоко-личностное осознание и интонирование его духовного содержания.

Таким образом, мы предлагаем новый подход к организации учебной вокально-хоровой деятельности с опорой на идеи гуманистической педагогики, включающие как общедидактические, так и специфические (вокально-хоровые) принципы, обеспечивая данный процесс программно-методическим сопровождением, включающим аксиологизированную подачу материала через приобщения к шедеврам вокально-хорового искусства.

Литература:

Абдуллин Э.Б. Методологический анализ проблем музыкальной педагогики в системе высшего образования. – М., 1990.

Бонфельд М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. [Текст]: опыт системного исследования музыкального искусства: монография. – СПб., 2006.

Каган М.С. Мир общения: Проблемы межсубъектных отношений. – М., 1988.

Лихачев Д.С. Декларация прав культуры. [Электронный ресурс] <http://smolchanov.narod.ru/LikhachevsDeclaration>.

Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования : курс лекций: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Ю.В.Сенько. – М., 2000.

Карцев П.П., г Якутск

ВРЕМЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ САХА (ЯКУТОВ) НА СРЕДНЮЮ ЛЕНУ

Одной из важнейших проблем этногенеза и этнической истории саха (якутов) является изучение вопроса о времени и обстоятельствах переселения на Среднюю Лену основного этнического компонента этого народа. По вопросу о времени этого переселения в научной литературе существует несколько точек зрения [Карцев 2008, 105-107]. Для решения данного вопроса А. П. Окладников использовал сведения старейшей из дошедших до нас записи якутских исторических легенд и преданий сделанных Я. Линденау ещё в середине XVIII века. Согласно этим данным переселение якутов на Среднюю Лену произошло не при легендарных предках саха – Омогое и Элтэе – как повествуют предания, записанные в начале XX века, а позже, при потомке Элтэя Баджее [Окладников 1955, 356]. При этом и по данным Я. Линденау, и по поздним записям якутских генеалогий, Баджей был дедом Тыгына – лица уже вполне исторического. В 30-х годах XVII века, когда Тыгын упоминается в русских документах, он был уже глубоким стариком. Из этого следует, что Баджей жил примерно в начале XVI в. А так как переселение произошло при его жизни, то и событие это следует датировать примерно началом XVI в. Эта дата подтверждается и сообщением Н. Витзена [Окладников 1955, 361].

Эта же дата, видимо, находит и археологическое подтверждение в открытой и исследованной в 1970-1980-х годах А. И. Гоголевым в Центральной Якутии кулун-атахской археологической культуре.

Кулун-атахская культура является первой скотоводческой культурой на Средней Лене. А.И.Гоголев датировал её существование XIV-XVI веками. Примерно на рубеже XV-XVI веков в этой культуре произошли изменения, в частности впервые появились вещи, которые в XVII-XVIII веках составили определённую часть материальной культуры якутов: глиняные сопла от горна, глиняные ножки - поставки, железные вильчатые наконечники стрел, пальма, ножи, «овечьи» ножницы, скобель, роговые орнаментированные рукоятки опяхала из конского хвоста, концевые костяные накладки лука [Гоголев 1993, 95]. Также произошли изменения в керамике [Гоголев 2009, 28-30] и домостроительстве [Гоголев 1990, 117]. Эти изменения предопределили выделение в рамках кулун-атахской культуры её позднего этапа, названного сырдыкским. По нашему мнению начало сырдыкского этапа кулун-атахской культуры является археологическим выражением прихода на Среднюю Лену собственно якутов(саха) с земель, расположенных по Верхней Лене, что совпадает по времени с датировкой переселения якутов, полученной из записей якутских преданий Я. Линденау [Карцев 2007, 321].

Причиной этого переселения были столкновения с бурятами. Исходя из того, что ныне земли в верховьях Лены заселены эхиритами, представляется весьма вероятным, что именно они сыграли основную роль в вытеснении якутов с этих земель.

Из изложенного выше следует, что первый этап кулун-атахской культуры принадлежал не саха (якутам), а некоему населению, позже вошедшему в состав якутов в качестве субстрата, которое и было первыми скотоводами на Средней Лене. Некоторые заключения о языковой принадлежности этого населения позволяют сделать работы Н.К.Антонова, посвящённые изучению исторической лексики якутского языка. Исследования Н.К.Антонова показали, что якутские слова, связанные со сменой времён года на севере, с освоением лесных массивов и использованием хвойных деревьев являются монгольскими по происхождению, что, видимо, означает, что тюркоязычные предки якутов, придя на север, встретили там монголоязычное население [Антонов 1971, 27-28]. Также заимствованы из монгольского языка якутские термины оседлого скотоводства, что, видимо, означает, что первыми северными оседлыми скотоводами, создавшими терминологию этого типа хозяйства, были монголоязычные племена [Антонов 1971, 47-50, 53]. Также монгольскими являются названия способов и приспособлений для утепления зимней юрты [Антонов 1971, 93-94]. Таким образом получается, что пришедшие с юга тюркоязычные предки якутов застали на севере монголоязычное население, занимавшееся оседлым скотоводством, навыки которого вместе с терминологией и заимствовали якуты. Следовательно, первые северные скотоводы - кулун-атахцы — не были собственно якутами, а лишь субстратом, позже ассимилированным якутами. В пользу монголоязычия доякутского населения Средней Лены свидетельствует и, отмеченное ещё Г.В.Ксенофонтовым, наличие в языке северных якутов явно монгольских слов, которые неизвестны южным якутам-скотоводам [Ксенофонтов 1992, 315-316]. Возможно, это действительно были хори и туматы, против чего не возражает, видимо, и А.И. Гоголев

[Гоголев 2009, 25]. Впрочем заметим, что значительную северных якутов составляли не туматы а хатыгины, очевидно, родственные монголам-хатагинам. Поэтому вполне возможно, что ранняя кулун-атахская культура была полиэтнична и включала в себя наряду с туматами и собственно монголов.

Исходя из того, что переселение якутов на Среднюю Лену произошло при Баджее, который был, по разным данным, правнуком или праправнуком Эллэя следует, что переселение этого народа в Прибайкалье(Предбайкалье) происходившее, по преданиям, при Эллэе, приходится, приблизительно, на начало XVв. [Карцев 2009, 400]. Следовательно, встреча легендарных предков якутов – Омогоя и Эллэя – которой легенды передают столь большое значение в этнической истории якутов, произошла в Прибайкалье. Время же обитания саха (якутов) в Прибайкалье, следовательно, продолжалось около столетия и приходилось, приблизительно, на XV век. Этническая группа, из которой происходил Омогой, называлась «батулу». Этот этноним, видимо, не якутский, ибо нарушает законы сингармонизма якутского языка. Следовательно, надо думать, батулинцы не были носителями якутского языка. То есть носителем тюркского в своей основе якутского языка могла быть только этническая группа, олицетворяемая Эллэем. Она же, видимо, была и носителем этнонима «саха».

Литература:

- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.
- Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья. Иркутск, 1990.
- Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.
- Гоголев А.И. Этническая история народа Саха(якутов)// Этническая геномика якутов (народа саха). М., 2009.
- Карцев П.П. К вопросу о позднем этапе этногенеза якутов// VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 2007.
- Карцев П.П. О времени миграции на Среднюю Лену основного компонента саха(якутов)// Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции. Уфа, 2008.
- Карцев П.П. Исторические предания саха(якутов) как источник для реконструкции их этнической истории// VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 2009.
- Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1, 1-я книга. Якутск, 1992.
- Окладников А.П. История Якутской АССР. Т.1. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., 1955.

Киденко О.А., г. Стерлитамак

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СОЗДАНИИ УСЛОВИЙ ДЛЯ АДАПТАЦИИ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОИНОВ

После окончания Великой Отечественной войны началась демобилизация вооруженных сил Советской Армии и Военно-Морского Флота. Уже 23 июня 1945 из армии началось увольнение военнослужащих, к 1948 этот процесс практически завершился. Всего из 11 миллионов человек было демобилизовано 8,5 миллионов человек. Это крупномасштабная кампания потребовала значительных организационных усилий.

В 1945 г. в Уфу прибыла первая группа из 5,4 тыс. бывших солдат и офицеров. Затем с начала демобилизации и по 1 февраля 1946 г. в

республику прибыло 74175 демобилизованных, из них в города — 14209 и в сельские районы — 59966 человек. Приток демобилизованных увеличивался, и уже к 1 января 1947 г. в республике было 117479 демобилизованных, в том числе офицерского состава — 7569 человек. В целом, за 1945-1948 гг. в республику возвратились 121315 воинов [Башкортостан: Краткая энциклопедия 1996, 41].

Основными вопросами для вернувшихся воинов были обеспечение материального положения, поиск жилья, устройство на работу.

Правительство приняло ряд постановлений по устройству демобилизованных из действующей армии в стране в целом, в Башкирии в частности. Была проведена большая, разносторонняя работа.

Согласно закону о демобилизации, принятому 23 июня 1945 года, воины Красной Армии могли рассчитывать на единовременное денежное вознаграждение; получение ссуды на строительство и восстановление жилых домов в сумме от 5 до 10 тысяч рублей со сроком погашения ссуды от 5 до 10 лет [Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917-1958), 479].

По заверениям управляющего Цеккомбанка А.А.Возякова, процентная ставка по кредитам должна была равняться 2% в год [Красная Башкирия №140, 20.07.1945]

Демобилизованным ремонтировали жилье, их обеспечивали мебелью, предметами домашнего обихода, топливом. Но в условиях восстановления экономики страны и тяжелого финансового положения даже покупка простейшей посуды становилась проблемой. Средства для демобилизованных и их семей собирала вся страна.

Только за 1946 г. в Башкирии была собрана сумма в размере 2300 тыс. руб., 7242 центнеров хлеба, картофеля и овощей на 3500 тонн, много других продуктов и необходимых вещей. За 1946 год семьям защитников Родины, инвалидам Отечественной войны и демобилизованным воинам было отремонтировано 22636 квартир, 2810 семьям восстановлены и построены новые дома, выдано 2810 тыс. руб. ссуды на индивидуальное строительство домов, 200 тыс. руб. на обзаведение скотом, 180 тыс. руб. на приобретение путевок на санаторно-курортное лечение, 38067 тыс. руб. единовременного пособия, 1600 тыс. руб. детям-сиротам, 6786 голов мелкого и крупного рогатого скота, подвезено 90000 тонн кормов, 261420 кубометров дров, выдано 10875 тонн хлеба, 1700 тонн картофеля, продано через торгующие организации промышленных товаров на сумму 3271 тыс. руб [Сайфуллина 2006, 119].

Остро стоял вопрос трудоустройства демобилизованных, нехватка рабочих мест стала серьезной проблемой. К 1 января 1947 года в республике из 117479 человек демобилизованных было трудоустроено 113252 человека, 4417 человек получили инвалидность первой и второй групп. Из общего числа поступивших на работу 39470 демобилизованных воинов было трудоустроено в промышленности, 1220 — в колхозах, 8390 — в совхозах и других учреждениях, а 830 человек поступили учиться.

Серьезно пополнились управленческие кадры — 630 демобилизованных начали работать председателями колхозов, 290-председателями сельсоветов, на руководящую работу в районах были выдвинуты 494 человека. [Сайфуллина, 2006, 118]

В республике проживало много семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны, нуждающихся в помощи. На 1 февраля 1946 г. таких семей было около 50000. Из 4417 неработающих инвалидов Отечественной

войны около 3000 человек находились на лечении. По решению секретариата ВЦСПС было рекомендовано предоставлять всем нуждающимся путевки в дома отдыха, а по заключению врачебно-курортной комиссии – в санатории и на курорты. [Красная Башкирия №194, 3.10.1945]

Среди демобилизованных были и те, кто уходил на фронт со школьной скамьи, не успев обрести жизненный статус, чьим единственным умением была способность держать оружие и воевать. Им предстояло научиться жить по-новому. Данной категории воинов были предусмотрены льготы при поступлении в ВУЗы. За студентами, обучавшимися в техникумах, призванных в Красную армию и Военно-морской флот во время войны, сохранялось после демобилизации право возобновить занятия на курсе, с которого они выбыли, того же или однотипного учебного заведения.

Молодые люди принимались в вузы без приемных испытаний, если они окончили среднюю школу (10 классов) с аттестатом отличника, независимо от года окончания школы. Аналогичный порядок устанавливался так же для поступающих в техникумы, если они окончили семь классов средней школы с отличными отметками.

Демобилизованные воины, успешно сдавшие приемные экзамены, зачислялись в вузы и техникумы вне конкурса.

Для оказания методической помощи в 1945 году было значительно расширено число подготовительных отделений и курсов при вузах для поступающих. На отделения принимались демобилизованные, имеющие среднее образование или окончившие девять классов средней школы и прервавшие занятия вследствие призыва в Красную Армию. [Красная Башкирия №15 15.08.1945]

Политика государства была направлена на создание условий для лучшей адаптации демобилизованных воинов, что в условиях восстановления страны это было непросто.

Несмотря на все трудности, воины, вернувшиеся со всех фронтов, стремились устроиться в этой, такой знакомой им, «новой» жизни.

Литература:

Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996

Сайфуллина Н.Р. Социальное развитие деревни 1946-1953гг. Дисс..канд.ист.наук. Уфа, 2006

Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917-1958) М.: МГУ, 1966

Красная Башкирия №140, 20.07.1945

Красная Башкирия №15, 15.08.1945

Красная Башкирия №194, 3.10.1945

Киньябузова А.С., г. Уфа

ИДЕИ РИЗЫ ФАХРЕТДИНОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Творчество Ризы Фахретдинова относится к XIX-нач. XX вв. Хотя с этим выдающимся ученым, писателем, крупнейшим общественным и религиозным деятелем нас разделяет не одно столетие, его идеи, труды и сейчас вызывают большой интерес у современников. Связано это с тем, что в работах мыслителя затронуты жизненно важные вопросы общественного, государственного, национального устройства, актуальные и в наше время. Драматическое и во многом критическое

положение тюркоязычных народов России на рубеже XIX-XX веков, связанное с утратой государственности, колониальным гнетом, низким уровнем развития науки и экономики, не могло оставить равнодушными общественных деятелей Башкортостана, в том числе и Р. Фахретдинова, яркого представителя башкирского просветительства. По словам А.Х. Вильданова и Г.С. Кунафина, башкирские просветители всячески способствовали тому, чтобы каждый этнос мог «осознать себя жизнеспособным организмом, воспринять боевой дух предков и ощутить в себе силы для дальнейшей борьбы за существование как нация» [Вильданов, Кунафин 1981, 62].

Критической для многочисленных этнокультур можно назвать ситуацию, которая сложилась и в наши дни. Сегодня, когда активизировавшиеся всевозможные процессы «извне» (американизация, вестернизация, глобализация) губительно сказываются на развитии поликультурного пространства России, актуальным становится вопрос об организационной, естественной траектории развития, выборе оптимального пути как для России, так и для Республики Башкортостан. Республика – один из многонациональных регионов России, где мирно сосуществуют представители более 100 национальностей, которых многовековое со-бытие сблизило и сплотило. Свообразным скрепляющим элементом, способствующим консолидации народов, их диалогическому общению, стали такие характерные особенности башкирского этноса, идущие из глубины веков, как открытость, располагающая к творческому общению, уважение, почитание своей культуры и признание ценности иных культур, любовь как к малой, так и к большой родине. Как нельзя актуально звучат сегодня наставления Р. Фахретдинова: «Любите Родину, под небом которой вы живёте, дышите воздухом, пьете воду, едите хлеб, старайтесь возвеличить её имя. Родина - это сокровище, которым можно гордиться и уважать» [Салихова 2003, 115]. Мыслитель отмечал, что патриотизм проявляется не только в любви к Родине, но истоки его – в любви к своему народу: «Любите свою нацию так же, как вы любите своих родителей. Служение во имя нации считайте за счастье» [Там же, 115]. Здоровые (бесконфликтные), диалогические, социальные и личные отношения – залог успеха и процветания любого многонационального общества. Р. Фахретдинов видел необходимость сильного, справедливого общества как силы, скрепляющей воедино многочисленные этнические общности: «так же как члены тела нуждаются друг в друге, так и люди в этой жизни нуждаются в этом». Качественное, гармоничное развитие общества выстраивается на основе высокой нравственности, моральных принципов, регулирующих межличностные отношения индивидов. «Для того чтобы в человеческом обществе исчезли несправедливость, обида, угнетение, притеснение, произвол, тирания, излишества и распутство, убийство и другие пороки, единственном путем является насаждение нравственности», – утверждал просветитель [Баишев 1991, 14]. Немаловажным фактом полноценного развития социума Р. Фахретдинов считал настроение общества, которое непременно должно быть «заражено» жаждой жизни, иметь четкие ориентиры и стимулы. В противном случае отсутствие активной деятельности губительно сказывается на обществе,

поскольку состояние уныния, отчаяние могут привести к действиям асоциального характера: «Апатия, бездеятельность, духовное уныние, по мнению Р. Фахретдинова, неминуемо приведут потомков к более удручающему положению, и только надежда, заставляющая забыть все беды и горести, может укрепить дух в противостоянии испытаниям судьбы» [Рахматуллина 2002, 34]. Возрождение и рост национального самосознания народов, населяющих нашу страну, могут противостоять угрозе быть поглощенной западной цивилизацией. Современное российское общество стало сегодня ареной тотального «европейничания», о пагубных последствиях которого предупреждала вся предшествующая философская история. Активное внедрение западных ценностей в почву российской культуры губительно влияет на самоидентификацию и самоопределение многочисленных этносов страны. Р. Фахретдинов отмечал следующее: «Европейская культура основывается не на человечности и добродетели, а на стремлении добиться лишь материальных благ, когда ради этого годны любые средства. Поэтому у европейцев угнетение других и жизнь за счет других, вероломство и измена, неверность и ложь, при необходимости лишение другого жизни и кровопролитие не считаются за вину» [Там же, 102]. «Нелице-приятные» социокультурные перемены, происходящие в жизни российского общества, – итог возрастающего влияния на личное и общественное сознание духа «фаустовской культуры», актуализирующего парадигму «иметь», а не «быть». Р. Фахретдинов, обращаясь к своим соотечественникам, предупреждал о том, что «мусульмане не должны обольщаться внешней привлекательностью, украшением западной культуры и красотой, в которую ее облачают. Здесь пять раз нужно отмерить, прежде чем один раз отрезать. У нас есть свое достоинство – вера, и надо ее беречь и ценить. Нужно перенимать у западных народов полезные для жизни и быта науки, ремесла и промышленность и пользоваться западной культурой. Но необходимо предохранять от их испорченных нравов, в особенности от жадности» [Там же, 102].

Нацию, имеющую свой путь цивилизационного развития, идущую только этим путем, отличают неповторимость и уникальность, заложенные в традициях, обычаях, в самобытной этнической душе. Мы согласны с точкой зрения З.Я. Рахматуллиной, что «именно традиционные ценности должны образовать духовный стержень национального подвижничества на путях обретения башкирским народом адекватных его духу новых форм подлинного исторического существования, сохранения и развития его самобытной культуры» [Там же, 106]. Сегодня в Республике Башкортостан мы наблюдаем духовный ренессанс, возрождение этнокультур, рост национального самосознания. Для полноценного развития башкирского народа немаловажным и жизненно необходимым является знание культуры, истории, традиций, родного языка, поскольку «утрата национального языка – это не только показатель деградации этнической культуры, но и признак процесса общественного распада самого этноса и, соответственно, исчезновения национально-территориального государственного образования» [Файзуллин 2000, 24]. В развитии этнических культур в то же время значима роль русской культуры, русского языка, в которых

Р. Фахретдинов видел не только средство межэтнического взаимодействия, но и важный компонент, способствующий развитию национальных культур и их приобщению посредством русской культуры к мировой культуре: «Без знания русского языка и основ наук невозможно служить народу. Если вы хотите сделать нацию счастливой, то дайте ей знания и развивайте ремесла. Без знания русского языка все это невозможно» [Вильданов, Кунафин 1981, 101]. Русской культуре, выступающей своеобразной стержневой, цементирующей основой для культур многих этносов России, необходимо постоянно совершенствоваться; пребывание в аморфном состоянии грозит упадком не только великой культуре, но и многочисленным культурам страны. Главная задача человеческого общежития сегодня видится нам в сбережении и сохранении национальной идентичности, поскольку на планетарном уровне каждая отдельная нация, являясь неотъемлемой частью единого целого, вносит огромный вклад в общечеловеческое культурное, научное, экономическое строительство. Развитие башкирского этноса в рамках «здорового» национализма, сотворчество и со-бытие культур братских народов, их взаимообогащение, уважение ценности и значимости каждой — императив времени, а идеи Ризы Фахретдинова, востребованные в современной действительности, есть духовные смыслы цивилизационного становления многонационального, поликонфессионального Башкортостана.

Литература:

- Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. — М., 1981.
Салихова С.З. Педагогические взгляды Ризы Фахретдинова // Яджяр. — 2003. — № 1.
Баишев Ф.Н. Нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова // Тезисы докладов тюркологической научной конференции молодых ученых «Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР». — Уфа, 1991.
Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). — Уфа, 2002.
Файзуллин Ф. Развитие этнической культуры и суверенитет? // Ватандаш. — 2000. — № 1.

Киньягулова З.И., г.Сибай

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МУЗЫКАНТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Современный этап развития цивилизации характеризуется глобальной тенденцией этнических процессов, ростом значимости этнических факторов в жизнедеятельности человека. Движение многонационального общества к качественно новому состоянию, в основе которого находятся общечеловеческие начала жизни — гуманизм и сотрудничество, защита прав человека, ищет новых подходов к решению проблем воспитания молодежи. Важнейшее значение в становлении и формировании всесторонне развитой личности имеет изучение национального музыкального фольклора. Фольклорное наследие любого народа — это уникальный источник сохранения духовно-культурных достижений, имеющий признаки национальной принадлежности и самобытности. В нем в концентрированной форме выражены эстетические, нравственные идеалы и ценности, которые являются бесценным источником обогащения современной педагогики.

Еще в классической педагогике обращалось внимание на необходимость приобщения молодого поколения к ценностям, созданным различными народами. Это относится, в частности, к творчеству таких выдающихся педагогов, как Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Я. А. Коменский, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский и др. До сих пор не потеряли своей актуальности идеи о роли народного искусства педагогов-просветителей прошлого: М. Акмуллы, М. Бикчурина, К. Насыри, М. Уметбаева и др. В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский выдвинули свою теорию, основной идеей которой является воспитание Человека через познание прекрасного в жизни и искусстве на основе фольклора. Представляют глубокий интерес исследования роли национальной музыкальной культуры в духовном формировании личности человека Л. П. Атановой, Н. В. Ахметжановой, Л. М. Кашаповой и др. Значительный опыт по вопросам воспитания учащихся средствами национальной музыки накоплен за рубежом (Б. Барток, З. Кодай, К. Орф, Ш. Сузуки и др.). Особую значимость в развитии творческих способностей имеют исследования современных педагогов-музыкантов (Н.В. Ахметжановой, Т. С. Зиновьевой, Л. Н. Шаймухаметовой).

В современных условиях профессиональная подготовка молодых музыкантов и преподавателей осуществляется в среднеспециальных учебных заведениях и вузах. Возникает потребность в создании системы творческого формирования будущих специалистов на разных этапах профессионального становления (училище, вуз). Творчество предполагает деятельность, направленную на реализацию учебного процесса с целью оптимизации его посредством внесения новых элементов, активного оперирования имеющимися знаниями, навыками в ином по сравнению с привычными подходами ракурсе, направленном на достижение качественно иных дидактических результатов.

Ведущим звеном в творчески развивающей системе подготовки специалистов-музыкантов и будущих преподавателей является комплекс оптимизирующих методов, включающих использование музыкального фольклора. Их введение в преподавание музыкально-теоретических дисциплин активизирует процесс оперирования знаниями, музыкально-слуховыми представлениями, интенсифицирует слуховую и мыслительную активность студентов, совершенствует их профессионально значимые и личностные качества.

Музыкальный фольклор содержит ценные идеи и веками проверенный опыт воспитания, которые, развиваясь, обогащают мировую педагогическую мысль. Изучение этого опыта и использование достижений современного музыкознания открывают человеку возможность творческой реализации и самоопределения в мире.

Кичекова Б.Ю., г. Горно-Алтайск

ЫЛЛАМАШ (РАКОВИНА КАУРИ) В ЖИЗНИ АЛТАЙЦА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Алтайская одежда и украшения: традиции и инновации» № 09-01-61101 а/Т.

В жизни и материальной культуре любого народа очень важное значение имеют украшения. Традиция украшать одежду, прически, жилища, предметы быта и т.д. появилась очень давно. Помимо чисто

эстетической функции украшения, как правило, играли еще и сакральную, охранительную роли.

Особое место среди украшений занимают раковины каури. Это раковины морских моллюсков класса брюхоногих, обитающих в тропических и субтропических морях. Раковина имеет овальную форму со щелевидным устьем [Энциклопедический словарь 1963, 474]. Известны они еще с древних времен и распространились по огромной территории от Европы, Африки до Азии и Австралии. У некоторых племен в Африке и островах Тихого океана, а также в Древнем Китае и Индии они выполняли роль разменной монеты.

Раковины каури с глубокой древности у многих народов считаются универсальными оберегами. Название раковин каури практически у всех тюркоязычных народов одинаково. Алт. *жыламаш* (змеиная головка), каз. *жылан басы*, кирг. *жиландыш баши*, тат. *елан пош*, узб. *йылан баши*. Данный факт можно объяснить внешним сходством раковины каури с головой змеи. Одно из принятых русских названий раковины каури — ужовка.

Через Тибет и Монголию каури появились и в Южной Сибири, в частности в Горном Алтае, выполняя различные функции. Они вместе с другими украшениями сопровождали алтайца всю его жизнь. Когда рождался ребенок, ему было принято дарить пуговицы, бисер, раковины каури. Эти подношения сначала вешали над колыбелью ребенка, затем, когда он немного подрастал, из них делали специальное украшение — шалтрак. Это был кусочек материи или кожи, на который нашивали бусы, пуговицы, раковины каури и прикрепляли к спине или на правую лопатку детской шубы. Шалтрак был призван охранять ребенка. С этим украшением ребенок ходил до 5-6 лет, затем из него для девочки готовили накосные украшения.

Прически девушек и замужних женщин обязательно украшались. Девушки, достигшие брачного возраста, заплетали волосы в нечетное количество кос и прикрепляли к ним золотые шнуры и раковины [Радлов 1989, 133]. У замужних женщин должно было быть четное количество кос, чаще всего две, и назывались они *тулунг*. Их носили спущенными ниже пояса. Отправляясь в гости или принимая гостей, женщина перебрасывала косы на грудь [Потапов 1951, 42]. В тулунг вплетали низки раковин каури, заканчивающиеся железными стерженьками (*темир токлок*) [Радлов 1989, 133]. Они между собой соединялись несколькими нанизями из пуговиц и тех же каури.

Раковинами каури украшали одежду, прически, а иногда и просто носили на шее в качестве оберега и амулета. По сообщению информаторов в Улаганском районе Республики Алтай, в год своего рождения по 12-летнему восточному календарю (соответственно в 12, 24, 36, 48, 60 лет т.д.) человек должен носить на шее жыламаш. Считалось, что этот год будет для него сложным, «переходным», поэтому он должен всячески оберегаться и быть осторожным. Жыламаш надо носить, не снимая, весь год. (*Јаш толзо, мойынга жыламаш тагар керек, оны бүдүн жыл кийер керек. Ол кижини корулап јат*). В других районах Республики Алтай также было принято защищать себя от злых духов. Так, в Усть-Канском районе в аналогичной ситуации мужчины вплетали раковины каури в косу кејеге (Клешева Ш.З.). Телеуты, чтобы уберечь ребенка от

заболеваний, вешали ему на шею тесемочку с привязанной к ней небольшой раковиной каури [Тюркские народы Сибири 2006, 219].

Выступая как универсальный оберег, раковины каури еще являлись символом женского начала, плодородящей силы [Фатыхов 2000, 345], поскольку своим внешним видом они напоминали половые органы женщины. У алтайцев бусины и раковины каури являлись выражением сущности богини Умай (Умай-эне) — покровительницы плодородия, детей и рожениц. Не случайно раковинами каури украшали в основном одежду и прически детей и женщин.

Помимо этого, раковина каури иногда использовалась и как лекарство. О лечебных свойствах жыламаш (перламутра) писали и исследователи. Например, В. Вербицкий отмечает: «При глазных болях используют порошок из перламутра с красным отливом (тынду-тана)» [Вербицкий 1993, 108].

Это подтверждается и нашим полевым материалом. Так, по сообщению Кармановой Таны Чыныковны, жыламаш вешали на шею тем детям, у которых обильно текла слюна. Поскольку зубчики раковины каури были похожи на зубы человека, то, считалось, что жыламаш тем самым укрепит зубы и прекратит слюнотечение.

Таким образом, раковина каури выполняла несколько функций. Во-первых, она, наряду с различными бусами, пуговицами и др., использовалась как украшение. Каури украшала одежду и прически человека начиная с детства и сопровождала его всю жизнь. Во-вторых, раковины каури воспринимались как оберег, охраняющий человека от злых духов. Причем они воспринимались и как универсальный оберег, защищающий человека от злых духов, например, в сложное для человека время, и как оберег, защищающий детей, т.е. был тесно связан с богиней Умай, с культом плодородия. И, в-третьих, раковине каури приписывали еще и лечебные свойства.

В наши дни каури также имеет большое значение. Ими по-прежнему украшают традиционную одежду и прически. Несмотря на то, что в последнее время появилось много искусственных раковин каури, предпочтение по-прежнему отдается натуральным раковинам, хотя их сложно достать. Они воспринимаются чаще всего как оберег и украшение, в качестве лекарственного средства жыламаш уже не используют.

Литература:

- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Изд. 2-е. — Горно-Алтайск, 1994.
Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Изд. 2-е. — Горно-Алтайск, 1993.
Всеобщая история религий мира. — М., 2007.
Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сборник музея антропологии и этнографии. XIII. — М.-Л., 1951. — С. 5–59.
Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. — М., 1989.
Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). — Новосибирск, 2001.
Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская и др. — Новосибирск, 1988.
Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; Ин-т этнологии и археологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Ин-та археологии и этнографии СО РАН. — М.: Наука, 2006.
Фатыхов С.Г. История женщины: Этнокультурная ретроспектива и краткий анализ фактов, обрядов, легенд, обычаев и ритуалов. — Екатеринбург, 2000. — 464 с.
Энциклопедический словарь. Т. 1 / гл. ред. Б.А. Введенский. — М., 1963. 656 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕОПРОТЕСТАНТСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ БАШКОРТОСТАНА

Социальные и политические изменения, происходящие в нашей стране за последние двадцать лет, не обошли стороной и сферу религиозной жизни субъектов Российской Федерации, в том числе и Республики Башкортостан. На конфессиональном поле РБ параллельно восстановлению позиций традиционных для республики конфессий – православия и ислама – происходит формирование христианского сообщества, в доктринальном отношении своими корнями восходящего к общепротестантской парадигме. По данным официальной статистики, на 1 января 2009 года православие и ислам являются ведущими конфессиями на территории РБ, их объединения составляют 91% от общего количества религиозных организаций (около 74% – ислам, около 17% – православие). Протестантские формирования занимают третье место – их приблизительно 9% [1].

По нашим данным, в настоящее время происходит трансформация конфессиональной идентичности этносов, проживающих на территории РБ. На конец 2009 г. 63,3% членов протестантских церквей РБ, опрошенных нами, составляют русские, 24,2% – татары, 2,6% – башкиры, 9,9% приходится на другие национальности. Можно сказать, что носители неопротестантизма в Башкортостане являются в большинстве своём либо русскими, либо татарами.

Носители этих двух христианских традиций оказывают некоторое влияние на политический, социальный и нравственный климат в РБ.

В Башкортостане на 2009 г. осуществляют свою деятельность разнообразные протестантские религиозные организации. По нашим данным, в этих организациях состоит 95 зарегистрированных и не зарегистрированных общин. Из них 51 община (т.е. более половины) приходится на пятидесятников и неохаризматов (Ассоциация Христианских Церквей «Союз Христиан», Церковь Веры Евангельской «Жизнь Победы» (РОСХВЕ), Церковь Христа Спасителя (Региональное Объединение ХВЕП РБ). В количественном отношении эти религиозные организации (примерно более 1800 человек) представляют приблизительно половину всех членов протестантских организаций [2].

В постсоветский период протестантизм пятидесятнического и неохаризматического направлений прочно укрепился на конфессиональном поле РБ. Представление об общественной деятельности протестантских организаций могут дать следующие примеры.

Церковь веры евангельской «Жизнь Победы» г. Уфы организационно входит в Российский Объединённый Союз Христиан Веры Евангельской – РОСХВЕ. Церковь оказывает помощь Дому ночного пребывания в районе п. Шакша, дому престарелых, Центру временной изоляции для несовершеннолетних, детскому приюту «Надежда» г. Абдуллино, Чесноковскому детскому дому.

При церкви успешно действуют следующие подразделения:

— «Исход» по оказанию помощи людям с алкогольной и наркотической зависимостью и их родственникам;

— «Доброе сердце», оказывающее помощь престарелым людям, малоимущим и многодетным семьям на протяжении многих лет.

Прихожанами церкви создана благотворительная организация — Региональный благотворительный фонд «Любовь» г. Уфа, при котором в с. Новотроевка Абдуллинского района Оренбургской области действует обособленное подразделение — реабилитационный центр «Эммануил». Центр финансируется прихожанами церкви. В реабилитационном центре «Эммануил» в год проходит реабилитацию свыше 50 человек алко- и наркозависимых граждан Республики Башкортостан, примерно половина из которых после курса реабилитации вернулась к нормальной жизни, свободной от зависимости [2].

В церкви «Христа Спасителя», входящей в Региональное Объединение Христиан Веры Евангельской Пятидесятников РБ, действуют следующие служения: детское, молодёжное, по работе с созависимыми (т.е. с теми, члены семей которых являются алко- либо наркозависимыми). Имеет место попечительство интернатов, домов престарелых, существует молодёжная группа, доносящая до своих ровесников информацию о СПИДе и о недопустимости и вреде абортов. Летом открывается детский христианский палаточный лагерь.

При уфимской церкви «Виноградник» имеется подразделение по работе с алко- и наркозависимыми, базирующееся в селе Подлубово Кармаскалинского района РБ, которое занимается также оказанием материальной помощи малоимущим (снабжение одеждой и продуктами питания) [2].

В церквях «Союз Христиан» [2] и «Свет Правды» [2] регулярно проводятся семинары и курсы по ведению предпринимательской деятельности на Библейских принципах, подразумевающих прежде всего честность, порядочность, трудолюбие и законопослушность. Проводится работа среди групп социального риска. Например, в церкви «Свет Правды» существует группа христиан в составе семи человек, бывших ранее бомжами. В течение двух лет бывшие бомжи вернулись к нормальной жизни, стали работать. Группа проводит эвангелизационную работу среди бомжей и алкоголиков [2].

Вся социальная деятельность протестантских организаций ведётся на средства самих верующих.

Можно сказать, что в Башкортостане в настоящее время имеет место становление христианских миров двух традиций — византийской, опирающейся на государство, и неопротестантской, подразумевающей осуществление деятельности религиозных организаций в значительной степени независимо от государственной власти. Вторая традиция отчасти наиболее ярко выражена в США: «В Соединенных Штатах Америки с давних пор утверждён принцип «отделения церкви от государства». Принцип этот проводится столь строго, что отсутствует даже официальная статистика вероисповеданий, ибо обращение к гражданам с вопросом об их конфессиональной принадлежности явилось бы нарушением закона» [3]. Если в первой принципы правового государства и, в частности, принцип свободы совести рассматриваются как «одно из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющий ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» [4], то во второй эти принципы рассматриваются как соответствующие «с библейским учением и международными правовыми документами» [5].

Приведённые выше материалы свидетельствуют, что протестанты активно помогают государству в решении социальных проблем. В протестантской среде имеет место понимание актуальности нравственного оздоровления населения России. Протестантская церковь обладает способностью трансформировать вероисповедальные ценности людей в такие личные и общественные мировоззренческие и поведенческие принципы и нормы, которые ориентированы на общественное развитие, на морально-нравственный, социальный, экономический и технологический прогресс.

Источники и литература:

Информация Совета по делам религий при Правительстве РБ о религиозной обстановке в Республике Башкортостан (01.01.2009) // Текущий архив Совета по делам религий при Правительстве РБ.

Кляшев А.Н. Полевые материалы автора. Материалы опросов служителей культа протестантских религиозных объединений., г. Уфа РБ, г. Бирск РБ. - 2009 г.

Вебер Макс. Протестантские секты и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. Под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. П. III. Церковь и государство [Электронный ресурс]: // Патриархия.ru Официальные документы. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>

Социальная позиция протестантских церквей России. П. 2. Свобода совести, права и достоинство личности [Электронный ресурс]: [2003] // Религия и СМИ. — Режим доступа: <http://www.religare.ru/article7724.htm>

Колчина Л.П., Ижевск

ИСТОРИЯ РОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ МОШЕВИТИНЫХ В г.САРАПУЛЕ

В региональной историографии одной из самых слабоизученных проблем является история мещанского сословия провинциальных городов. Из поля зрения исследователей истории г. Сарапула выпал один из самых представительных по сословному составу клан Мошевитиных, включавший в себя мещан, крестьян, купцов. Автор, опираясь на материалы государственных архивов, периодическую печать, содержащиеся в фондах музеев, сопоставила их с документами из личных архивов впервые вводимыми в научный оборот Особую ценность в личных архивах представляют фотографии и воспоминания потомков сарапульского мещанина Дмитрия Кирилловича Мошевитина (1829-1896 гг.), собранные его праправнучкой Колчиной . Лидией Павловной.

Фамилию Мошевитины пока не удалось найти ни в одном документе, просмотренном Колчиной Л.П. в ГАРФ, РГАДА с 1563 г. по начало XX века (ни среди стрельцов, ни среди населения г. Москвы, в именных указателях многих изданий, 24-х томах МАМЮ, справочниках и списках населения г. Москвы разных лет, Разрядных книгах стрелецкого приказа, челобитных царю, списках воевод, стрельцов, сотников и голов, бояр и дворян, опричников, дьяков и подъячих, судей, телефонных книгах г. Москвы с XIX в. по 1930 гг.). Нет указаний на нее и в словарях по ономастике В.Даля, С.Б. Веселовского, Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона.

Первый Мошевитин появился в селе Вознесенское во второй половине ХУП века, остальные — все его потомки. В нашем роду есть несколько версий происхождения фамилии Мошевитин. 1. Фамилия московского предка была иной, в провинции ее исказили (как слово

«эвакуированные» - на «ковыряные»). 2. Вероятно это была распространенная в те времена фамилия Московитин (ов), что означало житель Москвы, москвич, возможно приезжий из Москвы, которая встречается в документах XVI и более поздних веков. 3. В переписях встречаются и другие похожие по звучанию фамилии: Моссолитин (ов) (1637 г.), Москотиньев (1638), Можайтинов (1512 г.). 4. В случаях опалы перед высылкой частым было лишение сословных привилегий, звания, состояния, должностей, имени, смена фамилии и имени, запись в низшее сословие. В конце XVII века так формировалось новое – мещанское сословие. «Мещанин – горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству. Ремесленник, незаписанный в купечество». (В.Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1994, т.2, с.373). В Энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона: «...по городовому уложению 1785 г. одно из городских сословий, иначе назывались посадскими, образуют в городах мещанские общества с исполнительными органами: мещанскими управами и старостами. Для вступления требовался приемный договор, для выхода – увольнительный». 5. В нашем роду ходила еще одна версия: Мошевитин – это искусственно созданная фамилия, смесь латинского и старославянского, обозначающая «живые мощи», состоявшая из двух корней: «мощи» и «вита». Так могли называть очень худого, истощенного человека. Кстати, такими были некоторые из Мошевитиных: сыновья Дмитрия Кирилловича, Анна Ивановна и другие...

По семейным преданиям, фамилия Мошевитин впервые появляется в Прикамье в конце XVII в. после событий стрелецкого бунта в Москве. Из воспоминаний потомков, стрелец Иван Мошевитин был сослан из Москвы в село Вознесенское (с 1780 – город Сарапул) Вятского края, что на реке. Каме, где он был приписан с семьей «навечно» к сословию мещан. В с. Вознесенском он построил первый полукаменный дом «на низах», близ Камы, затем еще пять, тем самым положив начало новой улице – Мещанской (ныне - Пролетарская). Позднее ими было выстроено еще несколько жилых домов и общественных зданий в различных частях города, а также кожевенный завод. По-видимому, человек он был не бедный и не бесталанный, поэтому сумел быстро создать состояние, приобрести авторитет в городе. Это был человек с сильным, независимым характером, из старинного старообрядческого рода, что, возможно также послужило причиной высылки его из Москвы. Таким образом, ссыльный из столицы не затерялся в далеком незнакомом селе. Привез он с собой тайны мастерства и заложил основы кирпичного производства в г. Сарапуле, которые 250 лет сохранялись в секрете в роду Мошевитиных, что позволило им держать монополию на производство кирпичей вплоть до начала XX века.

Среди опубликованных исторических документов, найденные нами первые упоминания о Мошевитиных имеются в материалах о Пугачевском восстании в ХУШ в. Причем, записи относят их к различным сословиям: крестьянам, рядовым, мещанам. Пять раз называется фамилия Мошевитиных, стоявших на стороне правительства, и один –

среди повстанцев [Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева, 1974, 80, 133, 134, 153, 172, 231, 175.]:

« 8.12.1773 г. ...Сарапул можно взять только в количестве четырехсот человек...бывшие в том селе Сарапул крестьяне Василей Колчин, Степан Мошевитин, явьясь, сказали то ж, что и вышеописанной разсылщик объявил » ; «6.02.1774 г. взяв того села крестьян: рядовых ... Трифона Мошевитина, Ивана Зылева,...да жительствоющего в том селе Сарапуле казанского купца Петра Курбатова увезли с собою в злодейскую партию... в с. Касево...»; «6.02.1774г....Петр Мошевитин вместе с другими был захвачен повстанцами»; «12.03.1774г. из наших отменну храбрость имели...сарапульский крестьянин Федот Мошевитин, Степан Варачев, а особливо Прокопий Вихляев которые, не ожидая пушечного выстрела,.....зделали первыми атаку...»;

«31.03.1774г. ...явьясь к канцеляристу И.Гурьеву, крестьяне деревни Чашниковой... Тимофей Иванов Мошевитин, уверяли, что злодейская толпа башкирцев скоп имеет в немалом количестве в вышеписанных иноверских селениях.»;

«29.07.1774 г. Посланы были от села Сарапула вооруженные крестьяне Федот Мошевитин со товарищи, всего тридцатью человеками для поимки подозрительных крестьян...».

В реестре за март 1774 г. участников крестьянского движения, захваченных правительственным отрядом И. Михельсона приводится один представитель Мошевитиных из села Сарапула – Никита.

Многократно упоминаются Мошевитины как в томе «Посемейных списков купцов г. Сарапула», так и в пяти томах «Посемейных списков мещан г. Сарапула», в «Данных о промышленных заведениях на 1884 г. с суммой производств не менее 2000 руб.» приводятся кирпичное заведение мещанина Мошевитина П.М., производящее при 6 наемных работниках 200000 кирпичей; 2 свечно-сало-мыловаренных завода мещанина Мошевитина Д.П. , при 8 работниках дающие 2500 пудов на сумму 8000 руб.; несколько производств по выделке кож: купчихи Мошевитиной А.С. при 8 работниках дающее 13000 кож (43000 руб.); мещанина Мошевитина В.П. при 3 работниках дающее 1700 кож (7000 руб.); мещанина Мошевитина Н. при 4 работниках дающее 2200 кож (5000 руб.). В 1870 г. в списке указаны купцы 2 гильдии: Мошевитин В.М. (кож.товар); их родственники: Смагин Н.П. (Хлебное вино), Смагин А.Л. (хлеб), Щипицин В.А. (хлеб). В 1900 г. в списке купцов г. Сарапула приведены Мошевитин П.П. с сыном Александром, Мошевитин В.П. с сыном и внуком, Смагин П.Л. с сыновьями Александром и Николаем.

В списках выборщиков в государственную Думу Российской империи в 1905 г. фамилия Мошевитин встречается 20 раз – чаще, чем любая другая фамилия в городе. Потомки Ивана Мошевитина не раз в разные годы избирались Гласными городской Думы, а также на должность Городского головы, что говорит не только об их благосостоянии, но и об авторитете в городе. Родословное древо Мошевитиных за 350 лет существования в г. Сарапуле демонстрирует тесные связи рода почти со всеми семействами города на Каме.

Литература:

Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева. Сборник документов и материалов.Ижевск, 1974, 80, 133, 134, 153, 172, 231, 175.

ВКЛАД Г. БИРСКА И БИРСКОГО РАЙОНА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В ожесточенной борьбе с германским фашизмом, потребовавшей от советского народа напряжения всех его сил, заметную роль сыграли и жители города Бирска и Бирского района Башкирии. Всего на защиту Родины в годы войны из Бирска и района ушли на фронт 20 674 человека, среди них 275 женщин, 6 734 воина погибли на полях сражений [Люди бессмертного подвига 2002, 469].

По сведениям Совета ветеранов города и района, если на 9 мая 1995 г. были в живых 921 участник и инвалид Великой Отечественной войны, на 1 января 2005 г. — 300 фронтовиков, то на 9 мая 2009 года в живых осталось 160 участников войны [Люди бессмертного подвига 2002, 469; Данные Совета ветеранов г. Бирска и Бирского района].

Шестеро наших земляков имеют высшую награду — звание Героя Советского Союза:

1. Антипин Филипп Лукьянович (родился в 1900 г. в с. Емашево Бирского района), в боях с конца 1942 г., героически погиб при форсировании реки Южный Буг в районе Вознесенки Николаевской области.

2. Корочкин Петр Георгиевич (родился в д. Байкибашево Караидельского района, окончил Бирскую среднюю школу № 1), участник войны с июня 1941 г., командовал артиллерийским дивизионом, героически погиб в боях в период Яско-Кишиневской операции.

3. Мушников Георгий Иустинович (родился в д. Айбашево Бирского района), на фронте с июня 1943 г., командир штурмового авиационного полка участвовал в 20 групповых боях, сбил 3 самолета противника. После войны продолжал службу в ВВС. С 1958 г. жил в Уфе, работал инженером-технологом моторостроительного производственного объединения. Умер 3 февраля 1983 г.

4. Овчинников Григорий Семенович (родился 18 марта 1898 г. в с. Осиновка Бирского района), в действующей армии с 1942 г., в бою за высоту под Новороссийском заменил погибшего командира взвода и повел бойцов в атаку. В критический момент боя он своим телом закрыл амбразуру дзота, повторив тем самым подвиг нашего земляка Александра Матросова.

5. Попов Андрей Федорович (родился в 1909 г. в с. Кояново Бирского района), на фронте с 1941 г., как и Антипин, отличился при форсировании реки Южный Буг у села Константиновка Николаевской области в марте 1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 3 июня 1944 г., в этом же году демобилизовался из армии по состоянию здоровья. Умер 5 мая 1947 г.

6. Старцев Александр Петрович (родился 21 октября 1922 г. в с. Старицино Бирского района), на фронте с мая 1942 г., был наводчиком орудия артиллерийского полка, в оборонительных боях в районе села Яковлево Белгородской области 6-7 июля 1943 г. в составе батареи отражал атаки противника, уничтожил несколько танков и автомашин. Был ранен, но не покинул поле боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 сентября 1943 г. Умер в апреле 2008 г.

В годы войны 200 солдат Красной Армии были удостоены ордена Славы всех трех степеней, среди них единственный из биряне — Попов Петр Дмитриевич. Умер в 1987 г. [Биряне в боях за Родину 1998, 19–25].

В списках погибших, пропавших без вести, умерших от ран и болезней по Бирскому району и г. Бирску насчитывается 229 воинов 1921 года рождения, 209 — 1922, 332 — 1923, 240 — 1924, 286 — 1925, 122 — 1926 года рождения. Причем почти у 30 процентов погибших не указана дата рождения [Биряне в боях за Родину 1998, 19–25].

В сентябре 1939 г. в Башкирии была сформирована 186 стрелковая дивизия особого назначения. В её состав входили стрелковые полки, полки малой артиллерии, дивизионно-противотанковых ружей, зенитной артиллерии, батальоны связи, саперный, медико-санитарный, расквартированные в г. Уфе и в п. Алкино, и 446-й гаубично-артиллерийский полк, который размещался в Бирске.

Когда началась Великая Отечественная война, биряне в первые же дни пошли добровольцами на фронт. Весной 1942 г. для обороны Сталинграда по призыву Башкирского обкома комсомола в г. Бирске был сформирован взвод девушек-комсомолок, который вошел в состав аэроэскадрильи полка. Во время авианалетов немцев на Сталинград они мужественно выполняли свои обязанности, тушили пожары. В честь защитников, прибывших из Бирска, одна из улиц Сталинграда была названа Бирской [Бирский исторический архив, ОФ -347].

Бирянка Антонина Александровна Пыхтеева является единственным в нашей республике медицинским работником, получившим в 1987 г. высшую награду международного общества Красного Креста и Красного Полумесяца — медаль имени Флоренс Найтингейл за исключительные заслуги в спасении раненых и больных в годы войны и милосердие, проявленное при этом [Бирский исторический архив, ОФ -347].

Таким образом, уроженцы, жители Бирска и Бирского района, принимая непосредственное участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, приближали общую победу над фашистской Германией.

Победа завоевывалась не только на фронте, но и ковалась в тылу. Являясь глубоким тыловым городом, Бирск принял, разместил и трудоустроил более 4 тысяч человек из западных областей страны. По числу эвакуированных Бирск занимал второе место по Башкирии после Белебея. В годы войны в г. Бирске и Бирском районе проживало 1225 эвакуированных семей начальствующего состава Красной Армии в количестве 3944 человек, из них 1175 дошкольников. Причем исполкомы Советов обязаны были обеспечить эвакуированных земельными участками для индивидуальных огородов, необходимыми семенами овощных культур. Жители западных областей Советского Союза прибывали преимущественно по реке Белой на пароходах и баржах [Биряне в боях за Родину 1998, 18–19; Бирский исторический архив, ОФ -347].

В декабре 1941 г. в Бирске был размещен московский завод АЭРОГЕОПРИБОРов. Но летом следующего года завод перевели в Уфу из-за отсутствия железной дороги в Бирске, т.к. возникли проблемы с поставкой сырья и сбытом продукции. При этом рабочие-биряне не были уволены, а вместе с заводом переехали в столицу республики, где находился эвакуированный Московский авиационный завод [Бирский исторический архив, ОФ - 1790].

В 1941 г. из Ленинграда в Бирск было перемещено первое в стране радиолокационное военное училище ВНОС — «Воздушное наблюдение, оповещение и связь». Под классы училища было отдано правое крыло здания БирГСПА, где сейчас имеется мемориальная доска. Обучение и служба в таком роде войск требовали отличного слухового восприятия, поэтому набор в училище производился из студентов ленинградских музыкальных училищ и консерваторий. В Бирске курсантами ВНОС были юные ленинградские музыканты, например, Вадим Салманов и Георгий Свиридов, будущие известные советские композиторы [Бирский исторический архив, ОФ - 1790].

В годы Великой Отечественной войны биряне вписали еще одну страницу в летопись истории города. Выполняя интернациональный долг, город принял и разместил детский дом из республиканской Испании, который с 1937 года находился в Киеве, а позднее в Ленинграде. В августе 1942 г. Совнарком Башкирии вынес специальное постановление, касающееся судьбы юных испанцев. В этом же году они прибыли в Уфу, а осенью в Бирск.

Биряне, которые были сами в тяжелом положении, дали все необходимое для нормальной жизни детей испанских республиканцев. Кармен Фернандес, воспитанница этого детского дома вспоминает, что было трудно, так как плохо знали русский язык. Учились прямо в спальнях комнатах, располагались с тетрадками и книжками на полу. Но всегда было желание изучать русский язык, учиться. С детьми работали учителя-биряне Е. Кабукова, А. Иванов, О. Полупанова. Они совместно с испанскими воспитателями старались уберечь детей от ужасов и трудностей войны и окружили их заботой и вниманием [Бочкарева 1987, 4].

С началом Великой Отечественной войны в г. Бирск был эвакуирован Орловский пединститут (был размещен в здании СШ № 1). Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 27 сентября 1941 г. на базе Бирского Учительского института и Орловского пединститута было решено создать Бирский педагогический институт с 4-годовалным сроком обучения. До 1950 г. в качестве самостоятельного подразделения работал и Учительский институт с 2-летним сроком обучения. Директором объединенного института стал А.А. Овчинников, его помощником по Учительскому институту — А.Х. Акчурун. Появились новые факультеты: географический, естествознания; кафедры: алгебры и геометрии, ботаники, химии, географии, иностранных языков и др. В годы войны институт продолжал готовить специалистов, но многие ушли добровольцами на фронт. В июне 1941 г. БУИ выпустил первых 64 специалиста по трем специальностям с правом преподавания в 1-7 классах: учитель истории (19 человек), учитель физики и математики (19 человек), учитель русского языка и литературы (26 человек). В декабре 1941 г. институт выпустил преподавателей физики и математики, химии и биологии для средней школы. Бирский пединститут помимо основных видов работы повышал идейно-политический и культурный уровень жителей города и района, организовывая чтение докладов и лекций для населения. Интересные лекции читали профессор Мельников, Троицкий, Грабаров, доценты Махлаев, Ходорович, Пахута и др. [Победа 2004. - 28 декабря].

С началом войны промышленные предприятия города перестроили свою работу для нужд фронта. В артели «Швейник» шили телогрейки, теплые брюки, сумки для противогазов, артель «Смычка» изготавливала черенки для саперных лопат. Овощесушильный завод с первых дней войны стал работать круглосуточно. Зимой сушили сухари, рыбу, мясо, осенью – морковь, свеклу, капусту и др. Каждое предприятие города перечисляло заработанные деньги в фонд Красной Армии. На эти деньги покупались теплые вещи, продукты, а также военная техника. Трудящиеся города и района вносили в фонд обороны деньги, украшения, к примеру, на митинге, состоявшемся 2 августа 1941 преподаватели Бирского педагогического института сдали безвозмездно облигации займов на сумму 7120 рублей, преподаватели средней школы № 1 – на 8 тысяч рублей [Блинников 1941, 1].

Ученики бирской профтехшколы на производственной практике выполняли работы исключительно для фронта: шили ватные рукавицы и носки. С 1943 г. обрабатывали присланные с фронта, пробитые пулями полушубки и другое обмундирование.

Учащиеся средних школ, студенты педагогического института, медицинского училища овладевали профессиями трактористов, комбайнеров и агротехников. На многочисленных воскресниках они работали на складах артелей «Заготзерно», «Заготсено», в лесопромышленной артели «Смычка», пристани и промкооперации; помогали детским садам и больницам: возили муку на санках с мельницы «Гороховской» на пекарню. «Взрослые идут ковать победу на фронте, юные патриоты помогают в ударной работе в тылу» – такое движение охватывало школьников. Так, все ученики колхоза «20 лет правды» трудились наравне со взрослыми, не уступали им в труде [Там же].

В годы войны в Бирском районе возделывалась культура кок-сагыз, из которой получали каучук для изготовления автотшин. В 1942 г., к примеру, под эту культуру было отведено 354 гектара земли. Плантации по выращиванию кок-сагыза обрабатывали в основном ученики школ [Биряне в боях за Родину 1998, 18].

В октябре 1942 г. от бирских трудящихся были вручены подарки Башкирской кавалерийской дивизии: 540 пудов меда, 700 пудов колбас, 670 пудов пряников и печенья, 1000 пудов мяса птицы и свинины и др. [Давыдов 1943, 1].

Лозунг «Все для фронта, все для Победы» мобилизовал даже престарелых. «Я знаю, что каждый мой трудовень – это лишний удар по кровавому фашизму, посягнувшему на наш мирный труд, – писал колхозник А. Фомичев. – Не имея возможности помочь Красной Армии своим личным участием с винтовкой в руках, я заявляю: наши бойцы на фронте врага бьют картечью и штыком, а мы, старики, его здесь будем бить полновесным трудовень» [Давыдов 1943, 1].

В письме-рапорте Сталину отмечалось, что за 1942 г. колхозники, колхозницы, рабочие и служащие Бирского района собрали и внесли из своих трудовых сбережений в Государственный Банк 2809000 руб-лей, из них на строительство самолетов "Башкирский истребитель" – 2024000 и на другие виды вооружений – 785 тысяч рублей. Колхозники и трудящиеся района в 1942 году собрали и передали для Красной Армии хлеба и других сельхозпродуктов 7650 пудов, из них рабочим оборонных заводов – 143 пуда, теплых вещей для бойцов фронта – 6391 комплект, индивидуальных посылок – 9044 [Давыдов 1943, 17].

Страна не забыла труд тыловиков: по городу Бирску и району 8183 человека награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Биряне в боях за Родину 1998, 18].

Несмотря на войну, Бирск жил и своей культурной жизнью, ставил спектакли эвакуированный Республиканский Карело-финский русский драматический театр. В его репертуаре были следующие спектакли: «Сестры Жерар», «Коварство и любовь», «Поэт и царь» и др.

Таким образом, труженики г. Бирска и Бирского района внесли свой посильный вклад в общую Победу.

Время неумолимо: уходят из жизни солдаты Великой Отечественной войны, работники тыла, спасшие Россию и мир, уходят и воспоминания в песни, в гранит мемориалов. И тем острее ощутим долг нашего поколения перед ветеранами – забота о каждом из них, ведь остается их все меньше и меньше, а им нужно лишь немного душевного тепла, внимания и заботы.

Литература:

- Бирский исторический архив, ОФ -347.
Биряне в боях за Родину. – Бирск, 1998. - с. 19-25
Блинников А.. На митинге // За большевистские темпы. - 1941. - № 28. - С.1
Бочкарева Т.. Салют Испании! // Победа. – 1987. - № 19. - С.4
Давыдов Н. Создать фонды семьям фронтовиков // За большевистские темпы. – 1943. - № 57. – С.1].
Люди бессмертного подвига: К 60-летию Великой Победы. Кн. вторая. – Бирск, 2002.-

Красноперов А.А., г. Ижевск

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ «ПОРТУПЕЙ» ИЗ КАРА-АБЫЗСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Раскапывая кара-абызские могильники, А.Х.Пшеничнюк, как характерную особенность погребального костюма этого населения отметил «нагрудные украшения», названные им «портупеями». Это были «широкие кожаные ремни, спускающиеся от плеч к поясу. Ремни украшались обоями, главным образом гофрированными, чередующимися с крупными бляшками. Часто ремни оканчивались трапециевидными подвесками или фигурными бляхами. Изредка параллельно с наружных сторон спускались подвески из узких ремешков, украшенных также бляшками и обоймочками» [Пшеничнюк 1973, 183] (рис.1-1-3). По его мнению, эти украшения появляются в IV в. до н.э., но наибольшее распространение получают в III-II вв. до н.э. [Пшеничнюк 1968, 73; 1964, 219].

Опубликованные планы погребений (Биктимирово I, пп.1,3,28,43,46 [Пшеничнюк 1964, рис.6-1; 1973, рис.8-14]) позволяют не согласиться с интерпретацией А.Х.Пшеничнюка. Вероятнее, это были накосники. При распаде органической основы, украшения, находящиеся в волосах, заняли бы по отношению к костям именно такое положение: верхние концы в районе ключиц (рис.1-4-7).

Накосники представлены тремя основными видами: накосник в виде мешочка для кос (1), одинарный накосник в виде ленты, наложенной на косу (2а) или полый трубицы, в которую пропущена коса (2б) и парный накосник в виде наложенных лент (3а) или трубиц (2б). Последние два вида могут иметь дополнительные более тонкие ремешки, параллельные основным с внешних сторон основных лент/трубиц или между ними, и поперечные элементы, соединяющие основные (рис.2).

Головной убор с накосником был атрибутом костюма девушки,

достигшей брачного возраста, девушки-невесты и молодой замужней женщины. Наиболее архаичным видом считается длинный накосник, сшитый в виде полой трубки с открытым низом, или наложенной на косу полосы ткани, обшитый различными украшениями. Зафиксированы и накосные украшения, вплетающиеся в волосы [Усманова, Логвин 1998, 38,48]. По мере изменения социального статуса (замужество), прическа изменялась на женскую – волосы заплетались в две косы, соответственно менялся и накосник [Клюева, Михайлова 1988, 126]. С возрастом количество накосных (да и других) украшений уменьшалось [Усманова, Логвин 1998, 51].

В кара-абызских захоронениях мы имеем пример парных накосников, вероятно, варианта 3а.

В тех же могильниках отмечено еще положение сложносоставных украшений таких типов – в ногах (Охлебинино, п.21, 84 [Пшеничнюк 1968, рис.4-2; 1973, рис.9-4]; Биктимирово I, п.39 [Пшеничнюк 1973, рис.8-5]) (рис.3).

В этнографии зафиксированы случаи ритуального «умерщвления» жены, в виде отрезания ее кос, а вплоть до наших дней описываются случаи хранения женщиной своих отрезанных кос до старости. На мой взгляд, находки в кара-абызских погребениях накосников в ногах костяка являются археологическим отражением аналогичных процессов.

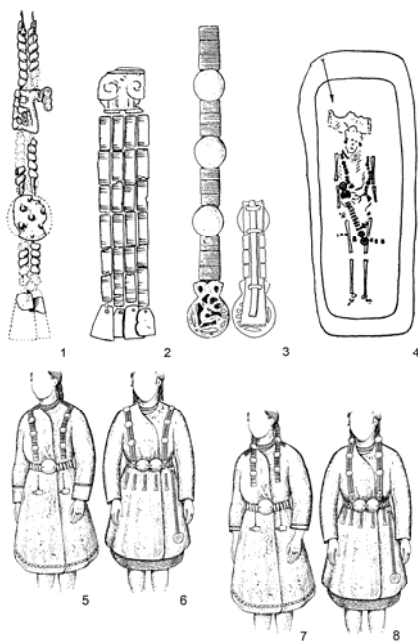

Рис. 1. Накосные украшения из кара-абызских могильников. 1,3 – Биктимирово, п.39; 2 – Биктимирово, п.24; 4 – Биктимирово I, п.43, план; 5,6 – реконструкция А.Х.Пшеничнюка; 7,8 – реконструкция автора. По: Пшеничнюк 1964, рис.3-1,7,8; 1973, рис.8-4, 13, 14.

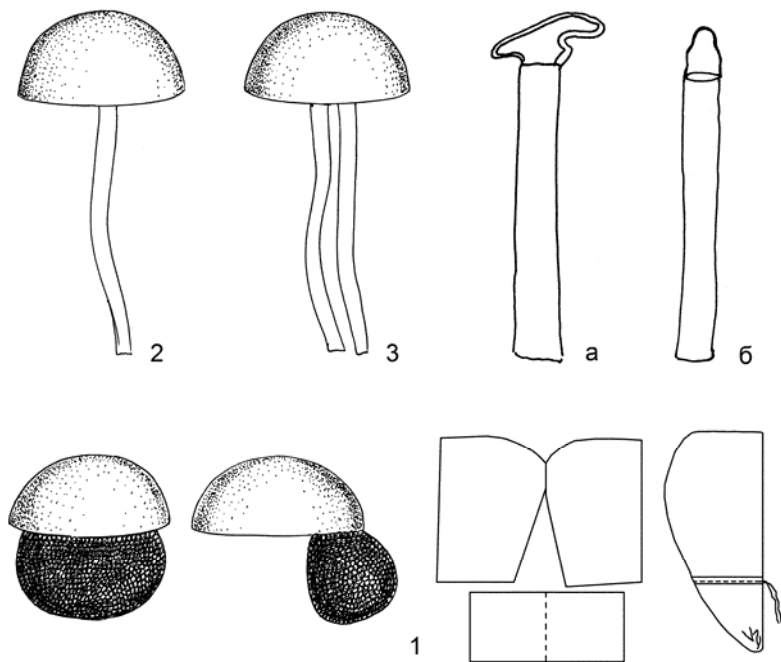

Рис. 2. Типология наконных украшений. По: Сулова 1980, 112; Доде 2001, рис. 19.

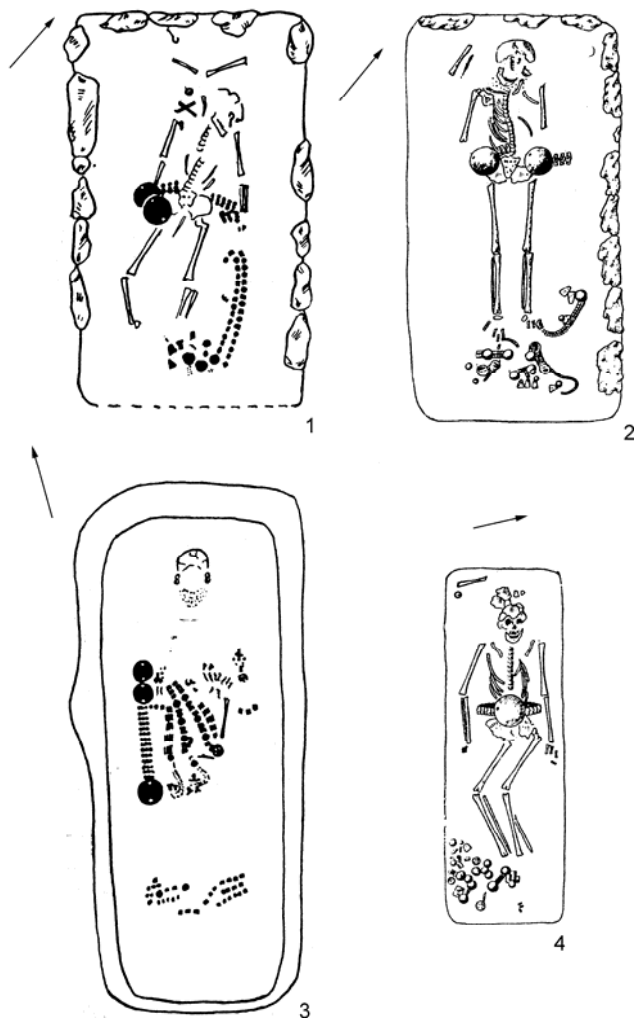

Рис. 3. Планы погребений с накосными украшениями «в ногах». 1 — Охлебино, п.84; 2 — Охлебино, п.21; 3 — Биктимирово I, п.39; 4 — Охлебино, п.8. По: Пшеничнюк 1973, рис.8-5, 9-4; 1968, рис.4-1,2.

РОЛЬ З. ВАЛИДИ В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

В республике Башкортостан проделана немалая работа по объективному, с новых позиций, без прежних идеологических шор, изучению жизни и деятельности, научного наследия лидера башкирского национального движения начала XX в., основателя Башкирской автономной республики, ученого-востоковеда с мировым именем З. Валиди.

Данная статья посвящена роли З. Валиди в становлении российского федерализма. Следует подчеркнуть, что Россия в настоящее время переживает переломный момент в смысле определения жизнеспособной формы государственного устройства. В этой связи чрезвычайно актуальным становится вопрос – быть России федеративной или унитарной. В последнее время среди политиков, окружающих президента РФ Д.А. Медведева, стали преобладать сторонники унитаризма. Как правило, они, пытаясь обосновать свою позицию (Б.В. Грызлов, В. Зорин, В. Жириновский и др.), ссылаются на то, что дореволюционная Россия была унитарным по форме устройства государством. На практике даже Российская империя имела признаки федерализма: Польша, Финляндия, Хива, Бухара занимали, например, особое, асимметричное положение в России.

Проблема федерализма в России приобрела особую остроту после Февральской революции и она была связана прежде всего с вопросом реализации нерусскими народами, составляющими большинство населения страны, права на самоопределение.

Большой вклад в дело становления идей федерализма в России внес З. Валиди – лидер и главный идеолог башкирского национального движения. Важно и то, что он был активным проводником в жизнь принципов федерализма в условиях многонациональной России. Недаром журнал «Профиль» в одной из своих публикаций (9 марта, 1998) назвал З. Валиди «отцом русского федерализма» [Бориснюк Ю., Шишков А. Заки Валидов. Степной волк, отец русского федерализма // Профиль. Март 1998. С. 58-61].

Как видно из «Воспоминаний» З. Валиди, идеи федерализма в России были подхвачены мусульманскими общественно-политическими кругами еще в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. Депутаты Государственной Думы из Уфимской губернии Галиаскар Сыртланов (III созыв), Салимгарей Джантюрин (I созыв) в те годы стали поднимать вопрос о территориальной автономии мусульман. Благодаря их поддержке, в 1906 г. религиозный деятель Абдрашит Ибрагимов издал в Петербурге брошюру «Автономия или идараи-мохтарият» («Автономия или самоуправление»), в которой речь шла о возможности федеративного устройства многонациональной России*. [Однако следует иметь в виду, что большинство членов мусульманской фракции Государственной Думы (особенно второго созыва) придерживалось довольно консервативных взглядов по вопросу государственного устройства России. В программе мусульманской фракции II ГД говорилось, что «наиболее соответствующей формой государственного устройства России... фракция признает конституционную парламентскую монархию, в которой высшая государственная власть

принадлежит монарху...» В программе речь велась лишь о возможности организации местного самоуправления на основе права народов на свободное культурное самоопределение. См.: Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг. Сб. документов и материалов. Уфа, 1998. С. 49-54.

На формирование у З. Валиди идей федерализма большое влияние оказало его общение в Туркестане (1913-1917 гг.) с представителями демократически настроенной русской интеллигенции: с членом ЦК эсеровской партии В.А. Чайкиным, Ферганским вице-губернатором, депутатом II Государственной Думы, знатоком жизни и быта восточных народов В.П. Наливкиным, видным ученым-востоковедом Л.А. Зиминным, которые ратовали за равноправие народов, за предоставления им права на самоопределение. Под влиянием В.А. Чайкина З. Валиди даже вступил в ряды эсеровской партии, в программе которой было зафиксировано положение о праве наций на самоопределение [Валиди Тоған З. Воспоминания. Уфа, 1994. С. 158, 159].

Неизгладимое впечатление на З. Валиди, как он пишет, произвела книга известного русского ученого-демократа М. Ковалевского «Национальный вопрос и равенство подданных перед законом». Особенно запомнились ему слова ученого о том, что «...великая Россия ... не может жить идеологией эпохи Ивана Грозного» [Валиди Тоған З. Воспоминания. Уфа, 1994. С. 167].

Еще более обогатилось общественно-политическое мировоззрение З. Валиди в период его работы в Петербурге (конец 1915-1917 гг.) в качестве представителя уфимских мусульман при Мусульманской фракции IV Государственной Думы. Немало сил он приложил делу подготовки созыва Первого съезда российских мусульман, сыгравшего большую роль в оживлении общественно-политического движения за самоопределение среди нерусских народов России.

I Всероссийскому съезду мусульман предшествовали региональные съезды мусульман, на которых неизбежно вставал вопрос о будущем государственном устройстве России. З. Валиди принял непосредственное участие в подготовке и работе I Всетуркестанского съезда мусульман в Ташкенте (14-16 апреля 1917 г.). З. Валиди писал: «... нам удалось убедить мусульманских делегатов из провинции в нашей правоте. Идея Россия должна быть только демократической республикой (т.е. идея унитаризма – М.К.), потерпела поражение» [Валиди Тоған З. Воспоминания. Уфа, 1994. С. 174].

Предварительно изучив литературу, касающуюся управления Туркестаном Россией, он выступил на съезде с аргументированным обоснованием идеи федерации. 17 апреля съезд мусульман Туркестана принял решение в защиту создания федерального управления России. Тогда же был образован Туркестанский краевой мусульманский Совет (Шуро), членом которого стал З. Валиди. На этом же съезде он был избран делегатом предстоящего Всероссийского съезда мусульман.

Следует отметить, что в становлении российского федерализма важное место занимает I Всероссийский съезд мусульман, который проходил с 1 по 10 мая 1917 г. в Москве. В ходе этого съезда развернулась острая дискуссия между федералистами и унитаристами. С большой речью о государственном переустройстве России выступил

А. Цаликов, член партии меньшевиков, мусульманин из осетин. Основное содержание его доклада сводилось к необходимости провозглашения России демократической республикой с предоставлением в рамках унитарного государства культурно-национальной автономии мусульманам. Интересно отметить, что доводы А. Цаликова против федеративного устройства России с территориальными автономиями во многом напоминают позиции современных противников принципов федерализма. Острая критика позиции А. Цаликова и других противников федерализма прозвучала в речи З. Валиди. В своем докладе «Этническое происхождение российских мусульман и их роль в политической жизни» З. Валиди выделил четыре региона, где возможно создание территориальных автономий: 1) Туркестан, 2) Бакинская и Елисавет-польская губернии, 3) Казахстан, 4) Урянхай - восточные тюрки. З. Валиди, не согласившись с мнением Цаликова о существовании в России единой мусульманской нации, заявил, что нельзя не считаться с наличием «естественных различий» между мусульманскими народами и предложил вести речь на съезде о блоке «мусульманских наций».

Отстаивая принципы федеративного устройства России, З. Валиди высказался на этом съезде за создание объединенной автономии народов Туркестана, Казахстана и Башкортостана. Активно поддержали идею федерализма на этом съезде азербайджанская, казахская, крымско-татарская делегации. В итоге съезд подавляющим большинством голосов высказался за федеративное устройство России в такой формулировке: «Признать, что формой государственного устройства, наиболее отвечающей интересам мусульманских народов, является народная федеративная республика, основанная на территориальных автономиях». В порядке удовлетворения требований унитаристов в этой же резолюции было зафиксировано положение о признании для народов, не имеющих свою территорию, возможности образования культурно-национальной автономии [Протоколы Всероссийского мусульманского съезда. ПГ., 1917. С. 159].

Идеи З. Валиди о федерализме получили свое дальнейшее развитие и углубление в решениях первых башкирских съездов. В повестке дня первого Всеобщего съезда (курултая) башкир (Оренбург, 20-27 июля 1917 г.) центральным являлся вопрос о национально-территориальной автономии Башкортостана. Постановление съезда «Об основах управления государством» исходило из решения I Всероссийского мусульманского съезда о создании «демократической республики на национально-федеративных началах».

В декларации первого съезда говорилось об Уральском крае как о «колыбели башкир», о свободной республиканской России, в которой башкиры должны строить «национально-политическую автономию одновременно с автономией других тюркских народов на востоке и юго-востоке». Первый курултай в своем воззвании заявил: «Мы — сторонники федерации... При федерации Россия делится на несколько частей, а каждая область имеет свой отдельный парламент: башкирские районы Южного Урала образуют одну автономную республику». Следующий областной съезд башкир (Уфа, 25-24 августа 1917 г.) подтвердил решение первого курултая о башкирской автономии, о

федеративном устройстве демократической России и в этой связи констатировал: «Таков тот путь, по которому идут башкиры-федералисты» [Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы в 4-х томах. Т.1. Уфа, 2002. С. 162].

Однако Временное правительство, хотя заявило о признании за всеми народами права на самоопределение, откладывало решение национального вопроса до Учредительного собрания. К тому же жизнь Временного правительства оказалась недолговечной: в октябре 1917 г. большевики захватили власть и провозгласили право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Лидеры башкирского движения во главе с З. Валиди проявили настороженный подход к большевистской «Декларации прав народов России», что нашло свое отражение в Приказе (Фармане) № 1 от 11 ноября 1917 г., в основе которого лежала идея нейтралитета, идея защиты интересов башкир своими, собственными силами. 15 ноября в г. Оренбурге, кстати захваченным атаманом Дутовым, руководящий орган башкирского национального движения – областное Шура (Совет) приняло постановление о провозглашении автономии Башкортостана. В основу этого постановления или Фармана №2 были положены решения первых башкирских съездов о территориальной автономии в составе федеративной России, непосредственно разработанных З. Валиди. В этом документе в общих чертах были обозначены полномочия властных структур автономии и федеральной власти. Так, дела, связанные с выборами в Учредительное собрание, войсками и содержанием семей мобилизованных, телеграфом, железными дорогами, банками, страховыми вопросами и косвенными налогами должны были оставаться в ведении «существующих государственных учреждений». Во ведение «башкирских организаций» должны были перейти: надзор за общественным спокойствием, земские государственные, земельные и мирские сборы и расходование их; суд, управление земельными, лесными, водными и путевыми делами, милиция, народное просвещение и продовольственные дела [Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы в 4-х томах. Т.1. Уфа, 2002. С. 190-191].

В более развернутой форме принципы федерализма, как их представляли лидеры башкирского движения, были изложены в решениях III Учредительного съезда башкир (г. Оренбург, 8-20 декабря 1917 г.), утвердившего автономию Башкортостана, провозглашенную 15 ноября 1917 г.

На этом съезде была принята специальная резолюция «Об общероссийской федерации и отношении Башкортостана к этой федерации». В ней говорилось, что «Российская республика состоит из союза (федерации) автономных национальностей и окраин. Башкортостан входит в состав России как один из национально-территориальных штатов». Провозглашалось равенство всех штатов федеральной России «в политических и других правах». В 6 пункте резолюции были определены предметы ведения «союзной власти». В резолюции съезда «О национально-государственном обустройстве тюркских народов России» были очерчены территории будущих автономий или штатов в составе демократической федеративной

России? [Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы в 4-х томах. Т.1. Уфа, 2002. С. 202]. Речь шла об Азербайджане, Туркестане, Северном Кавказе, Крыме и т.д. Здесь же делалась оговорка о возможности создания союза Туркестана, Башкортостана и Казахстана с единым правительством. Эта точка зрения была выдвинута З. Валиди еще в ходе I Всероссийского мусульманского съезда. Интересно и то, что решение башкирского съезда об автономии подлежало конституционно-законодательному утверждению и закреплению со стороны общероссийского центра. Дело в том, что З. Валиди, разрабатывая положение о федеративном устройстве России, предполагал не полный (государственный), а относительный суверенитет Башкортостана в составе суверенного Российского государства.

Следует подчеркнуть, что разработанные З. Валиди принципы федерализма не потеряли своей ценности и в наши дни, особенно в условиях поисков путей будущего государственного устройства России.

Кыргызбаева Ж.Ж., г. Бишкек

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Проблемы формирования современных этносов, истоки которых лежат в глубокой древности, никогда не теряет свою актуальность.

Современная территория Кыргызстана определилась в результате длительного исторического процесса, ее этническую историю и становление кыргызской народности нельзя представлять в отрыве от общей истории Притяньшаня и Южной Сибири, так как эти территории плотно входили в зону миграционных потоков древних кочевников. На исторической арене кочевых народов, кыргызы появились еще в эпоху древности. Первые упоминания о кыргызах были в 201 году до н. э. в китайских источниках под этнонимом «гянь-гунь». [Койчуев Т.К. Кыргызы и их предки. 1994, 46]. Существуют разные мнения по вопросу формирования кыргызской народности, но общая концепция основана на том, что существует 3 главных компонента, которые являются определяющими в формировании кыргызской народности:

1. Местное европеоидное, преимущественно тюркоязычное население Тянь-Шаня.

2. Монголоидные тюркоязычные племена Южной Сибири.

3. Часть монголоязычных племен Центральной Азии.

Кыргызы относятся по расовому типу к южносибирской монголоидной подгруппе, которая складывалась во 2-й половине 1 тыс. н. э., современный тип кыргызов не ранее XIII в. н. э. их физическими предками являлись выходцы из Южной Сибири. Язык кыргызов входит в кыпчакскую группу тюркоязычных народов, по классификации кыргызский язык относится к “новейшим языкам” вместе с алтайским, казахским, каракалпакским и ногайским. Конец XIV века, начало XV века — это время критических моментов в формировании кыргызской народности. Связано с истреблением войсками тимуридов всего скотоводческого населения Тянь - Шаня и всей территории до Алтая, вследствие чего начался процесс консолидации народностей этого края и в середине XV века происходит образование собственного

государства – Кыргызского улуса или ханства. В конце XV века кыргызы полностью вытеснили за Нарын и Кашгарию все монгольские племена и впоследствии вели полувековую войну, отражая нападения монголов. Начало XVI века можно считать временем окончательного формирования кыргызской народности, когда определились основные признаки: этническое самосознание общности, закрепившееся самоназвание, общность территории, которую кыргызы отстаивали при наличии собственной государственности, народный язык. Общая численность кыргызского населения в то время составляла около 300 тысяч человек. Сложившаяся к XVI веку кыргызская народность претерпевала определенные изменения в силу этнокультурного развития, как и каждый этнос. Все это свидетельствует о том, что предки современного кыргызского народа генетически связаны с кыргызскими племенами, которые как особая этническая общность сформировались в X–XI вв. в обширных регионах Алтая и Прииртышья. Это был естественно – исторический процесс развития нации вплоть до момента вхождения в состав Советского государства.

Алтайцы – тюркоязычная народность, проживают на Юге Западной Сибири в Горно-Алтайской автономной области. Исторически алтайские племена делились на северных и южных. Северные племена: тубалары, кумандинцы, челканцы. Южные племена: алтай –кижи, теленгиты, телеуты.

Начались исследования и переосмысление исторических данных с позиций современности. Интереснее было обратить внимание к истории кыргызов, живших на Енисее и оставивших след на территории Алтая. Алтайская письменность была разработана в 40-х гг. XIX в.

Алтай обладает богатейшей культурой, сохранившей в себе уникальные явления с древнейших эпох, что существенно отразилось в сохранных до современности элементах традиционной культуры. Архаичны корни одного из мощных пластов духовной традиции – алтайского эпоса в нем синтезированы история, мифо-поэтическое мировоззрение и миропонимание [Шатинова 1984, 8].

В ущельях и долинах Тянь-Шаня осталась память о славной культуре прошлого. Здесь тысячелетиями жили и создавали разнообразные народы, здесь была ключом творческая культурная жизнь. И как бы ни были опустошительны многочисленные войны, в народах Тянь-Шаня вечно жила и не иссякла большая культура, оставлявшая потомкам наследство, которым по праву может гордиться современник. Этническая история, история материальной и духовной культуры народов Средней Азии и Кыргызстана представляет собой продукт сложных этнических процессов и культурных взаимовлияний населения этой огромной историко-этнографической области и сопредельных территорий – Передней Азии, Южной Сибири, Приуралья, Центральной Азии. Особое место в этих важных процессах занимают кыргызы.

Открытые на территории Кыргызстана многочисленные археологические памятники свидетельствуют о существовании здесь уже в древности богатой и разносторонней культуры, тесно связанной с культурой широкого круга племен и народностей Среднеазиатского междуречья и прилегающих горных и степных областей. Поскольку в состав кыргызской народности в той или иной мере вошли потомки племен,

населявших Тянь-Шань и Памиро - Алай в древности и в средние века, можно говорить об известной преемственности традиций хозяйственной жизни, быта и культуры предшествующих насельников этих территорий и современного кыргызского населения [История Кыргызской ССР. 1984,177].

Исследователь С.М. Абрамзон так характеризовал тот период: "Крупную роль в культуре киргизов играло устное народное поэтическое творчество. В нем в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная древняя культура, трудовая жизнь, надежды и чаяния, поэтическое восприятие природы" [Абрамзон 1990,356].

Знать историю необходимо не только для того, чтобы трезво оценивать события прошлого, но и чтобы правильно разбираться в настоящем, уметь прогнозировать будущее. Вся история кыргызов – материальная, хозяйственная, общественная и культурная – была связана с народами Алтая. Исследования археологических, исторических и культурных памятников Алтая, Енисея связанных с древней и средневековой историей кыргызов изучение этногенетических и этнокультурных связей кыргызов с народами Алтая, раскрытие схожестей и параллелей в их материальной духовной культуре дают возможность для обновленного взгляда на историю и культуру нашего народа.

Культура – означает исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Каждая культура неповторима, и у каждой есть свои истины

Однако времена меняются, меняется образ жизни, и уходят в небытие обычаи, существовавшие тысячи лет. Это закон развития жизни и цивилизации, но часть обрядов остается, живет среди народов. Совокупность этих особенностей дает полное основание историкам, политологам, аналитикам, политикам говорить об этих регионах и всей территории новых независимых центральноазиатских государств как о регионе или субрегионе, который может остаться по-прежнему частью единого геосоциального пространства, сохраняя научные, образовательные, культурные, экономические и политические связи.

Литература:

- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе. 1990.
Бактыгулов Д. О локализации алтайских киргизов в IX-XVI веках. Б. 1996.
Винников Я.Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. – М. 1956.
Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск. 1981.
Койчуев Т.К. Кыргызы и их предки. – Б.,1994.

Латыпова Ф.Ш., Өфө к.

БАШКОРТ КАТЫН-КЫЗЫ - ЭШКЫУАРЛЫКТА "ҖЕЗГӘ ҺӨЙӨНӨС ЕБӘРӘМ..."

Бөгөн асыл заттар эйә булмаған бер генә һөнәр зә калманы, шикелле. Улар үзәрән инженер, агроном, банкир, предприятие, ойшмалар директоры, катмарлы техника кулланылған газ, нефть сәнәгәте етәксеһе лә булып танытты. Улар араһында Минзәлә

Фазлетдинова ханымдың да лайыклы урыны, хиймәтле исеме бар. Уның етәкселегендәге "Румикс" фәнни-етештереу фирмаһы нефть һәм газ үткәргестәр төзөлшөндә кулланылған торбаларҙың кыуышлығын тазартыуға тәғәййәнләнгән махсус поршендар етештереу буйынса юғары казаныштарға өлгәште.

Ғәзәттә эшкыуарлыкта ниндәйҙер бейеклектәр яулаған кешеләргә кызығып, хатта бер аз көнләшеп карау ғәзәте таралған. "Бизнесмен" һүҙенә мөгәнһенә кире караш уятырға тырышыусылар за бар. Эшкыуарлықтың бик күп каршылыктар, һикәлтәлә баһкыстар аша яуланыуын төшөнөп етмәгәндән килә был. Үз эшендә асыр алдынан ни эшләргә, һимә етештерегә, уның кәрәкме-түгелме икәнлеген анык күз алдына килтерергә, тауарыңды һатыу базарын төплә өйрәнергә тейешһен. Ошо өлкәлә етерлек белемә булығы - тәүге шарт. Шөкөр, Миңзәлә Вәлиулла кызының Өфө авиация институтын тамамлауы, Себер тарафтарында ире Кәдүрий Әбдрәһим улы менән байтак йылдар нефть һәм газ үткәргес магистралдәрҙә сифат бүлгә инженеры булып эшләүе зур ғәмәли һәм тормош тәҗрибәһе биргән. Нефть һәм газ сығарыуы, уларҙы эшкәртеүсе предприятиеһарҙа дәү, диаметры 114-1420 миллиметрлы торбалар кулланыла. Уларҙың кыуышлығын тазартыу байтак механизм, көс һәм сығымдар кулланыуы талап итә. Ошо эштә поролонлы поршендар за файҙаланыла. Өфөгә кайтып урынлашһас, "әллә кайһан алдырғансы, уларҙы үзөбөзгә етештерегә мөмкин түгелме икән?" тигән һорау Миңзәлә Вәлиулла кызының зийенен сүкей, ошо йәһәттән эш асыу мөмкинлегә тураһында кат-кат уйлана, сеймал табыу, продукция етештереу, тауарҙы һатыу базары, һалым, эш һаҡы, эш шарттары, эшселәр һаны, көнкүрештә ойоштороу мәсьәләләре буйынса бөткөһөз иҫәп-һисаптар алып бара, үзен таныш булмаған бухгалтерия тигән өлкәнә лә үзләштерә. "Румикс" фәнни-етештереу фирмаһы шулай барлығы килә. Әммә тәүге ике йылда заказдар булмау сәбәплә (сәнәғәт предприятиеһары көрсөккә тарыған осорҙа был да үзенә күрә ауыр һынауҙарҙың береһе) ауыл хужалығы техникаһын төзәтәү менән шөгөлләнәләр. 1997 йылдан ғына нефть һәм газ үткәргестәрән төзөү, капитал ремонтлау, саһка индереү өсөн бик тә кәрәккә поролонлы тазартыу поршендары етештерегә өлгәшәләр. Миңзәлә Вәлиулла кызына еһелдән булмағандыр. Ир заттары күпселектә тәһкил иткән предприятиеһың кыйынлыктарын күз алдына килтерегә ауыр түгел. Уйлап эш итеүсән, йомшаһ һүзлә ханымдың талапһан да икәнлеген улар тиз аһланы, сөнки төп эштән ситкәрәк тайпылып, күберәк аһса һуғырға теләүселәргә үз һүҙендә кәтһи еткерергә, кайһы берәүҙәре менән хушлашырға ла тура килдә. Һалымдарҙы ваҡытында һәм теүәл түләү, етештерегә арттыра барыу, килемлә эшләү республиһан, илең алдында яуап тотоуға бәрәбәр. Заказсыларға ваҡытында һәм сифатлы тауар етештерегә, сифатлы тауарҙы сифатлы каптарға төрөү зә эшкыуарлыкта бик мөһим талап. Ошоларҙы аһлап эш иткән "Румикс" фирмаһы Рәсәйҙең мөнәрләгән төрөзәш предприятиеһары араһында иң алдыңғы 30-ау араһына иһә. Поролонлы поршендарҙы "Транснефть", "Транснефтепродукт", "Сургутнефтегаз", "Газпромнефть", "Коминнефть", "Газпром", "Стройтрансгаз" кеүек илебөзгә нефть һәм газ менән туйындырыуы бик күп әре аһык һәм яһык акционер йөһмигәттәре бик теләп ала.

Республикабыздың газ һәм нефть сәнәғәте предприятиелары менән дә тығыз хезмәттәшлек булдырыла. Зур һорау менән файҙаланған продукция етештерәүе менән "Румикс" Поляр аръяғы газ яткылығының беренсе һәм икенсе сиратын төзөүҙә, Көнбайыш Себер, Рәсәйҙең Европа өлөшөндәге торба үткәргестәргә реконструкциялауҙа һәм капитал ремонтлауҙа катнашты.

Ни өсөн тап "Румикс"та етештерелгән поршендар конкуренцияға һәләтле? Сөнки улардың хақы башкаларға карағанда 5-10 процентка кәмерәк, конструкцияһы һәм етештерәүҙә кулланылған материалдар уның үткәрәү һәләтөн 20-30 километрға һәм сифатын арттыра. Бер үк предприятиелардың даими заказдар бирәүе (мәсәлән, "Сургутнефтегаз" асыҡ акционерҙар йәмғиәте һәм "Уралтранснефтепродукт" ун йыл инде "Румикс" менән өзлөкһөҙ хезмәттәшлек итә), һәр заказды кулланыусы һораған вақытҡа үтәү, әзәр продукцияны үз транспорты менән Рәсәйҙең теләгән бер мөйөшөнә алып барыу за предприятиеның абруйын күтәрә, үрҙә телгә алынған һорауға яуап булып тора.

Етәксе булыу күлүн астында эшләүселәр алдында зур яуаплылык тойоу тигән һүҙ. Фирманы ойошторғанда Миңзәлә Вәлиулла кызы һәр осрақты күзгә тоткан. "Румикс"та һаулыҡ өсөн хәүефһөҙ технологиялар кулланыла. Эш урындарында вентиляция үткәрелгән, һауаны бысратыусы зыянлы калдыктар ташланмай, хезмәтләндерәүсе персонал махсус һаҡлағыс саралар менән тәмин ителгән, бушлай һөт бирелә, эш урындарында тирә-як мөхиттең тазалығы контролдә тотола. Базар шарттарында, Рәсәйҙә иктисади тоторокһөҙлөк хөкөм һөргәндә коллективтың психологик һыҡлығын, кадрҙарҙы һаҡлау зарур. Хезмәткәрҙәр даими эш, хезмәте өсөн лайыҡлы эш хақы менән тәмин ителгән, эш хақы вақытында түләнә, йәйге йилы мәлдәрҙә түләүле отпускылар бирелә, махсус эш кейеме, заманса душ кабиналары булдырылған. Эш урындары, тамак ялғап алыу бүлмәһе, тантаналар үткәрәү залы тазалығы, зауыҡлылығы менән айырылып тора. Был унайлыктар дүс, татыу, ижади эшләү өсөн шарттар булдырылыуы тураһында һөйләй. Эшкыуарлыҡ менән шөһөлләнгән кеше етештерәүҙә арттырыу, сығымдарҙы кәметәү буйынса даими эзләнергә тейеш. "Румикс" поролонды Владимир һәм Ижевск калаларына алды.

2001 йылда баш каланың Яңы Александровка қасабаһында бина һатып алына, ул төзөкләндерелә, реконструкция үткәрелә. Әлегә көндә унда диаметры 114-1420 миллиметрлы поролонлы поршендар етештерелә. Улар Англияла һәм Америкала етештерелгәндән сифаты буйынса калышмай.

"Румикс" фирмаһы баш каланың социаль программаларын бойомға ашырыуҙа әүзем катнашыуы менән дә билдәләлек яуланы. Орджоникдзә районында йәшәүсе инвалидтарға, ветерандарға, аз тәмин ителгән ғаиләләргә, үзешмәкәр бейсәү коллективына, Бөйөк Рәсәйҙең 60 йыллығын үткәрәүгә спонсорлыҡ ярҙамы күрһәтелгән, "Феникс "үзөгә" социаль хезмәттәр салонына, хәлдән килгәнсе ярҙам күрһәтелде. Миңзәлә ханымдың эшендәге төп максатын сағылдырған өндәмәһе юкка ғына "Изгелек кылырға" тип аталмаған бит.

Һимәгә генә тотонһан да, уның уңышлы эшләп китеүенә кешенәң бары тик шәхси сифаттары булышлыҡ итә. Мосолманлыҡ рухының аңынан балкырына ғүмер буйы ышанып йәшәгән өләсәһе Ғәтифә,

әсәһе Ғәлиә Минзәләне дингә ихтирамлы-игтибарлы итеп тәрбиәләгән. Язмыш уны үзә кәүек нурлы ғаиләлә үскән егет менән ораштырған. Фазлетдиновтар мосолман дине канундары буйынса тормош көтә тihәк һис язык булмаҫ. Әллә кемдәр кәүек кәсәгә акса тултырып, ресторандарға төн үткәрәү улар өсөн ят күренеш, шарап кәүек иҫерткес әсемлектәр һатып алыуға ла күнекмәгәндәр. Ә инде Көрһән-Кәрим аяттарын укыу, намазға баҫыу был ғаиләлә ғәзәти күренеш. Дүрт йыл әлек икәүләшәп Сауд Ғәрәбстанына һаж кылып, күнелдәрәнә сабырлыҡ һәм мәрхәмәтлек өҫтәп кайтканылар. Мөмкинлек киләп тыуған һайын матди болдо изгелекле-игелекле ғәмәлгә тотонуузы, халыкка, туған-тыумасаға ярҙам итеүгә бағышлаузы хуп күрәләр. 2004 йылда Кәдүрий һажизың Учалы районындағы тыуған ауылы Рафикта күркәмлеге менән сит ил кешеләрен дә һайран-вайран калдырған "Әбрәһим" исемендә иман йорто каткып сықты. Төп эш урынын калдырып китеү мөмкинлеге булмағас, ул мәсет төзөү буйынса барлыҡ хәстәрҙәрҙә катынына тапшырған. Минзәлә Вәлиулла кызының ышандырыу һәләтә кәслә, кешенә хис-тойғоларын тиз һиземләй, дипломаттарға һас оҫталыҡ менән төзөлөш барышын үз йүнәләшендә, үз кимәлендә тоға белгән һәм мақсатына өлгәшкән. Фазлетдиновтар мәсет төзөп, уға атайзанының исемен кушып, йомартлыҡтың иң бөйөгөн, Аллаһы Тәғәлә өсөн иң күркәм хөрмәтә, тыуған ергә тоғролоғон күрһәтте. Минзәләнең тыуған ауылы Әлһәй районы Сурай ауылында ла "Ағинәй" мәсәте төзөүгә әүзем катнашалар.

Минзәлә Вәлиулла кызы булдыкылылығы менән үзән йылдан-йыл кинерәк таныта барған һәләтлә, кыйыу йөрәклә директорзарзың берһенә әйләнде. 2005 йылда ул "Йыл катын-кызы" IX Бөтә Рәсәй конкурсы төбәк әтабыны ң "Бизнес корифейы" номинацияһының, Рәсәй катын-кыз эшкыуарзари ассоциацияһының дипломдары һәм исемлә мизалы, 2007 йылда юғары социаль яуаплылыҡ, йүнселдәрҙән ыңғай образын тергеҙеү һәм Рәсәй социаль-яуаплы бизнес институтын үстәрәүгә зур өлөш индәргәнә өсөн "Рәсәй эшкыуарлығының алтын фонды" дипломы һәм Отличие билдәһе менән бүләкләнде. 2006 йылда Бөйөк Британияның Лондон калаһында үткән Халык-ара сифат конвенцияһында 67 илдән килгән 90 компания (Рәсәйҙән 315 фирмаһы) катнаша. Минзәлә Вәлиулла кызы ошо сарала Business initiative Directions (B.I.D) тигән ойошманың юғары бүләгенә - "Сифат тажы" халык-ара призына лайык була. Был бүләк үз эшен сифатлы алып барған, клиенттары һәм партнерзари менән камил мөнәсәбәттәр корған, сифатлы продукция етештергән предприятие етәкселәренә генә бирелә. Былтыр Минзәлә Фазлетдинова эшкыуарлыҡ өлкәһендә "Алтын Меркурий" милли премияһы конкурсында енеп сықты, БР һәм РФ Сауза-сәнәғәт палатаһының дипломы менән бүләкләнде.

"Һезгә һөйөнөс ебәрәм, үзегезҙән һуң киләсәктәрҙә һез зә һөйөндөрөгөз" тиелә хәзистәрҙән берһендә. Минзәлә ханымдың мосолман катын-кыззаринына ғына һас руһи булмышы, күнел хәләтә, эшмәкәрлеге һақында уйланғанда хәзистәгә ошо һүзҙәр ирекһезҙән иҫкә төшә. Уның безҙән арабызға булығын, үзәнә генә һас күркәм сифаттары балкышын үксәгә баһып үсәп килеүсә балаларыбыз өсөн һөйөнөстәрҙән дә һөйөнөсө, сәләмәт уй-хыялдар таба алмаған кәрҙәштәрәбәз өсөн бынамын тигән таяныс-йыуаныс итеп күрәм.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Ситуация обновления общества, обостряющая процессы поиска человеком смысла существования и своего места в мире, приводит к необходимости гуманизации и гуманитаризации образования. В решении этих проблем возрастает значение эстетического воспитания средствами искусства, способствующего развитию нравственного начала личности, передаче духовного опыта человечества, восстановлению связей между поколениями. Каждому человеку свойственно эстетическое восприятие, эстетическое переживание, эстетический вкус, однако степень развитости эстетической культуры у людей различна. И здесь важны культурные нормы, которые формируются и проявляются у человека на протяжении всей его жизни. Как известно, индивид, усваивает не только знания, но также принципы, нормы поведения и восприятия, понимания и отношения к окружающей действительности, а также духовное наследие народов. Поэтому огромную роль в передаче духовного опыта народов прошлого и настоящего может сыграть многоуровневое образовательное пространство, которое включает и этнокультурные особенности.

Как известно, культура и искусство не могут существовать, не обновляясь, а эти изменения являются существенной стороной развития общества. Следовательно, единство традиции и обновления как универсальной характеристики любой культуры, в том числе и национальной музыкальной культуры, может смело использоваться в современной системе образования. Одним из важнейших требований, предъявляемых к подготовке будущего учителя музыки, становится создание условий для воспитания этнокультурных предпосылок компетентности будущих учителей.

Национальное сознание (включающее в себя и национальную психологию) является важнейшей составной частью духовной жизни общества, выступая по отношению к сознанию общества не столько его частью, сколько специфической формой и способом его существования. В национальном самосознании приоритетное значение имеет осознание нацией самой себя, своих интересов и целей, позволяющих сопоставить собственную самость с другими общностями с одновременным познавательным отношением к комплексу условий своего бытия.

Одним из результирующих способов продуцирования национального сознания вовне является культура. Национальная культура выполняет важную функцию в национальной идентификации людей — функцию отождествления, приравнивания себя к представителям своего коллектива, отграничения от других этнонациональных объединений. Этнодифференцирующая роль принадлежит таким соционормативным пластам культуры, как система ценностей, нормы поведения, традиции, обряды, присущие каждому народу. Уникальность и оригинальность культурного творчества каждого народа (этноса) обусловлены тем, как в сознании, психологии отражаются особенности его социокультурного развития. Можно сказать, что этносы представляют собой пространственно ограниченные «густки»

специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией. Нарушение трансляции самобытной культуры (в образовании, социализации, семье, учреждениях культуры) ведет к нарушению в национальном самоощущении, неуверенности в завтрашнем дне; неясность перспектив формирует ощущение незащищенности и стимулирует возникновение межнациональной напряженности, создавая конфликтную ситуацию.

История дает нам совершенно различные примеры того, какими факторами определялась национальная идентификация того или иного народа, по каким критериям относил он себя к той или иной истории, обществу, стране. По мнению социологов, при этом значимы: 1) ценностная квалификация того, куда народ себя старается отнести; старания, как правило, направлены к лучшему или значительному; 2) для менталитета должна быть история, но не любая и вся, а только значимая, неотделимая от гордости за свой народ, «за своих»; 3) механизм формирования и воздействия ментального таков, что нечто приживается, если есть к нему чувство сопричастности, причем оно либо культивируется, либо воспроизводится, либо реально происходит.

Думается, проблема развития компетентности будущего учителя музыки как необходимой составляющей его педагогической деятельности в своей сущности включает проблему ценностей и их совмещения с новыми реалиями.

Исторически сложилось, что территорию Башкортостана населяют множество национальностей.

Возрастает роль региона в формировании внутренней и внешней политики России, укреплении ее государственности, установлении экономических, политических связей, культурного сотрудничества с граничащими республиками (Татарстан и т. д.). Учитывая общность исторических судеб представителей различных национальностей, близость, а зачастую и совпадение их интересов, взаимодействие и взаимопроникновение их культур, уходящие вглубь веков межнациональные и межконфессиональные связи, нужна упреждающая образовательная деятельность, поднимающаяся до уровня культуры педагогической деятельности, объединяющая каждого взрослого и ребенка. Нужен в первую очередь педагог, осознающий эту проблему и способный к ее решению.

Обеспечение инновационной деятельности в многонациональном регионе предполагает формирование у учителя музыки таких качеств, как готовность к выявлению социокультурных, нравственно-духовных особенностей, педагогический профессионализм, этнопедагогическая и этнопсихологическая культура, и других — смыслообразующих его профессиональной компетентности.

Таким образом, наличие полинациональных, разнопрофессиональных, поликонфессиональных переплетающихся социокультурных групп образует едва ли не наиважнейшее своеобразие и самобытность их жизни, вызывающие необходимость развития компетентности будущих учителей. Закономерность ее развития обусловлена тем, что принадлежность личности определяется объективно существующими связями с той или иной территорией, где развиваются экономические отношения, культурой и языком, семейными и

бытовыми традициями, с явлениями психологического порядка. Каждая из этих форм связей личности с нацией имеет свое место и роль в формировании национальной специфики личности, ее национальной ментальности. Последняя включает в себя: а) исторически сложившиеся черты национального характера; б) определенные национальные симпатии и антипатии; в) национальные традиции, закрепленные в культуре (как традиции национального разума, так и национальных предрассудков); г) определенные смысложизненные ценности — представления о жизни и смерти, вечных ценностях жизни и религии, тенденциях поиска смысла жизни и др.

Пока потребность будущих учителей в получении информации об истории, культуре, обычаях и традициях народов, проживающих в Башкортостане, не стала еще нормой. Наше исследование показало, что постоянный интерес к культуре других национальностей проявляют 26,8 % студентов педагогического университета. 44,2% — зависит от ситуации, 29,0% — не проявляют. Таким образом, мы можем говорить о закономерности в развитии компетентности будущих учителей: процесс будет тем эффективнее, чем глубже будет интерес к культуре другого народа, что требует более глубокого изучения психологических особенностей, среды обитания, традиций и т. п. людей другой национальности.

Культурные традиции народов — мощнейший фактор воспитания гуманистической личности, что роднит и сближает разные народы. Следовательно, традиции являются следствием сохранения самобытности народной педагогики, но выполняют интеграционные функции. В этом диалектическая сущность народного воспитания.

Все приведенное позволяет выделить особенности, как этнопсихологии, так и этнопедагогики, важные для развития компетентности, к которым мы относим:

- историческую обусловленность развития этноса, его исторические связи с другими этносами;
- адаптацию этноса к ценностям общечеловеческого (гуманистического) воспитания;
- коммуникативные связи, взаимодействие на основе общечеловеческих ценностей;
- культуру межэтнических отношений, складывающихся на основе мировоззрения, нравственных, эстетических, культурных ценностей.

Таким образом, изучение особенностей многонационального региона перспективно, оно непосредственно связано с ее научным исследованием и означает постижение учением, познанием в процессе обучения, что в свою очередь, предполагает внимательное наблюдение, ознакомление, понимание. Все это составляет, в конечном счете, этнопедагогическую базу национальной школы, что обеспечивается целым рядом национальных программ воспитания современной учащейся молодежи.

Литература:

Гаязов А.С., Голошумова Г.С., Кашапова Л.М. Этнопедагогика: методология и технологии этноязыкального и этнохудожественного образования (монография). - Уфа, 2009

РОДНОЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Глобализационные процессы радикально трансформируют пространство и время – эти фундаментальные измерения человеческой жизни. Люди начинают жить в новом социальном (в том числе и языковом) пространстве, языковые границы все более расходятся с национальными, экономическими, географическими. Пространство **мест** уступает свои позиции пространству **потоков** [Кастельс 2000, 353]. Постепенно формируется языковое гиперпространство, о чем свидетельствуют следующие факты: 1) Подсчитано, что в европейских языках накопилось уже около 7000 общих корней, по преимуществу греко-латинского происхождения [Свадост 1968, 199]; 2) на основании сопоставления 60 000 лексических единиц 50-ти языков с наибольшей социальной базой (языки народов бывшего СССР, русский, французский, английский, немецкий) из 165 словарей выявлено 7000 изоглосс интернационализмов и терминов [Акуленко 1972]; 3) немецкий ученый С. Рот, исследуя языковые контакты в северной части Евро-Азиатского языкового региона за период с 1917 по 1980 гг. (урало-германские, германо-восточно-славянские языковые контакты), среди евразийского лексического массива объемом 96 000 единиц, извлеченных из современной художественной литературы, журналов, газет, научных статей, фольклорных записей и разных типов словарей 48 языков, обнаружил 1820 общих или схожих единиц по внутренней и внешней форме, от 11 до 27 % единиц общего происхождения [Rot 1991, 85]. Формирование и наращивание общего для многих языков пласта лексики являются естественным результатом интенсификации человеческих и языковых контактов, которые не только неизбежны, но крайне желательны и необходимы. Это диктуется многими обстоятельствами, среди которых исследователи особо подчеркивают развитие деловых отношений и рационализма.

В этих условиях важное значение приобретает понятие «родной язык», тем более, что однозначного определения его пока не существует. Для одних – это язык, на котором говорят с детства, для других – язык матери, для третьих – язык национальной принадлежности, для четвертых – тот, который выучили первым. Есть точка зрения, что родной язык, "будучи в первую очередь языком матери, содержит в себе такие определяющие качества, как **врожденная способность не просто к речи вообще, а к конкретному языку, "национальная натренированность" органов речи** (выделено нами. – А. М.). И, как правило, язык матери в дву- и многоязычной семье играет для ребенка ведущую, преобладающую роль, особенно на первоначальном этапе его жизни, так как с маленьким ребенком больше общается мать" [Сахи-пова 1998, 24]. В социолингвистической литературе последних лет появилось определение родного языка как функционально наиболее значимого в жизни человека, причем он - далеко не всегда материнский или национальный [Аюпова 1988, 14]. В ряде случаев исследователи избегают употребления понятия "родной язык" по причине его неопределенности. Так, У. Вайнрайх пишет: "Анализируя формы лингвистической интерференции, мы избегали таких привычных терминов, как "родной язык",

"первый" или "второй язык", так как с точки зрения структуры, генетический вопрос, какая из контактирующих систем изучена данным индивидом раньше другой, не является релевантным" [Вайнрайх 1979, 179]. А. Е. Карлинский отмечает неоднозначность термина "родной язык" и считает его поэтому неудобным для научного использования. При этом он ссылается на данные переписи 1979 г., в соответствии с которой 16 млн. представителей нерусских Национальностей нашей страны назвали своим родным языком русский [Карлинский 1990, 59]. Для преодоления терминологических трудностей упомянутый автор предлагает понятия "первичный язык" (Я1) и "вторичный язык" (Я2)". Из двух или более языков, используемых индивидуумом, первичным считается тот, который усвоен ребенком в раннем детстве прямым методом без посредничества какого-либо другого языка или учителя. Это может быть язык данной этнической группы или любой другой. Согласно автору, это не означает отказа от терминов "родной" и "иностранный язык", "однако в тех случаях, где имеется необходимость абстрагироваться от этнического аспекта взаимодействия языков и подчеркнуть значение первичности и доминанции, следует отдать предпочтение понятиям "первичный и вторичный язык" [Цит. соч., 61].

Мы придерживаемся взгляда, согласно которому понятие "родной язык" определяется этнической принадлежностью, культурной общностью и психологическим складом, и имеет полное право на существование в научном обиходе наряду с понятием "функционально активный язык" [Шомбезода 1991, 54].

Э. Хауген прослеживает три фазы развития понятия "mother tongue" ("родной язык" - буквально "материнский язык"). Первоначально "родной язык" означает "язык матери", т. е. язык, на котором мать общается со своим ребенком, и противопоставляется "отеческому языку". Еще Цицерон называл латынь "sermo patriae", что в буквальном переводе означает "отеческий язык". Затем в эпоху Возрождения и Реформации словосочетание получило значение "язык Бога, общающегося с людьми посредством Библии", а впоследствии "язык своего народа", "простого народа", который был воспет многими выдающимися писателями и поэтами различных стран [Haugen 1991, 75-84].

Есть целый ряд особенностей, заставляющих нас очень внимательно подходить к родному языку в условиях глобализации. Они заключаются в следующем:

1. Родной язык осваивается в естественной языковой ситуации, в силу чего механизмы речепорождения и речевосприятия закладываются автоматически. В результате того, что значения языковых форм ассоциируются с референтами (обозначаемыми) непосредственно, возникает впечатление, что человек "думает" на "родном языке". При естественном билингвизме второй язык усваивается " в основном **как код в отрыве от культуры** (выделено мной. — А. М.), которую он обслуживает. Явления чужого языка ассоциируются с фактами своей культуры, что делает адекватную коммуникацию практически невозможной. А при естественном билингвизме усвоение чужого языка идет параллельно с приобщением к иной культуре" [Низамов 1996, 15, 45].

Аналогичной точки зрения придерживается В.А. Аврорин: "...родным является тот язык, которым данный человек или коллектив свободно и активно пользуются во всех случаях жизни, с помощью которого они, в частности, - и это особенно показательно — чаще и легче всего выражают свои мысли любого содержания, т. е. на котором они обычно думают" [Аврорин 1972, 52]. Однако вопрос о том, думает ли человек на языке, является спорным. Ряд авторов считает, что мышление основывается на множестве символических кодов (вербальный язык, абстрактные схемы, музыка, кинестетические знаки и т. п.), и поэтому нет единого и универсального языка для мышления [John-Steiner 1991, 51-74].

Другие ученые высказываются более определенно: "Процесс мышления проявляется в трех основных видах, выступающих в сложном взаимодействии, - практически действенном, наглядно-образном и словеснологическом" [ЛЭС 1993, 606]. Ср. также: "Орудием мышления является язык, а также другие системы знаков (как абстрактных - напр., математических, так и конкретно-образных - напр., "язык искусства"). Элементы этих систем используются для основных операций мышления - абстрагирования, обобщения, опосредствования и др. [ФЭС 1993, 391].

Бесспорно, однако, то, что "...язык является орудием абстрактного мышления, внешней оболочкой образа в мыслительном процессе и средством фиксации результатов абстрактного мышления" [Шалютин 1980, 16].

2. Родной язык осваивается в устной форме, которая имеет свои особенности (спонтанность выражения, непосредственный контакт с партнером и ситуацией, большая эмоциональность и экспрессивность и т. д.), в силу чего устная речь "является выражением всей личности, ее социальных, эмоциональных и волевых компонентов" [Изинг 1977, 221].

3. Благодаря тому, что родной язык впитывается, что называется, с молоком матери, носители языка воспринимают его как нечто естественное, само собой разумеющееся. Л. Вайсгербер считает: "Именно в том, что язык воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и заключена сила его воздействия и, наверное, можно сказать, что величайшая сила языка проявляется в том, что в глазах своих носителей он представляется изначально данным, естественным "средством" для достижения любых целей" [Weisgerber 1957, 16].

Говоря о роли родного языка, М.М. Бахтин отмечает: "Особенно важное значение имеют внетекстовые влияния на ранних этапах развития человека. Эти влияния облечены в слово (или другие знаки), и эти слова - слова других людей и **прежде всего материнские слова** (выделено нами. - А. М.)" [Бахтин 1995, 132].

4. Роль родного языка связывается также с процессом социализации молодого поколения: "Самую главную из ролей родного языка мы связываем с социализацией молодого поколения. Осваивая родной язык, ребенок одновременно усваивает исторический опыт своего народа, выработанную им и отраженную в языке картину мира и овладевает способом дальнейшего познания мира" [Черемисина 1990, 1990].

5. Родной язык приобщает человека к культуре своего народа, создает прочную основу его жизни, способствует полноценному и

всестороннему развитию его как личности [Закирьянов 1998, 54]. Вместе с родным языком ребенок воспринимает национально окрашенные компоненты культурно-исторического опыта конкретного народа (нации), а также экспрессивно-эмоциональной информации.

6. Преимущество родного языка состоит в том, что он изучается первым и уже по этому признаку может считаться доминирующим. В дальнейшем, конечно, многие билингвы могут обрести во втором языке более высокую степень владения, однако эмоциональные коннотации, которые у говорящего связаны с родным языком, редко переносятся на другой язык в полной мере.

7. Будучи средством этнической идентификации (признаком группы), родной язык может навязывать индивиду и определенное языковое поведение, которое будет отличаться от социального. Социальное поведение и языковое поведение представляют собой "круговой процесс: языковое поведение это активный процесс, оно влияет также и на социальную действительность и способствует тому, что она структурируется (или изменяется) в соответствии в оценками и целями пользователей языка" [Fishman 1975, 172]. В этом смысле понятие "родной язык" является признаком группы, а не только индивида.

8. При рассмотрении понятия "родной язык" нельзя обойти и проблему т. н. "языковой лояльности" (*linguistik loyalty*), которую рассматривает в своей работе У. Вайнрайх и которую предлагается также назвать "чувством языковой преданности" или "языкового патриотизма", "чувством приверженности к родному языку" [Op. cit., 166-167]. Языковая лояльность представляет собой такое явление, при котором язык как целостная сущность, противопоставляемая другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, нуждающееся в "защите". При возникшей угрозе смены языка языковая лояльность стремится сохранить тот язык, который подвергается опасности. Как реакция на интерференцию она превращает стандартизованный вариант языка в символ и общее дело.

У. Вайнрайх усматривает корни языковой лояльности в ряде обстоятельств: 1) неизбежное эмоциональное отношение к родному языку как к языку, усвоенному в детстве; 2) функционирование языка в качестве символа групп (сообщество родного языка, нация и т. д.); 3) наличие подлинной или воображаемой угрозы данному языку. На языковой лояльности иногда основываются некоторые социальные действия, относящиеся к языку. У. Вайнрайх пишет: "В этом случае языковая лояльность становится принципом, специфическое содержание которого видоизменяется от случая к случаю, объединяющим и сплачивающим группы на сознательное и открытое сопротивление изменению либо функций данного языка (как следствие его смены), либо его структуры и словаря (как следствие интерференции). Такие явления, как пуризм, стандартизация языка, языковая лояльность и связанные с ней средства защиты, представляют собой в области социолингвистики важные проблемы, требующие специального изучения [Ibid.].

9. Надо отметить и такой немаловажный признак родного языка, как рефлексивность.

Литература:

Аврорин В. А. Двужычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. - М.: Наука, 1972.

- Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Харьков, 1972.
- Аюпова Л. Л. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии. - Свердловск: Уральский университет, 1988.
- Бахтин М. М. Человек в мире слова. - М.: Российский открытый университет, 1995.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования (перевод с английского и комментарии Ю. А. Жлуктенко). - Киев: Вища школа, 1979.
- Закирьянов К. З. К проблеме национального образования в Республике Башкортостан // Образование, язык, культура на рубеже XX-XXI вв. (материалы международной конференции). - Ч. 1. - Уфа: Изд-во "Восточный университет", 1998.
- Изинг Э. Научно-техническая революция и социолингвистические проблемы культуры языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. - М.: Наука, 1977.
- Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. - Алма - Ата: Гылым, 1990.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Перевод с англ. Под ред. проф. О. И. Шкаратана. - М.: ГУВШЭ. - 2000.
- Низамов И. М. Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации. Автореф. ... докт. филол. наук. - Казань, 1996.
- Сахипова З. Г. Речевое общение в многоязычной семье. Проблемы, поиски, рекомендации. Рекомендовано Министерством народного образования Республики Башкортостан. - Уфа: Китап. - 1998.
- Свадост. Э. П. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968. - 288 с.
- Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Языковая ситуация в современной Сибири // Вопросы социолингвистики. Материалы советских социолингвистов к XI Всемирному конгрессу социологов (Мадрид, 9 - 13 июля 1990 г.). - М, 1990.
- Шалютин С. М. Язык и мышление. - М., 1980.
- Шомбезода Х. К. Цыгано-таджикское двуязычие и вопрос о родном языке шунтанцев // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений (тезисы докладов научной конференции 10 - 13 апреля 1991). - Махачкала, 1991.
- Fishman J. A. Soziologie der Sprache (eine interdisziplinäre sozialwissenschaftliche Betrachtung der Sprache in der Gesellschaft) (перевод с английского). - Max Huber Verlag, Munchen, 1975.
- Haugen E. The "mother tongue" // The influence of Language on Culture and Thought (Essays in Honor of Joshua A. Fishman's Sixty - Fifth Birthday). - Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- John-Steiner V. Cognitive pluralism: A Whorfian Analyses // The influence of Language on Culture and Thought (Essays in Honor of Joshua A. Fishman's Sixty-Fifth Birthday). - Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1991.
- Rot S. Language contact. - Peter Lang (Hrsg.). - Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris. - 1991 (Bamberger Beiträge zur englischen Sprachwissenschaft. - Bd. 29.
- Weiserger L. Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur. - Pädagogischer Verlag Schwann, Dusseldorf. - 2. erweiterte Auflage, 1957.

Макаева Г.З., г. Стерлитамак

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ БАШКИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура народа является частью его истории. Её становление, последующее развитие тесно связаны с теми же историческими факторами, которые воздействуют на становление и развитие его хозяйства, его государственности, политической и духовной жизни. Культура народа — это всё, что создано умом, талантом, трудом народа, всё, что выражает его духовную сущность, взгляды на мир, природу, человеческое бытие, человеческие отношения. И.А. Ильин писал: «Кто хочет понять народ, увидеть его в истинном свете и справедливо судить о нём..., - он должен заглянуть в его историю, попытаться понять способ организации его труда и хозяйствования, изучить склад характера и дарований его души, вдуматься в его культуру, уяснить себе

его религию и благочестие, открыть для себя его искусство, проникнуться его правосознанием в быту и политике, прислушаться к его поэзии – и понять» [Ильин 1996, 170].

Основными источниками возникновения, развития и существования башкирской культуры и движущими силами её социодинамики явились, прежде всего, природа, мировоззрение и национальный характер народа, ислам [Зайлалов, Рахматуллина 2007, 47–68].

Одним из главных факторов, повлиявших на формирование башкирской культуры, стал ислам. Проникновение ислама в регион было поворотным моментом в общественной и духовной жизни его населения. Приобщение башкирского народа к новой для него развитой религиозной системе – долгий и трудный процесс. Установление новой религии на территории Башкирии в определённой мере повлияло на особенности мировоззрения народа, его психический склад, быт, образ жизни, верование, традиции, нравы и т.д. Ислам стал не только господствующей религиозной идеологией, но и образом жизни башкир.

Установление ислама в крае – это не начало, а определённый итог общественного развития, переход в новое качество, которому предшествовал продолжительный подготовительный период, длительный процесс постепенного накопления количественных и качественных изменений в общественной жизни башкирского края. Одновременно это был процесс, представляющий собой часть процесса формирования общего пространства исламского мира в ходе межцивилизационного воздействия.

С проникновением ислама в башкирском обществе распространяется общемусульманское право – шариат. Хотя государственное устройство, предписанное Кораном и Сунной, в башкирском обществе не получило своего учреждения, тем не менее способствовало укреплению государственной власти царского правительства и покорению «дикого и необузданного» народа, «привыкшего действовать самопроизвольно», народа «буйного» и «своевольного», превращению его в мирного, терпеливого, покорного [Валеев 1995, 94].

Проникновение и утверждение ислама в Башкирии принесли с собой новые исторические реалии, иной уровень осмысления окружающего мира, усвоение норм и ценностей иного образа жизни. Принятие ислама было цивилизационным выбором, изменившим не только область веры, но и всю духовную и материальную культуру башкир. Шариат наложил табу на всё, что могло угрожать физическому здоровью людей, их умственному и нравственному становлению: на алкоголь, наркотики, табак, азартные игры. Постепенно ислам вошёл в «культурную плоть» башкирского общества, «оседал» в душах людей, превратившись в их ментальность, стал духовной основой жизни башкир. Сложилось единство языка, власти и веры, без чего впоследствии было бы невозможно становление единого народа. Всё это способствовало формированию человека нового типа с новыми ценностями и новыми формами жизни.

Наиболее значительным аспектом жизни башкирского народа всё более становится морально-нравственный, потому что связующим звеном и стержнем всего мировосприятия становится этика. Для

башкирского народа определяющую роль в жизни стал играть Коран, смысл которого в рассмотрении всех проблем бытия с морально-этических позиций. Социальная и личная жизнь людей, природные и космические процессы, трудовая деятельность и исторический процесс и т.д. рассматривались через призму этики. Мусульманство по-новому высветило перед человеком окружающую его действительность, а именно — красоту, гармонию, лад. Эстетическая оценка была неразрывно связана с этической: добро — прекрасно, зло — безобразно. Кроме красоты внешней стали воспевать красоту внутреннего мира человека. Исторический процесс стал выстраиваться в систему, начиная с рассмотрения бытия Бога, творения мира, истории человечества и мира, конечного итога существования мироздания. Многие важнейшие грани башкирского менталитета определялись мусульманской моделью мира. Немаловажную роль в становлении таких черт характера народа, как щедрость, нестяжательство, скромность, терпение и терпимость и др., сыграл дух исламской веры.

Под воздействием ислама, безусловно, претерпела большие изменения семейная жизнь башкир. Принятие ислама в целом не изменило традиционных отношения к башкирской женщине, хотя и сакрализировало многие моменты неравноправного положения женщины по сравнению с мужчиной. В то же время в отличие от положения мусульманок в странах классического ислама можно говорить об относительной свободе башкирской женщины в силу ряда объективных исторических причин [Асфандияров 1997, 83–85].

Ислам внёс свои коррективы в башкирские традиции и обычаи, однако в своей основе каждый из них сохранил свою самобытность. Общественные и бытовые отношения башкир регулировались обычаями и традициями. К их соблюдению ничто не принуждало, кроме убеждения в их необходимости и непогрешимости, страх перед общественным мнением. Обычаи играли роль родовых норм, предусматривали взаимную поддержку сородичей, регулировали хозяйственные и брачные отношения, устанавливали некоторые запреты и жёсткие правила поведения членов общества. Они содержали в себе моральные, религиозные, социальные императивы и представляли обычное право — монономы.

С целью усвоения идеологии ислама и канонов шариата в населённых пунктах получает широкое распространение мусульманская система образования — мектебы и медресе. Таким образом, ислам во многом определил национальное самосознание, быт, стиль и образ жизни башкирского народа и оказал серьёзное влияние на его культуру, стал «сунной» организацией религиозно-нравственного, семейно-брачного и межличностного быта башкирского народа [Рахматуллина 2002, 45].

Вместе с исламом к народам Урала перешли многие атрибуты мусульманского образа жизни. Но многие основные положения мусульманской общины, как, например, исламские экономические принципы в виде оформившейся системы налогов и перераспределения общественного продукта, хадж, пятикратная молитва, газават и т.д., среди народа не получили массового распространения. Даже знание Корана было не обязательным для всех; народ не признавал многие мусульманские запреты.

Влияние ислама на башкирскую культуру было противоречивым. С одной стороны, у ислама было заимствовано то, в чём была социальная и культурная потребность. С другой стороны, ислам сам существенно преобразовался под влиянием достаточно развитой к IX-X векам башкирской политеистической системы верований. Образовался некий синкретизм языческо-исламских верований и культа, который обычно называют «двоеверием» (Ф. Печерский).

Такая формально-ритуальная форма распространения ислама в нашем крае объясняется незнанием элементарных идей исламской онтологии и гносеологии, ограниченной интерпретацией основ вероучения, что привело к тому, что «новая религия захватила все слои общества, но не всего человека» [Зайлалов, Рахматуллина 2007, 67]. Начался долгий путь слияния язычества с мусульманством. Образовался феномен мусульманско-языческого религиозного синкретизма, который родился на сплаве старого с новым и продемонстрировал яркую способность башкирской культуры творчески вбирать в себя новое.

Литература:

- Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). – Уфа, 1997.
Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. – Уфа, 1995.
Зайлалов И.И., Рахматуллина З.Я. Функционирование башкирской культуры в многонациональном обществе. – Октябрьский, 2007.
Ильин И. Покой и радость в православном мировоззрении. – М., 1996. №12.
Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). – Уфа, 2002.

Маннапов М.М., г. Уфа

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ССЫЛЬНЫХ БАШКИР ПО ФОНДАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Публикация подготовлена при поддержке ГНТП РБ «Ссылные башкиры в северных районах РФ» № 6/1-Г-2.

История ссылки башкир в Сибирь во второй половине XIX в. в последнее время стала объектом особого внимания башкирских исследователей. Так, например, в 2008 г. молодые ученые Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН начали разрабатывать 3-летнюю научную программу «Ссылные башкиры в северных районах Российской Федерации». По результатам двух лет изучения в архивах городов Иркутска, Омска, Тобольска, Тюмени и Якутска были выявлены алфавитные, именные, статейные и окладные списки ссылных башкир по наследам и улусам Якутского края. Определены категории ссылки башкир – за конокрадство и воровство (уголовная ссылка), без суда и следствия по приговорам сельских башкирских обществ (принудительная ссылка) и за критику местных властей (административная ссылка). В ходе изучения архивных материалов четко определились районы выхода башкир, сосланных в Сибирь, это, в основном, Белебеевский уезд Уфимской губернии и Троицкий уезд Оренбургской губернии.

В архивных фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) отложилось множество разнообразных по тематике и содержанию документов, которые охватывают самые различные аспекты социально-политического, экономического и культурного

развития Якутского края. В этом отношении большой интерес представляют дела фондов Якутского управления, Якутского окружного полицейского управления, Олекминского окружного полицейского управления, Олекминского окружного исправника, Вилюйского окружного управления, Вилюйского окружного полицейского управления, Верхоянского окружного полицейского управления, Жиганской инородческой управы, Хочинской инородческой управы, Усть-Оленского крестьянского общества, старшины Александровского башкирского селения, Сунтарского сельского управления, Амгинского крестьянского старосты, Якутского городского полицейского управления и Якутского окружного землемера.

Фонд «Якутское областное управление» (Ф.12-И) состоит из 12 описей. Описание №1 указанного фонда включает в себя семь томов, в которых содержатся более 500 документов, имеющих отношение к теме нашего исследования: статейные списки ссыльнопоселенцев, поиски земельного фонда для поселения, отводы хлебопахотных и сенокосных земель, пожертвования инородцев в пользу башкир, различные перечисления башкирского населения в улусы и наслеги края, результаты приговоров над башкирами-арестантами, различные жалобы на мулл и на самоуправство полицейского управления, уголовные дела над конокрадами и торговцами незаконной продажи виноделия, заявления ссыльных башкир о возвращении или просьбы их жен, вдов и детей о разрешении выезда на родину, дела о применении царского манифеста о помиловании, различные взыскания башкир за дурное или нетерпимое поведение, жалобы на невозвраты и недоимки денежных средств и т.д. В описи №2 фонда №12 сосредоточено 28 дел, касающихся нашего исследования. Здесь представлены переписки о взыскании податных недоимок с административно-ссыльных башкир, ходатайства родоначальников наслегов о выдворении отдельных башкирских семей, о причинах отказов башкирам в наделении земельных наделов, о выдаче денежных ссуд ссыльным башкирам на различные нужды, об отходничестве башкир на другие промыслы, об обнаружении ими местностей с признаками золота и начале их разработок для личных и хозяйственных нужд. Описание №6 содержит материалы о применении царского манифеста от 15 мая 1883 года к уголовно-ссыльным башкирам, сосланным в Сибирь за конокрадство, судебно-медицинские акты о вскрытии умерших ссыльных башкир по различным причинам, сведения о незаконных действиях полицейских надзирателей и об отводе земельных участков в Олекминском округе, прошения административно-ссыльных башкир о разрешении выезда на родину и выдаче паспортов и увольнительных билетов.

Фонд «Якутское окружное полицейское управление» (Ф.15-И) состоит из 18 описей, в которых наиболее полные сведения о ссыльных башкирах в Якутском крае имеются в 280 документах. В описи №1 представлены статейные и именные списки ссыльных Якутского края, статистические ведомости инородческих управ, материалы перечисления ссыльных башкир в наслеги и улусы, сведения об их количестве и описание недоимок, ход розыскных мероприятий беглого контингента, переписка о прибытии и перечислении арестантов, выделения конвоя для их сопровождения, материалы о взыскании денежных средств, результаты медицинского освидетельствования

ссылных, сведения об освобождении от повинностей, об уплате податей, о выдаче разрешения на вступление в брак, о выдаче пособий и увольнительных билетов для работы в золотых приисках, сведения о фактах разбоя уголовно-ссылными башкирами или, наоборот, о ранениях административно-ссылных башкир в различных местностях Якутского края, материалы обвинительных приговоров по результатам полицейских расследований в случаях убийств, краж, побоев, сведения о разбойных нападениях башкир в сговоре с другими категориями ссылных (русскими, поляками, скопцами и т.д.) и разбор различных жалоб. Особую ценность представляют указы и предписания Якутского областного управления о разрешении или запрете ссылным башкирам возвращаться на родину, ходатайстве башкирских групп во включении их в крестьянские общества или, наоборот, жалобы старост о выселении башкир из общин. В других описях указанного фонда сосредоточены донесения горных исправников и старост инородческих управ, переписка о восстановлении или лишении башкир права членства в крестьянских обществах края, дела о выдаче увольнительных билетов, о высылке паспортов, об отводе земельных участков, о сроках пребывания в ссылке башкирского населения. Ценными документами в этнографическом плане являются сведения о поведении, образе жизни, занятиях, семейном положении ссылных башкир и об их взаимоотношениях с инородцами и с представителями других категорий ссылных.

В судебном производстве Олекминского окружного полицейского управления (Ф.20-И) были выявлены дела о предписаниях, донесениях о причислении, перечислении, содержании, розыске, образе жизни, занятиях и обложении податями, выезде на родину, взыскании штрафа, порядке взноса податей, смерти ссылных башкир округа; выдаче им увольнительных билетов для выезда на заработки на золотопромышленные прииски, об установлении возраста для призыва на воинскую службу, об отводе земель под поселение башкирского населения в округе, о равномерном их расселении башкир по наслегам улуса, о выселении административно-ссылных башкир из территории золотых приисков Олекминского округа в места причисления, об обвинении в незаконной торговле и конфискации товаров изучаемого контингента, об их влиянии на моральное состояние инородческого населения округа, о порядке выдачи разрешения на право временного выезда ссылным башкирам и применения к ним льгот согласно манифестам о помиловании, о запрещении найма ссылных башкир ямщиками и пропаганды ими ислама среди якутского населения округа.

В материалах фонда «Олекминский окружной исправник» (Ф.№21-И) сохранились предписания, отношения и донесения об образе жизни, поведении и занятиях ссылных башкир Олекминского округа; сохранились свидетельские показания башкир Верхоянского округа на злоупотребления управляющего Олекминской казачьей командой, удостоверения Олекминского инородческого волостного правления и Олекминской крестьянской мирской избы о выдаче ссылнопоселенцам-башкирам увольнительных билетов и удостоверений на право выезда на заработки в золотопромышленные прииски.

В делах фонда Виллойского окружного управления (Ф.22-И) можно ознакомиться с ведомостями, донесениями, рапортами и квитанциями о поселении кочевых башкир по реке Бочоной в Александровском селении Сунтарского улуса и о сборе средств жителями Виллойского округа на обустройство оседлой жизни башкир, с результатами проверок по расходу денежных средств на проведение следствия по факту убийств башкир Сунтарского улуса за 1869-1885 гг. Также в указанном фонде можно ознакомиться с учетом, приходом, расходом и остатком денежных средств «башкирского капитала», о взыскании долга с дворян и с местных жителей в пользу «башкирского капитала», созданного якутскими инородцами для обустройства ссыльных башкир, с перепиской Хочинской инородческой управы с Якутским губернатором по вопросу административного устройства Александровского башкирского селения и о численности башкир указанного населенного пункта.

В фонде «Виллойское окружное полицейское управление» (Ф.23-И) хранятся материалы о распределении административно-ссыльных башкир в Сунтарском улусе по реке Бочоной и присвоении башкирскому поселку название «Александровское селение», о численности башкир и состоянии их личных хозяйств в указанном селении, донесения и переписка о поведении и образе жизни башкир Виллойского округа, материалы учетной документации Виллойского окружного полицейского управления на содержание башкир-поселенцев Сунтарского улуса, сведения о присоединении башкир Сунтарского улуса к Нюрбинскому крестьянскому обществу и об отказе Якутского областного правления об удовлетворения прошений башкир по поводу возвращения на родину, донесения Мархинской инородческой управы о сборе пожертвований для обустройства башкирского населения на реке Бочоной, о наделении земельными участками крестьян Сунтарского селения за счет Александровского башкирского селения.

В фонде «Верхоянское окружное полицейское управление» (Ф.25-И) представлены донесения о перечислении и причислении к обществам, переводе в другие округа, взыскании недоимок с башкир Верхоянского округа, ходатайства вдовых жен ссыльных башкир Усть-Янского улуса Верхоянского округа, переписка Верхоянского окружного полицейского управления с Якутским областным управлением об образе жизни, повинностях и занятиях башкирского населения округа в конце XIX в.

В переписке Жиганской инородческой управы (Ф.37-И), Хочинской инородческой управы (Ф.50-И) и Усть-Оленского крестьянского общества (Ф.52-И) с другими учреждениями можно почерпнуть информацию о башкирах, причисленных к Александровскому селению, об эффективной работе и злоупотреблениях должностных лиц Александровского башкирского селения, зачислении и розыске ссыльных башкир, кочевьях башкир в районе водоемов на Быковом и Булуне, результатах расследования убийства башкирской семьи в Усть-Оленском крестьянском обществе.

Архивные дела фонда «Старшина Александровского башкирского селения» (Ф.122-И) очень ценны тем, что хранят материалы

общественных приговоров башкир как жителей указанного населенного пункта, переписку о водворении и наделении землей ссыльных, сведения о лицах, получивших доступ к башкирским суммам и уплативших указанный денежный взнос из башкирского капитала, информации о количественном составе населения в Александровском башкирском селении и наделении землей новоприбывших ссыльных лиц башкирской национальности.

Интересные материалы есть и в протоколах Сунтарского сельского управления (Ф.132-И). Например, общественные приговоры башкир о выселении своего соплеменника из населенного пункта за дурное поведение, о наделе землей и покосными угодьями, о взыскании мирских повинностей с башкирского населения. В служебных записках Амгинского крестьянского старосты (Ф.145-И) преобладают сведения о прибыли и убыли башкирского населения в Амгинском обществе, об ограблении башкир или же, наоборот, о поджигательстве лиц башкирской национальности как результат ответной реакции на различные притеснения со стороны местных жителей. В донесениях Якутского городского полицейского управления (Ф.168-И) отчетливо прослеживаются следственные мероприятия указанного учреждения по поводу огнестрельного ранения ссыльного башкира, о побоях, нанесенных башкиру своим же соплеменником в составе преступной группы. В отчетах Якутского окружного землемера (Ф.348-И) можно обнаружить итоги производственных съемок по измерению и расположению на план земельных территорий, выделенных для ссыльных башкир, сведения о предварительном отмежевании Александровского башкирского селения и предписания по дополнительному отводу земель крестьянам Сунтарского селения за счет земель башкирского населения.

Таким образом, данный обзор по выявлению сведений о ссыльных башкирах в Якутском крае показал, что Национальный архив Республики Саха (Якутия) содержит большое количество архивных материалов, освещающих широкий круг вопросов общественных, хозяйственных и социально-экономических сторон жизни ссыльных башкир в Якутском крае со второй половины XIX в. до 1917 г. XX в.

Маркова Е.А., г. Горно-Алтайск

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Современная этнополитическая ситуация в Республике Алтай (РА) складывается на фоне этносоциальных процессов в Сибири и Горного Алтая, основываясь на российских, республиканских концепциях и национальной политике. Рассматривая современную этнополитическую ситуацию в РА, следует подчеркнуть, что она характеризуется полиэтничностью. Полиэтничность складывается под влиянием исторических, естественных и этнокультурных, процессов.

Численность населения в настоящее время составляет 202,9 тыс. человек, из которых 74% – сельские жители. На территории республики проживают более 40 национальностей. Титульный этнос – алтайцы занимают 33,4% в общей численности населения, русские – 57,4%, казахи – 6%, прочие национальности – 9,2% [Итоги

Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав населения 2005, 7]. В республике проживают представители многих национальностей. Однако эти национальностей, кроме алтайцев, русских и казахов, не составляют компактных групп и представлены отдельными лицами, состоящими в межнациональных браках, или отдельными семьями, проживающими в инациональной среде. Основу современного этнополитического облика республики формируют три крупных этноса: алтайцы, русские и казахи с присущими этнокультурными особенностями (языком, традиционными формами быта и хозяйствования, специфическим развитием материальной и духовной культуры).

Алтай является прародиной многих тюркских народов. Алтайцы, относясь к тюркоязычным племенам и населяя эту обширную территорию, сохранили себя как народ, несмотря на свою малочисленность. Сегодня они являются титульной нацией.

В соответствии с этнолингвистской классификацией, принятой в академической науке, алтайский этнос XIX-XX вв. был разделен на субэтносы: южные – алтай-кижи, теленгиты, телесы и северные – кумандинцы, тубалары, челканцы. Такое деление сохранилось до настоящего времени. И в этом делении много условного и спорного. Согласно Постановлению Правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 г., тубалары, челканцы, а также теленгиты отнесены к малочисленным народам России. Еще раньше по Постановлению Совета национальностей Верховного Совета РФ от 24 февраля 1993 г. к малочисленным народам приравнены кумандинцы Алтайского края.

Деление единого алтайского этноса на субэтносы и малочисленные народы влияет на этнополитическую ситуацию в республике и проведение национальной политики, а в будущем, возможно, и на решение политико-правовых вопросов о статусе республики. Хотя, с другой стороны можно ожидать решения социально-экономических проблем за счет федерального и местного бюджетов, разработку программ возрождения, развития культуры северных алтайцев.

Анализ сложившейся ситуации в республике привел к проблеме напряженности в этнополитическом развитии национальных и межнациональных процессов, в общении представителей различных национальностей, возникшей вследствие разделения алтайцев на малочисленные народы, придания некоторым негативным социально-экономическим и политическим явлениям этнической окраски, разжигания чувства национализма, недоверия и превосходства одной этнической группы над другими.

Говоря о русских как о крупном на Алтае этносе, нужно подчеркнуть, что он стал формироваться, начиная с XVIII в. под влиянием потоков переселенцев. Влияние русских людей на жизнь, быт и культуру коренных народов был огромен. Это влияние не ослабляется и сегодня и носит разносторонний характер [Табеев 2004, 256].

Третий значительный этнос – казахи. Появились они в Чуйской степи нынешнего Кош-Агачского района в последней трети XIX в. из Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области в связи с ограниченностью пастбищных угодий. По данным Госкомстатистики с 1939 по 1990 гг. численность казахов увеличилось с 2326 до 10500 тыс.

чел. Казахи сохранили свой язык культуру, обычаи, традиции и уделяют этому достойное внимание.

На сегодняшний день РА, имея статус республики, не имеет президентского управления.

Государственную власть в РА осуществляют Государственное Собрание Эл-Курултай, глава РА и её Правительство. Глава является высшим должностным лицом республики и возглавляет исполнительную власть, одновременно являясь председателем Правительства республики. Государственное Собрание-Эл Курултай (парламент) РА является высшим представительным и законодательным органом государственной власти на территории республики и состоит из 41 депутата, который избирается населением сроком на 4 года на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права [Анайбан 2007, 24]. В 2006 г. созыв республиканского парламента сформирован на смешанном принципе: часть депутатов избрана по одномандатным округам, другая часть – по партийным спискам. Наибольшее представительство получило партия «Единая Россия», представлены также партия «Родина» и российская «Партия жизнь». Местное самоуправление в РА осуществляют главы муниципальных образований, избираемые населением, и соответствующие представительные органы. Порядок выборов, организации деятельности и полномочия органов местного самоуправления устанавливаются федеральным и республиканским законодательством.

Большое влияние на этнополитическое состояние оказывают общественные объединения, которых в 2006 г. было зарегистрировано 292, в том числе 177 общественных организаций и 19 политических партий. Кроме того, на территориях компактного проживания алтайского населения и других этнических общностей образованы национально-родовые общины со своими органами управления. Активизируется процесс глубокого национального самосознания и национальной идентичности коренных народов РА. Доказательством этому служат такие общественные национальные объединения, как Ассоциация малочисленных народов, Курултай (съезд) алтайского народа, Совет зайсанов Алтая, а также созданную в 1989 г. первую общественную организацию «Эне тил» («Родной язык»).

Начавшиеся в России в 2004–2005 гг. процессы укрепления регионов коснулись и РА. Практически сразу после обретения республикой статуса субъекта РФ в 1991 г. начались разговоры о его слиянии с Алтайским краем. Неприятие этого варианта проявилось сразу, а в 2006 г. достигло своей кульминации. Так, 31 октября 2006 г. сессия Государственного Собрания РА 30 голосами «за» из 35 участвовавших в голосовании депутатов приняла обращение к общественности республики о своей принципиальной позиции в отношении укрупнения двух соседних регионов [Анайбан 2007, 24].

Очевидно, что в такой оценке ситуации есть определенная обоснованность. Республика в течение 2006 г. существенно продвинулась в своем социально-экономическом развитии, запущен ряд крупных, перспективных проектов – строительство Катунской ГЭС, прокладка магистрального газопровода, создание свободной экономической зоны

туристско-рекреационного типа. Реализация каждого из них означает приток внешних инвестиций, равных годовому бюджету республики.

Проведенный обзор современной этнополитического развития республики показал необходимость нового осмысления этнополитической ситуации.

Литература:

Табаев Д.И. Современная этнополитическая ситуация в Республике Алтай: тенденции и проблемы // Этносоциальные вопросы в Сибири: темат. сб. – Новосибирск, 2004. – С. 254 - 258.

Анайбан З.В. Социально-экономические условия адаптации населения Южной Сибири // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. – М., 2007. – С. 23 - 58.

Суразакова С.П., Екеева, Н.М. Социально-экономическое положение Республики Алтай // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. – М., 2007. – С. 59 - 100.

Масалимов Р.Н., г. Бирск

СЕКЦИИ ТЮРКСКОЙ МОЛОДЁЖИ КОМСОМОЛА (1918-1928 гг.)

Ещё на первом съезде РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918 г.) был поднят вопрос о работе среди молодёжи нерусских национальностей, национальных меньшинств, о создании национальных секций в комсомоле по примеру нацсекций РКП(б). Но обстоятельно разрешить его не удалось, так как на съезде отсутствовали представители основных национальных регионов. Впервые вопрос о национальных секциях в комсомоле был рассмотрен на расширенном заседании пленума ЦК РКСМ 26-28 апреля 1919 г. Учитывая опыт национальных секций партийных комитетов, пленум принял решение создавать секции при местных комитетах РКСМ для работы среди комсомольцев и молодёжи, не владеющих языком общей организации. В то же время, опасаясь национального сепаратизма в своих рядах, пленум ЦК комсомола подчеркнул: «Национальные секции РКСМ имеют целью культурно-просветительную работу на родном языке и являются частью Союза (как его местных организаций, так и в центре)» [Юный коммунист 1919, 19].

В Поволжье и на Урале оформление национальных союзов и объединений молодёжи в комсомольские секции началось в конце лета 1919 г. и завершилось в основном в 1920 г. 25 июля 1919 г. было положено начало татаро-башкирской секции при Уфимском губкоме РКСМ на основе решения мусульманской секции губкома партии [РГАСПИ 17, 123]. Чуть раньше была организована чувашская секция при Симбирском комитете РКСМ. Так, к концу года в ней насчитывалось около 80 членов, и в начале 1920 года ЦК РКСМ отмечал её успешную деятельность [Юный коммунист 1920, 15]. 25 августа 1919 г. при Казанском губкоме РКСМ организуется бюро татарских секций. На первом же заседании было решено приступить к созданию татарских секций при уездных комитетах РКСМ [Юность Татарстан 1978, 15]. В сентябре 1919 г. I Самарская губернская конференция РКСМ рассмотрела вопрос о национальных секциях. В конце года в Самаре состоялось губернское совещание представителей мусульманской (татаро-башкирской) молодёжи, и по решению губкома РКСМ было создано губбюро восточных секций, то есть бюро татаро-башкирских секций [Известия... 1920, 2]. В Астрахани решение об образовании мусульманской (татаро-казахской) секции РКСМ было

принято 4 августа 1919 года, а в октябре 1919 года она окончательно оформилась [ГААО, 237, 240, 324].

3-6 апреля 1920 года в Екатеринбурге состоялась I губернская конференция мусульманских (татаро-башкирских) секций РКП(б), которая довольно серьёзно рассмотрела вопросы о работе среди молодёжи и среди женщин-мусульманок. В решении конференции «О работе среди молодёжи» отмечалось, что она «считает работу среди мусульманской молодёжи особенно важной, так как она ещё совершенно не затронута юношеским движением, а потому вменяет в обязанность всем мусульманским организациям РКП обратить самое серьёзное внимание на вовлечение мусульманского юношества в коммунистическое движение молодёжи» [РГАСПИ 583, 18об]. Тут же предлагалось: «Если массы пролетарской молодёжи данной национальности не понимают языка большинства членов организации РКСМ, они образуют мусульманскую секцию, которая может иметь свой клуб, школу или совместно с партийной организацией или секцией» [РГАСПИ 583, 18]. Это очень важный момент: комсомол в точности копировал опыт партийных комиссий, создавая вместо секций свои комиссии по работе среди «нацменмолодёжи».

Деятельность национальных секций РКСМ в Бирском уезде (в самом большом и многонациональном) Уфимской губернии – вообще отдельная тема. Сразу после изгнания белых летом 1919 г. началась активная работа по созданию комсомольских ячеек как в городе, так и в волостях. Очень активно работала татаро-башкирская секция при Бирском уездном комитете РКСМ (надо заметить, большинство населения уезда составляли башкиры и татары, хотя в городе подавляющее большинство – русские [Роднов 2002, 140-142; Юлдашбаев 1995, 49]).

ЦК РКСМ на основе постановления второго съезда РКСМ «О работе среди национальных меньшинств» разработал «Положения о работе среди молодёжи национальных меньшинств» и разослал их к лету 1920 г. в губкомы и обкомы комсомола. В этом документе содержатся пункты, точь-в-точь совпадающие с положениями инструкции ЦК РКП(б) о национальных секциях партийных комитетов. «В местностях, где население состоит из нескольких национальностей, – гласит второй пункт «Положений», – для более успешной агитации и пропаганды среди молодёжи национальных меньшинств и вовлечения её в нашу организацию при местных организациях создаются комиссии по работе среди национальных меньшинств». Комиссии эти создавались местным комитетом РКСМ только «по соглашению с партийной организацией данной национальности», то есть соответствующей нацсекцией РКП(б). Далее говорилось: «В случае если массы рабочей молодёжи, не понимая язык большинства, не могут активно участвовать и развивать свою самостоятельность, местным организациям разрешается создавать национальные секции, организовать клубы для молодёжи той или другой национальности...» [ЦГАОО РБ, 10]. Как видно, для ЦК РКСМ комиссии должны были играть роль руководящего органа национальных секций, то есть предпочтение отдавалось комиссиям. В отличие от резолюции II съезда РКСМ, где национальные секции рассматривались как переходная форма к единым организациям, здесь они мыслились как одна из форм учёта

национально-культурных особенностей, видоизменения которой зависели от уровня развития тех или иных меньшинств. Комиссии фактически выполняли функции национального отдела или национального бюро комитетов, и в реальности они создавались в большинстве местных комитетов, независимо от того, знает или не знает русский язык местное население.

Процесс создания местных руководящих органов, да и самих нацсекций и комиссий значительно облегчался тем, что в РКП(б) и в её национальных подразделениях, контролировавших и направлявших деятельность союзов молодёжи в коммунистическое русло, к тому времени уже сложились устойчивая структура и связи местных органов и учреждений. В течение первых лет советской власти сложилась не только административная иерархия, но и партийная, и комсомольская. Простейшая схема структуры руководства национальными секциями выглядела таким образом: ЦК РКСМ – Центральное бюро при ЦК РКСМ – губернское (областное) бюро при губкоме (обкоме) РКСМ – уездное бюро при укоме комсомола – волостное бюро при волкоме РКСМ – бюро (комиссия) при местном комитете комсомола [Известия ЦК РКСМ 1921, 2].

После третьего съезда РКСМ усилилась работа по формированию губернских, областных и региональных органов нацсекций. ЦК РКСМ утверждает Центральное бюро секций восточных народов (ЦВБ при ЦК РКСМ), избранное на I Всероссийской конференции секций и организаций РКСМ восточных национальностей (12-18 сентября 1920 г.), ЦБ еврейских и латышских секций, рассматривает вопрос о создании Центральных бюро марийских и мордовских секций. Формируются в это же время областные бюро РКСМ в Башкирской АССР, Киргизской (Казахской) АССР, Татарской АССР, Чувашской автономной области. Естественно, все эти органы и организации начали работу под непосредственным руководством и бдительным надзором ЦК РКСМ, над которым стоял невероятно бескомпромиссный ЦК партии большевиков. Для этого и был создан Отдел национальных меньшинств ЦК комсомола [РГАСПИ-ЦХДМО 6, 40; 33, 82; 196].

В феврале 1921 г. ЦВБ при ЦК РКСМ было преобразовано в ЦБ молодёжи тюркских народов (в документах фигурировала сокращённая форма - «ЦБ тюркнародов при ЦК РКСМ», или «ЦБ тюркмолодёжи») [Масалимов 2003, 52]. В апреле 1922 г. на II Всероссийской конференции секций тюркмолодёжи РКСМ вернулись к названию «татаро-башкирские секции». После 1923 г. нацбюро и секции слились с комитетами комсомола. В документах после 1924 г. татбашсекции упоминаются очень редко, хотя ЦБ татбашмолодёжи при ЦК комсомола во главе с последним его председателем Сабиром Садыковым был упразднён только к 1928 г.

Литература:

- ГАОО (Госархив Астраханской области). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 125.
Известия Самарского губернского комитета РКСМ. – 1920. – № 2.
Известия ЦК РКСМ. – 1921. – 10 февраля.
Масалимов Р.Н. Формирование центральных органов национальных секций РКСМ (1919-1922 гг.) // Социальная история Южного Урала в новое и новейшее время: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию Р.Г. Кузеева. – Уфа, 2003.
РГАСПИ. – Ф. 17. – оп. 6. – Д. 375. – Л. 123.
РГАСПИ. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 113.

РГАСПИ-ЦХДМО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 1а. – Л. 6, 40; Д. 2. – Л. 33, 82; Оп. 4. – Д. 2. – Л. 196.
Роднов М.И. Численность башкир по переписи 1917 года // Археография Южного Урала: исторические источники и современные методы. – Уфа, 2002.
ЦГАО РБ. – Ф. 3524. – Оп. 1. – Д. 10.
Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан: XX века: Этностатистика. – Уфа, 1995.
Юность Татарстана: Очерки комсомола Татарии. – Казань, 1978.
Юный коммунист. – 1919. – 1 августа. – № 6-7.

Махмудова Р.В. г. Бирск

БИРСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная показала единство и сплоченность всей страны, всех ее народов; а многонациональная Башкирия направила на защиту СССР более 700 тысяч своих сынов.

Кроме того, сама республика стала надежным тылом Родины, обеспечивающим потребности фронта и всей военной промышленности в течение всего периода войны. Уже вначале Великой Отечественной по решению Государственного Комитета Оборона и Совета Народных Комиссаров СССР, с целью создания мощного военного производства в тыловых районах страны, началась эвакуация промышленных предприятий из западных районов, в первую очередь, предприятий, выпускавших военную продукцию.

В 1941-1942 годах в БАССР было перебазировано 172 промышленных предприятия, отдельных цехов и установок. Значительная часть их разместилась в Уфе. Именно эвакуация позволила впоследствии столице республики вырасти в один из крупнейших промышленных центров всей страны. [Гумеров Ф.Х. 2001, 339]

В годы Великой Отечественной войны Бирск принял и разместил более 4000 эвакуированных. Киевский детский дом для испанских детей, Орловский педагогический институт, Московский завод «Аэрогеоприбор», Ленинградское военное училище воздушного наблюдения, оповещения и связи, театр из Петрозаводска. [Шулепов 2008, 88] К концу 1938 года в СССР было 15 испанских детдомов: 10 в РСФСР (в основном под Москвой и Ленинградом) и 5 - на Украине (в Одессе, Херсоне, Киеве и Харькове). Во время ВОВ большинство этих детдомов было эвакуировано в Среднюю Азию, Башкирию, Поволжье, на Северный Кавказ и в Грузию. [Шулепов 2008, 88]

В 1942 году в Бирск прибыли испанские дети, которые прожили в нашем городе два года. С детьми работал Иванов А.В., житель нашего города, был военруком в детском доме. Заместителем директора детского дома по учебно-воспитательной работе была Полупанова О.Д., жительница города Уфы. Она рассказывала, что детский дом посещала Долрес Ибаррури, которая в составе Коминтерна была эвакуирована в город Уфу. [Фонды музея авиаторов им. Г.И. Мушников, воспоминания Полупановой О.Д.]

23 августа 1941 г. распоряжением Наркомпроса началась эвакуация Орловского пединститута в г. Бирск Башкирской АССР. Коллектив студентов и преподавателей уже 12 октября 1941 г. прибыл в город.

Он был слит с Бирским Учительским Институтом, в результате чего образовался новый вуз — Бирский педагогический институт с сохранением в его структуре учительского института. В структуре учительского института при БирГПИ функционировали физико-математическое, историческое, филологическое, естественно-

географическое отделения. Срок обучения в пединституте составлял четыре года, в учительском — два.

Во главе БирГПИ стал бывший директор Орловского пединститута А.А. Овчинников (в 1941—1943 г.г.)

В стенах нового учебного заведения работали эвакуированные из Орла преподаватели: В.Д. Ходорович, Е.Г. Захарик, Я.И. Лопата, В.В. Струков, Т.В. Масленников, К.И. Балуха и небольшой контингент студентов из г. Орла.

За два года работы в Бирске институт произвел 3 выпуска и дал стране 79 преподавателей для средней и неполной средней школы. Преподавательский состав не прекращал напряженной научно-исследовательской работы. В 1943 г. Е.Г. Захарик защитил кандидатскую диссертацию по экономической географии, а Я.Я. Цееб завершил работу над докторской диссертацией по биологии.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в административный состав БУИ. 24 июня 1941 г. его директор П.М. Чугункин был мобилизован в Красную Армию. После окончания войны он в институт не вернулся, трудился в органах народного просвещения ряда районов БАССР. Обязанности директора института были возложены на его заместителя А.Х. Акчурина.

В 1943 г. в БирГПИ вновь произошли кардинальные изменения. 18 августа 1943 г. его директор А.А. Овчинников был переведён на новое место работы во Всесоюзный комитет по высшей школе при СНК СССР. Исполняющий обязанности директора БирГПИ В.Д. Ходорович издал 15 октября 1943 г. приказ о реэвакуации Орловского пединститута в г. Елец Орловской области. По этому приказу БирГПИ лишился 95 процентов преподавателей со степенями и званиями. [Шулепов 2008,91]

В августе сорок первого из Ленинграда в Бирск было эвакуировано военное училище Воздушного наблюдения, оповещения и связи. Учебные корпуса училищу предоставили в различных частях города.

Все, что связано с работой училища, было засекречено, но вскоре на концертах, которые почти еженедельно давал музыкальный взвод училища, побывал, чуть ли не весь город, и ленинградских курсантов и преподавателей, снимавших комнаты на частных квартирах, стали знать в лицо. В штатном военном оркестре училища играл Г. Свиридов. [Шулепов В.,2008,81]

В музее авиаторов им. Г. И. Мушникова хранятся удостоверение члена партии и депутатский билет члена Бирского районного Совета депутатов трудящихся БАССР избирательного округа № 55 Куфтериной Татьяны Ефграфовны. В годы войны она организовала сбор средств на строительство эскадрильи самолетов. Деньги в сумме 70000 рублей были собраны колхозниками села Бурново. В ответ жители села получили следующие письмо:

Бирск Башкирской АССР

Председателю Бурновского сельсовета т. Куфтериной. Копия

Председателю колхоза имени Дзержинского т. Шушкову.

Передайте колхозникам и колхозницам им. Дзержинского, собравшим 70000 рублей на строительство эскадрильи самолетов имени

25 – летия Башкирской Республики. Мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин

[«Победа», 1981, 17 января Шулепов В.]

Указом Президиума Верховного Совета СССР 8862 человека по городу Бирску и Бирскому району награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг». Среди них Кфтерина Т.Е. [Шулепов В., 2008, 72]

Особое место в годы Великой Отечественной войны отводилось учителю. Изучая архивы МБОУ СОШ № 5, мы узнали, что учителя и учащиеся семилетней школы № 2 (средняя школа №5) принимали самое активное участие в работе тыла. Первая задача была учить и учиться. Школа была в тяжелых условиях. Дома и в школе холод. Чернила в чернильницах мерзли. Плохо было с одеждой. Но, не смотря на это, школа работала нормально, ученики учились. Вторая задача была в том, чтобы помочь фронту. Учителя и учащиеся принимали участие в сборе средств на строительство танков, самолетов, принимали участие в сборе подарков для солдат, теплых вещей и обуви.

Помощь фронту выражалась и в том, что для школы учащиеся делали все сами: заготавливали дрова, косили траву, готовили школу к новому учебному году, оказывали помощь колхозам.

[Фонды музея авиаторов им. Г.И. Мушников, воспоминания Супряткиной А.С.]

Отмечая День Великой Победы над фашистской Германией, мы славим мужество и героизм советских солдат, отстоявших независимость и честь нашей Родины. Не забываем мы и то, что могущество нашей армии, ее силы ковались в тылу теми, кто плавил сталь, делал оружие, растил хлеб... Главным творцом победы был народ.

Литература:

«Память» /Под редакцией В. Шулепова/. – Бирск, 2008 г. – 115 с.

Шулепова В. «Полвека в партии» // «Победа». 1981 г., 17 января.

Фонды музея авиаторов им. Г.И. Мушников.

Хрестоматия по истории Башкортостана. Часть II. 1917 – 2000 гг, составитель Гумеров Ф.Х. – Уфа, Китап, 2001г. – 668с.

Мигранова Э.В. г.Уфа

О ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИЯЛ УНЦ РАН НА ЮЖНЫЙ АЛТАЙ В 1978 ГОДУ

Летом 1978 г. состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция на Южный Алтай, организованная по инициативе сектора этнографии ИИЯЛ. В поездке приняли участие известный башкирский этнограф, заведующий сектором этнографии Н.В. Бикбулатов и музыковед Ф.Х. Камаев.

11 июля 1978 г. экспедиция добралась до столицы Горно-Алтайской автономной области г. Горно-Алтайска, который в те годы представлял собой небольшой городок, живописно раскинувшийся в долине р. Маймы в предгорьях Алтайских гор. Для согласования маршрута экспедиции ученые обратились в Научно-исследовательский Институт истории, алтайского языка и литературы, сектором истории которого заведовал к.и.н. Тахаев Савелий Яковлевич. Первым пунктом маршрута, разработанного с помощью сотрудников института, стал пос.

Онгудай, районный центр Онгудайского района находящийся в 210 км южнее Горно-Алтайска. Это поселение, расположенное на р. Урсул, было основано в 1626 г.; в 1978 г. там проживало ок. 2 тыс. человек (в основном алтайцев и русских); в районе имелось 4 колхоза и 4 совхоза; направление хозяйства было животноводческим (разводили коров, овец, лошадей, а также оленей и маралов).

15 июля состоялась поездка ученых в колхоз им. XXIV съезда КПСС (д. Кулада Онгудайского района); с 20 по 27 июля ученые работали в с. Усть-Улаган и д. Чибиля Улаганского р-на, где проживали алтайцы-теленгиты.

28 июля экспедиция прибыла в дер. Курмач-Байгол Турочакского района; среди местного населения здесь преобладали челканцы. В селении имелась животноводческая ферма на 500 коров, созданная на базе прежних 8 колхозов, где трудилось почти 100 чел., многие приезжали из соседних селений. В Курмач-Байголе насчитывалось около 100 дворов, но молодежи было мало; имелись сельсовет, почта, школа-интернат на 65 мест. Значительный полевой материал удалось собрать в с. Балыкча Улаганского р-на, а также в пос. Яйлю и с. Кебезень Турочакского р-на.

Местные жители показали священный родник (аржаан-суу), находившийся неподалеку от селения Курмач-Байгол. По поверьям, прежде, чем взять воду из источника, необходимо было «принести жертвоприношение» духу воды. Русло родника было усыпано медными и серебряными монетами, черными и белыми пуговицами, кольцами, бусинами. Растущие вблизи аржаан-суу кустарники были увешаны разноцветными лоскутами материи и лентами. Родниковая вода была невероятно холодная и прозрачная. Участникам экспедиции объяснили, что поверья, связанные со «святой водой», распространены на Алтае широко. Один из жителей д. Кулада рассказал, что возле их деревни находится 11 источников с различными целебными качествами. А самый известный родник Аржаан-суу - памятник природы Республики Алтай расположен в горах Алтая на правом берегу р. Катунь, недалеко от с. Манжерок. По составу это гидрокарбонатно-кальциево-магниева вода с содержанием серебра («живая вода») и двухвалентного железа («мертвая вода»). По мнению Н.В. Бикбулатова, в поклонении аржаан-суу переплелись древние верования в духов воды, охранявших целебные источники, и современные знания о целебности минеральных вод.

Во время путешествия по правому берегу р. Катунь ученым поведали легенду о названии реки. *««Катунь» (по алтайски «Каадын» - «женщина») — дочь богатого и могущественного хана Алтая, несла свои воды с Катуньского хребта, извиваясь, неприступная и горделивая. Не признавала красавица-речка никого из молодых, безуспешно сватавшихся к ней. Но вот прослышал о Катунь батыр Бий - не менее красивый, мужественный, сильный и спокойный, и решил, во что бы то ни стало завоевать неприступное сердце красавицы. Но это было не так-то просто; Катунь, то играючи приближалась к нему, то внезапно изворачивалась и уносила свои воды за горные хребты. Зная о благородстве Бия и видя его упорство, горы решили помочь батыру; они отступили и дали ему встретиться с Катунью. Соединились, слились две реки в одно русло и образовали величественную Обь, а затем, обнявшись, потекли*

далее на север через всю Сибирь».

Из рассказов информаторов¹:

О традиционной алтайской свадьбе (той):

«...Детей раньше часто сговаривали с колыбели... Брачный возраст наступал примерно с 18-20 лет...»

«...Говорили, что в давние-давние времена, кумандинцы до 30 лет не выдавали дочерей замуж. Существует предание, будто жил когда-то один хан, и была у него дочь, которая тайно родила в 18 лет. Скрыла она это от всех и спрятала новорожденного в пещере. А затем тайно навещала его и все пела, пела о ребенке, да так жалостливо, так надрывно. Поняли люди, что так можно петь только о своем дитя; проследили за ней и нашли ребенка. С тех пор хан разрешил вступать в брак с 18 лет...» (инфор-р: Улагашева Лидия Иннокентьевна, 1922 г.р., внучка кайчи Н.У. Улагашева; с. Балыкча).

«...Молодые сначала договаривались, а затем к девушке посылали сватов. Сватать отправлялись мать, отец или другие родственники жениха; везли с собой овцу, несколько метров белой материи, водку-арачку. Угощались, договаривались о времени проведения свадьбы. Раньше жених должен был выплатить родителям невесты калым (деньги и скот). Дарил ли жених невесте новую одежду? Не знаю, не слышала об этом. Девушка вступала в брак со своим приданым, включавшим корову, кобылу, одежду, необходимый домашний скarb. Приданое готовят и сейчас, а вот калыма теперь нет, но родные жениха должны организовать свадьбу. Свадьба всегда проходит на стороне жениха. До замужества девушки носили одну косу, которую в день свадьбы расплетали и заплетали две косы. Невеста - «келин» подъезжала к аилу мужа верхом, после чего пересаживалась вместе с женихом на одну лошадь. Свадебную лошадь специально не украшали, напротив, старались выбрать не белое животное, а темное, неброское... Зажиточные алтайцы раньше на свадьбу приглашали много гостей, устраивали борьбу -«куреши», конные скачки - «байга», «чабыши», различные состязания «jarыши»... Первая брачная ночь проходила в доме родителей жениха; молодым не строили отдельной юрты - «айыл», а просто отделяли занавеской часть своего жилища с левой стороны. Жених, проходя за занавес, должен был отодвинуть его стволom ружья. За молодыми ухаживала сноха... Имели место и браки похищением; но это была вынужденная мера, особенно среди бедных алтайцев, которые не могли выплатить калым; они предварительно договаривались с невестой о дате похищения» (инфор-р: Тедуева Магдолина Лукьяновна, 1912 г.р., с. Усть-Улаган).

«...У тубаларов вдовец мог взять в жены сестренку умершей жены (чтобы не обижать детей) (женитьба на младшей сестре умершей жены - один из вариантов сорората - авт.), а у теленитов этого нет, поскольку сестры жены считались близкими родственницами (по мнению Н.В. Бикбулатова, это могло быть связано с влиянием христианства (поскольку здесь велась миссионерская деятельность)). Тубалары также могли жениться на вдове своего старшего брата (двоюродного или троюродного, но не родного!) (обычай левирата - авт.); у теленитов этого нет» (инфор-р: Улагашева Л.И.).

¹ Сообщения информаторов содержатся в полевом дневнике Н.В. Бикбулатова.

О поминках алтайцев:

«...Раньше алтайцы хоронили умерших там, где их застала смерть; зимой - на зимовьях, летом - на летних стойбищах. Закапывали в землю глубоко, делали насыпь, ставили сруб. Обязательных дней поминовения не было; обычно устраивали поминки через 1-2 месяца. На поминках угощались, проводили различные состязания. В годовщину смерти поминки не устраивали...» (инфор-р: Пустогачева Анисья Абдулловна, 1910 г.р., д. Курмач-Байгол).

О традициях наследования:

По сообщению Сартакова Григория Антоновича (1909 г.р.), жителя с. Балыкча: «У моего отца было 9 детей (4 сына и 5 дочерей). Его хозяйство состояло из 10 коров, 10 лошадей, 15 овец. Старшему сыну, когда он женился, отец выделил 2 коров, 2 лошадей; сначала брат с женой жил в доме родителей; но постепенно отделился, айыл ему помозали строить всей семьей... Второму и третьему сыну отец выделил по корове и лошади... Всем дочерям досталось по кобылице и корове, а также подушки, перины и т.д. Отчий дом и хозяйство отца (5 коров и 4 лошади) после смерти отца перешли ко мне — младшему сыну» (наследование по минорату — авт.).

О традиционном хозяйстве:

«...Летнее кочевье алтайцев называлось «*яйлу*», «*яйлу журт*»; зимнее — «*кышту*», «*кышту журт*». Как правило, жили в войлочный аилах (кейес айыл); перевозить с места на место их было нетрудно. Держали лошадей (ат малы), коров (инек (уй) малы), овец (кой малы). Коз было очень мало, свиней вообще не разводили. Раньше сено не косили, зимой скот тенбеневал. Часто вместе со скотом на все лето уходили в горы. Позднее зимние стоянки стали устраивать в тех местах, где летом было заготовлено сено» (инфор-р: Сатраков Г.А.).

86 летний житель поселка Яйлю Турочакского р-на Туймишев Аднай Колонкович рассказал, что «раньше на месте поселка располагались зимние пастбища тубаларов, поскольку до глубокой осени здесь не ложился снег. Поэтому у подножья священной горы Торот его отец Колонка и основал селение Яйлю» (по словам информатора, отец прожил около 90 лет, дядя по отцу - 105 лет, а дед - 132 г.). «...У алтайцев раньше были тамги, например, тамга «*месяц*» - «*ай*» и др.» (инфор-р: Улагашева Л.И.).

О традиционной одежде:

«...Раньше алтайцы сами шили одежду («*кыйим*») сами из кожи, меха, дмотканого полотна. Женская одежда состояла из платья (особенно красивыми были белые шелковые платья «*ак торко*» с рядом красных и позолоченных пуговиц, расположенных на груди), длинной бархатной безрукавки (чекпен), надевавшейся поверх платья, широких штанов (штан), зимой носили овчинную шубу (тере тон). На ноги женщины надевали чулки и сапожки; на голову повязывали платок или шаль, раньше были распространены шапочки из цветной ткани с мехом. Из украшений встречались серьги (сырга), кольца, бусы, серебряные (күмүш) наконники. Украшения в основном покупались у бродячих торговцев - китайцев или корейцев. Были ли нарядные украшения? Не знаю, не встречала. Мужчины носили рубахи, штаны, суконные халаты, меховые или войлочные шапки («*бөрөк*»), сапоги. Меховые штаны («*тере штан*») надевали в основном на

охоту. Раньше мужчины часто оставляли косу на макушке...» (инфор-р: Пустогачева А.А.).

О традиционной алтайской пище:

«...Основой рациона питания южных алтайцев были молочные и мясные блюда, дополнявшиеся кушаньями из злаков и даров природы. Ели мясо (эт) различных видов домашних и диких животных; часто варили суп (аш), вялили мясо. С поверхности молока снимали сливки («каймак»), из которых сбивали масло. Долгое время квасившееся молоко («чегень», «айран(к)») являлось основой для приготовления молочной водки («аракы»); из творожных остатков («аарчы») делали курут, процеживая массу в подвешенном мешке. Для приготовления творога («иртпек»), в кипящее молоко добавляли для створаживания немного чегеня; если хотели получить домашний сыр («пыштак»), то творожную массу (приготовленную без перенгонки) клали под пресс (например, под камень). Ячмень - по алтайски «арба», овес - «сула», пшеница - «буудай», просо - «тараан», рожь - «арыш». Из зерна делали «курмач», обжаривая его на сковороде или прокаливая на железном листе. Из растолченного ячменного курмаса - «талкан» варили похлебку - «кӧчӧ», «уре». Иногда жареное зерно толкли в ступе вместе с очищенными кедровыми орешками и получали очень вкусную и питательную халву - «токчок». Из предварительно пророщенного, а затем высушенного и смолотого зерна варили мучную кашу - «саламат». Делали и бузу («бозо») - густой солодовый напиток. Одним из любимых кушаний был «боорсок» - небольшие подушечки из теста, обжаренные в большом количестве раскаленного масла. Если было достаточно муки, пекли пресные лепешки («калтыр», «теертпек»), хлеб или булочки («калаш»). Летом пили отвары и компоты, приготовленные из различных трав и ягод. В качестве хмельного питья употребляли забродившие ягодные соки или напиток из кислицы» (инфор-ры: Тедуева М.Л., Улагашева Л.И.).

Всего участниками южно-алтайской фольклорно-этнографической экспедиции было опрошено несколько десятков информаторов. Н.В. Бикбулатовым был собран значительный материал по этнографии алтайцев, в том числе по материальной и духовной культуре, алтайской системе родства. Отчет об этой экспедиции с полевыми записями Н.В. Бикбулатова находится на хранении в Научном архиве УНЦ РАН (Фонд 3, оп. № 2а, ед. хр. №34), а фотоматериалы - в фототеке отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН. Материалы, собранные на Алтае, помогали ученому в его дальнейшей работе, связанной с выявлением этнокультурных контактов башкир с родственными по происхождению народами, определением различных этапов этнической истории башкирского народа. Более глубокое понимание особенностей культуры народов Южной Сибири привело к появлению ряда статей об их связях с башкирами.

Ф.Х. Камаев собирал материалы по музыкальному наследию алтайского народа, в том числе по горловому пению, его магнитофонных записей, к сожалению, нет в архиве УНЦ РАН.

Н.В. Бикбулатов и Ф.Х. Камаев у водопада в горах Южного Алтая

Традиционная алтайская деревянная и кожаная утварь

Толчение зерна Чегень – заготовка для в деревянной ступеномолочной водки

Мижит Л.С., г. Кизил

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 09-04-63304 а/Т.

Как известно, древние кочевые тюркоязычные народы, жившие на степных просторах Центральной и Средней Азии создали в VI веке (552 г.) высокоразвитую империю народа «кёк тюрк» («голубых тюрков») – Тюркский каганат, имевший свою развитую культуру, о чем свидетельствуют письменность и литературные памятники, которые являются ценным, непреходящим наследием народов урало-алтайского региона. Их объединяет общность истории и культуры, мировоззрения и традиционного жизненного уклада.

Являясь прародиной тюркских народов, Тува сохраняет с древнейших времен по наши дни курганы скифов «Аржаан-1», «Аржаан-2», гуннов, каменные изваяния, петроглифы и рунические письмена, высеченные на каменных стелах – «мёнге даш» («вечный камень») тюрков, уйгуров, древних кыргызов. Тува остается носителем культуры этих древних народов. 60% всех памятников орхон-енисейской письменности находится на территории Тувы.

И естественно, тувинская словесность и художественная культура тесным образом связаны с письменным наследием древних тюрков. Древнетюркские надписи следует рассматривать не только в системе культуры, языка, религии и традиционного мировоззрения народов Центральной Азии, но и как явление древней литературы.

Рунические надписи древних тюрков, являясь одним из архаических пластов тюркоязычной словесности, имеют художественные достоинства (эпический принцип построения сюжета, сложный пространственно-временной континуум, особенность ритмической

организации, стиля и т.д.), и это «доказывает высокий уровень художественного мышления древних тюрков» (Баимов 2005, 25).

Теоретик литературы Ю.Б. Борев определяет особенности мировой древнейшей художественной культуры на примере древнего искусства шумеров, египтян, ассирийцев и других народов (Борев 2001, 135–138). Мы рассматриваем в этой концепции также некоторые особенности художественной культуры древних тюрков VI–XII вв. на материале памятников орхон-енисейской письменности, как средневековой литературы:

1. Сосредоточение на представлениях о прошлом, без особого внимания к будущему. В памятниках древних тюрков рисуется прошлое и настоящее, сложенные в череду исторических событий. Это одна из главных черт художественного сознания древности. В данном случае – история древних тюрков исчисляется с сотворения мира, затем проводится художественное описание правления Каганатом, начиная с Бумын-кагана, Истеми-кагана до правления Бильге-кагана.

2. Удвоение (повторяемость) центрального события в эпическом сюжете.

Как говорится в «Книге Екклезиаста», «Время разбрасывать камни, время собирать камни», в памятниках древних тюрков, на наш взгляд, четко повторяется художественное осмысление этого явления:

1а) «Время разбрасывать камни» – данный художественный тезис выражается в следующих действиях сюжета: «Табгачам удалось так тюрков расслоить, что стал каган никем и стал народ ничем», «а нынче, тюрки, вы табгачам сдали все: детей и жизнь свою – весь тюркский каганат» (из «Большой надписи в честь Кюль-Тегина», 6);

1б) Затем по велению Неба и священной Земли тюрков, их собрал Ильтериш-каган – осуществление художественного тезиса «время собирать камни».

2а) Затем по происшествии определенного времени тюрки опять разбрелись по свету, повторили свой предыдущий поступок – «разбрасывание камней» – повторение события (1а) в эпическом повествовании.

2б) Затем происходит противоположное событие – «собрание камней» Бильге-каганом – повторение события в пункте 1б.

Главную роль здесь играют образы «пассионариев» (по Л.Н. Гумилеву): Ильтериш-кагана (в 1б) и Бильге-кагана (в 2б), которые приводили в движение историю древних тюрков, также пассионарного воина – Кюль-тегина. Если делать выводы по теории этногенеза Л.Н. Гумилева, в исторических действиях пунктов 1а и 2а происходит «спад пассионарного напряжения», а в 1б и 2б – «подъем пассионарного напряжения» (Гумилев 1990, 272–282).

3. Представление о мире как о неустойчивом равновесии глобальных сил. Как видно из примеров второй особенности древней художественной культуры, древние тюрки живут в «неустойчивом равновесии мира»: то нарушается равновесие, то происходит неизбежное его восстановление в результате деяний правителей.

4. Героичность эпического действия и наличие препятствия перед его развязкой. В произведениях древних тюрков утверждается героическая концепция человека, в то же время утверждается единство личности и

общества (подобно античному мифологическому реализму): герой живет и борется, отдает все свои силы, свою жизнь за свой народ, за свой *Эл* (каганат). Данные надписи овеяны героическим духом, мужеством и отвагой тюркского воина-полководца Кюль-тегина.

5. **Равноправие случайности (Хаоса) и необходимости (Порядка).** В данных произведениях древних тюрков Хаос (расселение тюрков, попадание в рабство к табгачам) сменяется Порядком (установление каганата). «Необходимость создает порядок; Случай тяготее к Хаосу. И в мире эти два начала равноправны» (Борев 2001, 137).

6. **«Случайный характер начала и конца в эпосе есть выражение его бесконечности и абсолютности» (Шеллинг Ф.В.).** Сюжет (при спокойном зачине о правлении Бумын-кагана и Истеми-кагана) сразу начинается с того, что в четырех сторонах света были враги и начались войны. И завершается повествование неожиданно – смертью главного героя Кюль-тегина.

7. **Религия – господствующая форма идеологии, оказывающая определяющее влияние на все искусство.** Как видно из орхоно-енисейских памятников, основной религией древних тюрков являлось тенгрианство: «Дало мне мудрость Небо», «Нам Небо помогло – мы одержали верх», «Теперь Билге-каган силен и знаменит – крепит закон, что дали Небеса» - (из «Надписи в честь Тоньюкука», 62). Говоря о культе Неба в рунических надписях древних тюрков, М.Б. Кенин-Лопсан проводит параллель с культом Неба в мировоззренческой концепции шаманизма – древней формы религии тувинцев и других народов Центральной Азии (Кенин-Лопсан 2003, 17) .

8. **Чрезвычайная роль слова.** Слово в анализируемых древнетюркских повествованиях играет огромную роль. Не говоря о повелениях высшей силы – Тенгри, в текстах движущей силой истории древних тюрков выступают призывы, заклинания, клятвы.

9. **Преклонение перед силами природы.** Мы видим в древнетюркских текстах персонификацию Неба, Земли, обожествление Солнца и Луны. Это не просто слова, а глубокая благодарность высшим силам, даровавшим жизнь на этой земле.

11. **Особо острое ощущение иерархической структуры общества.** В данных историко-героических повествованиях и эпитафийной лирике древних тюрков четко обозначается отличие кагана и высшего слоя общества от рядовых людей, «чувство иерархии живет в их художественном сознании». Каган считается «похожим на Тенгри, рожденным на Небе» Именно они являются героями вечных надписей.

Таковы, на наш взгляд, некоторые особенности письменной литературы тюрков.

Конечно, мы не можем утверждать, что орхоно-енисейские памятники, как памятники литературы, имеют прямое влияние на современную тюркскую литературу ввиду того, что древнетюркская письменность была утеряна после XII века, просуществовав около шести столетий, и прервалась эволюция литературной традиции. Сегодня можно говорить об историко-генетическом влиянии через никогда не прерывавшуюся устную традицию, исторической и лингвистической памяти тюркоязычных народов, благодаря чему, например, в произведениях тувинской литературы (XX века)

сохранились образы и мотивы древнетюркской литературы. Такие концепты, как «Кёк дээр» (синее Небо), «Дээр-Ада» (Небо-Отец), «Ие-Чер» (Мать-Земля), хун (солнце), ай (луна) и другие. Они имеют место не только в богатой жанровой системе фольклора и шаманских алгышах (сношениях), но и в современной поэзии и прозе. Однако, стоит отметить, что было прочно стерто из исторической памяти такие стилеобразующие мотивы эпитафийной лирики древних тюрков, как «адырьлым» (я отделился), «покмедим» (я не наслаждался) и т.д. Благодаря исследованиям памятников орхоно-енисейской письменности, современные тувинские писатели ощутили поэтическую и эстетическую близость с художественным наследием своих древних предков и стали заимствовать стилеобразующую и жанровую особенности (эпитафийная лирика, плач), эстетику и ритмику древних произведений.

Рассмотрение произведений современной тувинской литературы в контексте древнетюркского литературного пространства подтверждает мысль о непрерывности традиций художественной словесности. Эпитафийная лирика древних тюрков стоит у истоков эволюции жанровой системы тувинской поэзии.

Исследование и перевод на современные тюркские языки памятников орхоно-енисейской письменности имеет неоценимое значение в деле сохранения, развития и передаче будущим поколениям памятников древнетюркской культуры — одной из самых древних и имеющих глубокую и мощную корневую систему культур всего мира.

Литература:

- Баимов Р.Н. Великие лики и литературные памятники Востока. - Уфа: Гилем, 2005.
Борев Ю.Б. Теоретическая история литературы // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. - М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 3-е изд., стереотипное. - Л.: Гидрометеиздат, 1990.
Кенин-Лопсан М.Б. Культ Неба в алгышах тувинских шаманов и древнетюркских надписях в честь Кюль-тегина // Письменное наследие тюрков. - Кызыл, 2003.

Морозов Ю.А., г. Уфа

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Срубные племена, как и население всего древнего общества, смерть человека воспринимали как уход в «другой мир», где жизнь представляла подобие земной. Доказательством такого мировоззрения в материальной культуре является погребальный обряд, а в частности сопровождение его вещами. Инвентарь погребений срубной культуры в основном представлен керамической посудой. Однако кроме сосудов нередко встречается дополнительный материал, среди которых бронзовые ножи, украшения в виде наконечников и отдельных височных подвесок различной формы, браслеты, бусы из пасты и бронзы, каменные булавы, шилья и проковка из бронзы, кремневые изделия, кожаные пряжки и подвески из створок раковины. Мы намерены не отмечали еще одну категорию погребального инвентаря, к которой относятся изделия из кости. Этой категории вещей и будет посвящена наша статья.

Кость наряду с камнем и деревом с древнейших времен использовалась человеком для изготовления орудия труда, вооружения

и различных предметов быта. Обработка кости по своим техническим приемам имеет много общего с обработкой дерева и камня. Кость можно было пилить, резать, сверлить, придавая ей нужную форму. Изделия из кости применялись в кожевенном и гончарном производстве, кость шла на поделки деталей конской сбруи, украшений, широко использовалась для изготовления различных рукояток для бронзовых орудий.

Нами проанализированы материалы около 80 могильников с территории Южного Урала, куда входят захоронения срубной культуры. Основная категория вещей из погребального материала, изготовленная из кости, относится к разряду украшений, и наибольшая их часть представлена подвесками из зубов, клыков и когтей волка, лис и собак. Возможно, клыкам приписывали свойство оберега от вредных духов. У народов Средней Азии существовал обряд, когда через 40 дней после рождения ребенка его рубашку накидывали на собаку, т.е. отдавали его под ее защиту. И нередко собачьи клыки пришивали к тибетейке или вешали на шею как амулет.

Вполне вероятно, что украшения из клыков надо воспринимать не как материальный объект, а как часть сакрального мира, которые несли определенную смысловую нагрузку. В отдельных срубных погребениях мы обнаруживали от 1 до 6 подобных подвесок с характерным просверленным отверстием на конце. Следует заметить, что расположение подвесок по отношению к костяку различно. Встречаются они в районе шеи, груди или лежали перед костяком на довольно значительном расстоянии. По одной подвеске обнаружено в Старо-Ябалаклинском (к. 89 п.1) и I Тавлыкаевском (к.7 п.9) могильниках. По две подвески в Старо-Ябалаклинском (к. 48 п.3), I Тавлыкаевском (к.5 п.1), II Тавлыкаевском (к.3. п. 1). По три подвески в Качкиновском (к.3 п.13; к.5 п.1), II Сибайском (к.4 п.1), II Тавлыкаевском (к.3 п.5), Русско-Тагировском (к.2 п.8) могильниках. В Ново-Балтачевском (к.1 п.2) могильнике найдено пять, а в Демском (к.1 п.2) могильнике шесть подвесок из клыков.

Отмечая подвески, вероятно, следует упомянуть и об ожерельях, составленных из позвонков рыб. В Старо-Ябалаклинском могильнике (к.106 п.10) в парном погребении на шее восточного костяка обнаружена низка ожерелья из пастовых бус и рыбьих позвонков. В Качкиновском могильнике (к.5 п.10), также в парном погребении, у восточного костяка на шее найдены 12 позвонков щуки с подвеской из клыка волка.

Не редкой находкой в погребениях являются костяные втулки, изготовленные из трубчатой кости животных высотой от 2 до 4 см, которые имели круглое или подквадратное сквозное отверстие. Их расположение по отношению костяка различно. В детском погребении Николаевского (к.4 п.6) могильника втулка найдена около пояса, в Старо-Ябалаклинском (к.46 п.1) трубочка лежала около сосуда, стоящего у стенки могилы, а в I Санзяповском (к.9 п.1) ее обнаружили за сосудом у стенки. В Старо-Ябалаклинском (к.90 п.4) втулка вообще найдена за спиной погребенного подростка. Отличается от указанных выше изделий втулка, найденная в Иштугановском могильнике (к 5 п.3). Она имела вырезанное на одном конце утолщение т-образной

формы и сквозное по центру отверстие. Нахождение втулки около кистей рук погребенного позволило исследователю М.Ф. Обьденнову квалифицировать это изделие как навершие плети.

Если вышеотмеченные небольшие костяные втулки сложно отнести к какой-либо группе изделий, то костяные пряжки округлой формы с большим отверстием по центру и небольшим боковым по функциональному назначению определяются довольно точно. Все они расположены в районе тазовых костей, причем только в мужских захоронениях. Они отмечены в могильниках Кара-Тал I (к.10 п.1), IV Свердловский (к.1 п.21) и Акназаровский (к.3 п.5). Кроме костяных пряжек в погребениях срубной культуры часто находят пряжки из раковин, которые зафиксированы в Аитовском (к.1 п.10), Петряевском (к.6 п.1), Салимовском (к.3 п.2), Старо-Ябалаклинском (к.28 п.2) и еще в шести могильниках.

Нахождение фрагментов и целых костяных пряжек в поселенческих материалах Аитово, Тавлыкаево и отсутствие на срубных поселениях пряжек из раковин позволяют высказать предположение об использовании последних только в погребальном обряде. Ракушка – очень хрупкий материал, потому в бытовом использовании, а тем более в качестве поясной пряжки она вряд ли была пригодна.

К украшениям можно отнести и костяные колечки. В Старо-Ябалаклинском могильнике (к.46 п.1) у взрослого захоронения на фаланге правой руки находилось костяное колечко, вырезанное из поллой кости и хорошо зашлифованное изнутри. Подобное колечко найдено во II Япаровском могильнике (к.1 п.1), но обнаружено оно было около ноги.

Кроме захоронений с украшениями, в погребальном материале отдельных могил встречаются орудия труда, которые можно рассматривать как погребения мастеров. Подобных комплексов мало, и обнаружены они только в 2 погребениях. Это бронзовые шилья, насаженные на костяную рукоятку, которые найдены в могильнике Елбулак-Тамак (к.1 п.3) и Старые Ябалаклы (к.48 п.3). Естественно, так мало мастеров в обществе не могло быть, видимо, с орудиями труда погребали не всех мастеров. Судя по набору богатого женского захоронения (к.48 п.3), где кроме шила, закрепленного в костяной ручке, имелись бронзовые браслеты, височные подвески, бусы, накончик, данное погребение, несомненно, относилось к числу «избранных». Следует заметить, что орудия труда в срубных погребениях крайне редки и являются исключением.

В срубных погребениях исключением являются и костяные наконечники стрел. Только в двух погребениях зафиксированы эти находки – III Тавлыкаевский (к.2 п.2) и Николаевский (к.1 п.10) могильники. В мужском погребении (к.2 п.2) наконечник из кости имел четырехгранное ромбовидное перо, прямое основание и плоский насад. Подобные два наконечника были найдены на Чишминском поселении срубной культуры. В Николаевском погребении (к.1 п.10) находилось 5 наконечников стрел, из которых четыре костяные округлые в сечении, втульчатые, размером от 3 до 6 см, а одно бронзовое с пером в виде «ласточкиного хвоста». Аналогий этому бронзовому наконечнику среди материалов эпохи бронзы мы пока не нашли.

Уникальными находками в срубных погребениях являются костяные псалии. Один из них обнаружен в засыпке Николаевского кургана (к.1 п.11). Желобчатый псалий изготовлен из трубчатой кости, наполнину сломан, но использовался до захоронения. Внешняя поверхность щитка орнаментирована треугольниками, вершины которых соприкасаются. По центру имелось отверстие, общая длина сохранившейся части 8,4 см, но его общая длина, вероятно, была не менее 12 см.

Следующие три псалия были найдены в разрушенном погребении Веселовского могильника (к.1 п.1). Два дисковидных и один желобчатый псалий были изготовлены, по определению А.Н. Усачука, из лосиного рога. Указанные псалии довольно подробно описаны в литературе [УАВ, Вып. 8. Уфа. 2008. С. 59-68], где с ними можно ознакомиться более подробно.

Несколько костяных изделий обнаружено в Петряевском могильнике. Небольшая костяная втулка «ворворка» (к.5 п.20) со сквозным отверстием найдена за сосудом с восточной стороны. Она имела грибообразную форму с двумя валиками. Аналогичное изделие обнаружено нами на Казангуловском поселении, которое предварительно определено как горлышко от бурдюка, хотя есть мнение, что это могла быть оконечность плети.

Костяная трубочка длиной 17,2 см найдена у локтей женского захоронения (к. 15 п.8). Подобные костяные предметы довольно редко находятся в срубных могильниках, чаще они встречаются в поселенческих материалах. К примеру, три костяные трубочки с подшлифованными концами и заполированными стенками, длиной 6-12 см были найдены на Исмагиловском поселении в Башкирском Приуралье. Однозначно о применении данных трубочек сказать невозможно. Одни исследователи предполагают, что это музыкальные инструменты, другие утверждают, что аналогичные трубочки в прошлом применялись отдельными народами для доения, впоследствии утратившие свое назначение.

Наиболее выразительным изделием является костяное навершие с микенским меандровым орнаментом. Погребение (к.8 п.1), в котором оно найдено, обнаружено в центре кургана и являлось единственным захоронением под высокой насыпью. Навершие высотой 4 см, в средней части 1,8 см имело неглубокую слепую втулку. На кулачковом выступе нанесен ряд вписанных друг в друга окружностей с центровкой в виде точки. Ниже по окружности расположен меандровый орнамент в виде «микенской волны», который обрамлялся в нижней части короткими насечками.

Обнаруженное навершие лежало перед лобной частью черепа втулкой вниз в сторону рук. Расстояние от втулки до рук – 25- 30 см, по всей вероятности, костяное изделие следует считать навершием булавы, которое было вложено в руки умершего. Отсюда логически возникает предположение о высоком социальном статусе погребенного в обществе. Кроме навершия в погребальный комплекс входят орнаментированный горшечный сосуд и остатки погребальной тризны в виде костей домашнего животного.

В серию костяных изделий мы включили астрагалы (казанки или альчики), используемые, вероятно, для игр в «кости». В Давлекановском могильнике (к.1 п.1) обнаружено 9 экз., Туишевском (к.3 п.2) – 13 экз., в Старо-Ябалаклинском (к.90 п.4; к.106 п.5, п.9) от 3 до 5 астрагалов. Наибольшее количество погребений с астрагалами зафиксировано в Николаевском могильнике. В кургане 1 астрагалы присутствовали в 5 детских захоронениях, а в кургане 3 в двух погребениях. Наибольшее количество астрагалов (в количестве 207 экз.) найдено в подростковом захоронении (к.1 п.10). Из них 41 астрагал подвергся обработке в виде шлифовки с одной или двух боковых сторон, часть экземпляров имели сбитые грани, указывающие на использование их в качестве игровых бит.

Игры с астрагалами, как отмечают многие исследователи, имели особое ритуально-магическое значение. Эти игры в определенный календарный период могли дать обилие молочных продуктов, корма для скота, увеличение поголовья и обеспечить здоровье людей. Подобные игры с астрагалами были особенно распространены у скотоводов, коими и являлись племена срубной культуры.

Представленные костяные изделия в срубных погребениях, несомненно, несли определенную смысловую нагрузку. Здесь необходимо было учитывать, что любая вещь обладает как практическими, так и символическими функциями. Эту сторону вопроса мы не рассматривали в данной статье, так как это тема отдельного исследования.

Мурзабулатов М.В., г. Уфа

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ БАШКОРТОСТАНА

Последнее десятилетие минувшего века ознаменовалось радикальными переменами в жизни российских, в том числе башкирских евреев, выразившимися их массовой миграцией в Израиль, США, Германию и некоторые другие страны. И в начале текущего столетия в Башкортостане насчитывалось всего лишь 2,4 тыс. евреев, что в три раза меньше, чем в 1970 г. (6,7 тыс.). Почти все евреи республики – ашкеназы. Доля неашкеназийских групп (горских, грузинских, среднеазиатских) составляла менее 1,5 %.

Подавляющее большинство евреев края – горожане (98,8%). В сельской местности по переписи 2002 г. проживало всего 28 человек. Евреи Башкортостана говорят на украинско-галицийском и белорусско-литовском диалектах идиш, входящем в индоарийскую группу индоевропейской языковой семьи. Языком внутрисемейного общения служит русский.

В Башкортостане (Уфимской и Оренбургской губерниях) евреи появились в середине позапрошлого века. В Уфимской губернии в 1865 г. было 157, в 1897 г. – 720 человек, подавляющее большинство которых проживало в городах Уфа, Стерлитамак, Белебей, Мензелинск, Златоуст. Прокатившаяся в конце XIX – нач. XX в. волна еврейских погромов в центральных губерниях России усилила их миграцию на восток, в том числе в Башкирию, где местное население относилось к ним с пониманием и доброжелательностью. К 1920 г. численность евреев достигла 4,6 тыс. человек. Послевоенные годы ознаменовались значительным притоком в республику еврейской научной и технической

интеллигенции и перепись 1959 г. учла в БАССР более 7,4 тыс. евреев. Однако с середины 60-х годов XX в. их численность стала убывать: в 1970 г. – 6,7 тыс., 1979 г. – 5,9 тыс., 1989 г. – 4,9 тыс. и в 2002 г. – 2,4 тыс.

На протяжении многих веков евреям разрешалось жить только в городах и небольших поселениях, что отразилось и на их трудовой деятельности. Многие из них занимались торговлей, преимущественно товарами своего ремесла. Немало было среди них портных, сапожников, скорняков, винокуров, часовых мастеров, пекарей, столяров и др. Часть самостоятельного населения занималась интеллектуальной деятельностью. В конце XIX в. в Оренбургской губернии почти половина еврейского населения занималась производственной деятельностью, 33,8% – торговлей, 6,2% – вооруженных силах, 3,7% – интеллектуальной деятельностью и 10,7% – другими видами деятельности. Тогда же в Уфимской губернии было 12 врачей и дантистов, 43 портных, 37 торговцев, 12 мастеров-часовщиков, 36 человек в вооруженных силах и т.д.

На Южном Урале евреи расселялись вперемежку с русскими, украинцами, башкирами, татарами и их материальная культура формировалась как под влиянием окружающих народов, так и религиозных норм.

В прошлом еврейские семьи были большими, включали от 4 до 13 членов и среди них больше всего было детей. Ныне еврейские семьи малодетные, многодетность характерна только для религиозных евреев.

Традиционными праздниками евреев были осенние Рош – Ха – Шана, Йом – Кипур, Суккот, Симхат – Тора. Зимой отмечались Ханука, весной – Пурим, летом – Тиша – бе – ав. Самым большим и светлым праздником является Песах, посвященный освобождению народа Израиля от египетского рабства в конце II тыс. до н.э.

В духовной культуре евреев немало общих черт с обрядами и обычаями мусульман. На восьмой день жизни мальчику делают обрезание. В 13 лет проводится обряд совершеннолетия. Девочки считаются совершеннолетними с 12 лет. Талмуд предписывал жениться в 13-14 лет, ибо «проводящий дни без жены не имеет ни радости, ни добра в своей жизни». Евреи хоронили покойников также как и мусульмане в день смерти или на другой день в саване и т.д.

90-е годы прошлого столетия характеризовались не только масштабной миграцией евреев в другие страны, но и пробуждением их этнического самосознания. В те же годы республике создавались разнообразные ассоциации, общественные, культурно-просветительские, религиозные и др. организации. В 1988 г. в Уфе был зарегистрирован первый в России клуб любителей еврейской культуры, преобразованный в 1992 г. в «Еврейский национально-культурный центр «Кохав». При центре постоянно функционируют школа по изучению иврита, библиотека, группа милосердия. В 1991 г. учреждается Ассоциация башкирско-израильского делового сотрудничества. В 1998 г. был открыт благотворительный фонд «Хэсэд Лея», волонтеры которого помогают пожилым людям и инвалидам. В Уфе работают молодежный, женский и семейный клубы, издается ежесемечная газета «Еврейская душа». В РБ зарегистрированы три еврейские религиозные общины.

В начале текущего века в Башкортостане насчитывалось 8,2 тыс. немцев. Сложившаяся в последние годы устойчивая тенденция к выезду немцев из России проявилась и в республике. В конце прошлого века в ней проживало более 11 тысяч немцев. За 10 с небольшим лет их численность сократилась на 2,8 тыс.

Немцы республики – преимущественно городские жители (78,8%). В сельской местности они наиболее компактно расселены в Благоварском, Стерлитамакском, Абзелиловском, Туймазинском районах (21,1%).

Первые немецкие переселенцы в Башкортостан в XVII веке несли военную службу в Уфимском гарнизоне. В XVIII-XIX вв. немцев в башкирском крае было немного: в 1898 г. – немногим более одной тысячи. К началу XX века их численность заметно возросла, и они проживали в Уфимском, Белебеевском, Бирском и Стерлитамакском уездах Уфимской губернии. Аккуратные и практичные, пунктуальные и трудолюбивые немцы поселялись на арендованных у башкир или купленных через Крестьянский поземельный банк землях и организовывали образцовые крестьянские хуторские хозяйства.

Последний массовый приток немцев в Башкортостан был связан с их депортацией в 1941-1942 гг. Тогда в республику прибыло 13 тысяч немцев. Взрослое население (мужчины от 15-16 лет до 51-55 лет и женщины от 16 до 45 лет включительно) было мобилизовано «в рабочие колонны на все время войны» и до 1956 г. находилось на комендантском режиме.

Немцы Башкортостана говорят на одном из верхненемецких диалектов немецкого языка, который входит в германскую группу индоевропейской языковой семьи. В немецких селениях республики владеющих местным диалектом становится все меньше, и, как в Прошлом, лишь немногие представители интеллигенции владеют литературным языком. Немцы Благоварского, самого крупного в РБ по их численности, района разделяют свой язык на католический и протестантский.

Традиционным хозяйственным занятием немцев были земледелие, скотоводство, домашние ремесла и промыслы. В материальной их культуре были представлены как этнические, так и заимствованные компоненты. У немцев края преобладали линейные формы поселения. Обязательный элемент немецкой усадьбы летняя кухня. Народная одежда сочетала традиции национального костюма и городской моды. Однако уже в начале прошлого столетия в ней практически отсутствовали этнические черты. Основу многих национальных блюд немцев составляют продукты земледелия. Традиционные блюда – куриный бульон с лапшой, суп с клецками, фруктовый суп, тушеные овощи, борщ и т.д.

В духовной культуре немцев Башкортостана наблюдается сохранность традиционных этнических характеристик, обусловленная их конфессиональной замкнутостью, в то же время заметно влияние традиций окружавших их народов (украинцев, русских, башкир, татар). На ее формирование, безусловно, большое влияние оказала церковь. Немцы Башкортостана отмечали Рождество (25 декабря), Новый год, Пасху, Троицу, праздник урожая, не праздновали Крещение, Масленицу, Благовещение, Вербное воскресенье, считая их русскими праздниками.

История немцев Башкортостана чрезвычайно сложная. В годы лихолетья (войны, репрессии, депортация, трудармия и т.д.) пострадала прежде всего их традиционная культура, долгое время находившаяся под запретом. В целях содействия свободному развитию их культуры, языка, традиций и духовности в 1989 г. в республике была создана общественная организация «Культурно-просветительский союз немцев Республики Башкортостан «Видергебурт» («Возрождение»), который организует культурно-просветительские мероприятия, участвует во всех формах производственно-хозяйственной деятельности и развитии предпринимательства в целях решения задач, стоящих перед Союзом немцев РБ, поддерживает нуждающихся в помощи членов Союза и т.д.

Сегодня в республике функционируют 11 культурных центров, 23 класса по изучению немецкого языка как родного, 9 библиотек, 2 воскресные школы в Уфе и Мелеузе. При центрах работают 25 постоянных курсов немецкого языка, кружки «Basteln», «Умелые руки», танцевальные, театральные, фольклорные. При Союзе немцев действует клуб немецкой молодежи «Guwel».

В городах Октябрьский, Ишимбай, Салават, Нефтекамск, в поселке Северный Абзелиловского района и в селе Пришиб Благоварского района действуют филиалы Союза немцев РБ «Видергебурт».

Мухаметзянова-Дуггал Р. М., г. Уфа

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В БАШКОРТОСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Башкортостан – один из многонациональных и поликонфессиональных субъектов Российской Федерации. Здесь проживают представители более 130 национальностей и народностей, которые являются приверженцами около 30 различных конфессий.

Основными направлениями в республике являются ислам и православие, их объединения составляют более 86% от общего количества религиозных организаций: около 67% – ислам, 19% – православие. В Башкортостане распространены различные протестантские течения, приверженцами которых являются христиане веры евангельской, пятидесятники, евангельские христиане баптисты, адвентисты седьмого дня и другие. В республике действует Уфимская еврейская община «Ор Авнер Хабал Любавич», которая входит в состав централизованной религиозной организации хасидов ХаБаД «Федерация Еврейских общин». Помимо этого на территории Республики Башкортостан имеются религиозные общины старообрядцев, католиков, Ассоциации церковью «Великое поручение», Новоапостольской Церкви, мормонов, церкви объединения (Муна), Армянской апостольской церкви, Сознания Кришны, Библейской церкви, буддистов («Тушита-центр»), язычников и др. [Пятков].

На протяжении последнего десятилетия на федеральном уровне предпринимались попытки выработать и принять научно обоснованную концепцию государственной политики в сфере свободы совести. Однако данная концепция так и не была принята. Современная политика в сфере свободы совести, как на федеральном, так и на региональном уровне, в частности в Республике Башкортостан,

осуществляется на основе законодательных и нормативно-правовых актов, принятых в 1990-2000-ые годы. основополагающим законом в сфере свободы совести в Башкортостане является – «Закон о свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан» (с поправками от 16.07.1998, 09.01.2001, 05.10.2004, 03.11.2006, 28.12.2009). Важными документами, характеризующими основные направления политики в сфере свободы совести в Башкортостане, являются указы, распоряжения и постановления государственных органов власти республики [Мухаметзянова 2006, 73-85].

В настоящее время законодательство Республики Башкортостан в сфере свободы совести соответствует Конституции РФ и Федеральному Закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). Одновременно оно учитывает реально сложившуюся этноконфессиональную ситуацию в республике, где мусульмане и православные являются доминирующими среди религиозного населения. Так, в преамбуле закона РБ говорится об уважении «ислама, христианства и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического, духовного и культурного наследия народов Республики Башкортостан» [Закон РБ 1991].

В настоящее время в Башкортостане действует целый ряд органов власти, отвечающих за взаимодействие с религиозными объединениями. Центральное место среди них занимает Совет по делам религий при Правительстве РБ. В отличие от федерального уровня и многих субъектов РФ в Башкортостане данный орган был сохранен. На заседаниях Совета широко обсуждаются вопросы практических мер по предупреждению межконфессиональных конфликтов. Были выработаны рекомендации по совершенствованию отношений между СМИ и религиозными объединениями, различными министерствами и ведомствами. Рассматриваются конфликтные ситуации, возникающие на религиозной почве. Проводятся соответствующие консультации с представителями органов государственной власти, местного самоуправления, религиозных объединений.

Важную функцию — проведение государственной религиоведческой экспертизы при государственной регистрации религиозных организаций, действующих на территории РБ - выполняет Экспертный совет для проведения государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РБ.

Религиозная ситуация, складывающаяся в Российской Федерации и ее регионах в последние годы, характеризовалась выявлением ряда случаев экстремистской направленности. Исключением не стал и Башкортостан, где в пяти городах республики в течение 2004 года правоохрнительными органами были выявлены и задержаны члены экстремистской религиозной организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» (Партия освобождения ислама). В августе 2005 года вступил в законную силу приговор Верховного суда Республики Башкортостан, согласно которому самые активные участники организации были осуждены на сроки от 3,5 лет до 8,5.

Однако попытки распространения радикальных идеологий в республике продолжали предприниматься «строителями всемирного халифата». Так, по данным информационного центра МВД по РБ, в

2008 г. выявлено 11 преступлений экстремистского характера, возбуждены уголовные дела. По итогам расследования данных уголовных дел все виновные лица на сегодняшний день осуждены и понесли наказание.

В ходе следствия было установлено, что для привлечения на свою сторону социально незрелую молодежь члены организации использовали метод внушения в том, что «ваши, местные, традиционные духовные лидеры учат неправильно», искажают правильное вероучение, а сами погрязли в пороке и заигрывании с неправильными властями. Главное, что все воззрения, призывы к насилию, свержению существующего строя, используемые членами «Хизб ут-Тахрир», идут вразрез с традиционным исламом, более тысячелетия назад укоренившимся на территории Поволжья. Известный исламовед А.Б. Юнусова справедливо отмечает, что «российские мусульмане с самого момента вхождения в Российское государство и по сей день являются носителями открытого, спокойного, неагрессивного и терпимого вероучения» [Юнусова 2005, 184].

В целях противодействия распространению экстремизма, терроризма, недопущения исламофобии, а также для поддержания традиционных религиозных центров России федеральными и республиканскими органами власти были предприняты конкретные шаги. Так, крупнейшими мусульманскими религиозными и общественными организациями при участии Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике в декабре 2006 г. был создан «Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования».

Первым масштабным проектом Фонда, реализованным в Республике Башкортостан, стало решение выделять финансовую поддержку мусульманским общинам в виде денежных грантов. Особый интерес в республике вызвала разработанная Фондом специальная программа «Поддержка и развитие исламского образования в России». Согласно этой программе денежные средства направляются на нужды по обеспечению учебного процесса: ремонт помещений, закупку учебной и религиозной литературы, техники, мебели и т.д., а также на деятельность аттестационных комиссий, особое внимание которых сосредоточено на лицах, проходивших образование за рубежом. За каждым выбранным высшим религиозным учебным заведением закреплен светский ВУЗ – партнер, которым оказывается помощь в организации светской составляющей учебного процесса, формировании методической базы, разработке учебных программ и т.п. Все это происходит в рамках реализации учебных программ в религиозных учебных заведениях, которые будут аккредитованы на соответствие государственному стандарту.

В Башкортостане таким религиозным учебным заведением является Российский исламский университет при ЦДУМ России. В качестве ВУЗа – партнера определен Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Впервые, согласно данной программе, семь российских вузов предоставили бюджетные места для исламских студентов. Так, с 1 сентября 2008 г. в БГПУ им. М. Акмуллы выделено 10 бюджетных мест по специализации «юриспруденция с углубленным изучением истории и культуры ислама». Таким образом, светский вуз впервые будет

готовить специалистов с универсальным образованием, которые в перспективе могут преподавать в школах историю мировых религий [Пятков].

Другим конкретным шагом, нацеленным на укрепление общественно-социальной стабильности, снижение уровня преступности в стране, гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений в республике стало подписание 17 марта 2009 г. пятистороннего Соглашения о сотрудничестве и взаимодействии МВД по Республике Башкортостан с духовными лидерами ведущих религиозных конфессий – председателем ЦДУМ России и стран СНГ верховным муфтием Т.Гаджуддином, председателем ДУМ РБ муфтием Н.Нигматуллиним, Архиепископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном и главным раввином РБ Д.Кричевским.

Таким образом, современная политика в сфере свободы совести в Башкортостане проводится в русле общенациональной политики в данной сфере, которая фактически сводится к одной формуле – поддержка традиционных для России религий и конфессий. Для этого в республике создана соответствующая законодательная база, на основе которой осуществляется взаимодействие государственных органов власти с лидерами ведущих конфессий Башкортостана.

Литература:

Закон РБ «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан» от 20.06.1991, в ред. Законов РБ от 16.07.1998 № 171-з, от 09.01.2001 № 163-з, от 05.10.2004 № 112-з, от 03.11.2006 № 370-з, от 28.12.2009 № 198-з // http://www.gsrb.ru/MainLeftMenu/ZakonoTvorch/Zakoni/vs-6_19.php

Мухаметзянова Р.М. Свобода совести и вероисповедная политика в законодательстве Республики Башкортостан // Россия и ислам: межцивилизационный диалог. Сборник научных статей / Ответ. ред. А. Малашенко. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 73-85.

Пятков В. Государственно-конфессиональные отношения на территории Республики Башкортостан // <http://www.mvdrb.ru/index.php?page=177>

Юнусова А.Б. Радикализм – вызов российскому исламу / Экстремизм как социальный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции. Курган, 2005. С. 180-186.

Мәсәлимов Р.Н., Бөрө к.

БАШКОРТ ЙӘШТӘРЕ ХӘРӘКӘТЕ ТАРИХЫНЫҢ БАШЛАНҒЫС ОСОРО

Минең билдәләүемсә, башкорт йәштәре тарихын шартлыса дүрт осорға бүлгәргә була. Беренсе – башланғыс осор (1901-1917 йылдар), икенсе – милли союздар осоро (1917-1920 йылдар), өсөнсә – комсомол осоро (1921-1991 йылдар), дүртенсе – милли яңырыу осоро (1990 йылдар башынан хәзергә көндөргә тиклем). Минең беренсе сығышым башланғыс осорҙо яттырта.

Башкорт йәштәре, башка мосолман-төрки халыктары йәштәре кеүек, үзәрәнен күренекле милли мәғрифәтселәре (М. Акмулла, М.-С. Өмөтбаев, С. Яҡшығолов, Р. Фәхрәдинов) идея-рухи йогонтоһонда ойшоша, тәрбиәләнә һәм үзаллы хәрәкәткә килә башлай. Бында бигерәк тә йәзитсе зыялыһыҙы (З. Рәсүлев, З. Камали, С. Мерәсов һ.б.) һәм башкорт мәғрифәтселегенен йәш (ғәмәлдә иһә, һуңғы) буыны вәкил-дәрәнен (Ф. Рәсүлев, Ә.-З. Вәлидов, Х. Тереғолов, Н.-Ә. Таһиров) урыны зур. XX быуаттын башында «Хөсәйениә», «Рәсүлиә», «Мөхәм-мәзиә», «Ғосманиә», һуңыраҡ «Ғәлиә» мәзрәсәләре, йәзитселек һәм тәрәкки мәзәниәт усақтары буларак, укыусы һәм укытыусы йәштәр

хәрәкәтенен үзәктәренә әүереләләр. Башкорт милли хәрәкәте лидерзарының һәм уның әүзем ағзаларының күпселеге, артабан Башкорт АССР-ы етәкселәренен, башкорт милли зыялыларының күбәһе революцияға саклы ошо үзәктәрҙә тәүге ижтимағи-сәйәси тәҗрибә алған.

Башкорт йәштәре хәрәкәтен иң тәү ойоштороусыларының береһе, башкорт милли хәрәкәтенен әүзем ағзаһы, һунынан Башкорт АССР-ында күренекле филолог һәм йәмәғәт эшмәкәре Нурый-Әғзәм Таһиров (1888-1937), Троицкиза «Рәсүлиә» мәзрәсәһендә укыған ваҡытында ук (1906 йыл) башкорт, казак, татар, типтәр шәкерттәрен мәзәни-мәғәрифти түнәрәккә ойоштороп, әүзем эш алып барған. Бер йылдан һуң, ошонда ук, буласак шағир һәм фәйләсуф, башкорт милли хәрәкәтенен күренекле йәш эшмәкәре Ғәбделхәй Иркәбаев (1893-1919) шәкерттәр ойошмаһының эшендә катнаша. 1917 йылдың декабрендә ул күптән түгел генә душлашып алған үзенен буласак аркашшы Шәйехзадә Бабичка, Троицкиза укып йөрөгән заманда Нурый-Әғзәм якташы менән түнәрәктәр ойоштороп йөрөүе, «ихтилал ене кағылып, хөрриәт талап итеп» йөрөүзәре хақында, мәзрәсәнен тәрәкки карашлы мөғәллимдәре – Ғ. Рәсүлев, Х. Терәғоловтарзың уларға булышлык иткәндәре тураһында иҫкә алып һөйлөгән [Йәшлек 2009, 3].

1908 йылда 17 йәшлек Әхмәт-Зәки Вәлидов та, Казанда укып йөрөгән осорза, мосолман йәштәр ойошмаһы эшен күзәтә. Ул үзенен «Хәтирәлә»һендә был берләшмәһенен ойошканлығына һәм эшлеклегенә карамаһтан сәйәси сикләнгәнлеген, тар карашлығын, базнатһызылығын билдәләп үтә [Тоған 1994, 77]. Бөтә донъя «Ислам социализм»ына һәм Рәсәй «Мосолман коммунизм»ына нигез һалыуы, Башкортостанда тыуып үскән мәшһүр инсан, Мирсәйет Солтанғәлиев (1892-1940) үзенен язмаларында 1912-1913 йылдарза Өфө губернаһында ауыл мәктәптәрендә укытыуысы булып эшләгәндә йәш укытыуысылар, талиптар һәм шәкерттәрҙә берләштергән “Татар социалистары хәрби ойошмаһы”н тәзәүе хақында бәйән итә. Был ойошмала иң әүземдәре һәм кыйыузары – башкорт егеттәре булды, тип язып үтә мосолман коммунистарының даһи юлбашсыһы. Бигерәк тә үзенен зирәклегенә һәм ойоштороусы һәләтлегенә менән бөтә губерна масштабында йәш укытыуысы башкорт Гәрәй Кызрасов айырылып торзо, тип яза М.Х. Солтанғәлиев [Султанғәлиев 1992, 404-411]. Мөхтәри Башкортостан йөмһүриәте милли хөкүмәтенен беренсе башлығы (премьер-министры) Ионос Бикбов (1889-1943) Казан университеты юридик факультетында укыған вақытта (1911-1912 йылдар) күренекле татар йәмәғәт һәм сәйәсәт эшмәкәре, Өфө губернаһынан 4-һсе Дәүләт Думаһы депутаты Ибниәмин Әхтәмов етәкләгән мосолман йәштәр союзы эшендә катнашлык итә [Бөрө шишмәләре 2009, 1]. Миһалдарза күренеүенсә, хатта Февраль революцияһына саклы ук башкорт йәштәре дөйөм мосолман-тәрки хәрәкәтендә катнаша башлаған.

Әлбиттә, һан яғынан укыуысы йәштәр һәм йәш зыялылар крәстиән һәм эшсә йәштәрҙән күпкә калышқан, ләкин ижтимағи әүземлегенә һәм сәйәси һәләтлегенә менән ғәйәт өһтөн торған. Калаларза һәм зур ауылдарза мәзрәсәләр, башка укыу йорттары йәштәр хәрәкәтенен уаскарына әйләнә.

Февраль демократик революцияһынан һуң халыктарзың милли азатлык көрәшенә күтәреләүе йәштәр хәрәкәте өһөн иһфрат қулайлы шарттар тызуыра. 1917 йылдың май-июнь айзарында үзаллы башкорт

милли хәрәкәтә (дөйөм мосолман хәрәкәтенән айырмалы, ерле мөхтәрият өсөн көрәшеүсе) хасил булғас, йәштәр ойошмалары ололарзың ышаныслы таянысына әүерелә. 1917 йылдың 16 (29) ноябрәндә Башкорт Үзәк Шураһының башкорттарзың ерле мөхтәриятен иглан иткән фарманы (2-се һанлы) матбуғатта баһтырылғас, Башкорт дәүләтселеге сәйәси теориянан (тәғлимәттән) ысынбарлығка (ғәмәлиәткә) әйләнә. Йәштәр хәрәкәтен ойоштороусылар һәм етәкләү-сәүселәр – Нурий-Әғзәм Таһиров, Шәйехзадә Бабич, Вәли-Раһман Ғәбитов, Ғәбделхәй Иркәбаев һ.б. бөтә Башкортостан берзәм милли йәштәр союзын төзөү планын алға сығаралар. Бәхеткә, бының өсөн озақламай уңайлы ййы ла килеп сыға.

1917 йылдың ахыры, 8-20 декабрәндә (яңыса 21 декабрь – 1918 йылдың 2 ғинуары), Ырымбурза бөйөк тарихи вакиға - Өсөнсө Бөтә Башкортостан (Ойоштороусы) королтайы булып уза. Тулы вәкәләтле милли форум автономиялы (мөхтәри) Башкорт Республикаһын раһлай, ошо мәлдән башкорттарзың милли дәүләтә рәсми һәм легитим рәүештә йәшәй башлай. Ошо бөйөк йыйылыш, ғәмәлдә, бөтә Башкортостан йәштәр берлеген дә ойоштороусы була. Королтай әше барышында уның бер төркөм йәш вәкилдәре һәм йәштәрзән төбәк ойошмалары етәкселәре 18 (31) декабрзә башкорт йәштәренән ойоштороу йыйылышың үткәрәләр. Бына ошо йыйылышта (һуңынан, “ойоштороусы конференция” тип тә атайасақтар) тантаналы рәүештә Башкорт йәштәрә берлеге (союзы) ойошторолоуы һақында иглан ителә. Кызыу бәхәстәрзән һуң беренсә бөтә Башкортостан йәштәр союзына «Тулкын» тигән исем бирелә [Йәшлек 1996, 7].

Башкорт йәштәрә хәрәкәтә тарихының башланғыс осоро иң беренсе башкорт йәштәрә милли союзы ойоштороу менән тамалана. Шулай итеп, милли йәштәр союзы осоро башлана.

Фәнни йәмғәтселеккә бер мөһим тәкдим бар: 31 декабрь көнөн Башкорт йәштәрә союзы көнө тип, тарихи хәтер көнө сифатында қабул итергә кәрәк. Комсомолдың тыуған көнө бар, 29 октябрзә, ә башкорт милли союзыныңкы юк. Был бит тарихи ғәзелһезлек. Башкорт йәштәрә иттифағы етәкселегенә лә был тәкдимдә еткерергә зарури.

Башкорттарзың милли автономиялы республикаһы (1917 йылдың 29 ноябрәндә) Башкорт совет автономиялы республикаһынан (1919 йылдың 20 мартында) байтақ алдарак барлығка килгән кеүек үк, милли башкорт йәштәр берлеге лә комсомолдан күпкә элегерәк төзөлгән. Был дәлилленгән тарихи факт.

Әзәбиәт:

- Йәшлек. 2009. 19 ноябрь. № 135.
Тоған В.З. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 1. Уфа, 1994.
Султанғалиев М.Х. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.
Бөрө шишмәләре. 2009. 29 сентябрь. № 9.
Йәшлек. 1996. 20 август. № 95.

Назарова Г.Г., г. Бирск

ВЛИЯНИЕ КИНЗИ АРСЛАНОВА КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ НА СВОИХ ОДНОСЕЛЬЧАН

Имеется ряд обстоятельных статей и очерков, освещающих кипучую и многогранную деятельность Кинзи в период Крестьянской войны. Вместе с тем нельзя не отметить и того, что, к сожалению, в течение

длительного времени имя его оставалось в тени. Первое более-менее крупное обследование биографии героя было опубликовано известным историком А.Н.Усмановым лишь в 1962 году (Кинзя Арсланов - выдающийся сподвижник . /Исторические записки Института истории АН СССР, т.71, М., 1962). В 1965 году ленинградские историки Ю.А. Лимонов, В.В. Мавродин, В.М. Панеях издали прекрасную книгу «Пугачев и его сподвижники» (М.-Л.:Наука, 1965), в которую включили большую и добротную статью под названием «Кинзя Арсланов и Салават Юлаев». В наше время интересные очерки о национальном герое написаны академиком АН РБ Гайсой Хусаиновым и Рашитом Шакуром. Кроме того, в периодической печати появились статьи ряда историков и краеведов о Кинзе, в том числе публикации А.З.Асвандиярова, И.М. Гвоздиковой, Г.М.Галина и др. Большое внимание уделит предводителям восставших башкир, выдающимся соратникам Пугачева доктор исторических наук В.И. Буганов в книге для учащихся «Емельян Пугачев» (изд-во «Просвещение», 1990).

В 1973-1975 гг. научная общественность страны и Башкортостана широко отметила 200-летие Крестьянской войны 1773-1775 гг. Тогда в связи с юбилеем была проделана огромная работа по изданию документальных источников. К ранее изданным томам «Материалов по истории Башкирской АССР» прибавились такие издания, как «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1775 г.г.» (М.Наука 1975), «Крестьянская война 1773-1775 г.г. на территории Башкирии: Сборник документов» (Уфа,1975) и др.

Этот краткий обзор литературы и опубликованных к настоящему времени документальных источников о Кинзе Арсланове я привел для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, насколько обширна и, по существу, необъятна тема, связанная как с самой Крестьянской войной, так описанием жизни и деятельности ее выдающихся предводителей. Сколько новых ярких, но, к сожалению, и трагических страниц отчаянной борьбы за права и свободу народа предстоит еще открыть будущим писателям, историкам и исследователям.

Осенью 2003 года исполнилось 230 лет начала Крестьянской войны под предводительством яицкого казака Емельяна Пугачева. Она стала кульминацией башкирских восстаний XVIII века, где башкиры, наряду с русскими, были основными участниками в борьбе за свободу. В числе 234 пугачевских полковников было 114 русских и 70 башкир. Среди последних выделяются знаменитый бригадир Салават Юлаев и главный атаман войска из башкир, татар, чувашей, мишарей, марийцев Кинзя Арсланов.

Кинзя Арсланов является одной из ключевых фигур восстания, идеологом и организатором башкирского национально- освободительного движения. Перейдя на сторону Пугачева одним из первых среди башкирских старшин, он был его верным соратником и до конца прошел с ним боевой путь.

В лице Кинзи Арсланова Пугачев приобрел надежного и верного помощника, без чьего совета не принимались никакие ответственные решения. Очень кстати пришлось знание Кинзей русского языка. Им были написаны многие пугачевские манифесты, обращенные к башкирам, татарам, казахам и другим угнетенным народам. Имя Кинзи

Арсланова становится известным среди башкир, а его авторитет склонял на сторону Пугачева многих известных деятелей того времени. Он и его имя становится легендой для многих людей.

Таким образом, Кинзя Арсланов сыграл большую роль в Крестьянской войне и оставался одним из вождей в течение всей войны.

Только во второй половине XX века начало открываться имя идеолога Крестьянской войны Кинзи Арсланова. Выходит в свет роман в трех книгах Гали Ибрагимова «Кинзя», открыт музей национальному герою в его родной деревне Кинзябыз.

Башкирский народ не забыл своего национального героя. Сэсэнэ складывали байты (сказания), из поколения в поколения передавались и передается слава о нем и о его ратных подвигах.

Также в народе складывались кубаиры и передавались из поколения в поколение. Вот один из таких кубаиров:

Кто на свете что оставит:
Богачи - своё богатство,
Сыновей отец - потомство,
Мастера свои работы
Сэсэнэ оставят придания,
Хорошие люди - воспоминания
И славное имя своё.
Батыры оставят славу,
Навеки не забудутся они.

Потомки Кинзи преумножили его славу. Среди его односельчан три Героя Советского Союза и очень много награжденных орденами и медалями.

К началу Великой Отечественной войны в двух деревнях Кинзябыз I и Кинзябыз II начитывалось около 40 дворов. На фронт с 1941 по 1945 гг. ушли на фронт 87 мужчин. Из них 43 погибло. Эти деревни дали для Родины 14 офицеров, в том числе Талха Муратшин занимал генеральскую должность; начальника штаба артдивизии, трех лётчиков, трех Героев Советского Союза.

Один из героев — танкист Гафиятулла Шагимарданович Арсланов. За мужество, отвагу и стойкость в защите Родины в боях с белофиннами ему в 1940 году было присвоено звание Героя Советского Союза (первый человек из башкир, удостоенный этого звания). Г.Ш.Арсланов храбро воевал и на фронтах Великой Отечественной войны, участвовал в освобождении Белгорода, Орла, Курска. Подполковник Арсланов погиб в 1945 году при освобождении Будапешта.

В годы Великой Отечественной войны сражался в составе 112 башкирской кавалерийской дивизии в должности командира отделения Салман Галиахметович Биктимиров, уроженец деревни Кинзябыз. В январе 1945 года за подвиг, совершенный при форсировании Днепра, С.Г. Биктимирову присвоено звание Героя Советского Союза.

Славную страницу в истории деревни Кинзябыз вписал Хасан Назарович Гайсин. В боях с немецко-фашистскими захватчиками он был трижды ранен, но, поправившись, каждый раз возвращался в строй. За образцовое выполнение боевых заданий командования и

проявленные при этом отвагу и героизм в 1945 году Х.Н.Гайсину присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда кинзябызовцы уходили на фронт, они поклялись перед памятью Кинзи Арсланова стать героями. Образ Кинзи они хранили в памяти и в бой шли с его именем. Кинзябызовцы свою клятву сдержали. И о каждом из них можно написать книгу.

Боевой путь кинзябызовца, партизана Арсланова Зинната Шагимардановича, родного брата героя Советского Союза Гафията Арсланова, не изучен. Он после окружения попадает в партизанский отряд. Вот выдержки из газеты «Мглинские Вести» Брянской области:

«Об этом молодом башкирском парне, о герое-партизане до сих пор помнят в Брянщине...» Партизану Зиннату Арсланову поручали самые сложные и ответственные задания. В своей книге И.П.Чуприк-Малиновский и М.Д.Кусачев «Непокоренная земля Мглинская» пишут о подвигах Зинната Арсланова: «... Схватка с полицией в селе Деремна летом 1942 года. Пулеметчик Гриша Арсланов разогнал охрану полицейских, сопровождавших с маслозавода центнер сливочного масла в Мглин для немцев. Захватив повозку с маслом, ворвался в село первым и преследовал полицейских, прятавшихся по закоулкам села. С группой других партизан на территории маслозавода пополнили трофеи флягами со сметаной и молоком, в участковой больнице забрали все медикаменты, предназначенных немцам. В том бою партизаны разгромили полицейский участок и без потерь, с большим трофеем вернулись в отряд.

... Через две недели в боевой операции по уничтожению полицейского гарнизона в селе Вельжичи выбил врага из здания школы, уничтожив предателей и несколько немцев, захватил 30 винтовок, два ящика патронов и много гранат.

Партизанскому отряду было поручено взорвать железнодорожный мост по ж/д линии Орск-Брянск. Этот мост охранялся немецкими солдатами, и невозможно было подойти ближе. С задания не вернулись 2 группы партизан, которые были отправлены взорвать мост. Потом это задание поручают группе Зинната Арсланова. Он со своими боевыми друзьями Николаем Рыжинским и Иваном Шелковским выполняют данное задание и не только взрывают мост, но и уничтожают вражеский эшелон, груженный танками, орудиями, боеприпасами и живой силой противника. Движение поездов было прервано на несколько дней.

Июнь 1943 года. Последняя блокада фашистами Клетнянских лесов, продлившаяся два месяца. Озверелые захватчики, не считаясь с потерями, прорвались к партизанской столице – деревне Мамаевке. На уничтожение партизан было брошено 60 тысяч солдат и офицеров, танки, авиация и артиллерия. Во время кровопролитных боев имя Арсланова стало известно всем партизанам края...»

Бесстрашие, храбрость партизана Зинната Шагимардановича Арсланова, проявленные в составе партизанского отряда, достойны самых высоких наград. А для нас, его земляков, он – настоящий Герой.

После соединения с частями Красной Армии Зиннат Арсланов продолжает свой героический путь в борьбе с немецкими захватчиками в рядах регулярной армии.

Таким образом, каждый кинзябызовец, будучи защитником Отечества от немецких захватчиков, не запятнал имя своего предка и

земляка – национального героя башкирского народа Кинзи Арсланова. В числе таких кинзябызевцев и мой отец, Хусаинов Гариф Абдуллович, 1926 года рождения, уроженец деревни Кинзя-Абыз Куюргазинского района. Он в свои 17 неполных лет добровольцем ушел на фронт, участвовал в снятии блокады Ленинграда, участвовал в освобождении Прибалтики и в мае 1945 года дошел до Берлина. На стенах Рейхстага оставил надпись «Здесь был потомок Кинзи Гариф из Башкирии». Боевой путь моего отца отмечен многими орденами и медалями.

Два внука Гарифа Хусаинова, мои племянники, участвовали в чеченской войне.

История продолжается. А как хотелось бы, чтобы потомки Кинзи, кинзябызовцы, совершали только трудовые подвиги.

Несмотря ни на какие запреты, потомки Кинзи в двух деревнях Кинзяабыз-I и Кинзяабыз-II Куюргазинского района бережно хранили и хранят память о Кинзе Арсланове, продолжают героические традиции служения народу. Именно поэтому торжества по случаю юбилея легендарного земляка 5 сентября 2003 года прошли здесь, на родине героя. С разных концов республики и страны съехались выходцы из этих деревень. Один из них – академик Нурамбик Арсланов, прямой потомок Кинзи Арсланова.

Теперь память национального героя увековечена. В деревне Кинзяабыз открыт музей Кинзи Арсланова. Всем жителям деревни Кинзяабыз была известна местность под названием «эулие кэбере» (Могила святого). Из поколения в поколение в глубокой тайне передавалась легенда о том, что именно здесь, под камнем, испещренным непонятными знаками, похоронен Кинзя Арсланов. Сегодня на этой могиле построено кэшэне, своеобразный мавзолей.

Никонова Л.И., г. Саранск

МОРДВА: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Мордовский народ является крупнейшим народом финно-угорской языковой семьи в Российской Федерации; по переписи 2002 года, его численность составила 843,3 тыс. человек. Однако по объективным причинам мордва широко расселилась по всему Среднему Поволжью, проникла в Заволжье и Южную Сибирь, Урал, Дальний Восток. В 2001 г этнографы (профессор, д.и.н. Л.И. Никонова – руководитель экспедиции, к.и.н. М.С. Волкова, к.и.н. Л.Н. Шанкина, к.и.н. А.П. Терняев – члены экспедиции) провели этнографические экспедиции в Алтайский, Красноярский края и Кемеровскую область. В 2001 г. в Красноярском крае ими были обследованы 6 районов, 9 населенных пунктов: д. Долженково Абанского, д. Михайловка Канского, с. Верхняя Коя и Большая Ничка Минусинского, д. Алексеевка Каратузского, с. Большая Салба Идринского, с. Галактионовка и с. Саянск Краснотуранского районов. В 2002 г. в Алтайском крае были обследованы 3 района, 10 населенных пунктов: пос. Октябрьский, села Таловка, Черепановск Змеиногорского района; пос. Мало-Енисейск, с. Сростки Бийского; пос. Никольск, села Борисово, Черёмушкино, Малый Калтай, Камышенко Залесовского районов. В 2003 г. в Кемеровской области – 3 района, 7 населенных пунктов: Новокузнецкий (д. Шаргонка, с. Кузедеево, с. Николаевка, с. Гавриловка), Ленинск-Кузнецкий (д. Павловка, пос. Свердлово, пос.

Родниковый), Ижморский (с. Островка) с целью сбора этнографического материала о мордве юга Сибири.

В 2004 г. совершена экспедиция на Дальний Восток (рук. — Л.И. Никонова; Л.Н. Шанкина), где были исследованы в Хабаровском крае Совгаванский (пос. Майский, Лососина, Заветы Ильича), Ванинский (Порт Ванино) районы; Приморском крае — Октябрьский (с. Заречное), Усурийский (с. Доброполье), Анучинский (с. Анучино) районы и Сахалинская область (о. Сахалин), г. Александровск-Сахалинский и пос. Ноглики. В сентябре 2005 г. состоялась этнографическая экспедиция на п-ов Камчатка в составе двух ученых: профессора Л.И. Никоновой и к.и.н. Н.Н. Авдошкиной. Были исследованы г. Петропавловск-Камчатский, пос. Эссо Быстринского района, пос. Елизово, Сокоц, Николаевка Елизовского района, пос. Соболевка Соболевского района. В результате экспедиции собран полевой, этнографический материал, печатные источники и литература, сделаны фотографии.

Осенью 2008 года этнографами НИИ при Правительстве РМ — профессором Л.И. Никоновой (руководитель экспедиции) и к.и.н. Л.Н. Шанкиной была совершена этнографическая экспедиция в Иркутскую обл., Забайкальский край, Республику Бурятия и Республику Хакасия. В Иркутской области были исследованы Куйтунский и Тулунский районы. В пос. Уян Куйтунского района мордва переселилась из с. Стандрово Теньгушевского района, в пос. Сосновский Куйтунского района — из с. Чукалы Атяшевского района и с. Большое Нурусово Батыревского района Чувашской Республики, в д. Листвянка Куйтунского района — из с. Вечерлей Атяшевского района. Мордовские переселенцы д. Афанасьева Тулунского района явились выходцами из с. Турдаково и Чукалы Ардатовского района, в с. Гуран Тулунского района — Тягловка Кочкуровского района. Согласно полевым исследованиям, Иркутская область мордвой стала заселяться со второй половины XX в. — в 1950, 1955, 1958, 1960, 1961, 1962 гг. В Забайкальский край, в частности в г. Чита, мордва переехала из с. Луныга Ардатовского района, с. Кулясово Атяшевского района и д. Л. Шентала Клявлинского района Самарской области. Полевые материалы свидетельствуют о том, что мордовское население переселилось в этот край до Великой Отечественной войны (в 1938 г. и в 1955 г.). В Республике Хакасия были исследованы г. Абакан, Боградский и Алтайский районы. В г. Абакан проживают переселенцы из с. Чукалы-на-Веже Атяшевского района и с. Чукалы Краснослободского района. Мордва, проживающие в с. Сарагаш Боградского района — из с. Шугурово Большеберезниковского района. В Алтайском районе было исследовано 6 сел, и география прибывших переселенцев очень обширна. Так, в с. Подсинее живет мордва из с. Шугурово Большеберезниковского района; в с. Краснополье — из с. Мордовские Пошаты и Каньгуши Ельниковского района; в с. Кайбалы — из д. Краснослободск Ельниковского района (которая ныне исключена из списка населенных мест); в с. Красноозерное — из с. Верхняя Лухма Инсарского района, с. Мордовский Шадым Ковылкинского района, с. Паево Кадошкинского района, с. Батушево Атяшевского района; в с. Солнечное — из с. Старое Дракино Ковылкинского района; в с. Аршанов — из с. Новый Мачим Шемьшейского района Пензенской области. По рассказам мордовских переселенцев, они начали переезжать в 1929, с 1937 по 1940, 1953, 1957,

1959 и 1962 гг. Согласно переписи населения 1926 г., в Бурято-Монгольской АССР проживало 92 чел. мордовской национальности. А согласно последней, в Республике Бурятия численность мордвы достигла 685 чел. В Усть-Ордынском Бурятском АО числится 7 чел., в Агинском Бурятском АО — 31 чел. мордовской национальности.

Совершенно неожиданно явилось открытие в результате этнографической экспедиции в марте 2009 г. (Никонова Л.И., Шанкина Л.Н.) мордовского села Калиновка в Тюменской области, основанной в 1924 году. В селе действует музей, занимает призовые места в области фольклорный ансамбль «Ванфтыманя». Согласно Всероссийской переписи 2002 года, в Томской области мордвы проживает 1808 человек, Новосибирской области — 2608 человек, Омской области — 1966 человек. В связи с этим с 7 по 22 июля 2009 г. профессором Л. И. Никоновой, старшим научным сотрудником Л. Н. Шанкиной была совершена этнографическая экспедиция в Западную Сибирь — Томскую (г. Стрежевой и Зырянский район), Новосибирскую (Кыштовский район) и Омскую (Нововаршавский район) области. В августе этого же года Л.И. Никоновой и Л.Н. Шанкиной совершена этнографическая экспедиция в Магаданскую и Амурскую области (Шимановский район) и Республику Саха (Якутия) (Алданский район). В Магаданскую область мордовское население переселилось в 1970 г. из с. Найманы Большеберезниковского района. В Амурской области мордва проживает в г. Шимановске. Сюда мордовское население переселилось из с. Шугурово Большеберезниковского района. Переселение проходило начиная с 1911 г., затем массово заселялись в 1925, 1927 и 1934 гг. Кроме того, мордва переселилась и из с. Мельцаны и Старое Шайгово Старошайговского района (с 1957 г. на Сахалине, а с 1959 г. в г. Шимановске), а также из д. Березовка Горьковской области (с 1928 г.) и г. Нижний Новгород (с 1973 г.). В Республике Саха (Якутия) были исследованы пос. Алексеевск Алданского района, куда мордва переселилась в 1964 г. из с. Пуркаево (ранее Налитово) Дубенского района, пос. Синегорье Алданского района, также из с. Пуркаево Дубенского района, с 1960 г. и г. Томмот, куда мордва заселилась в 1970 г. из с. Мельцаны Старошайговского района.

Согласно Всероссийской переписи 2002 года, общая численность мордвы в Саратовской области составляет 16 523 тыс. человек, из них в Петровском районе — 2604 человек., в т.ч. 1759 проживают в сельской местности и 845 — в городе. С этой целью в 2008 — 2009 гг. впервые были совершены этнографические экспедиции Л.И. Никоновой (руководитель экспедиции), к. и. н. Л.Н. Шанкиной, Т.Н. Охотиной, аспирантом С. А. Махаловым.

В результате этнографических экспедиций устанавливаются научные взаимоотношения между администрациями краёв и областей, научными учреждениями (заключены соглашения о сотрудничестве между Красноярским педагогическим университетом (ректор профессор Н.И. Дроздов), Минусинским региональным краеведческим музеем им. Н.М.Мартыанова (директор заслуженный работник культуры России Л.Н. Ермолаева) и др. Намечены планы по защите диссертаций по мордовской диаспоре на соискание ученых степеней кандидатов исторических наук соискателями из мест компактного проживания мордвы (Омской, Шимановской, Кемеровской областей, Алтайского края и др.). По результатам

экспедиций изданы несколько томов по проекту «Мордва России» (Мордва юга Сибири 2007; Мордва Саратовской обл. 2009; Мордва Западной Сибири 2009; Мордва Дальнего Востока 2010) и готовятся более 5 рукописей коллективных монографий по результатам изучения мордовской диаспоры в вышеуказанных регионах Российской Федерации. Планируются экспедиции по РФ, в т.ч. и на Урал.

Литература:

Мордва юга Сибири / Л.И. Никонова [и др.] ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2007. – 312 с. + 64 илл.

Мордва Саратовской области : в 2 ч.. Часть 1. Петровский район / Л.И. Никонова, Л.Н. Шанкина, Т.Н. Охотина, С.А. Махалов; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. – Саранск, 2009. – 200 с. + 60 л. илл. (сер. «Мордва России»).

Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Часть 1. Село Калиновка : сибирская история и мордовские традиции / Л.И. Никонова, Л.Н. Шанкина, Ж.В. Шерстобитова ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. – Саранск, 2009. – 112 с. + 84 л. илл. (сер. «Мордва России»).

Мордва Дальнего Востока / Л.И. Никонова, Л.Н. Шанкина, Н.Н. Авдошкина, В.П. Савка ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2010. – 312 с. + 80 л. илл.

Никонорова Е.Е., г. Уфа

ИСТОКИ АППЛИКАТИВНОГО ДЕКОРА НА БАШКИРСКОЙ ОБУВИ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕПНЫХ И ТАЕЖНЫХ КУЛЬТУР НА УРАЛЕ И АЛТАЕ

Ярким элементом традиционного башкирского костюма была обувь с кожаной головкой и с суконным голенищем (*сарык, ката*). Узоры, наносимые на праздничную женскую обувь такого типа, составляли особую группу в башкирском орнаменте.

Сарыки представляют собою тип обуви, который был широко распространен в Сибири, у народов Северного Алтая, – это тип обуви пеших охотников [Шитова 1976, 58-60]. Сапоги с суконным верхом встречались у алтайцев, шорцев, хантов, кетов, селькупов, с холщевым голенищем – у хакасов, сагайцев, бельтиров [Там же]. Перечисленные народы, так же как и башкиры, применяли в качестве стельки сухую траву или солому. У шорцев эта обувь бытовала под тем же названием, что и у башкир – «шорык», «чарык». С.Н. Шитова отмечала, что «народы Поволжья, в том числе тюркские, такой обуви не знали». Не была известна такая обувь и народам Средней Азии.

Орнамент сарыков – явление самобытное, не имеющее прямых аналогий в искусстве других народов. Близкая художественная традиция известна нам только по археологическим данным. Исследователи традиционной культуры и искусства башкир связывали происхождение аппликативного орнамента *сарыков* с древними художественными традициями Южной Сибири и Алтая [Руденко, 2006, 249; Авижанская 1964, 125-126; Шитова 1995, 148; Бикбулатов, Кузеев 1964, 242]. Археологические памятники скифо-сарматского времени на Алтае содержали богатейшие материалы для сравнительного анализа и легли в основу таких утверждений. Находки дали многочисленные образцы аппликативных узоров, которые графически и стилистически очень близки орнаменту аппликации на голенищах башкирской обуви. Сходство обнаруживает не только графика мотивов, но и технология,

цветовое решение, композиционные приемы, круг украшаемых предметов. Выявленный комплекс аналогий между двумя художественными традициями не оставляет сомнений в их преемственности.

Сопоставление башкирской аппликации с материалами из алтайских памятников обусловлено, прежде всего, хорошей сохранностью их вещевого материала и, следовательно, возможностью проведения анализа однородных по технологии и материалу изделий по комплексу взаимосвязанных признаков. Сарматские памятники Южного Урала не дают такой возможности, и все же в них присутствуют предметы, которые стилистически и графически очень близки к рассмотренной орнаментальной традиции в целом, и силуэтным узорам на сарыках в частности. Такие аналогии обнаруживают золотые оковки для краев деревянных чаш. При том, что эти изделия имеют иной материал и назначение, они близки к аппликации технологически: оковка вырезалась из тонкой золотой пластины и затем накладывалась на деревянную поверхность, к которой она «пришивалась» мельчайшими гвоздиками. Как и в аппликации, у части оковок основным декоративным средством является выразительный силуэт, в котором главенствуют спирали и завитки. Привлечь для сопоставлений этот материал позволяет не только внешне и технологическое сходство золотых оковок и аппликаций, но и их возможная глубокая генетическая связь [Руденко 1961, 54]. До нас не дошли одежды ранних кочевников Южного Урала, их предметы из мягких, легко разрушающихся материалов. Но, возможно, они были схожи с образцами из алтайских курганов. Основанием для такого предположения служат выявленные тесные культурные связи населения Южного Урала и Горного Алтая в V-IV до н.э. [Перевозчикова 2007, 61-62; Королькова 2006, 138; Савельев 2006, 102, 103; Савельев 2008, 72].

В присутствии в башкирской культуре художественных традиций, генетически связанных с искусством племен скифо-сарматского круга, нет ничего удивительного. С одной стороны, в древности территории, прилегающие к Южному Уралу, были заселены племенами кочевников, принадлежащих к скифо-сарматскому миру. На территории Южного Урала и Приуралья фиксируется топонимика иранского корня. Взаимодействие с «сармато-аланским» населением отразилось в этнонимии ряда древнебашкирских племен, оформившейся «на иранской языковой почве» [Кузеев 1974, 429]. Иранизмы присутствуют и в языке башкир.

При том, что существовали различные возможные пути проникновения «иранизмов» в материальную культуру и искусство башкир, рассмотренные нами традиции аппликации следует признать субстратным явлением, воспринятым на территории Южного Урала [Никонова 2009, 175].

В ходе исследования мы пришли к парадоксальным, на первый взгляд, результатам: орнамент, восходящий истоками к традициям ранних кочевников, был связан исключительно с обувью, характерной для таежных охотников Сибири. На наш взгляд, эти обстоятельства могут быть объяснены тем, что древнее населенное Южного Урала,

передавшее рассмотренные художественные традиции, расселяясь на границе природно-ландшафтных зон, имело «миксированный» культурный облик, сочетавший в себе таежные сибирские черты и традиции ранних кочевников. Возможность такого синтеза подтверждают материалы по культуре древнего населения Горного Алтая: в культуре пазырыкцев отмечаются элементы, имеющие аналоги у таежных народов Сибири. На Урале такое сочетание традиций могло быть «унаследовано» сарматскими племенами, в культуре которых были сильны алтайские связи. В лесостепном Приуралье ярким примером «миксированной» культуры является кара-абызская. Наслоение и смешение традиций для пограничья леса и степи представляются явлением закономерным. Н.В. Кошечков отмечал, что «Этнокультурные связи народов Великой Степи и Великой Тайги нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании археологами, этнографами, лингвистами, историками культуры» и что без учета этих этнокультурных связей «невозможно понять и объективно оценить многие особенности их истории, быта, хозяйства, культуры и искусства [Кошечков 1997, 149].

Показательно, что сарыки, имеющие столько аналогий своему декору в искусстве сарматского населения Урала и Сибири, бытовали у башкир там, где сибирские элементы в материальной культуре были представлены наиболее явственно и массово – в горах Южного Урала и в Зауралье [Шитова 1976, 93]. С.Н. Шитова отмечала, что сибирский пласт в башкирской традиционной культуре не был однородным явлением и формировался он не одновременно: сибирские напластования в башкирской культуре «органично слиты в культурный комплекс», в котором преобладающими являлись саяно-алтайские черты. [Там же]. Историко-культурные связи Урала и Алтая существовали как в древности, так и в средневековье. На Алтае мы находим ближайшие аналогии рассмотренной башкирской традиции как в археологических материалах (орнаменту и технике аппликации), так и в этнографических (типу обуви, ее названию и способу ношения).

Литература:

Авижанская С.А. Аппликация// Декоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа, 1964.

Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Башкирский орнамент как исторический источник// екоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа, 1964.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб, 2006

Кошечков Н.В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей (на материале декоративно-прикладного искусства. – 1997

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М., 1974

Никонорова Е.Е. Скифо-сарматские художественные традиции в декоре башкирской обуви: к проблеме Урало-Алтайских связей// Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международный конгресса средневековой археологии евразийских степей. – Казань, 2009

Перевозчикова Е.В. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из I Филипповского кургана)// Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Тр. САИПИ. Вып. 3.– Барнаул, 2007

Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961

Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация// Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III – М., 2008

Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык// Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа: Гилем, 2006

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995.

Шитова С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир// Этнография Башкирии. – Уфа, 1976

Новикова О.И., г. Уфа

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

В современных условиях возрастает интерес к проблемам культуры. Выход из кризиса, поиск новых путей развития, формирование нового общественного сознания, с одной стороны, и проблема существования и функционирования культуры в условиях рынка, с другой, требуют критического, объективного исследования и анализа политики в этой области. Ведь культурная политика является существенным явлением в жизни любого современного общества. Именно с помощью культурной политики делаются попытки установить формальные границы творческой деятельности, ее направления и приоритеты; именно культурная политика определяет степень влияния различных субъектов культурной жизни общества на процессы, происходящие в этой сфере; она же во многом влияет на взаимоотношения участников культурного процесса. В конечном итоге именно культурная политика в большей степени определяет состояние всей сферы культуры в данном обществе.

Культурная политика является формой проявления взаимосвязи политики и культуры. Связь политических и культурных сфер обусловлена многими причинами. Сама сфера политики представляет собой результат социально-культурной деятельности, созданный обществом на определенном этапе своего развития. Политика, в сущности, является одной из форм бытия культуры в государственно-организованном обществе. Кроме того, культура, так же как и политика, выполняет регулятивную функцию по отношению к процессам, происходящим в обществе. Важнейшей же причиной пристального внимания политической сферы к культуре, видимо, является то, что последняя выступает в качестве основного механизма социализации личности.

Следует признать, что культура в новой России перестала выполнять свою важнейшую общественную функцию – поддерживать стандарт гражданской нравственности. Капиталистическая «рационализация» отрезала население не только от высокой культуры, но и от культуры вообще.

Для выхода из кризиса необходимо проанализировать опыт предыдущих поколений, извлечь из минувших событий определенные практические выводы. Изучение культурной политики государства в послевоенные годы становится более ценным, если принять во внимание следующее - важной позитивной чертой централизованной модели управления является то, что в этом случае все материальные средства, направляемые на развитие культуры, находятся в одних руках, что позволяет оказывать существенную финансовую помощь целым отраслям культуры и осуществлять дорогостоящие культурные проекты общегосударственного масштаба.

Анализ источников и литературы позволяет определить политику советского государства в сфере культуры в послевоенные годы как политизированную. Политизированная культурная политика характерна для стран с авторитарным или тоталитарным режимами правления. В этом случае в роли единственного субъекта культурной политики выступает государство. Контроль над средствами массовой коммуникации и все функции управления культурными процессами концентрируются в руках государственных административно-бюрократических органов, которые устанавливают очень жесткие рамки творческой деятельности и сами производят отбор созданных культурных благ в соответствии с теми же разработанными шкалами определения ценности этих благ. Как правило, ценность культурной продукции ставится в прямую зависимость от ее соответствия официальной идеологии, по этому же критерию производится и отбор этой продукции. Созданные культурные блага приобретают характер идеологии и практически всегда имеют ярко выраженную политическую окраску. Основной целью государства как субъекта культурной политики в данном случае будет являться формирование не просто пассивно-оляльного по отношению к нему члена общества, а активно поддерживающего власть гражданина.

Однако нельзя не заметить, что постановления партии и правительства, усиливая цензуру, в культуре послевоенного времени перекрывали дорогу хамству, пошлости, безнравственности, то есть всему тому, что внедряют сейчас в нас средства массовой информации. В современной ситуации, когда общество столкнулось с проблемой существования и функционирования культуры в условиях рынка, когда стала реальностью угроза ее растворения, нивелировки под натиском безликих стандартов общемировой поп-культуры, необходимы внимание и реальная помощь государства.

Овсянников В.В., г. Уфа

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РАЗВИТИИ ИСКУССТВА ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР ПРЕДУРАЛЬЯ И ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Мощное влияние скифо-сибирского звериного стиля на развитие искусства областей, расположенных к северу от степной зоны, общеизвестно. Многие образы пермского и западно-сибирского звериного стиля берут свое начало в скифо-сибирском искусстве. В роли посредника между миром лесных и степных культур, как правило, выступало население лесостепной зоны. В их среде происходило накопление, отбор и своеобразное преломление образов и сюжетов, характерных для скифо-сибирского искусства, которые затем, как по эстафете, передавались дальше на север. В роли такого медиатора в Предуралье выступало население, оставившее памятники кара-бызской культуры, а в лесостепном Приобье — культуры большереченской общности [Троицкая, 2000]. Наиболее ярко влияние скифского искусства проявилось в бронзовой зооморфной пластике.

В Предуралье наиболее интенсивные контакты кочевого и оседлого населения прослеживаются с рубежа V—IV вв. до н.э. [Овсянников, 2003]. В этот период в памятниках оседлого населения появляются

образцы скифо-сибирского звериного стиля и их дериваты. Встречены изображения кошачьих, оленей, медведей, грифонов, реже баранов, рыб и сцен терзания [Овсянников, 2006]. Наиболее популярными стали изображения медведей, оленей и грифонов.

Зооморфные изображения наносились на бронзовые детали костюма: пояс – пряжки и накладки; одежда – бляшки и нашивки. Большинство предметов с зооморфными изображениями происходит из женских захоронений. Отличительной особенностью кара-абызской культуры является зеркальное заимствование южных традиций. Зооморфные пряжки, бляхи и накладки, известные у кочевников как атрибуты воинского статуса или принадлежности конской узды, у лесостепного населения Предуралья в большинстве случаев встречаются в составе украшений женского костюма, вообще отличающегося обилием металлических деталей [Пшеничнюк, 1973, рис. 13-14].

Поскольку подавляющее большинство зооморфных предметов в Предуралье происходит из закрытых комплексов (погребений), мы имеем возможность хронологически проследить эволюцию наиболее популярных в кара-абызской среде образов животных.

В IV в. до н.э. довольно часто на женских поясах встречаются парные бляхи с изображением оленей. Все бляхи, несмотря на различное качество исполнения, придерживаются одной и той же иконографической позы: стоящий олень на четырех ногах, соединяющихся внизу в сплошную линию; поднятая, смотрящая вперед голова с закинутыми на спину ветвистыми рогами, опушка на груди. На некоторых бляхах просматривается изображение головы орлиного грифона в абрисе тела и на рогах.

Такая поза оленя не характерна для классического изображения этого животного в скифском искусстве. До недавнего времени единственные аналогии данному типу изображений указывались Н.Л. Членовой в Минусе [1962, табл. IV, 21-23]. После исследования Филипповского курганного могильника в Оренбургской обл. были получены многочисленные образцы скифо-сарматского звериного стиля, среди которых значительную долю представляли изображения оленей [Пшеничнюк, 2006, рис. 4-9]. Среди последних встречены и иконографически близкие кара-абызским [Королькова, 2006, с. 38-45]. Однако филипповские и кара-абызские олени практически синхронны (V-IV вв. до н.э.), к тому же на оленях Филипповки нет изображений грифона (рис.1;9). Из этого можно заключить, что эти изображения относятся к параллельным линиям, развившимся из одного источника.

Эту мысль подтверждают также изображения рогатых хищников (медведей?) из памятников Приобья [Фролов, 2003, рис. 1; 3,6]. Поза животного и стилистические особенности изображения сближают их с кара-абызскими оленями, и создается впечатление, что они восходят к какому-то общему образцу (рис.1;11-12).

В 2009 г. на территории Башкирского Предуралья в ареале кара-абызской культуры была найдена коллекция предметов, среди которых есть бронзовая фигурка оленя (рис.1,1). Поскольку условия и обстоятельства находки остались неизвестны, дату предмета остается определить лишь с помощью аналогий. Судя по шпенькам, имеющимся на фигурке, этот предмет является деталью конской узды. Зооморфная уздечная гарнитура с подобным креплением известна в

комплексах Южного Приуралья к.VI-V вв. до н.э. (Бесоба к.5,9; Сынтас к.1; Пятимары I к.8; Новый Кумак к.7) [Ocig-Gorjaeva, 2005, abb. 91,3;104,4b;106,5].

Более ранняя дата по сравнению с кара-абызскими оленями определяется также по качеству изображения. Все детали фигурки хорошо проработаны. В тело оленя вписана голова орлиного грифона, при этом глаз грифона приходится на плечевой сустав, а клюв формирует линию спины и крупа. При этом задняя часть туловища оленя, повторяя форму клюва грифонецкой головы, получает характерный впалый живот. Благодаря этой находке становится понятной стилистическая особенность изображения у животных на кара-абызских и приобских бляшках впалого живота и округлости на плече – как рудимента, оставшегося от клюва грифона (рис.1;2,11-12).

Рога также изображены в виде головок грифонов. Голова оленя и передняя часть тела с опушкой переданы достаточно реалистично, что делает, несмотря на ряд фантастических деталей, животное вполне узнаваемым. Это – благородный олень, подвид – алтайский марал (*Cervus elaphus sibiricus*), обитающий до сих пор на Алтае и Саянах [Млекопитающие...].

По степени проработки деталей все кара-абызские бляшки с оленями можно выстроить в эволюционный ряд: от наиболее четких изображений, на которых прослеживаются такие детали, как головки грифонов на отростках рогов, до совершенно размытых фигур, сохраняющих лишь общий абрис изделия [Савельев, 2008, рис.6]. Такая деградация образа, с одной стороны, связана со способом изготовления оленных блях. В качестве матриц использовались изготовленные ранее бляхи. Качество исполнения зависело от квалификации мастера и степени понимания им образа. В первую очередь с оленных блях исчезают изображения грифонов, на отдельных бляхах прослеживающиеся как уже непонятные элементы орнамента (рис.1;2-3,5,7). Параллельно с «матричным» способом изготовления практиковалось изготовление совершенно стилизованных фигурок, в которых узнать оленей довольно сложно без обращения к оригиналу (рис.1; 4,6,8).

Описанная эволюция образа оленя в кара-абызской культуре происходит на протяжении IV в. до н.э. К концу III в. до н.э. изображения оленей полностью деградируют и в ряде случаев полностью теряют узнаваемость. Аналогичный процесс отмечает на материалах Приобья Я.В. Фролов [2003, с.213]. Здесь, кроме утери отдельных деталей, фиксируется замена образа животного. В частности, на фигурке из могильника Почта-3, изначально изображавшей хищника из породы кошачьих (рис.1;15), голова проработана в сторону усиления медвежьих черт [Там же, с. 213]. Иконографически близкие бляшки тоже с медвежьими чертами известны в лесостепной саргатской культуре (рис.1;16). Прототипом для этих изображений могли служить бляшки, подобные найденным в Филипповском могильнике в погр. 4, кургана 4 (рис. 1;14).

Вообще, несмотря на многочисленность изображений кошачьих в скифо-сарматском зверином стиле [Королькова, 2006, табл. 28], этот образ не прижился в лесостепных культурах. В кара-абызских древностях известны только два предмета с их изображением. Причем

один из них находит близкие параллели в искусстве Верхнего Приобья (рис. 1;10). Этот факт еще раз обращает наше внимание на возможность существования общего источника заимствования зооморфных образов предуральским и приобским лесостепным населением. Дальнейшего развития изображение кошачьих на кара-абызской почве не получило. В Приобье этот образ был переработан уже в среде лесного населения в медведей и лосей. Вероятно, прав Я.В. Фролов, объясняя этот факт отсутствием объекта изображения в интересующей нас лесостепной зоне [Фролов, 2003, с. 216].

Таким образом, прослеживается общая тенденция, характерная для лесостепных культур: многократное копирование предметов скифо-сибирского звериного стиля «матричным» способом, что, в конце концов, приводит к искажению либо замене образа изображаемого животного. Это говорит об общем уровне бронзолитейного производства рассматриваемых лесостепных сообществ и одинаковом восприятии импортных зооморфных образов.

Для Верхнего Приобья период активного заимствования и переработки звериного стиля датируется VI–V вв. до н.э. В Предуралье подобный процесс характерен для V–IV вв. до н.э. Одновременно в обоих регионах фиксируется проникновение кочевых групп населения.

Схожесть процессов проникновения сюжетов и образов звериного стиля кочевников в культуру оседлого населения лесостепной зоны Предуралья и Приобья и их относительная одновременность (VI–V–IV вв. до н.э.) может объясняться общеисторической ситуацией. В VI–V вв. до н.э. в результате расширения владений Ахеменидов, а также активизации внешней политики государств Китая в степи Южного Приуралья, Западного Казахстана и Алтая усиливается приток кочевого населения [Марсадалов, 2004, с.76]. По мнению А.Д. Таирова, какая-то часть кочевников Восточного Туркестана вошла в состав кочевников Северного Казахстана и принесла на Южный Урал и Верхнее Приобье среди прочего и новые образцы звериного стиля [Таиров, 2006, с. 136].

В этот период бурных перемен и сложения новых культурных образований на Алтае – пазырыкской культуры, на Южном Урале – прохоровской лесостепные пространства попадают в сферу влияния кочевого населения. Формирующиеся здесь сообщества включают в себя группы пришлого кочевого и местного оседлого населения. Именно в этой смешанной среде и шел активный процесс заимствования и переосмысления звериного стиля, его «подгонки» под новое формирующееся синтезированное мировоззрение.

В последующее время в Верхнем Приобье с IV в. до н.э., а в Предуралье с III в. до н.э. наблюдается постепенное исчезновение зооморфных предметов как в могильниках, так и на поселениях. Аналогичный процесс характерен и для степных памятников. В погребениях IV–II вв. до н.э. находок в зверином стиле значительно меньше, нежели в предшествующее время. Это говорит о сохранении общих тенденций в развитии культуры степного и лесостепного населения. Дальнейшее развитие образов скифо-сибирского звериного стиля в Приобье происходит в кулайской среде [Фролов, 2003, с.220], а из лесостепного Предуралья этот процесс перемещается в лесное Прикамье.

Литература:

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб., Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – 242 с.

Млекопитающие Советского Союза. Под ред. В. Г. Гептнера и Н. П. Наумова. – М., 1961. Т. 1.

Овсянников В.В. Динамика взаимодействия кочевого и оседлого населения Приуралья во 2-й половине I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2003. – С. 74-76.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа, 2006. – С. 171-179.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1973. Т. 5. – С. 162-243.

Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа, 2006. – С. 26-37.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Отв. ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург. Издательство ОГПУ, 2008. – 206 с.

Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Под ред. Л.Т. Яблонского. – Оренбург, Печатный дом «Димур», 2008.

Таиров А.Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ, № 1, 2006. – С.132-140.

Троицкая Т.Н. Характер взаимосвязей кулайской культуры с культурами большереченской общности // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск. 2000.

Фролов Я.В. К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. – С. 210-220.

Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА, № 115. – М., 1962. – С. 167-203.

Ocir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschirr aus Choseutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Mainz, 2005. 184 p.

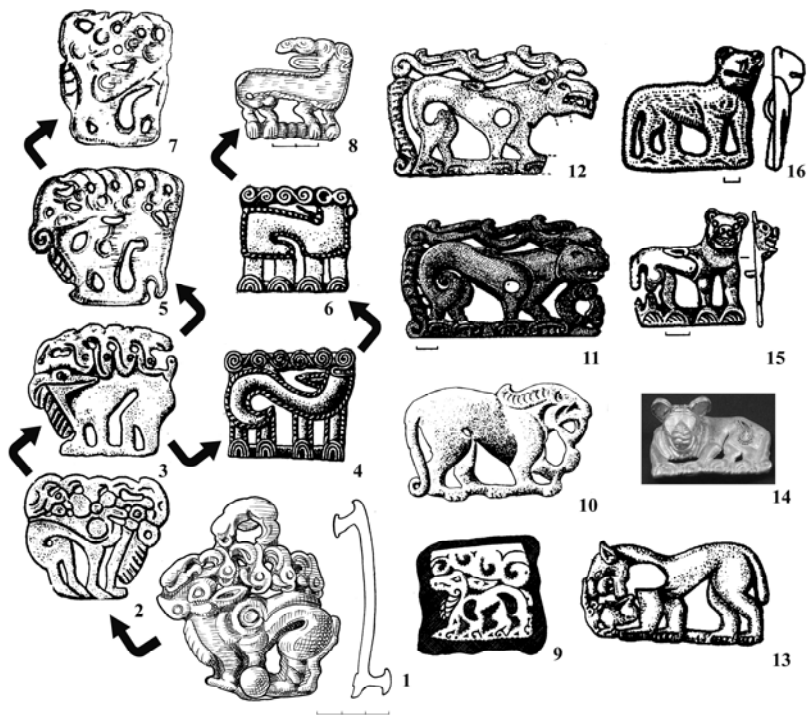

Рис. 1. Предуральские и Приобские зооморфные бляхи и их аналогии.

1 – Курмантай; 2-3 – Биктимирово III; 4 – Уфимский могильник; 5, 7 – Охлебино; 6 – Биктимирово; 8 – Курмантай; 9 – Филипповка к. 1; 11 – Новый Шаран I; 12 – Новоалтайский могильник; 13 – Бердск; 14 – Филипповка к. 4; 15 – Почта-3; 16 – Речкина-2 (11-13, 15-16 – по Я.В. Фролову [2003, рис. 1]; 14 – по Л.Т. Яблонскому [Сокровища... с.93 № 21]).

Очир-Гаряев В.Э., г. Элиста

КАЛМЫКИ И БАШКИРЫ

Межэтнические контакты калмыков с башкирами имеют длительную во времени и сложную по содержанию историю. Взаимоотношения двух народов на протяжении XVII-XIX вв. претерпевали изменения полярного свойства – от прямых вооруженных столкновений до вполне дружественных. Более того, истории известны случаи ассимиляции отдельных групп калмыков в составе башкирского этноса. Об исторических предпосылках этого явления можно узнать из книги И.Г.Георги: «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», в котором сообщается о трех деревнях калмыков в Уфимском наместничестве. Эта небольшая группа калмыков образовалась из выходцев киргиз-кайсацкого плена, куда они попадали со степей Калмыцкого ханства во времена

правления Аюки, почему их и стали называть «аюкинскими». В плену они перешли в магометанство, а поэтому в Оренбургском крае их поселили среди новых единоверцев – башкир, с которыми в 1771 году И.Г.Георги застает их на восточной стороне Уральского хребта, в Челябинском округе, где они жили отдельной волостью (аймаком), в количестве 100 семей. По словам И.Г.Георги, «башкирцы приняли их благосклонно, отвели им луга для пастьбы скота, выдали за них дочерей своих. Дети их...расположением лица и большими ушами совершенные калмыки. Вместо подати отправляют они казацкую службу, и когда потребуется наряд на службу купно с башкирцами, то выставить могут более пятидесяти человек конных» [Георги 1779, 23].

По данным «Истории сел и деревень Башкортостана» (1994), в XVII-XVIII вв. в сословие башкир Челябинского уезда были причислены калмыки (часть жителей деревень Абилтаево, Абтикаево, Арсланово, Абдулманово, Мурзабаево, Саитбатталово). К середине XVIII века они растворились в среде башкир и стали такими же вотчинниками – владельцами общинных земель, выполняли те же повинности, что и башкиры-вотчинники. Они стали башкирами как в сословном, так и в этническом отношении. Отличались от коренных жителей лишь одним – своим происхождением. В свое время на это указывали и сами башкиры. Для этого достаточно сослаться на наказ башкир Уфимской провинции, представленный в Уложенную комиссию депутатом от башкир, старшиной Тайнинской волости Туктамышем Ишбулатовым, где говорится: «А другие башкиры, названные калмыцкого роду, которые единого с нами магометанского закона состоят, а произошли в древние еще времена от калмыцкого рода и так называются потому званию рода калмыцкого башкирцы». Наконец, в XVII-XIX вв. в составе башкирского народа ассимилируются этнические группы калмыцкого происхождения – *һарт калмак* (сарт-калмыки) [Гарипов, Кузеев 1971, 219].

О широте и глубине этнокультурных связей калмыков с башкирами свидетельствуют и данные родоплеменной этнонимии обоих народов. Так, например, Р.Г.Кузеев, рассматривая родоплеменную этнонимию башкир XVII-XVIII вв., указывает на инфильтрацию в состав башкир новых этнических групп соседствующих народов, в числе которых названы и калмыки. Как отмечает Р.Г.Кузеев, проникновение в башкирскую среду небольших групп калмыков, постепенно обсякаясь, продолжалось до XIX века [Кузеев 1973, 20].

О былых контактах калмыков и башкир свидетельствуют и данные топонимии и антропонимии. Так, этнотопоним *калмык* присутствует в макро- и микротопонимии Башкортостана: нас. пункты *Калмаково*, *Калмыково*, *Калмакулово*, *Калмакларово*, гора *Калмак караулы* (Калмыцкий караул), улица *Калмак урамы* (улица Калмыцкая) [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980, 84; Хусаинова 2002, 24]. Этноним *калмык* (*калмак*) присутствует и в башкирской антропонимии: *Калмак*, *Калмакай*, *Калмаккол*, *Калмак-Мулла* [Ураксин 1973, 87].

Важно отметить, что в родоплеменной структуре башкирского народа, кроме этнонима *калмык* (*калмак*), имеет место и этническая группа *мангул* (т.е. «монгол»). Как отмечает З.Г.Ураксин, этнические наименования *мангул* и *калмык* характерны для носителей восточного

диалекта башкирского языка [Ураксин 1975, 145]. Наличие монгольского компонента в башкирской топонимии отмечено многими исследователями [Камалов 1971; Шакуров 1986; Хисамитдинова 1991]. А.А.Камалов справедливо сближает *Өргөн* (название озера в Учалинском районе РБ) с монг. *өргөн* «широкий», *Өсан* (правый приток реки Ика) с монг. *усан* «вода, река» [Камалов 1971, 287]. По данным Р.З.Шакурова, «наибольшей концентрацией монгольского топонимического пласта отличается башкирский северо-восток и Демский бассейн — это территории монгольской миграции в Башкортостане в XIII-XIV вв. ... Бассейн Демы был ареной активного этнического взаимодействия башкирских и монгольских племен, что и нашло отражение в топонимии данного региона» [Шакуров 1986, 123-124].

Что касается этнонима *башкир* (*башкорт*), то в калмыцком языке он закрепился слабо, исключения составляют некоторые антропонимы прошлой эпохи — *Башкир* (*Башкр*). Так, в «Именном списке калмыков, принимавших участие в войне 1812 года» упоминается *Башкир Дорчинов*, который участвовал при взятии Парижа, за что был награжден двумя серебряными медалями [Прозрителев 1912, 32]. Судя по историко-литературным и фольклорным произведениям, калмыки называли башкир *иштыг мангад* (т.е. *иштяки-мангыты*) или *ишткюд* (множ. число от *иштыг*). В родоплеменной структуре калмыков известна этническая группа *ишткюд* «башкиры», наряду с *хасеуд* «казахи», *орсуд* «русские», *шеркш* «черкесы» и т.д.

Литература:

Гарипов Т.М., Кузеев П.Р. Башкирские родоплеменные названия и их алтайские параллели // Проблема общности алтайских языков. — Л., 1971.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть IV. — СПб, 1799.

История сел и деревень Башкортостана. — Уфа, 1994.

Камалов А.А. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. — Уфа, 1971.

Кузеев Р.Г. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья — 3. — Уфа, 1973.

Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмыков. — Ставрополь, 1912.

Ураксин З.Г. Башкирские антропонимы из этнонимов // Ономастика Поволжья — Уфа, 1873.

Ураксин З.Г. Некоторые проблемы сравнительного изучения фразеологии тюркских и монгольских языков // Проблемы алтаистики и монголоведения. — М., 1975.

Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана. — Уфа, 1992.

Шакуров Р.З. По следам географических названий. — Уфа, 1986.

Пислегин Н.В., г. Ижевск

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК...

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой»

В середине 1830-х гг. Н.В.Гоголь создал «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Примерно тогда же в сотнях верст на восток, в приуральской провинции, сарапульском захолустье Вятской губернии, началось уголовное дело «о противозаконных сборах денег с новокрещеных вотяков на постройку дороги». Инициатором, по-видимому, стал уездный стряпчий Степан Каврайский.

7 июля 1835 г. датирован один из его рапортов на имя губернского прокурора относительно произведенных им в мае секретных «узнаниях» о незаконных сборах. Слухи привели первоначально в Даниловскую волость. Здесь отрешенный земским исправником Коннадом волостной голова Д.И. Кулемин сообщил о сборе по 80 коп. с ревизской души, производимом писарем Злобиным за освобождение от исправления дорожного участка, который на самом деле был в порядке. Многие крестьяне отдали от 28 до 80 коп., поскольку Злобин действовал именем исправника и уверял, что «если каждый не отдаст такового количества, то он проморит их на дорожном участке все лето». По утверждению ряда крестьян, указания о сборе давались и лично исправником. Деньги собирались через выборных и рассыльных и передавались «приезжавшему от исправника находящемуся у него в услужении мальчику». Помимо избавления от ремонта дорог обещали в будущем выделять дорожные участки в пределах волости, уменьшить сборы в хлебные магазины и «отделить татар особою волостию». По «признанию» самого Злобина, в Даниловской волости было собрано более тысячи рублей («в числе коих часть и на меня», т.е. на Каврайского). По уезду незатронутыми, утверждал писарь, остались лишь Арефьевская и Сияг-Зюмьинская волости: «собрано, как значится в записке мальчика исправника Митьки, кою он ему, Злобину, якобы показывал, с Дебесской три тысячи руб., Дробино-Алтынской две тысячи пятьсот руб., Шарканской две тысячи восемьсот руб., Чутырской две тысячи пятьсот руб., Пургинской до одной тысячи руб., Бурановской тысячу пятьсот руб. и Быргындинской тысячу руб.». По выражению сарапульского стряпчего, деньги брать способствовали «одни плуты, называемые коштанами» [ГАКО 21-1394, 11-14, 15, 42]. По охвату населения масштабы «действия», похоже, были вполне сопоставимы со сбором государственных податей: к примеру, в 1836 г. в Даниловской волости проживало 4220, Шарканской — 4571, Быргындинской — 1292 ревизских душ [ГАКО 574, 374-392]. В конце рапорта С. Каврайский просил организовать «строжайшее исследование» с предварительным отрешением от должностей волостных начальников и особенно писарей, поскольку в противном случае крестьяне «из страха не будут показывать истины» [ГАКО 21-1394, 14 об.]. В очередном секретном рапорте уездный прокурор докладывал о новых свидетельствах, отобранных им в Шарканской, Бурановской, Чутырской и Дебесской волостях. В Дебесах дворянский заседатель Шамаков вообще заявил ему: «Стряпчий пуще жандарма должен знать все, а ничего не знает, не знает даже и того, что ныне по Дебесской волости был на дворянского заседателя, находящегося при препровождении арестантов на Дебесской станции, Миславского сбор». Смотритель Попов и «из вотяков новокрещен» Трошка подтвердили слова Шамакова. Трошка сообщил, что по Дебесской волости крестьянские выборные готовили мзду для земского исправника Коннада, находившегося в селе для «уравнения волостей» советника казенной палаты Макарова по 25 коп. и для упомянутого Миславского по 5 коп. с души. Свидетели от «дачи сказок» отказались «из страха к земской полиции и нагаек» [ГАКО 21-1394, 15-16 об.].

16 июля губернское правление приказало провести расследование слободскому уездному судье Емичеву и губернскому казенных дел стряпчему Усольцову. На время следствия исправник Коннад был отрешен от должности [ГАКО 21-1394, 25об.]. Сведения, сообщенные Каврайским, стали подтверждаться. В частности, на очной ставке «выборные и прочие крестьяне» опознали мальчика исправника, правда, «к уличению ясных доказательств не представили» [ГАКО 21-1394, 34об.-35]. Жители д. Сабанчиной и поч. Сутягина «сделали объявление» о том, что за отказ полностью выплатить вытребованную сумму (заплатили 40 вместо 80 коп.) их вынудили выделить по одному человеку с 10 и 5 душ для исправления дороги, «ранее уже ими приведенную в исправность и свидетельствованных в том дворянским заседателем» [ГАКО 21-1394, 40об., 44-45об.]. В д. Соколовке Быргындинской волости на общинной сходке исправник требовал по 25 коп. с души за замену дорожной повинности на Сибирском тракте на поправку камского бечевника, также ему были собраны по одному куриному яйцу и по полфунта коровьего масла [ГАКО 21-1394, 41-41об.].

Обычной практикой, похоже, были поборы по земельной части. Например, с конца 1830-х по 1850-е гг. поступил ряд жалоб на действия Глазовского уездного землемера Семена Филимонова, выражавшиеся в вымогательстве взятки за дополнительное наделение земель, в отрезке якобы излишних наделов, притеснениях при отбывании крестьянами натуральной повинности по постановке межевых признаков и т.д. Однако последний продолжал оставаться в своей должности, не неся никаких наказаний [ЦГА УР 126]. Тот же стряпчий Каврайский нам впервые встретился в деле 1832 г. о незаконных действиях уездного землемера Красникова. Последний, несмотря на явные признаки вымогательства взятки (обвинительные показания жителей 34 селений, обнаруженная «под подушкой» крупная сумма денег в 2755 руб. 40 коп., происхождения которых не смог объяснить, поэтому «заболел»), был всего лишь «оставлен в подозрении», похоже, единственно чтобы не преградить пути для «дальнейшего служения» способному 21-летнему мздоимцу. Даже оплата издержек судопроизводства предполагалась за счет виновных представителей сельского и волостного управления, сборщиков и «тех поселян, чрез коих якобы происходила дача Красникову денег» [ГАКО 21-1201, 3-4, 5-6, 7-8об., 13, 21об., 24об., 26]. И вот сейчас, в 1835 г., по склонению земского исправника, бывшего в д. Ижбобье с «каким-то землемером, отряженным казенною палатою для наделения землею», татарами этой деревни было собрано по 15 коп. с души [ГАКО 21-1394, 52].

По всей видимости, у следствия возникли существенные проблемы. Многие отрицали факт произведенного незаконного сбора. В с. Чеганде Быргындинской волости волостной голова, писарь, коштан, в чьем доме располагалось волостное правление, три крестьянина и «отставной за пьянство дьякон... склонили поселян не показывать произведенный с них сбор по 25 коп. с души». Исправник начал активно действовать. Он стал вызывать в Сарапул писарей, отрешать от должности неудобных из них, пугать Сибирью «непросвещенных поселян, а в особенности вотяков». Был дан указ не допускать стряпчего до дел волостных правлений и не исполнять никаких его

указаний. Это выполнялось, от расспросов старались уклоняться или отвечали «разноречиво и неопределительно». Крестьяне опасались «наезду комиссии и спросов, которые почитают они отягощением, а более как народ дикий и робкий, в особенности вотяки». Народ предпочитал терпеливо «нести все налагаемые не только исправником, но даже рассылками, из страха, чтоб не нажать себе беды». Без сомнения, применялся и откровенный мордобой. В частности, житель Якшур-Бодьи удмурт Бигеней, ранее пожаловавшийся на незаконный побор, был избит чутырским писарем [ГАКО 21-1394, 50, 51-52, 83об.-84об., 85об.].

Нам неизвестен окончательный итог расследования. В 1835 г. Коннаду был только лишь объявлен выговор. К сожалению, по всей видимости, нельзя считать и Каврайского стражем «священного слова закона», поставленного «для общей и беспристрастной защиты притесняемых» [ГАКО 21-1394, 85, 284]. В 1837 г. еще продолжается следствие о бывших сарапульских земском исправнике Коннаде и уездном стряпчем Каврайском, последний обвинялся «в неплатеже прогонов и прочем» [ГАКО 21-1660, 6]. Истоки дела вполне возможно видеть в межличностном конфликте.

Н.В. Гоголь и многие другие современники не были в восторге от нравов российской бюрократии. Исследователи вятского чиновничества говорят, что оно в значительной своей массе было малообразованно и корыстолюбиво. Так, в уже упомянутую сенаторскую ревизию 1824 г. открыто и доказано существование «излишних и противозаконных поборов» по всей губернии в размерах от 2 до 6 руб. ежегодно с каждой ревизской души и участие в них «всей почти земской полиции и многих чиновников губернии» [История Удмуртии 2004, 182-183]. В ходе сенаторской ревизии С.И. Маврина (1796 г.) только в Глазовском уезде от должности были отстранены исправник и дворянский заседатель нижнего земского суда. Поста был лишен и глава Вятского наместничества [ЦГА УР 347, 184, 312, 414-414об.]. По замечанию Л.В. Мерзляковой, особенностью Вятской губернии — отсутствие дворян, преобладание крестьянского населения, отличающегося крайне низким уровнем грамотности, слабой правовой защищенностью, удаленностью губернии от центра — вызывали объективные трудности в подборе чиновников, оказывали влияние на состав последних и вместе с тем открывали возможности для злоупотребления властью [Мерзлякова 1997, 15]. Однако, с другой стороны, эта «привычка» простого россиянина не прилагать усилия, а подкупать ведь до сих пор есть, как, впрочем, и общая «физиономия» нашего общества.

В 1835 г. в Сарапульском уезде Вятской губернии поссорились уездный стряпчий и земский исправник. Благодаря этой ссоре, возможно, стало известно немного больше о некоторых неприглядных сторонах провинциального управления.

Литература и источники:

- История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. — Ижевск, 2004. 552 с.
Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. — Ижевск, 1997.
Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф.21, оп.1, д. 1201.
ГАКО, ф.21, оп.1, д. 1394.

ГАКО, ф.21, оп.1, д. 1660.
ГАКО, ф.574, оп.1, д.3.
Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР), ф.126, оп.1, д.689, 714, оп.3, д.129а.
ЦГА УР, ф.347, оп.1, д.126.

Павлюченко Е.Н., г. Уфа

ЕВРЕЙСКИЙ ПРАЗДНИК ТУ БИ-ШВАТ В БАШКОРТОСТАНЕ (к проблеме сохранения традиций в многоэтнической среде)

У каждого народа в процессе своего исторического развития формируются особые, неповторимые обычаи и традиции. Начиная со времен первобытного общества, день за днем они складывались, передавались и приобретали «узаконенные» формы. Соблюдение тех или иных правил, осуществляемых каждодневно, ежемесячно, ежегодно, являли собой ту грань, которая определяет принадлежность человека к тому или иному этносу. Как сегодня невозможно представить нашу жизнь без радостного праздника – встречи Нового года, например, так и в прошлом соблюдение традиций играло немаловажную роль.

Что же происходит сегодня с празднично-обрядовой культурой евреев в Башкортостане? Были ли забыты их древнейшие традиции? Соблюдаются ли они по сей день в многоэтническом и многоконфессиональном регионе? Предлагаемая научно-исследовательская статья ставит своей целью ответить на эти вопросы через описание праздника Ту би-шват.

В последние годы этот праздник был возрожден в Уфимской негосударственной еврейской частной школе «Ор Авнер», которая функционирует при Еврейском общинном центре (с 1989 г.). Школа проводит обучение детей с 7 лет на основе федеральной образовательной программы и регионального компонента; важное место в школе уделено этнокультурному воспитанию, приобщению детей к традициям еврейского народа через праздники и обряды. Примечателен тот факт, что в Уфимской еврейской школе обучаются не только дети еврейской народности, но русские, татары, украинцы, белорусы, даже сербы. Всех детей школы объединяет интерес к изучению традиций и быта еврейского народа.

Как же происходит знакомство детей с традициями еврейского народа? Прежде всего, через знакомство со священной книгой всех иудеев – Торой, в которой прописаны исконно еврейские традиции. Именно Тора трактует, как следует себя вести в тот или иной месяц, день, час. В Торе выделены основные обряды и праздники, дано их описание, правила поведения. Все еврейские обряды и праздники широко освещены в школьной жизни учеников, когда дети принимают непосредственное участие в их проведении, узнают историю их происхождения, их истинный смысл. Из множества еврейских праздников, можно отметить следующие: Рош а-шана (еврейский новый год), Йом кипур (судный день), Суккот (праздник урожая), Симхат-Тора (радость дарования Торы), Ханука (праздник света), Песах (праздник свободы) [Рут Козодой 1993] и многие другие.

Ту би-шват буквально значит «15-й день месяца шват». В этот день евреи празднуют Новый год деревьев [Там же, 169]. В библейские времена израильтяне приносили часть плодов своего урожая в жертву

Богу. В Торе сказано: в первые три года после посадки деревьев нельзя есть плоды с него. Все, что созревает в четвертый год, должно быть съедено для восхваления Господа. И только начиная с пятого года можно употреблять урожай в пищу обычным порядком [Там же, 170]. Запомнить, когда, в какой день, какого месяца было посажено каждое дерево, просто невозможно. Поэтому решили, что каждый 15-й день месяца шват – будет днем «рождения» деревьев. Самыми почитаемыми плодами (особенно после изгнания евреев из Иерусалима) были плоды граната, пшеницы, финика, инжира, винограда, миндаля. Конечно, подобная традиция трепетного, бережливого отношения к деревьям была вызвана, в первую очередь, засушливым климатом земли израильской, но, тем не менее, находясь в других землях, с более умеренным климатом, евреи продолжали сохранять традиции Ту би-швата.

Так как же проходит праздник Ту би-шват в Уфимской еврейской школе? Он включает в себя спортивные семейные состязания на тему праздника. Родители и дети всей школы делятся на шесть команд, каждая из которых представляет тот или иной священный плод (финики, гранат, пшеница и т.д.). Командам присваивается цвет по цвету плода и импровизированное весеннее дерево соответствующего цвета. Приведем некоторые примеры заданий.

Состязание 1. Каждая команда выбирает одного представителя (желательно маму). Папа с одним ребенком в руках должен добежать до середины дистанции, поднять одну из деталей пазла и отнести маме. Мама, в свою очередь, поочередно, получив все детали пазла, должна как можно быстрее склеить его и получить картинку с изображением одного из священных плодов. Побеждает та команда, которая быстрее, а главное, слаженнее справится с заданием.

Состязание 2. Каждый игрок из команды поочередно должен надеть на себя атрибуты садовода: панаму, сапоги, фартук, рукавицы, затем взять в руки лейку, добежать до импровизированного дерева и полить его. Побеждает та команда, которая быстрее пройдет испытание и польет свое дерево.

В конце спортивного мероприятия все участники приглашаются в столовую на традиционное угощение. На столах можно отведать пшеничное печенье, гранат, ломтики инжира, финики, грозди винограда, то есть все те священные плоды, которые почитаются еврейским народом. Одновременно под влиянием местного турецкого населения в рацион праздничного стола входит сладкий чай, который подается вместе с еврейским медовым пирогом. Во время трапезы звучат еврейские мелодии.

Такие праздники в игровой форме закрепляют усвоенные на уроках знания не только учащихся, но и способствуют приобщению к народным традициям родителей (многие из них еврейские народные праздники не знают или не помнят), помогают укрепить семейные союзы, объединить в дружный коллектив детей разных национальностей, всю школу.

Таким образом, в Башкортостане праздник Ту би-шват обрел новые черты. Среди традиционных атрибутов праздника сохранились: обязательное чтение молитв Сидур, угощение священными плодами

маслин, фиников, винограда, инжира, граната, зернами пшеницы и ячменя. Сохранилось отношение к Ту би-шват как к семейному празднику, сопровождающемуся высадкой деревьев, обрядом поклонения, почитания их. К новым, нетрадиционным чертам праздника можно отнести форму его проведения в виде спортивного соревнования, включению в праздничный стол чая. В день праздника не происходит массовой высадки саженцев деревьев, как требует традиция, а в стенах Уфимской еврейской школы проходит выставка комнатных растений. Так традиции соединились с современностью и инновациями.

Примечания

Рут Козодой. Еврейские праздники. М., 1993.

Псянчин А.В., г. Уфа

УЧРЕЖДЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО ОТДЕЛА РГО И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА

С середины XIX в. с основанием в 1845 г. Русского географического общества наступает совершенно новый этап в развитии многих научных направлений, в том числе и этнографии. При этом следует отметить, что идея создания общества зародилась в разных кругах российской общественности: в «кружке» мореходов — адмиралы Ф.П.Литке, И.Ф.Крузенштерн, Ф.П.Врангель, П.И.Рикорд; в «академическом» кружке, академики — антрополог К.М.Бэр, астроном В.Я.Струве, геолог Г.П.Гельмерсен, статистик П.И.Кеппен; в «военном» кружке — генерал Ф.Ф.Берг, геодезист М.П.Вронченко, сенатор М.Н.Муравьев и в среде молодых русских ученых — географ и статистик, профессор К.И.Арсеньев, путешественник П.А.Чихачев, этнограф В.И.Даль, литератор В.Ф.Одоевский. Всего же членов-учредителей было 17 человек [Семенов 1896, 1-3; Токарев 1966, 214].

Согласно Временному Уставу 1845 г., в составе Общества были образованы четыре отделения: общей географии, географии России, статистики России и этнографии России.

В инициативной записке о задачах в области этнографии РГО отмечалось: «...познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов ...Разрабатыванием этого поля Общество несомненно бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подробные этнографические сведения бываю*т* необходимы» (курсив мой — А.П.)» [Берг 1946, 33–35].

В марте 1846 г. на одном из первых заседаний отделения этнографии с докладом, в котором были сформулированы принципы этнографии как науки и изложены задачи в области этнографии в России, выступил один из учредителей Общества академик К.М.Бэр [Бэр 1846]. Позже, в соответствии с постоянным Уставом 1849 г., структура РГО была несколько видоизменена и приобрела следующей вид: отделение географии физической, географии математической, статистики и этнографии [Русское географическое общество 1995, 11].

Таким образом, огромную роль в становлении и развитии отечественной этнографической науки сыграло учреждение Русского

географического общества, организация его филиалов и отделов в различных регионах страны, где исследования по истории и этнографии заняли видное место

В этнографическое изучение же Южного Урала и прилегающих территорий большой вклад внес Оренбургский Отдел РГО. Инициатором открытия в г. Оренбурге отдела явился губернатор Н.А. Крыжановский. Его обращение было поддержано, и 5 июля 1867 г. был подписан указ Правительствующего Сената об учреждении Оренбургского Отдела ИРГО [Сафонов 1994, 17]. Открытие отдела способствовало сплочению естествоиспытателей, географов, этнографов края. Крупный вклад в изучение природы, экономики, этнографии внесли Д.Н. Соколов, А.А. Тилло, С.Г. Рыбаков, А.И. Оводов, К.А. Чехович, С.М. Пономорев и др.

В «Положения об Оренбургском Отделе Императорского Русского географического общества» говорилось, что: «...§ 2. Оренбургский Отдел ИРГО, под ближайшим руководством главного начальника края, занимается преимущественно изучением Оренбургского края во всех тех отношениях, которые составляют предмет занятий Общества, а именно: в отношениях собственно географическом, естественно-историческом, *этнографическом* и *статистическом* (курсив мой — А.П.)» [Об учреждении Оренбургского отдела ИРГО 1870, 9; Устав ИРГО 1868, 33]. Этим же «Положением» Оренбургскому Отделу ИРГО предписывалось, что Отдел:

«1) отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения об Оренбургском крае, хранящиеся в местных архивах и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает какое может быть сделано из них употребление для науки;

2) производит на местах ученые исследования, с целью составления впоследствии возможно верных карт Оренбургского края и подробного физико-географического описания его;

3) оказывает частным лицам, посещающим Оренбургский край с ученою целью, и старается привлечь к исследованию сего края лиц, могущих быть для сего полезными любовью к науке и познаниями своими;

4) старается об учреждении хранилищ материалов и ученых пособий, относящихся к кругу своих занятий» [Об учреждении Оренбургского Отдела ИРГО 1870, 9].

В Оренбургском Отделе РГО насчитывалось более 100 членов. Целью ее деятельности было изучение Урала и Средней Азии. В 1868-75 гг. Отдел состоял из секции математики, географии, этнографии, естественной истории и статистики. В 1872 г. была открыта библиотека.

С 1868 г. стали издаваться сборники научных трудов Оренбургского отдела — «Записки», а затем «Известия» (всего было 29 выпусков). С 1873 г. был заложен архив метеорологических наблюдений.

С 1874 г. исследованиям был придан еще более организованный и системный характер, исследования края проводились по семи специальным программам: *по общей географии; по исторической географии; по быту казахов; по этнографии вообще; статистике; естественным наукам; народной медицине* [Журнал заседаний 1879, 58].

Их результаты публиковались в «Известиях Оренбургского Отдела Русского географического общества».

Оренбургский Отдел РГО успешно работал на протяжении более чем полувека, деятели отдела внесли неоценимый вклад в этнографическое изучение Южного Урала и прилегающих территорий. Издания отдела вместили в себя не только научные труды его членов, не только историю ее деятельности, но и дали широкую картину культурной жизни края на протяжении довольно значительного исторического периода.

Литература:

- Семенов П.П. История полувековой деятельности ИРГО. – Ч.1. СПб., 1896
Токарев С.А. История русской этнографии. – М., 1966.
Берг Л.С. Всесоюзное Географическое Общество за 100 лет. – М.; Л., 1946.
Бэр К.М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки РГО. 1846. – Т. 1. – С. 93–115.
Русское Географическое Общество. 150 лет. – М., 1995.
Сафонов Д.А. Формирование источниковой базы для социально-экономической и демографической характеристики Оренбургского края (1734–1917) // Тр. Оренб. фил. РГО. – Оренбург, 1994. – С. 12–19.
Об учреждении Оренбургского Отдела Императорского русского географического общества // Записки Оренбургского Отдела ИРГО. – Казань, 1870. Вып. 1.
Устав ИРГО и Положение об Отделах Кавказском, Сибирском, Северо-Западном и Оренбургском. – СПб., 1868..
Журнал заседаний Оренбургского Отдела ИРГО. – Оренбург, 1879.

Рахимкулов А.А., г. Уфа

ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ БАССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны произошли большие изменения в сельскохозяйственном и промышленном производстве. Одну из наиболее серьезных и трудных проблем представляло обеспечение сельского хозяйства, промышленности, строительства и транспорта города рабочей силой, поскольку тысячи кадровых рабочих и специалистов ушли на фронт. К станкам становились женщины и подростки, не имевшие квалификации. В условиях потери стратегически важных сельскохозяйственных районов Украины, Белоруссии, Центральных районов РСФСР основная тяжесть в решении продовольственных задач ложилась теперь на восточные районы страны. Среди этих районов значительный удельный вес имела Башкирская АССР, поставлявшая государству ежегодно десятки миллионов пудов хлеба и значительное количество продуктов животноводства. Сельское хозяйство Башкирии также лишилось значительной части людских ресурсов и техники. За первые полтора года войны количество трудоспособного населения в колхозах и совхозах сократилось на 236,5 тыс. человек. [Очерки 1966, 408–409].

Несмотря на большие трудности, труженики деревни и городов БАССР проявили высокую сознательность и патриотизм по отношению к Родине. Женщины и подростки заменили мужчин на заводах и фабриках, сенокосе, уборке хлеба, пахоте, севе, на конном дворе и других работах. Война очень сильно повлияла на работу школ и быт школьников. Часть школьных зданий была передана на военные нужды, они передавались под госпитали, призывные пункты. Ухудшилось снабжение школ учебниками, оборудованием, письменными принадлежностями. Наплыв на Урал

эвакуированных детей создал перегрузку классов, занятия проводились в две-три, а иногда и в четыре смены. Увеличился отсев учащихся, часть старшекласников ушла на фронт, другие стали работать. В школах вводилась, наряду с физкультурой, обязательная военная подготовка [История 2006, 269–270].

Ввиду прихода на производство большого количества рабочих-подростков первоочередной задачей стало повышение их квалификации. Основным методом подготовки кадров массовых профессий являлось бригадное и индивидуальное ученичество. Для освоения более сложных специальностей организовывались курсы. Только за 1944 г. на 49 предприятиях и стройках Уфы повысили свою квалификацию 16,4 тыс. рабочих. Другой важной формой подготовки квалифицированных рабочих была система государственных трудовых резервов. В период войны сроки обучения в ремесленных училищах и школах ФЗО сократились, увеличился контингент учащихся. Сеть этих учебных заведений в городе расширилась. Прибыли по эвакуации 420 учащихся из ленинградских училищ и школ, ремесленное училище металлистов из Рыбинска и другие. К концу 1942 г. в трех ремесленных, железнодорожном училищах и девяти школах ФЗО обучалось 6925 человек [ЦГИА РБ. Ф. 472. Оп. 6. Д. 891. Л. 87].

С первых же дней войны коллективы предприятий стали трудиться с огромным воодушевлением. «Все для фронта, все для победы над врагом!» – под этим лозунгом партии ширилось движение за быстрейшее выполнение военных заказов. В эти трудные военные дни набирает все большую силу движение молодежных активистов. В Уфимском паровозном депо токари А. Захаров и М. Сибгатуллин уже с первых дней войны стали выполнять сменные нормы на 200–300 %. Накануне праздника Октябрьской революции в 1941 г. по инициативе комсомольцев Уралмашзавода и Горьковского автозавода началось соревнование комсомольско-молодежных бригад за присвоение звания фронтовых их девизом был лозунг: «В труде, как в бою!». В Башкирии первая такая бригада возникла в октябре 1941 г. в одном из цехов Уфимского моторостроительного завода в смене мастера М.Д. Рахмангулова. Бригада перевыполняла задания сначала в 1,5–2, а затем в 3 раза. Ей было присвоено звание фронтовой бригады имени Героя Советского Союза Н.Ф. Гастелло. Позже комсомольско-молодежные бригады возникли на всех крупных предприятиях города [История 1981, 398–399].

Рабочие моторостроительного завода А. Микрюков, М. Габбасов, завода горного оборудования Ф. Мальшев, Е. Колосовский, А. Газизов перевыполняли сменные задания в 4–5 раз. На паровозоремонтном заводе бригада котельщиков И. Сергеева за 3 дня справилась с таким объемом работы, на который в мирное время затрачивалось 12 дней. Сначала десятки и сотни, а затем тысячи передовых производственников включились в движение двухсотников, трехсотников. К сентябрю 1941 г. на ПРЗ каждый четвертый рабочий стал двухсотником. Новые рабочие, сменившие ушедших на фронт, быстро овладели трудовыми навыками, все большее число людей справлялось с нормами выработки. На предприятиях города в целом выпуск продукции с апреля по октябрь 1942 г. вырос на 73 процента.

Партийные и комсомольские организации принимали меры по дальнейшему развертыванию соревнования комсомольско-молодежных

бригад. В августе 1943 г. в Уфе состоялся республиканский съезд рабочей молодежи, на который прибыло 600 человек. Делегаты, в том числе и уфимцы, делились опытом организации труда, методами повышения его производительности. Съезд принял обращение ко всем молодым рабочим Башкирии с призывом встретить новыми трудовыми успехами 25-летие комсомола.

Тысячи молодых людей и подростков, приходя на заводы, фабрики и стройки, быстро овладевали рабочими профессиями, постоянно совершенствовали методы труда. Увеличивалось число ударников, стахановцев, комсомольско-молодежных бригад. Если к началу 1943 г. в Уфе было 285 комсомольско-молодежных бригад, то в мае 1944 г. их стало уже 1316, в том числе 592 завоевавших звание фронтовых. В августе 1944 г. состоялся II республиканский съезд рабочей молодежи. На нем были отмечены успехи лучших молодежных бригад [История 1981, 398–399].

Руководящие органы БАССР уделяли особое внимание снабжению детей и подростков. Народные комиссариаты торговли, здравоохранения, просвещения совместно разработали меры по дополнительному питанию детей. В яслях и детских садах дети получали рацион питания больше, чем полагалось по детским карточкам. В школах городов и рабочих поселков учащимся отпускали горячие завтраки без зачета продовольственных карточек. На основе распоряжения Наркомторга СССР от 14 июля 1942 г. для снабжения детей сверх нормы в июле-августе 1942 г. из государственных фондов было отпущено для Башкирской АССР 40 т крупы и яичного порошка. В апреле 1943 г. в Уфе, Стерлитамаке, Белорешке и Ишимбае по распоряжению Наркомторга БАССР было организовано дополнительное питание ослабевших детей в возрасте от 3 до 13 лет [ЦГИА РБ. Ф. 976. Оп. 3. Д. 59. Л. 37, 50, 52].

В первые же дни войны в стране развернулось движение тимуровцев, очень быстро ставшее всенародным. Тимуровцы взяли на себя заботу о семьях, сражавшихся или погибших на фронте. Также работали на приусадебных участках школ, помогали инвалидам войны. Они собирали лекарственные травы, металлолом, дежурили в госпиталях, работали на уборке урожая. На средства, собранные пионерами, тимуровцами, были построены и отправлены на фронт целые танковые колонны «Пионер Башкирии». Тимуровские команды БАССР насчитывали свыше 50 тыс. школьников.

Таким образом, уже в самом начале войны в условиях резкой нехватки рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства большую роль начинает играть, наряду с женским, труд молодежи и подростков. В этих сложных условиях молодые труженики Башкортостана активно вносят свой вклад в общее дело победы над врагом. В полной мере осознавая необходимость напряженного труда на благо Родины, они осваивают новые производственные специальности, участвуют в соревнованиях.

Приведенные выше примеры большого трудового вклада молодежи и подростков БАССР отражает дух военного времени, готовность к самопожертвованию, чувство долга перед Родиной, является прекрасным индикатором нравственно-патриотических качеств советского общества: любви к Родине, самоотверженности, настойчивости, выдержки и мужества, стремления все сделать ради победы.

Источники и литература:

История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 2. Уфа, 2006.
История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981.

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ МОРДВЫ: ТИПЫ И АРХИТЕКТУРНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Размещение поселений на местности, тип заселения определяется природными условиями края, особенностями хозяйства и историческими традициями, складывавшимися у местного населения на протяжении веков. Выбор места для поселений определялся близостью лесов и рек. Как и другие народы Мордовии, мордва селилась вблизи лесных массивов, где можно было найти материал для строительства жилища, заниматься охотой, собирательством. К примеру, И. Беляев по этому поводу писал: «...Вся страна Краснослободского уезда – это, как говорят старожилы, была одна, почти, сплошная чаща, где жило простодушное племя мордвы, исконные любители лесов и болот, в которой также жили волки, медведи, бобры, лисы и разная мелкая дичь» [РФ НИИГН, И-885. Тумайкин, 1974, л.33]. Кроме того, реки в прошлом служили основными путями, связывавшими поселения между собой (лесная зона не сразу покрывалась сетью сухопутных дорог) [Макушин 163, 150-151]. Селения, расположенные по берегам крупных и малых рек, обычно получали названия этих рек: от речки Кемлятки – с. Кемля (Ичалковский район), от речки Раксаженки – д. Раксажены (Большеигнатовский район), от речки Чеберчинки – с. Чеберчино (Дубенский район) и т.д. Приовражный тип заселения наиболее распространен в северной части, отличающейся резким рельефом и сильно развитой овражно-балочной. Особенно наглядно это проявляется на примере селений Ардатовского, Атяшевского, Темниковского, Краснослободского районов. Чаще всего дома стоят в низине вблизи водоема, где наиболее удобные земли для огородничества, издавна являющегося излюбленным занятием мордвы. К примеру, корреспондент Русского географического общества, описывая с. Сузгарье Инсарского уезда (ныне Рузавского района) до его перепланировки, отмечал, что оно «построено без всякого плана и состоит из одной улицы и одного на севере порядка, кои расположены от запада к востоку и разделены между собой оврагом с ключей Вилляйкою, по коему огорожены овощники. Кроме того, оно еще состоит из двух порядков, которые расположены от севера на юг и разделены от улицы ключем Кичкеморгою, а между собой оврагом с самым незначительным ключем, по коему простираются овощные огороды жителей этих двух порядков». В настоящее время некоторые крупные селения полностью размещены в котловинах больших оврагов (Кураево Теньгушевского района, Шугурово Большеберезниковского района). Вероятно, что по мере расчистки земель из-под леса овраги постепенно высыхали, а ключи высыхали и это обстоятельство вынуждало спускаться в более низменные места, удаляясь на 1-2 км от старого места жительства. Такое перемещение связывалось с изменением природных условий. Об этом свидетельствует и распространенность топонимических терминов – ташто юр (старое местожительство), ташто веле (старое село). Для мордовских поселений

было характерно также расположение их вблизи постоянно действующих ключей (с. Новые Турдаки Кочкуровского района и др.) (Макушин 163, 151-152). Традиционное жилище мордвы было в основном двух типов: трехраздельное и двухраздельное. Трехраздельный дом состоял из жилой избы – куд (м), кудо (э), сеней – кудонголь (м), кудыкелькс (э) и горницы – горньча. В XIX в. у мордвы он известен в нескольких вариантах: «изба–сени–клеть», «изба–сени–изба», «изба–изба–сени» и др. [Белицер 1963, 161-162]. Кроме сеней, к дому приделывали чулан. Положение горницы упоминается в свадебном мордовском причитании, когда девушка, выходя замуж и прощаясь с домом родителей, пела: «Тейне аньяк ужаль кудть ингольце горенцесь» (а мне жаль только перед избыю горницу). Положение горницы перед избыю, упоминаемое в этой песне, Н.И. Спрыгина встречала не раз во время своих поездок по мокшанским селам и, в частности, в с. Лесное Ардашево (ныне Темниковский район). В тех случаях, когда трехраздельный дом стоял длинной стороной параллельно улице, горница располагалась в одну линию с избыю, вдоль улицы. Такое положение горницы довольно часто встречалось в мокшанских селам. К горнице прирубали или пристраивали из плетня сени, и на усадьбе вместо одного трехраздельного дома появлялись уже два двухраздельных дома. Подобное явление Н.И. Спрыгина наблюдала в 1923-1925 гг. в с. Анаево (ныне Торбеевский район) (Белицер 1963, 162). Таким образом, трехраздельный дом в XIX – первой половине XX в. бытовал как у мокши, так и у эрзи, но более характерен он был для эрзи. Двухраздельный дом существовал у мордвы в XIX – начале XX в. параллельно с трехраздельным. Исторически же двухраздельный дом предшествовал трехраздельному как более простой тип жилой постройки. Он состоял из жилой избы и сеней. В первой четверти XX в. трехраздельное жилище, которое было широко распространено у мордвы, уступило место двухраздельному дому с приделом и пятистенке [Народы Европейской части СССР 1964, 573].

Для внешней отделки мордовских жилищ характерно повсеместное распространение резных украшений на наличниках, фризах и фронтоне. По технике выполнения архитектурные украшения подразделялись на три типа: а) трехгранно-выемчатые или врезные; б) барельефные; в) пропиловочные. Врезная техника являлась наиболее ранним способом нанесения на дерево с помощью резца различных сочетаний трехгранно-выемчатых линий для создания орнамента. Наиболее распространен он в виде сочетания зубчатой каймы, которая вырезалась непременно вдоль верхнего края наличника и фриза, и веревочки, расположенной под зубчатой каймой. Нередко можно встретить два ряда веревочного орнамента, но обязательно в сочетании с зубчатой каймой и ниже ее. Сочетание этих мотивов, придающих своеобразный вид фронтону эрзянской избы, особенно часто встречается в Ромодановском и Атяшевском районах. Зубчато-веревочный орнамент являлся преобладающим украшением не только жилищ, но и предметов разнообразного бытового обихода, в частности кадушек для хранения одежды (авань парь). Наряду с традиционным резным орнаментом на жилищах можно встретить барельефные

украшения. Барельефная резьба, называемая часто корабельной, не являлась национальной мордовской техникой, она выработалась в результате длительного общения поволжских резчиков различной национальности на волжском судостроении. В приалатырских и присурских районах Мордовии корабельная резьба была распространена в 1840-1880-гг. Барельефные украшения чаще всего встречались на фризах и наличниках. В узорах преобладали растительные мотивы: волнообразная ветвь, листья, виноград, хмель. Иногда вместо часто повторяющихся корзин и ваз от центра шли две руки, держащие концы стеблей [Макушин 163, 200-201]. Большое внимание резчики уделяли наличникам окон и особенно старались показать свое мастерство при отделке двухстворчатых ставней. Иногда глухая барельефная резьба сочетается с узором, имеющим отверстия. При такой отделке ставни утрачивали практическое назначение и служили лишь архитектурным украшением. Мотивы глухой резьбы повсеместно однотипны, что свидетельствовало о применении трафарета. В архитектурные украшения мордовские резчики включают новые, порой весьма оригинальные мотивы. Таков, например, наличник с изображением по его краям голов мужчины и женщины, искусно выполненным для среднего окна собственного дома резчиком с. Низовка Ардатовского района А.Н. Кочеваткиным. Лица изображенных резчиком мужчины и женщины носили некоторые мордовские черты. Мастерство резчиков по дереву передавалось из поколения в поколение. В этом отношении показательно развитие резьбы в с. Чукалах Ардатовского района [Макушин 163, 201]. Мотивы орнамента в пропиловочных украшениях главным образом геометрические. К трафаретам прибегали обычно мало.

Литература:

Белицер В.Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX—первой половине XX вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа / Труды Мордовской этнографической экспедиции. — М., 1963.

Макушин Н.П. Поселения мордвы на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа / Труды Мордовской этнографической экспедиции. — М., 1963.

Макушин Н.П. Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа / Труды Мордовской этнографической экспедиции. — М., 1963.

Народы Европейской части СССР / под ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева, Л.Н. Терентьевой, Н.Н. Чебоксарова, Н.В. Шлыгиной. — М., 1964.

РФ НИИГН, И-885. Тумайкин В.П. Исследователи и путешественники о мордве / Материал собран 1974 году научным сотрудником сектора археологии и этнографии МНИИЯЛИЭ.

Савка В.П., г. Саранск

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОМЫСЛЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОРДВЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия в своей деятельности целенаправленно продолжает работу по изучению этнической культуры мордвы, расселившейся по регионам Российской Федерации. Согласно данным переписи 2002 г., ее численность составила 843,3 тыс. человек,

из них в границах Республики Мордовия проживает треть всего мордовского населения страны. В связи с этим вопросы миграции мордвы, ее переселения в другие регионы страны, адаптации к новым условиям, сохранения традиций, уклада жизни на новом месте не могут не волновать ученых-исследователей. В наши дни задача этнографического изучения мордвы на Дальнем Востоке стала особенно актуальной, поскольку это дает возможность для воссоздания исторического и сохранения культурного прошлого мордовского народа как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами.

Большое значение для развития хозяйства Дальнего Востока имела переселенческая политика, проводимая правительством. Переселенческое движение носило сельскохозяйственный и промышленный характер. Хозяйство мордвы Дальнего Востока было комплексным. Основу его составляли земледелие, скотоводство, рыболовство, охота и в меньшей степени другие отхожие промыслы. В своей хозяйственной деятельности мордва ориентировалась на тот комплекс традиций, который был выработан предшествующими поколениями и сложился на местах выхода. Так, основным жизнеобеспечивающим занятием мордвы издавна считался земледельческий труд. Прибывавшие поселенцы были вынуждены селиться на землях, менее подходивших для земледелия, так как большую часть территории Дальнего Востока занимают горные районы, непригодные или малопригодные для сельского хозяйства [Алексеев 1989, 141].

Господствующим способом земледелия был залоговый. Залог — такой прием обработки земли, когда в сельскохозяйственный оборот вводятся новые, ранее не использованные участки, которые по истощению почвы забрасываются. По мере заселения районов Дальнего Востока сокращалось количество свободных удобных земель, что привело к изменению системы земледелия. Поэтому наряду с залоговым стала использоваться залежная система полеводства, т.е. такая, при которой пахотная земля засеивается несколько лет подряд, пока она дает удовлетворительные урожаи, затем ее оставляют для восстановления плодородия — бросают на залежь, а под пашню занимают новый участок или целины, или отдохнувшей несколько лет залежи. Постепенно залежная система земледелия стала господствующей, а местами в условиях сокращения свободных земель возникли двухполье и трехполье [Крестьянство Дальнего Востока СССР 1991, 53].

Мордва-переселенцы, как только в марте начинала оттаивать земля, производили первую вспашку. Сеяли обычно с 15 апреля, но так как рабочих рук было мало, нередко сев проводили до конца июня, поэтому уборка затягивалась иногда до сентября и даже до начала октября. Убирали хлеба в середине августа, а если посевы опаздывали — в конце и даже в начале сентября. Убранный хлеб складывали в скирды.

Земледельческие работы сопровождались различными обычаями и приметам. В пос. Майском Совгаванского района Хабаровского края, жители замечали, что «если накануне Рождественского сочельника день был облачный или накануне Крещения выпадал снег, то год обещал быть урожайным». В с. Доброполье Уссурийского района Приморского края мордва говорила: «Бути волнистой ловось, урожайной иесь ули» —

«Если снег волнистый, год будет урожайным»; «Тельня ламо лов — иесь карми чачтыця» — «Если сугробы большие — хороших зерновых ожидай». В пос. Сокоч Камчатского края у жителей есть такое наблюдение: «Кда розьбрыся пилькст пугы алда, шачи киза ули, кда пеняста — кальдяв урожай ули» — «Если рожь начнет цвести с нижней части колоса, будет хороший урожай, если с маковки — плохой урожай будет». Нельзя было работать в поле или на огороде в день «царя града» — 21 мая, так как «царь град» мог побить хлеб и овощи градом» [Мордва Дальнего Востока 2010, 160].

Среди разнообразных культур, выращиваемых в районах Дальнего Востока, ведущее место занимали пшеница, овес и картофель, которые находили хороший сбыт на внутреннем рынке. В небольших количествах сеяли и такие культуры, как рожь, ячмень, просо, горох, гречиха, которые, впрочем, были менее распространены. Так, в Сахалинской области в хозяйствах мордвы-переселенцев больше всего сеяли яровой пшеницы. Второе место занимал овес, затем шел ячмень. Ржи сеяли немного. Со слов информаторов, во всех переселившихся семьях была пахотная земля, причем какого-либо недостатка в ней не ощущалось, а при необходимости крестьянская семья могла легко расширить свое землевладение, расчистив из-под леса новый участок земли [Мордва Дальнего Востока 2010, 161].

Занималась мордва и огородничеством. Овощи выращивали в основном для удовлетворения собственных потребностей. Огороды, расположенные вокруг жилых домов или недалеко от них, тщательно удобряли навозом. В Камчатском крае повсеместно сооружают парники и теплицы, где используют землю, которую научились делать сами, так как в пос. Сокоч каменистая почва. По информации Г.И. Люлюкиной, именно мордва-переселенцы в пос. Сокоч Камчатского края, стали первыми выращивать различные овощи: капусту, картофель, репу, свеклу, морковь, огурцы, редьку, лук, чеснок. Кроме того, сегодня здесь разводят арбузы, виноград, дыни и тыкву и готовят их впрок — солят на зиму [Мордва Дальнего Востока 2010, 162]. В пос. Мгачи Сахалинской области, согласно архивным данным за 1947—1948 гг., жители 716 хозяйств сажали табак на площади 0,01 га, в больших количествах капусту и картофель [ЦГА РМ ф. 59, 13—17].

Вторым по важности занятием мордвы-переселенцев на новых землях было скотоводство, которое зависело от развития земледелия. Ведущее место в животноводстве занимало разведение крупного рогатого скота, лошадей, свиней, которых мордва привозила с собой в ходе переселения согласно инструкции по ветеринарно-санитарному обслуживанию живности переселенцев. Распределение скота на территории Дальнего Востока неравномерное и обусловлено природно-климатическими и географическими факторами. Так, в Камчатском крае, где богаче луга, больше пашни, преобладает крупный рогатый скот. Порода коров, которую разводят на Камчатке, отличается от той, которая была распространена в Мордовии. Здесь коровы были черно-белой масти, весом до 500 кг и высокоудойные, как отмечают информаторы, «...удой составлял аж 3 ведра в день или 25—30 литров» [Мордва Дальнего Востока 2010, 162].

На Камчатке наряду с крупным рогатым скотом особое распространение, по словам М.Ф. Семашкина, получило разведение коз и овец [Мордва Дальнего Востока 2010, 162].

Рыболовство играет значительную роль в хозяйственной деятельности и экономической жизни населения Дальнего Востока. В 1956 г. на «Камчатрыбпром» были направлены 483 чел. (из них мужчин — 372, женщин — 111), в 1957 г. — 463 чел. (все мужчины). На «Сахалинрыбпром» по организованному набору были направлены: в 1956г. — 337 чел. (242 мужчин и 95 женщин), в 1957 г. — 251 чел. (161 мужчина и 90 женщин) [ЦГА РМ ф. 473, 127, 135].

В ходе исследований нам стало известно, что нерест рыбы разных пород проходит в различные сроки. Самая «ранняя» рыба, приходящая к берегам Камчатки, — камбала и вахня. Их ловят волосяными сетками, сачками или просто железными крюками. (Мордва Дальнего Востока 2010, 165). Главная промысловая рыба Камчатки — чавыча, в конце июля — начале августа приходит кижуч; в Хабаровском крае — сазан, щука, калуга (белуга), осетр, сом, таймень, сиг, «белая рыба» (хариус), карась, лещ и др., но наиболее важное значение имеют осетр, калуга и кета. Ее солят, вялят и коптят, готовят из нее балыки и брюшки, и, наконец, она служит источником икры, как паюсной, так и зернистой [Мордва Дальнего Востока 2010, 167]. Рыболовство на Дальнем Востоке было и сегодня является важным промыслом в крестьянском хозяйстве не только мордвы-переселенцев, но и любого другого народа. Осенью, после окончания полевых работ и рыбалки, в начале или в конце октября отправлялись на промысел. Охоту сопровождал комплекс разнообразных обрядовых действий. «Обязательно использовали перед охотой заговор, — рассказывает С.М. Атяшкин, — перед тем как выйти из дома, все собирались в доме у кого-то одного. Здесь закусывали, выпивали, затем все присаживались перед дорогой, потом разом поднимались и, помолившись, трогались в путь» [Мордва Дальнего Востока 2010, 169]. Распространен был промысел на белок. Охотились на них не каждый год, а только в год хорошего урожая кедровых орехов. Охотилась мордва Дальнего Востока также на кабана, медведя и др. [Мордва Дальнего Востока 2010, 169]. Распространенным промыслом на Дальнем Востоке была добыча морской капусты, трепангов и крабов. Добывались также раки, шримсы (креветки), устрицы и т.п. Таким образом, морские промыслы вместе с сельским хозяйством играли важную роль в экономике Дальнего Востока.

Таким образом, развитие хозяйства мордвы Дальнего Востока определял комплекс взаимосвязанных факторов. Наиболее важным из них была этнопсихологическая обусловленность адаптивности хозяйственных традиций мигрантов. Перед мордвой Дальнего Востока стояла сложная задача приспособления традиционного хозяйственного уклада к новым природно-экономическим условиям, что происходило при взаимодействии, с одной стороны, локальных вариантов хозяйственной культуры, принесенных переселенцами из разных регионов России, а с другой — культур коренных или других переселенческих народов.

Литература:

Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока. — М., 1989. — 224 с.
Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX — XX вв. — Владивосток, 1991. — 214 с.

Мордва Дальнего Востока. – Саранск, 2010. – 312 с. + 80 л. илл.
ЦГА РМ, Ф.Р. – 59, оп. 1, д. 12. Стат. отчеты и докладные по орг.массовой работе по Мгачинскому поселковому совету за 1947 год. на 61 лл.
ЦГА РМ Ф.Р. – 473, оп. 1, д. 127. Акты-списки на рабочих, переданных предприятиям. на 414 лл.

Саитова З.Р., г. Уфа

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАЛОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ФОРМЫ: «МИНИАТЮРЫ» С. ШАРИПОВА

Литературное творчество последнего десятилетия отличается широким кругом рассматриваемых вопросов и многогранностью художественных решений авторских замыслов. При этом в центре внимания писателей находится феномен современного человека: его частная жизнь и жизнь в обществе, духовный мир индивида, мотивация взаимодействия с внешней средой и надматериальная сфера бытия.

Отдельной задачей в литературно-художественном пространстве выделяется творческое осмысление системы ценностей человека. Данный аспект весьма актуален, учитывая произошедшую в конце XX века смену этических и эстетических приоритетов. В связи с этим исследовательский интерес представляет постижение ценностных ориентаций в малых прозаических формах (коротких рассказах, литературных миниатюрах, новеллах), получивших с 80–90-х годов прошлого века такое динамичное развитие, которое позволило Ю. Орлицкому сделать смелое предположение: «Малая проза последних лет проявляет себя настолько ярко и разнообразно, что вполне можно предположить, что в большой скоро не будет никакой надобности» [Орлицкий 1999].

Причины серьезного роста произведений в жанрах малой прозы можно объяснить несколькими фактами. Во-первых, небольшие прозаические формы обращены преимущественно к раскрытию важных, злободневных вопросов или заслуживающих внимания тем. Во-вторых, в них действительность подвергается более детальному художественному анализу, так как объем жанра позволяет сконцентрироваться только на каком-то одном конкретном явлении, случае или проблеме. В-третьих, для произведений характерна содержательная емкость текстов с предполагаемым четко выраженным умозаключением, то есть «моментальность, минимум описаний, символическая точность деталей, минимум героев. Мораль не обязательна, но почти всегда сама собой образуется» [Орлицкий 1999]. В период стремительно увеличившегося темпа жизни именно перечисленные особенности малых жанров способствовали их востребованности среди современных читателей, ценящих лаконичность и точность передачи писательской мысли. При этом следует отметить, что прозаические произведения средних и больших форм не утратили лидирующих позиций и по-прежнему имеют своих почитателей. Это же наблюдение можно отнести и к региональному словесному творчеству, в котором «векторной составляющей, в силу исторических реалий, является литература на русском языке» [Горюхин 2007, 105], находящаяся в русле российского литературного процесса.

Учитывая вышеизложенное, в рамках данной работы хотелось бы обратиться к литературно-художественным произведениям, выполнен-

ным в форме малой прозы, республиканского писателя С. Шарипова. «Миниатюры» С. Шарипова [Шарипов 2003] представляют собой цикл из 11 самостоятельных коротких рассказов, самый объемный из которых состоит из 16 строк («Горящий трактор»). Произведения посвящены событиям («Душистое мыло», «Беда»), воспоминаниям («Танец на бочке», «Обознался», «Обида», «Маленький ангел»), произошедшим случаям («Раскаяние?», «Отдам под суд!», «Пойди поищи», «Закрой глаза»), не связанным между собой. Миниатюры обладают национально-культурным колоритом, который создается благодаря использованию региональной лексики (аул, ага, айда, аксакал), имени героя башкирского эпоса (Тау — Батыр), республиканских географических названий и природных достопримечательностей (Уфа, белорецкие районы, Капова пещера). Но главным в рассказах следует отметить то, что в них раскрываются семейные, дружеские, общественные отношения, социальные проблемы и вопросы человечности, тактично подводящие читателей к мысли о важности каждого момента жизни будь-то веселый танец сестрички на перроне железнодорожной станции под гармошку: «До сих пор этот танец перед глазами стоит. Душевный танец! А ведь я и выдающихся мастеров видывал, и на больших сценах... А нет, не то... («Танец на бочке»), или добродушные мечтания соседского мальчишки: «Этот мальчуган с чистым и добрым сердцем показался мне маленьким ангелом, щедро раздающим справедливость. Неужели и впрямь небо и справедливость так неразрывно связаны в человеческой душе с самого рождения?» («Маленький ангел»), или же естественность восприятия окружающего мира поэтом во время экскурсии писателей по Каповой пещере в темноте: «А вы закройте глаза — все видно...» («Закрой глаза»), также о высокой ценности чувств, гуманности именно эти темы наиболее четко раскрыты в миниатюрах «Душистое мыло» и «Беда».

«Душистое мыло» - рассказ о кончине возвращавшегося домой из ссылки героя, в дорожном мешке которого находился подарок для дочери — туалетное мыло. Несложное по сюжету произведение, весьма глубокое по своему содержанию, предполагает полное раскрытие вне текстовом пространстве, так как миниатюра содержит смысловые ориентиры, обращенные к знаниям читателей. Так упоминание о тридцати седьмом с определением «проклятый», когда был взят в заключение герой, отсылает к трагическому году, известному наивысшей волной репрессий в стране. А возвращение ссыльного происходит через семь-восемь лет, в период крайне тяжелого послевоенного положения населения. Поэтому и кусочек туалетного мыла воспринимается уже не как повседневная вещь, а как самый дорогой подарок для самого родного человека. Кусочек душистого мыла — деталь, благодаря которой автору удается осветить трогательность, искренность человеческих чувств, подчеркнуть их важность и ценность, акцентировать личное на фоне масштабного, заставить читателей сопереживать.

Сильные эмоции вызывает и следующий рассказ. В миниатюре «Беда» писатель передает историю о лошади, поведенную ему народным поэтом Балкарии М. Мокаевым: «Прямо посередине шоссе

понуру стояла породистая красивая лошадь. <...> На асфальте рядом с ней без движения лежал тоненький жеребенок. <...> Как выяснилось, его сбילה иномарка и моментально скрылась» («Беда»). В рассказе выделяются две взаимосвязанные тематические линии: доброго отношения к животным и человеческая безответственность, последнее - причина сильных тревог. Лошадь в российском культурном пространстве и тем более у народов, чья традиционная жизнь немислима без этого животного, вызывает большое уважение и восхищение. А жеребенок является символом новой жизни, детства, нежности, хрупкой красоты и грации, поэтому и убийство беззащитного существа считается тяжким преступлением. Эта миниатюра явно ассоциируется с произведением М. Шолохова «Жеребенок». У советского писателя лошадь с жеребенком становится олицетворением столь желанного во время войны семейного счастья: «К шершавым от высковшего пота бокам кобылы прилипли бурьянные былки, сухой помет. Выглядела она неприлично худой и жидковатой, но глаза лучили горделивую радость, приправленную усталостью, а атласная верхняя губа ежилась улыбкой. Так, по крайней мере, казалось Трофиму» [Шолохов 1988, 188]. Идиллия материнства и детства была нектати в период военных действий: «Эскадронный, поглядывая на меркнувшие звезды, сказал: - Жеребца свою сничтожь! Наводит панику в бою... Гляну на него, и рука дрожит... рубить не могу. А все через то, что вид у него домашний, а на войне подобное не полагается... Сердце из камня обращается в мочалку... И между прочим, не стоптали поганца в атаке, промеж ног крутился...- Помолчав, он мечтательно улыбнулся, но Трофим не видел этой улыбки. Понимаешь, Трофим, хвост у него, ну, то есть... положит на спину, взбрыкивает, а хвост, как у лисы... Замечательный хвост!...» [Шолохов 1988, 191]. Моральные устои, знание важности жизни не позволили, выдавшим и вершившим смерть, бойцам погубить жеребенка, даже наоборот, Трофим спас его ценою собственной жизни. Совершенно иначе в рассказе С. Шарипова, убийцы быстро скрылись с места происшествия, возможно, осознавая, а, возможно, и нет (тогда эпизод становится ярким примером смены нравственных норм) серьезность своего поступка, результатом которого стало огромное горе животного: «Кобыла плачет, беззвучно, всей своей лошадиной душой плачет» («Беда»). Мучение лошади вызывает сочувствие, подкрепленное понимание произошедшей несправедливости, жестокости: «Множество людей стояли вокруг, сочувствуя беде. <...> Печальные мужчины, как дети, склонили головы» («Беда»). Миниатюра несет серьезную смысловую нагрузку и выполняет большую воспитательную функцию.

Таким образом, цикл миниатюр создает оригинальную мозаику из разнообразных случаев жизни, тем самым демонстрируется неповторимость, цельность и значимость каждого жизненного момента.

Литература:

- Орлицкий Ю. Большие претензии малого жанра // Новое литературное обозрение. – 1999. - № 38. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/orlic-pr.html>
Горюхин Ю. Русская литература в Башкортостане // Бельские просторы. – 2007. – №10. – С.105–107.
Шарипов С. Миниатюры // Дружба Народов. – 2003. - № 11.
Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/11/sharip-pr.html>
Шолохов М. Рассказы – Л.: Худож. лит. – 1983. – 304 с.

**ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА БАШКИРИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Формулярный список был основным видом учетной документации по личному составу российского гражданского и военного чиновничества XVIII - начала XX вв. В отечественной историографии уже предпринимались попытки использовать этот тип источника при анализе положения офицерского корпуса Российской империи. Д.Г. Целорунго на основе формулярных списков реконструировал командный состав русской армии, сражавшейся в 1812 г. с Наполеоном [Целорунго 2002]. Создание кантонной системы управления (1798 г.) и образование Башкиро-мещеряцкого войска (1834 г.), как одной из частей военного министерства, привел к тому, что на национальную военно-чиновничью верхушку были распространены типовые формы служебной документации. Например, сплошное изучение формулярных списков управляющих башкирскими кантонами позволило впервые восстановить практически полный поименный состав кантонных начальников, проследить их карьеру, установить родственные, хозяйственные, социокультурные характеристики.

Формулярный список представляет особый вид исторического источника, фиксирующий формальные признаки военной или гражданской карьеры чиновника. Занесенные в формуляр сведения приобретали свойства официальной, юридически значимой информации, на основании которой происходило повышение или понижение в должности и чине, определялись выслуга лет, получение наград, материального поощрения и пр. Поэтому этот вид документации имел важнейшее значение для служащего, заполнялся на основании подлинных документов о рождении, происхождении, образовании и браке. Просмотр формулярных списков кантонных начальников Башкиро-мещеряцкого войска, не выявил сколько-нибудь массовых фактов исправлений внесенных данных, что также подтверждает особую ценность этого документа для чиновника и тщательность при составлении формулярного списка. Формулярные списки являются уникальным историческим источником от изучения социально-экономического положения российской гражданской и военной администрации до проведения генеалогических (биографических) исследований.

Однако в этом корпусе документации имеется существенный пробел. В результате поисков в архивах так и не удалось обнаружить формулярных списков управляющих башкирскими и мишарскими кантонами до 1834 г. По всей видимости, в 1798–1833 гг. верховная власть (и военное командование) рассматривали военно-административные структуры башкирского и мишарского общества (кантоны) как обычное иррегулярное войсковое формирование, аналогичное с калмыками и некоторыми северокавказскими народами. Но иной, более высокий уровень социального и экономического развития народов Южного Урала, другие факторы привели к оформлению по образцу русских казачьих войск Башкиро-мещеряцкого войска и на местную элиту сразу были распространены стандарты общероссийского

делопроизводства. Появились формулярные списки. В фонде Оренбургского военного губернатора (ЦГИА РБ. Ф. И-2) хранятся формулярные списки на всех управляющих башкирскими и мишарскими кантонами с периода с 1834 по 1863 гг.

Сам вид документа не оставался постоянным. Например, в 1864 г. графа, фиксирующая аттестацию чиновников начальством была удалена. Но в целом содержание и имевшаяся в формуляре информация оставалась идентичной, что позволяет проследить судьбу каждого кантонного начальника до роспуска войска.

Рассмотрим в качестве образца формулярные списки за 1862 г., на завершающем этапе существования Башкиро-мещерякского войска, когда делопроизводство было стабильным. Формулярный список на чиновников давался в виде таблицы. В 1862 г. она состояла из двенадцати граф. Первая из них содержала информацию о чине, звании, имени, отчестве и фамилии чиновника, а также его возрасте, вероисповедании, имеющихся орденах и знаках отличия. Вся эта информация отражала ситуацию на момент заполнения документа. Возраст приводился в количестве лет, достигнутых ко времени написания формулярного списка, а не от даты рождения. При исследовании возраста это может привести к погрешности до года.

Вторая, третья и четвертая графы содержат информацию о времени поступления на службу, годах получения чинов и возрасте военного к этому моменту, а также в каких полках и батальонах служил кантонный начальник, в каких походах участвовал, о получении наград за отличия в сражениях, сведения о ранениях и плене. В пятой графе обозначалось полученное чиновником «казенное» образование, звание, в котором он был выпущен. Если лицо не имело образования, то в этой графе записывались науки и языки, которыми владеет чиновник. Недостатком записываемых сведений, является то, что обозначалось лишь полученное «казенное» образование чиновника, тогда как башкиры и мишаре в большинстве обучались в медресе, что не указывалось в формулярном списке, и об окончании ими медресе можно предположительно узнать лишь по языкам, которыми владел кантонный начальник. Например, знание арабского и персидского языков скорее всего говорит о получении религиозного образования, хотя это не является абсолютно достоверной информацией, некоторые могли изучать языки в процессе домашнего обучения.

В шестой графе формулярного списка записывалось, был ли в отпусках чиновник, седьмая содержала информацию о нахождении под следствием или судимости. Восьмая, девятая и десятая графы показывали, в каком полку служил чиновник «в комплекте или сверх комплекта», достоин ли повышения чином, а если нет, то по каким причинам, а также достоин ли награждению за беспорочную службу.

Важное значение имеет одиннадцатая графа, где раскрывалось семейное положение управляющих кантонами. Здесь записывалось количество жен чиновника, их имена и происхождение. Также обозначалось количество детей, их возраст, имена и вероисповедание. Эта информация позволяет раскрыть семейно-родственные связи внутри национальной элиты, формирование наследственных династий кантонных начальников.

Двенадцатая графа показывает имущественное положение управляющих кантонами, а именно имеет ли лицо или супруга недвижимое имущество (дом, мельницы, поташные или конные заводы, земля и душ крестьян мужского пола), наследственное или приобретенное, где именно и в каком количестве.

Систематичность и стандартизованность информации формулярных списков, составлявшихся на кантонных начальников в течение трёх десятилетий (1834–1863 гг.), позволили воссоздать не только общий «портрет» управляющего башкирским или мишарским кантоном, выявить его служебное, семейное, имущественное положение, но и отказать от абстрактного (негативного) образа кантонного начальника, вернуть из исторического забвения сотни имён конкретных представителей национальной элиты, со всеми их достоинствами и недостатками.

Литература:

Целоруно Д.Г. Офицеры Русской армии – участники Бородинского сражения. Историко-социальное исследование. Москва, 2002.

Сальманов А.С., г. Уфа

БАШКИРСКОЕ РОДОПЛЕМЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ТАБЫН И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Табын – самая крупная по численности и наиболее сложная по составу родоплеменная группа в составе башкир. Подобное наименование племенного объединения есть и у казахского народа. Казахские табынцы также являлись многолюдным и сложным по структуре родоплеменным образованием. Башкирские и казахские табынцы имеют одни исторические корни, это подтверждается всеми необходимыми атрибутами родоплеменного объединения: во-первых, тождество этнонимов, уранов, тамг и их названий; во-вторых, аналогичные предания, легенды и генеалогии [Кузеев 1974, 253]. К тому же казахские табынцы кочевали там, где отмечались и башкирские табынцы – под Оренбургом, Уральском и у Тобола [Радлов, 1989. с.112]. Исходя из этого, становится бесспорным тот факт, что башкирские и казахские табынцы имеют одни этногенетические корни.

Древние предания и легенды табынцев указывают, что родиной их предков был Алтай [Кузеев 1974, 254]. У табынских башкир в преданиях отмечается пребывание предков на Алтае, затем на Иртыше: «В очень давние времена табынцы жили на Алтае. Даже само имя табын означает Алтай. Когда-то на Алтае жили и уйгуры; наши предки были уйгурами. Однажды предводитель (раис) табынцев повёл сородичей с Алтая на Иртыш. У раиса был струнный инструмент, и он под звуки волн Иртыша сочинял мелодии, которые и сейчас поют табынцы. Когда на Иртыше стало много народа, табынцы ушли на реку Белую» [БНТ Т. II 1987, 123].

Табын – одно из ответвлений мощного объединения дулу в период политического возвышения тюрков [Кузеев 1974, 258]. В пользу алтайского происхождения табынцев выступают и казахские историки. По их мнению, табынцы входили в союз Дулу, который лидировал в тюркской стране Юебани в V в. Затем эти же кочевниками с VI в. до VIII в. образовывали дулгасское (тюркское) царство в Тарбагатае и Южной Монголии со столицей у подошвы Алтая. Затем дулгасское

царство сменилось уйгурским [Аманжолов 1959, 34]. «Дулгасское (тюркское) царство» есть не что иное, как Тюркский каганат. Дулгасцы в китайских рукописях – тюркюты, основатели Тюркского каганата назывались «домом Дулга» (Тугю, Тукюе), что в переводе с монгольского языка означает *шлем*. Так как тюркюты-дулгасцы обитали по Южной стороне Алтайских гор и добывали там железо, этот народ принял данное название из-за сходства Алтайских гор со шлемом [Бичурин 1950, 220]. Здесь стоит обратить внимание на серьёзную историческую ошибку, обнаруженную Н.Я.Бичурином: из-за созвучности тугю с тюрки европейские исследователи приняли, что монголы, известные под названием дулга, были тюрки; и так как предки дулгасцев происходили из хуннов, то и хунны были народом тюркского происхождения [Бичурин 1950, 220]. В подтверждении этого замечания, выдающийся историк своего времени академик В.В.Бартольд, дулгат также относит к «отуреченному» монгольскому племени, которое сохранилось у казахов в форме дулат [Бартольд 1963, 512]. Как видно, одностороннее решение в пользу тюркского происхождения древних тюрков Тюркских каганатов, а значит и башкиро-казахских табынцев, неправомерно и несостоятельно.

По мнению казахских историков, прямыми потомками дулгасцев являются казахи Старшего жуза племени дулат [Востров, Муканов 1968, 37]. Дулат у казахов стало наименованием большого племенного союза в «Старшей орде» и казахские табынцы «Младшей орды» считаются родовым ответвлением дулатов. Но так как среди малоордынцев табын считался ведущим родом, а другие роды от него происходящими, для казахских учёных стало очевидно, что табынцы ещё в древности отделились от дулатов [Аманжолов 1959, 16]. Также, по мнению башкирских исследователей, ещё в то время, когда предки табынцев кочевали у подножия Алтайских гор, часть дулатов носила название Табын [Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962, 194]. В подтверждение этому учёные ссылаются на древнетюркские письменные памятники. В надписи, выбитой на камне в честь Кюль-тегина, написано, что татабы (табынцы*) входили в состав Тюркского каганата [Стеблева 1965, 123; Малов 1951, 36]. Та-табы, (татабы) – древнетюркское название племени табын [Кузеев 1974, 255]. Само же название «дулу» возникло от имени западно-тюркского кагана Ду-лу**, умершего в 653 г. Так стали называться западные тюрки, когда-то осевшие в Семиречье и создавшие страну Юебань [Аманжолов 1959, 36]. Примерно с этого времени в древнетюркских источниках появляются в качестве отдельного народа и табынцы. Видимо, благодаря вышеперечисленным фактам, как у казахских, так и у башкирских историков сложилось чёткое представление, что табынцы наряду с дулатами являются прямыми потомками древних орхоно-енисейских тюрков VI–VII вв. [Валеев 2002, 21].

Дулу (дуглаты) были известны ещё до н.э., тесно связанные с хуннами. Часть дулу откочевала вместе с хуннами на запад в киргизскую степь, а другая часть осталась в Джунгарии и относилась к гаогуйской группе племён под именем тулу [Грум-Гржимайло 1926, 257]. В IV в. в конфедерацию дулу входило племя чубань (юебань). Это племя являлось потомками северных гуннов (хуннов), пришедших в

Семиречье в I в. н.э. [Гумилёв 1974, 200]. Юебань (чубань) – «аймак, прежде принадлежавший шаньюю северных хуннов», прогнанному китайским полководцем Дэу-хянь [Бичурин 1828, 134].

По источникам известно, что государство Юебань в V в. н.э. находилось на склонах Саура и Тарбагатая, а на юге граничило с племенем абар. В начале 60-х г. V в. н.э. юебаньские хунны заняли всё Семиречье [Гумилёв 1974, 200]. Но некоторые историки (Дегинь и Neumann) помещают Юебань в нынешней Башкирии [Грум-Гржимайло 1926, 137]. Возможно, государство Юебань имело границы, выходящие за пределы Семиречья на север и северо-запад. И хунны, спустившиеся на юг в Семиречье, ещё долгое время составляли единый этнос с хуннами, которые перекочевали в Западную Сибирь и Урал. Недоказанным является утверждение Л.Н.Гумилёва о том, что уже к III в. хуннский народ разделился на четыре субэтноса, один из которых – хунны, слившиеся в Сибири с приуральскими уграми в единый этнос – гуннов; а другой – хунны государства Юебань [Гумилёв 1993, 200].

Потомки среднеазиатских хуннов не потеряли своё единство и в дальнейшем образовали первоначально союз из четырёх племён: чююе, чуми, чумутунь и чубань (союз племён Дулу), «игравших огромную роль во время существования Великого тюркского каганата и после него» [Гумилёв 1974, 200]. Предположение, что именно потомки западных хуннов создали Тюркский Каганат и являлись цементирующим материалом в новой кочевой империи, имеет подтверждение. В одной из легенд о происхождении тюрков, возникшей, по мнению Л.Н.Гумилёва на Алтае, говорится, что алтайские «тюрки-тюкю (тюркют)» происходят от западных гуннов посредством волчицы, которая забеременела от гуннского мальчика и бежала от врагов на Алтай, где родила десять сыновей. Известно, что западные тюкю делились на 10 племён. «Десять стрел» – военно-политический союз западных тюрков [Гумилёв 1967, 23, 281]. Вероятно, в среде западных тюрков возникла эта легенда, так как они считали себя потомками хуннов.

Следует отметить, что до внесения Л.Н.Гумилёвым в научный оборот концепции об отдельном народе «тюркют» в мировой науке существовало мнение о том, что тюркюты и тюрки Семиречья (входившие в Юебань) – одно и то же, из-за чего для терминологии «тюркют» Л.Н.Гумилёва не оставалось места в исторической науке. Такой точки зрения придерживался Э.Шаванн, который пришёл к такому выводу на основе работ В.Радлова и Ф.Хирта [Гумилёв 1967, 150].

В связи с этим вопросом вернёмся к предкам древних тюрков, то есть к хуннам. После 265 г. н.э. предки тюкю в составе других племён хуннского разноязычного объединения двинулись на юг в Ордос из-за давления со стороны некогда вассальных народов. Тюркам достались земли в южной части излучины Хуанхэ, в небольшом государстве Пилин, основанном хуннским родом Хэлань [Тиваненко 1994, 84]. Это государство, в другой транскрипции звучащее как Пинлян, существовало с 397 г. по 439 г. Его князья происходили из западных гуннов и, так как их предки были князьями левой (западной) стороны гуннского государства, имели родовое имя Чжуку. Но после разгрома Китаем этого государства в конце 30-х годов V века предки тюкю

откочевали в горы Гаочана, находящиеся к северо-западу от Турфана и славившиеся в то время богатством железа [История Сибири т. I 1968, 269]. Как писал Л. Н. Гумилёв, хуннским правителем этого уничтоженного тобасцами (китайцами) государства в Хэси*** был Мугань, который бежал на северо-запад с пятьюстами семьями****, возникших «из смешения разных родов», и поселился по южную сторону Алтайских гор, где стал добывать железо для жужаньцев. По мнению Л. Н. Гумилёва, «Ашина» значило «благородный волк» [Гумилёв 1967, 22]. Видимо, это наименование легендарной личности и всего его рода было дано в связи с благородным происхождением предка — основателя Тюркского каганата. В то время человеком «голубых кровей» мог считаться только потомок хуннских шаньюев и соответственно являться потомком легендарной волчицы.

К приходу хуннского рода Ашина к предгорьям Монгольского Алтая, где в округе обитали кочевые племена, происходившие от хуннов и говорившие на тюркском языке. В горах Гаочана, ныне называемых Богдо-ола, беглецы приняли наименование «тюркют» («тюкю», «тукю»). Объединение племён под этим новым именем произошло в конце 20 и начале 30 годов VI в., но основатель Тумэн (Бумын) провозгласил каганом себя только в 552 г. после победы над жужанями, до этого царствовавшими в степях [История Сибири т. I 1968, 269]. В составе этих первых тюрков-основателей тюрков-туго были и табынцы. Это также подтверждается табынской генеалогией, которая возводит табынцев к первому тюркскому кагану Тумэн-бию [Башкирские шежере 1985, 158].

Этноним «табын» связывают с одной из этих высоких гор монгольского Алтая: Табын-Богдо-Ола — Гора пяти богов. С позиции монгольского языка слово табын можно толковать в значении «пять». А с позиции тюркского языка слово «табын» имеет другую трактовку — служить, поклоняться, молиться [Кузеев 1974, 255]. В любом случае этноним «табын» так или иначе связан с этими алтайскими горами. И как отмечалось выше, в табынском предании есть этому подтверждение: «Даже само имя табын означает Алтай», то есть у табынцев сохранилась память о названных алтайских горах.

Известно, что каганы Первого Тюркского (Западного) каганата ежегодно приносили жертву в пещере предков в высокой горе, которая называлась Бодын-инли (с кит. «Дух покровитель страны»). Эта гора находилась к западу от гор Тукин (Дугин), которые были севернее Ордоса. Хань постоянно жили у гор Дугинь и совершали ежегодные паломничества на запад, к священной пещере. Этот культ свято почитался на Алтае. А один из каганов Тюркского каганата Чуло-хан и вовсе стал подолгу жить близ подножия родовой священной горы, которая находилась в местности, называемой «прежней Усуньской землёй». Исходя из этого, А. В. Тиваненко пришла к выводу, что древней прародиной тюрков-тюкю было Семиречье [Тиваненко 1994, 85]. Поэтому потомками западных хуннов и правопреемниками хуннской государственности можно считать семиреченских тюрков, вернувшихся на Алтай для воссоздания с алтайскими племенами кочевой империи.

Литература:

Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. — Алма-Ата, 1959.

Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. Т. II, Ч. I. М.: Изд. вост. лит., 1963. С. 1020.

Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Сост., автор вступ. статьи и ком. Ф.А.Надршина. Т. II. — Уфа, 1987.

Башкирские шежере. Сост., пер. текст., введ. и ком. Р.Г.Кузеев. — Уфа, 1985.

Бичурин Н.Я. Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом. — С.-П., 1828.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. — М. — Л., 1950.

Валеев Д.Ж. Судьба аргаяшских башкир. — Уфа, 2002.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. — Алма-Ата, 1968.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том II. — Л., 1926.

Гумилёв Л.Н. Хунну. — М., 1960.

Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. — М., 1967.

Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае. — М., 1974.

Гумилёв Л.Н. Хунну — степная трилогия. — С.-П., 1993.

История Сибири. Т. I. Древняя Сибирь. Л.: «Наука», 1968.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974.

Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX - начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. I. — Уфа, 1962.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. К.Д.Цивинной и Б.Е.Чистовой. М.: Наука, 1989.

Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-VIII веков. — М., 1965.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. — Новосибирск, 1994.

*Племя табын имеет древнетюркское название в виде — та-табы, татабы [Кузеев 1974, 255].

**В истории Западно-тюркского Каганата был царевич из рода Ашина Юкук-шад, которому «западные племена» дали почётное имя «Ирбис Дулу-хан» и вокруг которого сплотились «все антикитайские и антимперские силы степи» [Гумилёв 1967, 216].

***Хэси — область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем. Ныне провинция Ганьсу [Гумилёв 1967, 22].

****Фигуральное выражение, означающее немного [Гумилёв 1961, 105].

Сальманова А.А., г. Уфа

ЗАРОЖДЕНИЕ ХОРОВОГО ПЕНИЯ СРЕДИ БАШКИР И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖАНРА ОБРАБОТКИ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ ДЛЯ ХОРА

Монодийная природа башкирского музыкального фольклора обусловила отсутствие в нем многоголосного хорового исполнительства. Однако первоначальная форма коллективного пения, унисонное пение мелодии в гетерофонном стиле, бытовало среди башкир в виде совместного исполнения напевов обрядовых жанров, связанных со свадьбой, таких как: *сынляу* (свадебные причетания), *теляк* (ритуальные благопожелания невесте) и *эрзэу* (корильные величания). Более поздние формы коллективного унисонного пения появились в конце XIX в начале XX веков. «Очагами распространения этих ... форм исполнительства были начальные школы-мектебе.» [Фоменков 2001, 9] В этих учебных заведениях одногласно распевались народные песни и песни на стихи М. Гафури и Г.Тукая, а также мусульманские духовные песнопения — *мунажаты*.

Послереволюционные преобразования вызвали заметные изменения общественной жизни и быта народов нашей страны. В эти годы особенно интенсивно начинают развиваться традиции массового, коллективного пения. Повсеместно организовывались национальные вокальные ансамбли, хоровые коллективы: в школах, различных учебных заведениях, в сельских и городских клубах, на предприятиях, в

учреждениях, на фабриках и заводах. Репертуар этих коллективов состоял, в основном, из народных песен, песен гражданской войны, новых произведений, созданных композиторами, а также руководителями этих ансамблей и хоров. Часто к старым, традиционным напевам сочинялись новые слова. Вводились и новые приемы исполнения, такие, например, как диалогическое двухголосие: переключки женской и мужской групп хора. Данный прием получил широкое применение в такмаке — песне-частушке. Такмак способствовал распространению среди башкир коллективного пения, которое в начале было унисонным, а позже — с элементами диалогического двухголосия.

Для многочисленных ансамблей и хоров требовался, прежде всего, национальный репертуар. Поэтому было закономерным, что авторами первых обработок башкирских народных песен, а также первых оригинальных сочинений в песенном жанре для хора стали наиболее подготовленные, наиболее творчески одаренные руководители таких коллективов, среди которых были: Х.Ибрагимов, Г.Еникеев, С.Габяши, Г.Альмухаметов, М.Валеев и другие.

К обработке башкирской народной песни обращались и русские профессиональные музыканты, работавшие в национальных любительских и учительских хорах. Например, известно более двадцати башкирских и татарских народных песен в обработке для голоса и хора И.В.Салтыкова. Среди них обработка башкирской народной песни «Салават». В трех куплетах, использованных в партитуре, автор стремился обогатить и динамизировать напев песни за счет применения различных видов фактуры — от гомофонно-гармонического склада до подголосочной и имитационной полифонии. Следует отметить особую роль темпа в драматургии обработки, который в соответствии с темпом народного первоисточника носит весьма сдержанный характер и тем самым придает сочинению определенную эпическую широту.

В конце 20-х гг. XX в. появилась сюита на темы башкирских песен «Буранбай», автором которой явился известный хоровой дирижер и композитор А.А.Егоров. Сюита состоит из четырех частей:

1) «Буранбай»; 2) «Обычай»; 3) «Плачь, плачь, мой напев»; 4) «Свояченица»

Произведение А.А.Егорова оказалось одной из первых попыток многоголосного освоения традиционно одноголосной башкирской народной песни в композиторском творчестве с использованием полифонических и гармонических средств, современных достижений техники хорового письма.

В 30-е гг. шло более интенсивное освоение народной песни в хоровом творчестве композиторов. Так, в 1934г. вышло три сборника обработок башкирских и татарских народных песен. Среди них: «Татарские и башкирские народные песни» Г. Лобачева, «Две башкирские народные песни» М. Музафарова, «Три башкирские народные песни» З. Компанейца. В этом же году была опубликована «Песня пастуха» для смешанного хора З.Компанейца, написанная на основе народной песни «Баик». Также известны сочинения композиторов К.Рахимова, М.Валеева, А.Ключарева, А.Эйхенвальда, А.Фере, где

использованы башкирские народные песни. Среди хоровых обработок можно выделить: «Иряндык» А.Эйхенвальда, «Караван сарай» и «Наза» А.Фере, «Хыбай кашка» А.Тихомирова, «Гильмияза», «Бииш-кантон» и «Сук муйыл» Л.Миловидова и многие другие.

40-50е гг. явились одной из вершин в области хоровой обработки башкирской народной песни. На основе народного материала появились оригинальные сочинения Р.Габитова, З.Исмагилова, Р.Муртазина, К.Рахимова, Н.Сабитова, Ш.Ибрагимова, Х.Ахметова, В.Соколова.

В середине 60-х гг. вышли в свет два сборника обработок башкирских народных песен для хора, выполненных А.Тихомировым и М.Фоменковым, а также сборник из десяти обработок Р.Сальманова.

В конце 70-х начале 80-х гг. появились обработки песен для хора Б.Шестакова, Е.Земцова, Р.Хасанова, Д.Хасаншина, отличающиеся сложным гармоническим языком, сочетанием различных принципов формообразования, весьма развитым голосоведением и тембровым варьированием.

В 90-е гг. новую жизнь обрели песни, до этого менее распространенные в композиторском творчестве («Златовласая», «Пляска старушки»). К ним обращаются композиторы более молодого поколения: А.Каримов, С.Сальманов, Р.Касимов, Н.Даутов и другие.

Конец 90-х — начало 2000-х гг. примечателен появлением в творчестве башкирских композиторов сочинений, основанных на обрядовых жанрах музыкального фольклора. В связи с этим необходимо отметить композитора Салавата Сальманова, перу которого принадлежат несколько хоровых циклов, в основе которых лежат мотивы обрядового фольклора. Это такие циклы для женского хора, как: «Колыбельные», «Заклички и заклинания», «Сказки, игры, хороводы». Особенностью данных сочинений является наличие драматургии в каждом номере в соответствии с функциями того или иного обряда, музыкально воплощаемой красочными гармониями, различными тембровыми сочетаниями, фактурными варьированиями.

Таким образом, народная песня в творчестве башкирских становится непревзойденным источником тематизма при создании оригинальных хоровых сочинений.

Круг песен, используемых в качестве материала для обработки на всех этапах развития башкирского хорового искусства, охватывает все жанровое многообразие башкирского песенного фольклора. «Обработки неравноценны по своим художественным достоинствам и, отличаются приемами и формами развития интонационного материала. Авторы этих обработок, в соответствии с жанровыми, стилистическими, характерными особенностями народного первоисточника, искали и находили наиболее совершенную форму многоголосного воплощения традиционно монодийного напева» [Фоменков 2001, 130].

Таким образом, изначально монодийная природа музыкального фольклора башкирского народа в профессиональном композиторском творчестве обогащается новыми красками путем внедрения многоголосия. «Многоголосие в башкирской композиторской музыке явилось следствием развития элементов, издавна заложенных в

структуре башкирской мелодики» [Фоменков 2001, 98-99].

Башкирская профессиональная музыка начиналась с обработок народной песни. За короткий срок (с начала 20-х годов) она прошла путь до оперы, оратории, кантаты, став частью мирового музыкального пространства. Обработка народной песни является для композиторов своего рода лабораторией, где находятся и оттачиваются определенные приемы хорового письма, которые применяются при создании оригинальных сочинений.

Литература:

- Исламгулова Р. Хоровое творчество башкирских композиторов: Очерк. – Уфа: РИЦ УГИИ.
Сальманова Л. О ритуальной функции причитания невесты в башкирской традиционной свадьбе // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009, Вып.33. – №22. – С.103-107
Фоменков М. Очерки развития хорового искусства в Башкирии. – Уфа: Китап, 2001.

Сальманова Л.К., г. Уфа

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ МУЗЫКАНТОВ ОРКЕСТРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предвоенные годы в Башкирии единственным учебным заведением, выпускавшим специалистов музыкального искусства, являлось Уфимское музыкальное училище. Последнее вместе с единственной в республике музыкальной школой явились базой для развития в Башкирии профессионального концертного исполнительства. Значительная часть концертов готовилась силами преподавателей и учащихся именно этих учебных заведений (Очерки по истории башкирской музыки 2001, 34). Однако в годы войны резко обозначилась проблема, связанная с нехваткой музыкантов-исполнителей, и, прежде всего, она была поставлена во время формирования 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, которой требовались музыканты военного оркестра. В этой связи 15 марта 1943 г. открылась школа музыкальных воспитанников Красной Армии, находящаяся, очевидно, на полном государственном обеспечении. Руководил ею капитан Кричевский, в составе преподавателей значились капитан Слуцкий, капитан Солодов, композитор И.И.Розенфельд, эвакуированный из Ленинграда, и др.. Занимаемое школой помещение было небольшим, в нем не хватало классов для специальной подготовки и комнат для жилья: учащиеся были вынуждены спать по два человека на одной кровати (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 50. Л. 264). Несмотря на это, новая школа сразу же зарекомендовала себя как учебное заведение, способное готовить квалифицированные кадры военных музыкантов в сжатые сроки. Всего за восемь месяцев юные музыканты приобрели навыки игры на духовых инструментах, получившие высокую оценку специальной комиссии.

Проблема подготовки музыкантов оркестра из представителей сельской молодежи касалась не только исполнителей на духовых инструментах, но и музыкантов струнной группы, а также ансамбля народных инструментов. Недостаток последних стал особенно очевидным в связи с однообразием репертуара районных кружков художественной самодеятельности, составляемого чаще всего из одних драматических пьес. Подобное положение объяснялось отсутствием музыкальных инструментов и «музыкально-грамотных» руководителей,

что нашло отражение в справке «О Всеобщем смотре художественной самодеятельности» от 19 октября 1943 г. (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 375. Л. 62 – 64).

В мае 1943 г. в ходе проверки учебной работы в музыкальном училище были установлены причины, сдерживавшие подготовку национальных кадров, а именно: отсутствие общежития, обязательное платное обучение и выделение стипендий только отличникам. Эти причины являлись основным препятствием для поступления в училище башкир, проживавших в сельской местности. В результате за 20 лет существования училище выпустило 60 человек, в том числе только 9 башкир. На момент же проверки контингент учащихся состоял из 51 человек, среди которых значились лишь 3 башкира (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 123. Л. 165 – 168). По выводам комиссии, изучившей вопрос о контингенте учащихся музыкального училища и предложившей ряд мер с целью создания условий для воспитания музыкантов оркестра, постановили: вернуть училищу общежитие, отобранное в начале войны для размещения эвакуированных музыкантов; обеспечить прием в училище не менее 75% учащихся из башкир и татар, приехавших из районов; просить СНК СССР установить для них стипендии независимо от их успеваемости и освободить их от платы за обучение (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 123. Л. 162 – 164). И наконец, 20 декабря 1943 г. задача воспитания музыкантов-инструменталистов имела уже конкретный вид. Было решено открыть в музыкальном училище специальный оркестровый класс на 60 человек из башкир и татар. Однако ввиду отсутствия средств этот класс не сформировался, и в решении сделали уточнение: принять 25 – 30 человек за счет сокращения контингента музыкального училища (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 375. Л. 282).

Таким образом, именно в годы Великой Отечественной войны впервые проявилась острая необходимость в воспитании национальных кадров – музыкантов духового оркестра и ансамбля народных инструментов. Приведенные исторические документы свидетельствуют, что правительство республики решало эту проблему целенаправленно. Сегодня в отношении кадров музыкантов и развития башкирского музыкального искусства ставятся другие вопросы, например, как сохранить для республики высококвалифицированные кадры музыкантов, которые нередко уезжают в другие регионы в поисках более высокой заработной платы, или как сделать так, чтобы новые произведения башкирских композиторов, отличающиеся талантливым претворением башкирского народного мелоса, не залеживались бы годами, а исполнялись сразу после их создания. Ведь озвучивание новых сочинений поддерживает уровень слушательской аудитории, что напрямую связано с уровнем музыкальной и шире – духовной культуры народа в целом.

К данному сообщению прилагаем справку о состоянии учебной работы в школе музыкальных воспитанников Красной Армии, представляющую интерес профессиональным изложением текста, которое, видимо, принадлежит ленинградскому музыковеду Л.С. Орловой.

«Принимая шефство над вверенной Вам школой Башкирский союз советских композиторов выделил специальную комиссию в составе председателя союза советских композиторов Валеева М.М. /заслуженный деятель искусств БАССР/, композитора Заимова Х.Ш. /руководитель Военно-шефской работы/, ответственного секретаря Баш. ССК Орловой Л.С. /музыковед, музыкальный критик/ для ознакомления с состоянием учебной работы.

Мы, нижеподписавшиеся, сегодня, 24 января 1944 года, прослушали выученный воспитанниками III курса служебно-строевой репертуар и несколько пьес /«Вальс» Вальдтейфеля, «Башкирский марш» капитана Слуцкого/, пришли к следующему заключению:

Прослушанный оркестр из 68 воспитанников обладает очень хорошей, своеобразно компактной звучностью, четким ритмом, верной интонацией в сигналах и мелодике, художественностью исполнения /нюансы, муз. фраза/. Учитывая краткий срок с начала занятий, отмечаем исключительные успехи в технической подготовке молодых музыкантов. Отмечаем особо оркестровую дисциплину, для которой характерно исключительное внимание ребят к дирижерскому жесту.

Весьма ценным является выделение руководством школы занятий на особо трудном инструменте валторна. Ансамбль из 7 валторнистов под руководством педагога И.И.Розенфельда исполнил классическую программу: Григ «Смерть Озе», Бизе «Интермеццо» и песню «Замучен тяжелой неволей» и показал, при занятиях в короткий срок /3 месяца/, крупные достижения: технику игры, красивый тембр звучания, музыкальную выразительность, чувство ансамбля в наполнении.

Состав педагогов, привлеченный начальником школы капитаном Кричевским, обладает солидной специальной подготовкой и работоспособностью: капитан Солодов, капитан Слуцкий, старый опытный дирижер симфонического оркестра /стаж более 30 лет/ И.И.Розенфельд и другие.

В заключение считаем, что школа заняла правильный путь подготовки квалифицированного музыканта военного оркестра. Поднялся и общий культурный уровень. Оркестровая страница нового красноармейского марша значительно сложнее по технике, чем раньше.

Нельзя допускать отставание против требований. Школа имеет все основания для выпуска квалифицированных музыкантов Красной Армии, которым суждено играть не только походные, но и победные, праздничные марши» (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 375. Л. 167).

Литература:

Очерки по истории башкирской музыки Вып. 1. — Уфа, 2001.

Самушкина Е. В., г. Новосибирск

ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1990 - е гг. XX в.)

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 25 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

В результате реформ 1990-х гг. субъекты РФ, в том числе и Республика Алтай, обрели право на собственную конституцию, государственную символику и другие атрибуты государственности.

Лидеры этнонационального движения Республики Алтай считали атрибуты государственности важным условием мобилизации этничности. В условиях развития самосознания тюркоязычного сообщества творческая и научная интеллигенция региона обратилась к историческим корням. В древней истории шел поиск образов решения современного флага и герба Республики Алтай.

Особое внимание в этой связи было уделено героическому прошлому алтайцев — традиции современной государственности удревнялись. История Алтая в своих истоках связывалась в местной прессе и публицистике с носителями пазырыкской археологической культуры [Адаров А. 2000, 5].

Согласно постановлению Президиума Республиканского совета народных депутатов, была создана конкурсная комиссия по рассмотрению эскизов атрибутов государственности Республики Алтай [Какой быть государственной символике? 1992, 1]. В результате конкурсного отбора в октябре 1993 г. Верховным Советом Республики Алтай были приняты «Концепция герба Республики Алтай» и «Положение о государственном гербе Республики Алтай».

По мысли разработчиков герба, он должен был выражать *«суверенитет республики, исторические традиции, особенности территории»* [Положение о государственном гербе Республики Алтай]. Герб Республики Алтай имел особое значение: население Алтая с древнейших времен входило в различные сообщества Центральной Азии, чьи государственные образования имели свои элементы государственной атрибутики; *«за всю многовековую историю Горного Алтая его народ впервые стал субъектом обновленной Федерации, обретя государственность в составе России»* [Адаров А., Бедюров Б., Ортоңулов И.], что впервые давало право на собственные государственные символы.

В трактовке А. Адарова, Б. Бедюрова, И. Ортоңулова, предлагаемый вариант герба олицетворяет собой *«образ, характерный для наиболее совершенной по своим художественно-стилистическим формам культуры — общей для всех народов Евразии, как кочевого, так и земледельческого круга Древней Скифии»*.

Центральный образ герба — грифон. По мысли авторов концепции, изображение Кан-Кереде (грифона), отражает самобытную культуру края, подчеркивает связь с носителями скифской культуры. В трудах Геродота грифон описан как птица, стерегущая Алтай и его богатства [Там же].

Согласно интерпретации создателей герба, грифон несет благородную миссию; он является ипостасью священной солнечной птицы — держательницы жизни, стерегущей спокойствие, мир и счастье народов родной земли, а также покровительствующей природе.

Образ грифона активно тиражируется творческими и научными кругами Республики Алтай. Орлиноголовый грифон, найденный С. И. Руденко во II Башадарском кургане (V в. до н.э.) и принадлежащий пазырыкской культуре, избран эмблемой Каракольского природного парка «Уч Энемек». Изделия, выполненные в скифском зверином стиле, также широко представлены на государственных

праздниках Республики Алтай – Эл Ойын. Этот праздник приобрел официальный статус в начале 1990-х гг.

В городе мастеров при проведении праздника в 2004 г. участникам и гостям мероприятия предлагались акарины в виде орлиноголовых грифонов, грифоны-обереги. В лавке Кош-Агачского р-на РА был выставлен войлочный ковер с изображением тамг и священных животных алтайских родов. Центральным образом этого произведения являлся все тот же грифон (Кан-Кереде). В символике родового движения грифон представлял собой знак ага-зайсана (верховного зайсана) Алтая.

Значение этого образа широко обсуждается в республике, включаясь в новые коннотационные схемы; одновременно оно соотносится с традиционными мифологическими схемами.

Символизация на основе мифологизации неизбежно сопровождается архаизацией и иррационализацией массового, в том числе и политического, сознания. Так, например, на урвене государственного собрания – Эл Курултая РА обсуждалась «виновность» грифона, изображенного на гербе республики, в социальных и экономических проблемах. Грифон, по мнению некоторых депутатов собрания, является представителем потустороннего мира, поэтому он навлекает на Алтай беды и несчастья [Алтай предо мною 1999, 3]. Подобные примеры, демонстрируя отсутствие понимания различий между символом и реальностью, которую он обозначает, переводили политический дискурс в мифологическую плоскость.

Не менее остро на Алтае обсуждались проблемы флага республики. Основными символами, представленными разработчиками эскизов, являлись элементы природного ландшафта Республики Алтай – изображения рек, гор, Телецкого озера, призванные олицетворять красоту, первозданную чистоту этой земли [ГАРА. Ф. Р-690. Оп. 4. Д. 4. Л. 3]. Рассматривались в роли государственных символов и элементы традиционной культуры алтайцев, образы, принадлежащие духовной культуре.

Анализ проектов государственных символов и официальной версии толкования образов показывает, что при помощи государственной символики формируется символический текст современной политической мифологии.

Попытка оценить компетентность молодежи, выявить собственную трактовку государственных символов РА определили содержание авторского опроса, проведенного в 2007 г. в столице республики. Опрос показал, что учащиеся Республиканской национальной гимназии им. В. К. Плакаса разбираются в символах, выбранных для государственного герба и государственного флага Республики Алтай, и высоко оценивают их значение – *«герб Республики Алтай самый красивый и оригинальный»*.

При этом, изображая государственную символику, школьники имеют собственную трактовку основных образов. Герб и флаг Республики Алтай, по мысли учеников, олицетворяют свободу и независимость алтайского народа, его мощь, силу и величие; геральдические символы обозначают союз двух легендарных народов – алтайцев и русских. Центральный образ – грифон является, по версии

учеников, берегом Алтая: мифический зверь охраняет сакральный Алтай от бед и нападков врагов. Также грифон символизирует ум, смекалку и могущество народа. Согласно мнению опрошенных, в современных геральдических символах выражена идея процветания Алтая в будущем. Цветовое решение государственных символов, по оценке респондентов, выбрано не случайно. Цвета обозначают свободу, чистоту и спокойствие республики, напоминают о ее уникальной природе и о необходимости ее защиты.

Будучи новациями, символы Республики Алтай, например грифон, органично вписываются творческими кругами в мифологические построения на тему древности происхождения аборигенных этносов Южной Сибири, а также в сюжеты по поводу особенного вклада их предков в общемировую культуру.

Образ героического прошлого, сакральность территории проживания, особая национальная культура, вера, общность происхождения и родство современных тюркских народов мира определяют парадигмы современного символьного творчества в Республике Алтай, которое развивается в контексте создания национальной государственности. Геральдическое творчество переходит из плоскости символической в плоскость политическую; и символическая элита республик с успехом выполняет свою задачу по распространению и систематизации этнонациональных символов и мифов.

Литература:

- Адаров А. К возвращению укокской принцессы // Звезда Алтая. 2000. № 118. С. 5.
Адаров А., Беджоров Б., Ортоңулов И. Концепция Герба Республики Алтай // Архив Республиканского национального музея им. А. В. Анохина. Ф. № 10578.
Алтай предо мною. // Хакасия. 1999. № 151. С. 3.
Какой быть государственной символике? Конкурс продолжается // Звезда Алтая. 1992. № 149. С. 1.

Сибэятова Р.Ю., Офёк

ТЕЛСЕ ГЕНӘ ТҮГЕЛ, ТАРИХСЫ ЛА УЛ

(Касим Закир улы Әхмәров)

Күренекле телсе-ғалим, филология фәндәре докторы, профессор Касим Закир улы Әхмәров үзенең бөтә тормош юлын тиерлек башкорт теле буйынса фәнни эзләнеүзәргә һәм педагогик эшмәкәрлеккә арнай. Ул 80-дән ашыу филми хезмәт авторы. Шулар араһында киң билдәле «Башкорт телендә ябай һөйләм синтаксисы» (1958), «Башкорт телендә тезмә кушма һөйләм синтаксисы» (1960), «Башкорт һәм рус теленең сағыштырма грамматикаһы» (Р.Н. Тере-ғолова менән берлектә (1953), «Башкорт теле язмышының тарихы» (1969) монографиялары, мәктәп һәм педагогия училищелары уҡы-тыусылары һәм уҡыусылары өсөн уҡыу кулланмалары, һүзлектәр һ.б.

К.З. Әхмәров «Русса-башкортса һүзлек», «Башкортса-русса һүзлек» тәрзе сығарыуға етәкселек итә һәм уларҙың фәнни редакторҙарының береһе лә булып тора. Ошондай тынғыһыз эшмәкәрлек Касим Закир улына фән донъяһында юғары абруй килтерә. Киң мәлүмәтле телсе-ғалим буларак, уны РСФСР Фәндәр академияһының ағза-корреспонденты Н.К. Дмитриев та юғары баһалай. «Среди башкирских языковедов среднего поколения К.З. Ахмеров занимает одно из ведущих мест. Он известен не только как преподаватель башкирского языка в высшей школе, но также и как

автор учебников для средней школы и педучилищ и составитель ряда статей по вопросам башкирской филологии в широком смысле» (ф.12, оп. 1, д. 39).

Элеге көндө билдәле телсенен шәхси архивы Рәсәй фәндәр академияһының Өфө фәнни үзәгенең Ғилми архивында (№12 фондында) һаклана, ул бер опистан, бөтәһе 50 эштән тора. Опись үзә бер нисә бүлектә бүленгән:

- Монографиялар, диссертация, дәрәсләктәр.
- Докладтар, статьялар һәм отзываетар.
- Эш қағызары, архив күсермәләре.
- Нәфис әзәби әсәрзәр.
- Башка кешеләрзән материалдары.

К.З. Әхмәровтың архив материалдарына күз һалһан, уның якшы телсе генә түгел, ә тарихсы ла икәнән күрәбәз. Бында уның 1928–1933 йылдарза язылған «Башкортостанда революцияға тиклем халык мәғарифы (Архив материалдары буйынса)» тигән китаптың кулъязмаһы һаклана. Китап өс өлөштән тора. Беренсәһе уның тәүге язмаһы, 1928 йыл менән күрһәтелгән (ғәрәп графикаһында). Икенсәһенә ул өстәлмәләр индереп, архив материалдары буйынса, тип биргән. Өсөнсәһенә архив материалдарының күсермәләре төпләнгән һәм уларзың кушымтаһы булып тора. Был эзләнеүзәрен Касим Закирович Өфөлә башкорт телен тормошка ашырыу комиссияһының инструкторы булып эшләгән сағында яза башлай. Тарих менән кызыкһыныуы ошо вақыттан башланалыр, күрәһен.

Китап инеш һүззән тыш, бөтәһе дурт бүлектән тора һәм һәр берәһе үзәнен эсенә һигез йә унан да ашыуырак бүлексәһе ала:

- 1) Башкортостанда булған рустар араһында халык мәғарифы;
- 2) Башкортостанда рустан башка милләттәр араһында халык мәғарифы;
- 3) Мәктәп һәм мәдрәсәләр;
- 4) Дөйөм мәжбури укыу индереу мәсьәләләре.

Күрәүебәзсә, К.З. Әхмәров телсе булыуына карамастан, шул вақытта ук беззән тарихыбызың кайһы бер бушлыктарын да тулыландырырға ынтылған. Был китапты мәғарифыбыз тураһында булған бөтә мәлүмәттәргә бай әзәр китап тип иҫбатламайым, сөнки ул кулъязма рәүешендә генә һакланып, тамамланмаған хезмәт булып тора. Шулай булыуына карамастан, ул К.З. Әхмәров хезмәте буларак кызыклы. Ул бында архив материалдарына етди иғтибар биргән, тик, уларзың кайзан алынғанын язмаған, бары кулланылған материалдар иҫемлегендә генә килтергән.

Беренсә бүлектә тәүге мәктәптәр, уларзың қасандан асылғандарын, һиндәй максаттан асылғузырында тикшерәргә тырышқан. “1714 йылда донъяуи мәктәптәргә башланғыс һигез һалынып, ошо йылда, һәр бер губернала сифырный мәктәптәр асыу тураһында һөкүмәт қарары сыға. Был мәктәптәр приказной чин, дворян, руханитарзың балалары өсөн булып, быларға укырға-язырға өйрәтелеу менән бергә чет, арифметика һәм геометрия укытыла. 1732 йылда йәйәүле гарнизон полктары эргәһендә һалдат балалары өсөн гарнизон мәктәптәрәре асылалар. Был мәктәптәр помещик, дворяндарға һуғыш өсөн якшы һалдаттар етештерәргә тейеш инеләр. Сифырный мәктәптәр 1744 йылға тиклем

дауам итеп, һунынан уларға гарнизон мәктәптәрен дә кушалар. Сифырный мәктәптәрҙән Башкортостанда асылыу асылмауҙары тураһында мәғлүмәттәр юк. Гарнизон мәктәбе 1732 йылда Ырымбурҙа асыла. Бынан башка 1948 йылда Ырымбур, Бердский Слабуда, Шишмәлә һөргөндә булғандарҙың балалары өсөн мәктәп асыла. Был турала Сенаттың 1948 йыл, 18-нсе ноябрҙағы указында «Для всех ребят, которая находятся в Оренбурге и в Бердской Слабоде, а так уже в Чишминских поселениях у своеконных и рабочих ссылочных от 3 до 15 лет учредить там под ведением Оренбургской губернской канцелярии особливую школу, куда из всех таковых, из прописания место собрав обучать русской грамоте, чистому письму, нотному пению, исповеданию православной веры, так уже и первой части арифметики».

1744 йылда отставкаға сыккан һалдаттарҙы Башкортостанға күсереп башланып, уларҙың балаларын уҡытыу тураһында батша хөкүмәтенен ул балалар өсөн айырым мәктәптәр асмай, ә кайһы сиркәүгә беркетелгәндәр, шул сиркәү победы өйөндә уҡытылырға тейеш тигән әмере була.

Шулай итеп, XVIII быуаттың беренсе яртыһында Башкортостанда бер-ике генә мәктәп була (ф.12, оп.1, д.2,16-17 бб.).

Бөтә тикшеренеүҙәрҙән һуң 1846 йылда Башкортостанда һиндәй мәктәптәр һәм улар кәһән, кайһы асылған, унда күпме уҡыусы һәм кемдәрҙән балалары уҡығаны тураһында мәғлүмәттәр килтерә.

Бынан тыш дәүләт милке ведомствоһы мәктәптәре, малий (финанс) министрлығы карамағындағы мәктәптәр, рухани идара кулында булған мәктәптәр тураһында ла мәғлүмәттәр бирә. Шулай итеп, төрлө ведомстволар кулында 39 урта һәм түбән мәктәптәр булып, былларҙа 1672 уҡыусы булған. Александр I хөкүмәте 1804 йылда сыккан уставы менән кағызға халыҡ мәғарифы ятлы булһа ла ысынында, 40 йыл ваҡыт үтөүгә карамаһтан һәр бер ауылда приход мәктәптәре асыу түгел, Башкортостандың бөтә калаларында ла асылмаған, бары тик 3 кенә калала асылған. Мәсәлән, Бәләбәйҙә 1860 йылда ғына барлыкка килә (ф.12, оп.1, д.2, 29–31-се бб.).

Тағы шуны әйтергә кәрәк, К.З. Әхмәров мәктәптәр тарихын ғына түгел, шул осор сәйәсәтен дә өйрөнөргә, анализларға һәм күтәргән күп мәсьәләләргә карата үз фекерен, һығымтаһын бирергә тырыша. Икенсе бүлектә һүҙ рустарҙан башка милләттәр араһындағы мәғариф эше тураһында бара. Бында К.З. Әхмәров батша хөкүмәтенен мәғариф, дин аша ваҡ милләт халыҡтарын руслаштырырға тырышыуын һыҙыҡ өстөнә ала. «Батша хөкүмәте мәғариф юлында ваҡ милләттәргә карата эшләгән бөтә сараларын үзенен колонизация сәйәсәтенән сығып эшләне. Бында, уҡыусыларҙы дин йоғонтоһона буйһондороу, дин ярҙамында эшсәндәрҙе эксплуататорлау, уҡыусыларҙы революция идеяларынан һаҡлау, йәшәгән төзөлөштөн йәшәүенә ярҙам итеу тойһоһо тыузырыу, хосуси миллектен мөкәддәслеге, милле доһманлыҡ һымак мәғариф юлындағы сәйәсәттән күзәтелгән төп дөйөм максаттар өстөнә, төп максат итеп урыслаштырыу алынғайны. Ваҡ милләттәр өсөн асылған хөкүмәт мәктәптәре урыс самодержавияһының колонизация сәйәсәтен үткәрәүсе усаҡтар ине», – тип яза ул. һүҙҙәрҙән дәлилләп, 1865 йылда Өфө Епархияль идараһы тарафынан башкорттар өсөн асылған мәктәптәрҙән уҡытыусыларына төзөлгән инструкцияны

килтерә. «Башкорт ғәскәрәнә буйһонған башкорттарзың балалары өсөн асыла торған мәктәптәрҙең төп максаты: укырға-язырға өйрәтеү юлы менән балаларзы акрын һәм һизелмәслек рәүештә христиан диненән эзәм балаларын коткара торған ысулдары менән таныштырып, уларзы ирекле, анлы рәүештә христиан динен кабул итеүгә әзерләү. Ошоноң өсөн «наставниктар»ға түбәндәге бурыстар йөкмәтелә:

1) Төрлө рәүештә үзәрәндә тәрбиәләнеүселәрҙең әсә телдәрән өйрәнеү, башкорттарзың фекер образдарын, төп аңлауҙары, холок, ғөрөф-ғәзәттәре менән тулы рәүештә танышыу;

2) Үзәрәненң тәрбиәләнеүселәре алдында тулы ышаныс, улар арқыры, уларзың ата-әсәләре һәм мәктәп тышында осрашырға тура килгән ерзәрҙә ихтирамын қазаныу. Бының өсөн «наставниктар» мәктәп йортонда һәм эшендә балалар менән яқшы мөнәсәбәлә булырға, уларзың бөтә кәрәктәрәнә инеп, мөмкин тиклем был кәрәктәрән кәнәғәтләндрәү сараларын күрәү». Башка шуға окшаш кәнәштәр бирелә, бөтәһе 8 бүлектән тора (ф. 12, оп. 1, д. 2, 73-74 бб.).

Қыздар пансионатына қарата ла шундай ук қарашта, бына, мәсәлә, һисек яза ул: «Ғаиләгә йоғонто яһап, қатын-қыздарзы иң тәүлә батша хөкүмәте өсөн файзалы рәүештә тәрбейә итеп, шулар арқыры руслаштырыу сәйәсәтен тәрән рәүештә үткәрәү максаты менән қыздар мәктәбе асыуға нығырак игтибар ителә. Ошо максат менән укытыу өсөн йылда ебәрелә торған 21 мең һум акса иҫәбенән 1862 йылда Бөрөлә башкорт қыздары өсөн 2 разряд пансионы асыла. Был пансионат Бөрө өйәзе өсөн генә түгел, бөтә Башкортостан өсөн була. Ул ун йыл эшләй, ләкин көтөлгән һөзөмтәләр бирмәй. 10 йыл эсендә бөтәһе 2 башкорт қызы укып бөтә. Шул сәбәплә 1872 йылда мәктәп Өфөгә күсерелә» Мәктәптән күсереләү сәбәптәрән, уны күсереп һиндәй мәсьәләләр хәл ителгәнә күрһәтеү өсөн губернатырзың Ырымбур генерал-губернатырына 1868 йылдың 22 ноябрында язған хатын һәм округ инспекторының отчеттарын күрһәтә (76-78 бб.).

К.З. Әхмәрәв рустарзан тыш милләттәр өсөн асылған мәктәптәр тураһында язғанда тик башкорт мәктәптәрән генә күз унында тотмай, ә бөтә Башкортостанда йәшәгән вак милләттәр тураһында һүз алып бара һәм улар өсөн асылған мәктәптәрҙең дәйөм һанын килтерә.

Башкорт мәктәптәре: Бөрө өйәзендә 4: «Әкәнәй, Борай, Талбазы, Қалмык ауылындарында 1875 йылдарҙа асылған, укыусылар бөтәһе 86;

Стәрлә өйәзендә 3: Макар, Азнай ауылдарында 1871, Байғужа ауылында 1875 йылдарҙа асыла.

Өфө өйәзендә 2: Сафар ауылында 1870 йылда асыла, Қара Якуп ауылында – 1875 йылда.

Мариҙар өсөн мәктәп асылған: Бөрөлә – 1865 йылда, Өфөлә – 1870 йылда, Бөрө өйәзендә Никула-Ивановкала – 1852 йылда.

Сыуаш мәктәптәре: Стәрлә өйәзендә 4: Тәтербаш, Тебенне ауылындарында 1875 йылда, Навасюл ауылында 1874, Нагадак ауылында 1876 йылда асыла. Бәләбәй өйәзендә Бишбүләк ауылында 1868 йылда асыла.

Мардва мәктәптәре: Өфө өйәзендә Яңғалак ауылында 1876 йылда, Стәрлә өйәзендә Федор ауылында 1874 йылда, Морак ауылында 1864

йылда, Бәләбәй өйәзәндә Каминка ауылында 1854, Сүлле ауылында 1874, Златауыс өйәзәндә Михайловка ауылында 1873 йылда асылған.

Татар мәктәптәре: Минзәлә өйәзәндә Мәләкәс ауылында 1869 йылда асылған.

Шулай итеп, губернала вак милләт халкы өсөн асылған хөкүмәт мәктәптәре бөтәһе 23 булған (85-88 бб.).

Бынан тыш китапта шәхси мәктәп—мәзрәсәләр тураһында ла мәғлүмәтәр табырға була. Дөйөм алғанда, китапта автор 1910 йылға саклы осорҙо тикшерә.

К.З. Әхмәров әзәбиәттән дә айырылған кеше булмаған, ул буш ваҡыт араһында кыска ғана фельетондар, комедик пьесалар, драмалар за язғылаған: «Актар касканда» (1920), «Ас кешеләр» (1923) драмалары, «Фазик казый» (1932), «Киҫекбаш оландары» (1940) комедиялары. «Ас кешеләр» драмаһы 1921 йылғы асылған һуң, «Актар касканда» Иркутскийҙа хезмәттә сағында язылған һәм 1924-1925 йылдарҙа сәхнәлә куйылған.

1928 йылда С. Шакирхан тигән кеше К.З. Әхмәровка «Сыңғыз хан һәм уның бейләре» тигән тарихи легенда ебәргән. Был фәрәп хәрәфтәре менән язылған кулъязма.

Шулай итеп, күренекле телсе ғалимыбыҙың архивы яңылыктарға бай булып сықты. Киләсәктә К.З. Әхмәровтың ғилми хезмәт юлы ентекле өйрәнелер, уның архивында булған хезмәтәр тарихсылар, телселәребеҙ өсөн кәрәк булыр тип ышанабыҙ.

Ситдикова Г.Р., г. Уфа

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ БАШКИРСКОЙ СЕМЬИ

Какие национальные традиции, обычаи способствуют сохранению семьи? Ответить однозначно на этот вопрос, наверно, нельзя, потому что очень много факторов, сохраняющих и укрепляющих институт семьи. Одним из них, безусловно, являются религиозные традиции. Основное население нашей республики относит себя к мусульманам, и поэтому исламские семейные традиции, хоть и очень слабо, но сохранились, несмотря на многолетний прессинг атеизма, а сейчас понемногу и возрождаются.

Не секрет, что в основу законодательства России положен евроцентризм, поэтому зачастую не принимается во внимание отношение к правам человека у народов, исповедующих иную религию, чем христианство. Я имею ввиду ислам, который существует на территории нынешней России уже много столетий, а в некоторой части даже чуть больше тысячелетия. Эта религия не привнесена в Россию поветрием последних лет, когда стало модно быть верующим. Башкиры окончательно приняли мусульманство еще в XIV в. при хане Узбеке. И хотя не отличались фанатизмом, что дружно отмечали все русские ученые прошлых лет, изучавшие обычаи башкир, эта религия сильно повлияла на традиции нации, духовно-этическую культуру. Изучение ислама необходимо не только с точки зрения религии. В течение многих веков это учение формировало мировоззрение, стало неотъемлемой частью истории, духовной культуры, нравственных ценностей народов Урало-Поволжья.

Если нас сегодня одолевают болезни общества, развивается кризис семьи, скорее всего, это последствия воинствующего атеизма, утери связи с прошлым, с духовными истоками. Ведь и наркомания, и алкоголизм, и преступность и другие явления – болезни духовные, и, в первую очередь, они закладываются в семье. В борьбе с ними должны использоваться все законные способы, в том числе и религия.

С первых лет советской власти началось наступление на религии, и вместе с внедрением воинствующего атеизма стали разрушаться вековые семейные традиции.

Шариат - религиозные каноны Ислама, как и нынешнее законодательство, требовало постоянного изучения и самообразования. А потому больше полагались на традиции и неписанные законы, которые находили отражение в метких поговорках и пословицах. Живуч миф о том, что Ислам ограничивает права женщин. По этому поводу я хотела бы привести высказывание великого ученого-теолога, философа и просветителя конца XIX - начала XX века Ризаитдина Фахретдинова. В своем объемном научном труде «Жавамигуль калим шархе», выпущенном в 1917 году в Оренбурге он писал: «У нас, у мусульман, к сожалению, сложились отношения между мужем и женой как отношения хозяина и служанки. А ведь по шариату муж должен относиться к жене как к равной личности, а в свое отсутствие как к главе семьи, и давать полную свободу в ведении хозяйства. Воспитывающийся между хозяином и рабой ребенок не может стать полноценной личностью» .

В том же труде ученый приводит высказывание пророка Мухаммада: «Не отлучайте женщин от мечети». При жизни Пророка женщины наряду с мужчинами ходили слушать его проповеди и даже задавали вопросы. Однако после его

кончины, под предлогом, что изменились времена, и женщины способствуют смуте и нарушению нравственности, им стали запрещать появление в мечети. Потому они становились все невежественнее, и как раз вот это и приводит к ослаблению веры, крушению нравов, сетует Риза Фахретдинов. Ведь невежественная мать не в состоянии давать достойное воспитание своим детям.

Незнание канонов шариата привело к тому, что, действительно, мусульманки оказались во многом в роли служанок и даже рабынь, и лозунги большевиков о равноправии не могли их не привлечь. В результате мусульманки советской страны почти полностью отвернулись от религии, а значит, и от многих ценностей, которые формировали нравственные начала того или иного народа, его внутреннюю культуру.

Ислам считает, что брак - это благословенный договор между мужчиной и женщиной, и семья - крепкий надежный кирпичик, на основе которого строится общество. Как сказал "благородный посланник: «Жизнь - это радость и наслаждение, а самая большая радость - праведная жена».

В «моду» вошли так называемые пробные семьи. Где уж говорить о сохранении девичьей чести, что всегда считалось честью не только ее, но и ее рода, честью нации - ведь это было залогом и нравственной чистоты, и залогом здоровья будущего потомства. Сейчас, меняя

партнеров, молодые люди зарабатывают нехорошие болезни, нередко девушки вынуждены прерывать беременность, все это приводит к бесплодию, подрыву иммунитета, рождению нездоровых детей. Возрастает «синдром нежеланного ребенка», количество так называемых «отказников». Разрушается материнский инстинкт, материнская любовь.

Общество ГРОМКО кричит, что снижается порог вступления во «взрослую» жизнь, иногда школьницы становятся мамами, едва переступив свой десятилетний «юбилей». Это и должно быть ожидаемо, когда дети целыми днями предоставлены сами себе, и зачастую единственным «воспитателем» становится телевидение, с экранов которого на ребенка обрушивается пошлость, разнузданность, порнография.

В Исламе совершеннолетие определяется по физиологическим признакам, а не по годам, определенным законодательством. Конечно, по современным меркам это очень рано, однако завышение брачного возраста тоже не приводит ничему хорошему. Поэтому лучше бы снизить брачный возраст хотя бы для девушек. Если девушка созрела для семейной жизни и хочет создать семью, зачем ее сдерживать?

Ислам дает право самой выбирать себе мужа. Однако это означает, что она единолично решает свою судьбу - без совета своих родителей, их разумных, мудрых наставлений, которые исходят из огромного жизненного опыта, знания жизни и людей, девушка может совершить непоправимую ошибку.

Нынче же молодые люди часто ставят родителей перед свершившимся фактом, что тоже вносит свой вклад в семейный кризис, выражающийся в большом количестве разводов.

Если в башкирском обществе вплоть до 80-х годов прошлого века считался постыдным развод, как для женщины,

так и для мужчины, то сейчас с этим явлением вроде даже и смирились. А начало этому кризису было заложено сразу после принятия советского семейного законодательства. При новом режиме на законодательном уровне расторжение брака возвели в ранг нормы, заставляя разводиться тех мужчин, кто

еще до революции успел завести несколько жен. В основном, это были те, кто после смерти своего брата, по обычаям, женился на своей снохе.

По условиям норм шариата многоженство разрешено, однако оно оговорено почти невыполнимыми условиями, что сводит такое явление к минимуму в мирные годы. После Великой Отечественной войны, когда в башкирских селах на 26 женщин приходился всего 1 мужчина, многие девушки были вынуждены остаться незамужними, коротать жизнь без семьи, в одиночестве. Появилось впервые понятие «тыума» - незаконнорожденный ребенок. Сколько страданий испытывала одинокая мать, а сколько ее ребенок, который даже не имел возможности указывать свое отчество в документе! Женщина попала в унижительное положение из-за того, что не могла вступить в законный брак с отцом своего ребенка, хотя такие общности обыкновенно скрепляли религиозным бракосочетанием – никахом. Но никаких прав

и обязанностей сторон с точки зрения светского законодательства не возникало.

У мужской половины все больше терялось чувство ответственности за свою семью, за детей, которых он произвел на свет. А у женщин появилось оправдание своим поступкам: что же мне - остаться одной, без ребенка, если демографическая ситуация неблагоприятна для создания семьи? Так мы приблизились к сегодняшнему положению.

Светские законы запрещают многоженство, однако никак не регламентируют гражданские браки. И женщина, и мужчина бесконечное количество раз могут создавать новые общности, называемые семьей, не ограничиваются разводы, что фактически тоже приводит к многоженству. Есть такие модели семьи - мужчина состоит в законном браке с одной женой, ну а сожительствует с другими без ограничений. И при этом не наступает равной ответственности перед детьми, появляющимися от сожительниц. И сами сожительницы, да и мужчина не защищены в правовом плане, не наступает у них и ответственности друг перед другом, или же приходится во многих случаях отстаивать свои права через суд.

Статистика показывает, что женщин в репродуктивном возрасте на несколько миллионов больше, чем мужчин. И куда же деваться тем, кому не досталась пара? Вот и едут наши женщины в поисках счастья в чужие, неведомые страны, нередко попадая в сексуальное рабство. Или вынуждены мириться с ролью любовницы, матери-одиночки. Или жить в пожизненном одиночестве. Повторяю, их миллионы по стране. Законодательство, наверное, должно учитывать их проблемы, как только поднимается вопрос об узаконивании браков с несколькими женщинами, вмешиваются в дискуссию религиозные деятели и разговор исходит на нет. Мы ведь живем в светском государстве, и проблема одинокой женщины - не вопрос религии. Речь идет о том, что в тех или иных ситуациях можно использовать уже опробованные веками традиции.

От такого положения женщин прежде всего страдают дети. Европейская модель семьи, декларирующая моногамию, а на деле потворствующая полигамии самого низшего типа, приводит к распущенности, к росту разводов, неуклонно приближая человечество к ликвидации института семьи, где есть место и мужчине, и женщине, и главное - ребенку. Ведь основная функция семьи - это продолжение рода, то есть, она дается именно с этой святой целью - дать жизнь человеку, создать условия для воспитания в родной полной семье.

Модель семьи «мужчина и несколько жен» существует в России независимо от вероисповедания и национальности. К тому же, уголовная ответственность за многоженство не наступает, соответствующая статья давно уже отменена, а по сути, в нашей стране что не запрещено, то разрешено. Потому такое явление стало почти массовым. И при этом женщины прекрасно осведомлены о существовании соперницы, что не мешает им сожительствовать в этой общности. Не хватает одного — официально признать их семьей и определить ответственности и права сторон.

Я отнюдь не сторонница многоженства, однако, оно существует, значит, вопрос должен быть отражен в законодательстве. Или же

давайте официально запретим это явление и определим наказание. Но последнее мы уже проходили Женщина превратилась в товар, в сексуальную рабыню - где ни реклама, голое тело женщины, процветает древняя профессия, средства массовой информации пресыщаются откровенными объявлениями и порнографией. Не стыдись, так называемые звезды и некоторые политики демонстрируют свою аномальную сексуальную ориентацию, да так агрессивно, что уже нормальные семьи начинают казаться нетрадиционными. Хотя такое явление с точки зрения любой исторической религии, существовавшей на территории России, всегда считалось смертным грехом.

Агрессивна и демонстрация голого женского тела, постельных сцен, что уже дает свои плачевные результаты — немало людей становится маньяками, женщина теряет свою привлекательность для мужчины, он уже становится неспособным создать нормальную семью из-за пресыщенности информацией, из-за психологических отклонений, из-за превращения отношений полов до голой физиологии, низменных побуждений.

Под видом устранения дискриминации женщин дискриминация подвергается ее святое право на материнство, сорваны все покровы великого таинства.

«Материнство и детство, семья находятся под защитой государства» - так гласит Конституция Российской Федерации, а точнее, пункт 1-ый ее 30-ой статьи.

Все мы понимаем, что понятие «семья» отнюдь не предполагает наличие отца. Таким образом, в Российском законодательстве изначально заложено отсутствие в семье отца, снижен статус отцовства, размыты грани ответственности отца за семью. Мы живем в многонациональной, многоконфессиональной стране - в нашей большой семье. Живем в мире и согласии, и дай Бог и дальше нам сохранить такие отношения. Считаю, что законодательство страны также должно учитывать нравственные ценности всех народов, населяющих Россию.

Чтоб общество выздоровело, нужно поднять статус семьи, отцовства и материнства. Только так мы сможем защитить будущее нашего общества. Как гласит башкирская пословица: плохие родители - плохие дети, плохие дети - плохое будущее. (Ата-инэне ямандын - балаһы яман, балаһы ямандын - килэсэктэ алаһы яман).

Стовба В.И., Стовба А.В., г. Бирск

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА (ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Давно замечено: культурные ценности того или иного народа являются основой социального и экологического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека.

«Утрата любого элемента культурного наследия является невосполнимой потерей и ведет к духовному обеднению всей человеческой цивилизации, — отмечает Г.Е. Шкалина и далее совершенно справедливо подчеркивает: «Сегодня без преувеличения культуру можно рассматривать как главный источник гуманизации человеческой

истории. Культура любого народа определяет его духовную уникальность, творческие силы и способности» (Шкалина 2003,3).

Народная культура и основанная на ней народная педагогика – неисчерпаемый клад мудрости, нравственных начал, духовности, доброты и бережного отношения ко всему, что окружает человека: к природе, ее богатству, к людям.

Фольклор, устное народное поэтическое творчество – основной источник народной педагогики. Фольклор – это проявление всего богатства и многообразия духовной культуры народа.

Произведения фольклора запечатали традиции и обычаи бережного отношения народа к природе, ее богатствам.

Знания народа о природе содержатся в афористических изречениях, пословицах, поговорках, загадках, народных приметах, сказках, легендах и других жанрах устного народного творчества. Они отражаются в эмпирических наблюдениях за жизнью в природе, за растениями, животными, в педагогическом опыте, традициях, обычаях, обрядах и народных праздниках. Это были первые неписанные законы об охране окружающей среды, изначальная экологическая культура.

Наблюдения свидетельствуют о том, что экологическое сознание подрастающего поколения сегодня на достаточном уровне не сформировано. И это объясняется в значительной мере трудностью изменения психологии человека и сформировавшейся в обществе психологии варварского природопользования, а также от отсутствия эффективных средств и методов становления экологического сознания.

Сформировать экологическую культуру, ядром которой является экологическое сознание подрастающего поколения, можно на основе экологической культуры народной педагогики.

Академик РАО Г.Н. Волков следующим образом охарактеризовал народную педагогику: «Без памяти нет традиций, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа как исторической общности». Сохранение традиций в роду в течение трех веков, их передача потомкам – это и есть народная педагогика в действии. Ему же принадлежит широко известное высказывание: «Все народы – великие педагоги».

Народная педагогика является экологической по своей сути и, будучи частью культуры, содержит непреложные общечеловеческие ценности, огромный нравственный потенциал, кодекс сосуществования человека с природой.

Сказка – одно из чудес, придуманное народом в воспитательных, дидактических целях. Писатель Велимир Хлебников сравнил сказку с посохом, на который опирается слепец – человечество. В башкирских сказках содержится богатый материал о родной природе, животном и растительном мире.

Использование народной педагогики начинается с колыбельной песни. Свое отношение к родной природе, к ее красоте народ выражал в песнях. Одно из ведущих мест в арсенале педагогических средств народной педагогики занимали сказки, легенды, эпос. В них содержится богатый материал о природе, ее красоте.

В школе на уроках учащиеся должны познакомиться с произведениями народного творчества, такими, как «Урал-батыр», «Акбузат»,

«Акъял-батыр», «Ашкадар», «Заятуляк и Хыухылыу», «Салават», с произведениями башкирских поэтов и писателей, в которых содержатся материалы, вопросы экологической культуры башкирского этноса. Самыми доступными и широко распространенными видами словесности художественного творчества, используемыми в воспитании, являются пословицы и поговорки. Пословицу башкиры называют термином, что в переводе означает «слово, сказанное к месту». Наряду с этим термином в народе встречаются определения: «слово древних», «слово стариков», «слово предков», «слово народное».

В народных пословицах Л.Н. Толстой видел идеальное воплощение лучших качеств подлинной художественности: чувства красоты и меры, правды и простоты, общедоступности и заразительности, вызывающих множество мыслей и представлений.

По меткому определению К.Д. Ушинского, пословицы и поговорки - это речевые самородки, в которых выкристаллизовалась мудрость народа. Пословицы и поговорки - это идейное отражение народных традиций, своеобразная программа нравственного воспитания молодого поколения. Они помогают верно понимать явление природы, любить природу и богатый материал, содержащийся в них, можно и необходимо использовать в экологическом воспитании учащихся.

В системе народного воспитания большое и важное значение имели и имеют загадки. Ценно то, что сведения о природе, об окружающей действительности ребенок приобретает в процессе активной мыслительной деятельности. В загадках народ создал поэтический образ всего, что его окружает: предметов, явлений, людей, животных.

Большое значение в экологическом воспитании подрастающего поколения имеют легенды и предания башкирского народа, а также: пословицы и поговорки, загадки и приметы - древнейшие жанры устного народного творчества. Они возникли, как необходимость закрепить, запомнить неписанные советы, суждения, приговоры, поучения, правила поведения - запреты и предписания, как закономерности природной жизни.

Народные приметы возникли в результате длительных наблюдений над явлениями природы, свойствами растений, поведением животных, птиц, насекомых, которые определенным образом, своеобразно реагируют на изменение погоды. В старину прогнозы погоды не передавали, а все-таки люди узнавали, какую погоду ждать завтра, послезавтра, через неделю. «Зимой много инея - летом много меда»; «Если молодой месяц ярко светится, жди холода»; «Если в мае много дождей, будет урожай ржи»; «Если день облачный - рыба не клюет»; «Гусь стоит на одной ноге - к холоду» и т.д. Приметы служили неписанным сводом метеорологических знаний [Башкирское народное творчество 1993, Т.7].

Современные национальные праздники вобрала в себя все лучшее из старинных обычаев, связанных с сельскохозяйственным трудом. У народов Урала, Поволжья и Прикамья немало календарно-обрядовых праздников. Самыми любимыми из них являются массовые праздники весны, устраиваемые после завершения сева.

Большую роль в экологическом воспитании подрастающего поколения играли и играют башкирские народные праздники

«КарФатуй» («Грачиный праздник») и КарФа буткаһы» («Грачиная каша»), «Сабантуй» (Праздник плуга) и др. Праздник Грачиная каша проводился ранней весной. Он посвящается пробуждению (оживлению) природы, преклонению перед ней. В нем участвовали только женщины и дети (мальчики до 12 лет). Ритуальным блюдом считалась пшенная или пшеничная каша. Женщины в этот день кормили птиц, украшали деревья лоскутками разноцветных тканей, монетами, бусами, платками, после чего ходили вокруг украшенных деревьев, произнося благопожелания, предсказывая природе благополучие, пышные цветения. В конце праздника женщины оставляли на пнях и камнях кашу и произносили пожелания: «Пусть поедят и грачи, пусть год будет плодоносным, а жизнь благополучной».

Таким образом, одним из важнейших факторов в народной педагогике башкирского народа была и есть природа. Народ учил молодое поколение любить родную землю, бережно относиться к ее ресурсам, любить природу. И по сей день действены средства народной педагогики [Ахияров 1996]. Использование исторических и культурных традиций башкирского народа в учебно-воспитательном процессе – важнейший путь успешного экологического образования и воспитания подрастающего поколения.

Литература:

- Башкирское народное творчество. –Уфа,1993.
Ахияров К.Ш. Башкирская народная педагогика и воспитание подрастающего поколения. – Уфа, 1996. – 242 с.

Сулейманов Ф.М., г. Сибай

О ТАРХАНАХ БАШКИРСКОГО ПЛЕМЕНИ ТУНГАУР

В историографии разных периодов можно встретить множество документальных, научных, научно-популярных публикаций о башкирских тарханах. Профессором А.З.Асфандияровым написана монография [Асфандияров,2006]. По его мнению, башкирские тарханы представляли собой служилых людей, главной обязанностью которых была военная служба. Тарханы были двух видов: наследственные и личные. Основными источниками тарханства явились: бывшие башкирские бии, князья, мурзы, диваны-дуваны. Кроме представителей высших слоев башкирского общества и рядовые башкиры-общинники могли заслужить звание тархан.

Численность тарханов определяется трудно, ибо очень мало источников. По И.Г. Акманову, в к. XVII в. тарханов насчитывалось 155, в т. ч. 134 по Ногайской, 13 по Сибирской, 8 по Казанской дорогам [Акманов,1993,40]. В 1743-1745 гг., по А.З.Асфандиярову, был 1431 тарханский двор, а на 1 двор приходился 28 чел. и башкирских тарханов всего было 40068 чел. [Асфандияров 2006, 31].

В своей монографии А.З.Асфандияров указывает на многие проблемы, оставшиеся нераскрытыми в исследовании истории башкирского тарханства [Асфандияров 2006, 100]. Соглашаясь с автором, скажем, что слабо исследованной является история башкирских тарханов по отдельным башкирским волостям. Интересным вопросом является прослеживание дальнейшей судьбы тарханских фамилий после отмены института тарханства.

Изучение истории тарханов по отдельным волостям (или родам и племенам) на основе исторических, документальных, этнографических, фольклорных и иных источников (в особенности шежере башкирских племен), по нашему мнению, должно способствовать более углубленному раскрытию истории всего башкирского народа.

В данной статье мы попытались обратить внимание на некоторые стороны истории тарханов башкирского племени Тунгаур.

Наиболее раннее указание о башкирах-тарханах Тангаурской волости относится к 1690 году: «по челобитью Башкирцев Тингаурской волости Ямметова с товарищи о написании в тарханы. Бурайка Ямметов с родственниками служа вам Ивану Алексеевичу и Петру Алексеичу тарханскую службу и в тарханы не записан. Пожалейте меня, холопа своего, на Уфе записать в тарханы». Ямметов написан в тарханский список. [Асфандияров, 2006, 114]. И по данным И.Г.Акманова в 70-90-е гг. XVII в. в Тангаурской волости Ногайской дороги числился 1 тархан [Акманов 1991, 27].

После организации Оренбургской экспедиции в 1734-1735 гг. власти провели своеобразную перерегистрацию тарханов. На основе предъявленных воеводе грамот и записей в тарханских книгах были признаны в тарханстве 773 человека [Акманов 1991, 27-28].

По подсчетам А.З. Асфандиярова, в 1730-х гг. по Ногайской дороге звание тархана было пожаловано 80 рядовым башкирам и 7 башкирам калмыцкого происхождения. Из общего числа тарханов Ногайской дороги, рядовых башкир из Тунгаурской волости, обладавших тарханскими грамотами было 4 человека [Асфандияров, 2006, 26-27]. О характере их тарханства судить трудно. По мнению А.З. Асфандиярова, наследственное тарханство касалось не всех. Если в грамоте указывались только конкретные имена, то можно усмотреть пожизненное тарханство, т.е. без права передачи звания своим наследникам. А если указывались и дети – «...и детям его», то уже можно говорить о наследственном характере этого титула [Асфандияров 2006, 27].

В «Указе ис канцелярии Оренбургской Экспедиции Уфимского уезду тарханам и башкирцам», приводимом В.В.Вельяминовым-Зерновым, в разделе «Ногайской дороги Тенгаурской» волости, относящимся к 8 февралю 1735 г. под номером 92 содержится информация о подтверждении звания тархан: «Башкирцу тархану Уразгулу Акчувашеву, и сыну ево». Далее под номерами 94,95,96 звания тархан признавалось за следующими тунгаурскими башкирами: «Башкирцам тарханам Бякиру, Умиру, Иману Теникеевым и детям их»; «Башкирцу тархану Умеру Умешову, и племяннику ево»; «Башкирцу тархану Кулукаю Глепееву, детям ево». За то что оных Бякира с товарищи деды и отцы были в Крымском, Азовском и в Свеском походе». [Асфандияров 2006, 134]. Из этого следует, что подтверждение звания тархана получали лица, являющиеся потомственными тарханами.

В том же 1735 г. 20 марта в разделе «Ногайской дороги Тенгаурской» звание тархана пожаловано под номером 168 «Башкирцу Сулейману Кырмаеву и братьям ево двоюродным». По всей видимости, они являлись рядовыми башкирами. 27 марта того же года в разделе

«Тенгаурской» звание тархана пожаловано под номером 180 «Башкирцам Улмятыку, Тевлекею Улеевым и детям их». Видимо, и эти тарханы прежде являлись рядовыми башкирам. В тот же день звание тархана было подтверждено под номером 196 «Башкирцам тарханам Аласю, Раману Татлыбаевым, детям их и внучатам», которые должны быть являющиеся потомственными тарханами.

Таким образом, нам стало известно имена 11 тунгаурских башкир, которые удостоились титула тархан или подтвердили его в 1735 г., у еще 4-х тарханов имена остались неизвестными, неизвестными остались и имена и количество тарханских детей, внуков, о которых сообщается в документе, что они получили звание тархана. В каких аулах они жили, к какой группе тунгауров они относились, какова их родословная линия и судьба их потомков и т.д.? Ответы на эти и другие вопросы следует искать в шежере племени Тунгаур, ревизских сказках и других материалах.

Интересный документ с указанием численности дворов башкирских тарханов опубликован С. Таймасовым. В нем имеются сведения и о Тунгаурской (Тангаурский) волости Ногайской дороги. По этому документу, старшиной Тунгаурской волости служил Мамыт Кучюков, который «К Курану приведен и указ дан в Уфе 742 году августа 12 дня» [Таймасов, 2009]. Мы проследили потомков Мамыта Кучюкова по VII ревизии (1816 г.). Мамыт Кучюков являлся одним из первых старшин южных тунгауров. Его потомки проживали в д. Кашкарово Тунгаурской волости Оренбургского уезда и губернии (ныне - д. Кашкарово Зилаирского района РБ - авт.): отставной сотник Кашкар Мамутов (в возрасте 74 лет) и его сыновья – походный старшина Габбяс, сотник Баязит, Абдулмазит и Абдулатыф со своими семьями. В том же ауле проживали еще двое сыновей Мамыта: Махмут (68 лет) и Ренн (67 лет) со своими семьями [ЦГИА РБ.Ф.И.-138.Оп.2.Д.145]. В опубликованном С. Таймасовым документе в Тунгаурской волости названия и количество деревень не указаны, но даны сведения о числе дворов: башкирские – 20, тарханские – 30. Итак, по данному документу в период образования Оренбургской губернии у южных тунгауров числилось 30 тарханских дворов. Если учитывать тот факт, что в 1743-1745 гг. по А.З.Асфандиярову на 1 тарханский двор приходился 28 чел., то получается, что во дворах тунгаурских тарханов Ногайской дороги проживало 840 чел.

Анализ имен в шежере Ялан – тунгауров (южных), в материалах ревизских сказок башкирских аулов Тунгаурской волости Оренбургского уезда и губернии, составленных 1816-1859 гг. и некоторых другие документов нас привели к выводу о том, что большинство имен тарханов тунгаурских башкир (9 имен) и их потомков, перечисленных в материалах, приводимых В.В.Вельяминовым-Зерновым в разделах «Ногайской дороги Тенгаурской» волости, происходят из старинных аулов южных тунгауров, расположенных на территории нынешних Зилаирского, Баймакского и Хайбуллинского районов Республики Башкортостан.

Родословную линию башкира «Тенгаурской» волости Ногайской дороги Сулеймана Кырмаева с его братьями ево двоюродными» по шежере южных тунгауров и материалов ревизских сказок восстановить не удалось. Возможно, они происходят из другой группы, северных

тунгауров, потомки которых проживают на северо-западе республики (Икские тунгауры) и в Абзелиловском, Бурзянском, Белорецком и Кугарчинском районах Башкортостана.

О принадлежности башкирского тархана «Тингаурской волости» Бурайки Ямметова с родственниками, известного из материалов 1690 года [Асфандияров, 2006, 114], о причастности к какому либо селению южных тунгауров ни по шежере, ни по архивным материалам нам также установить не удалось. Следует только предположить, что и Бурайка Ямметов с родственниками происходили из другой группы тунгауров.

Таким образом, тунгаурские башкиры после присоединения в состав Русского государства наряду с башкирами других племен и родов широко привлекались в военную службу, являлись активными участниками в «Крымском, Азовском и в Свеском походах» и других войнах России XVII-XVIII вв., где за боевые заслуги немалое число из них удостоились привилегированного звания тархан.

Указ Сената от 16 марта 1754 г. о снятии ясака с башкир, мещеряков с заменой его обязательной покупкой казенной соли, по мнению исследователей, приводит к уравниению башкирских тарханов с остальными башкирами. К 50-60-м гг. XVIII в. башкирское тарханство на правовой основе было ликвидировано. Однако, несмотря на это, башкирских тарханов учитывали в документах второй половины XVIII и в начале и первой трети XIX вв. В некоторых восточных кантонах они даже освобождались почти от всех повинностей, кроме военной службы. В реликтовой форме тарханство просуществовало до 1845 г. [Асфандияров 2006, 99].

Пример этому можно привести и по Тангаурской волости. В ревизской сказке, составленной в декабре 1816 г. в д. Ишкужиной Тунгаварской (Тангаурской-авт.) волости Оренбургского уезда Оренбургской губернии зафиксирован двор тархана Джангильды Бытукова, которому было 69 лет (выходит, он родился до отмены института тарханства, в 1747 г.р.- авт.), жившего с женой (Газизой) и с сыновьями. Во дворе Джангильды Бытукова жили его 28-летний женатый сын, сотник Кульбай, его жена Кульбика и их новорожденный сын Умитбай. Кроме них во дворе зафиксированы неженатые сыновья Джангильды: Шагимрат-18 лет, Султантимир- 14 лет. Таким образом, данный документ, возможно, представляет собой один из последних свидетельств о тарханах южных тунгауров [ЦГИА РБ.Ф.И.-138.Оп.2.Д.145.].

Здесь важно указать и на один исторический источник – «Карта Верхояницкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанций с показанием на тех дистанциях крепостей, редутов и других смежных с меньшими к ним местами 1755 года», свидетельствующей о существовании на территории южных тунгауров деревни Бытукова, расположенной на левом берегу реки Степной Зилаир [Оренбургская губерния, 1880], что примерно соответствует месту расположения известной нам д. Ишкужиной Тангаурской волости. В целом, данный источник позволяет выяснить название, месторасположение древних аулов южных тунгауров, расположенных на территории современного Зилаирского района Башкортостана, ранее не известных исследователям. Название д.Бытукова, видимо, происходит от имени Бытука-тархана, отца

Джангильды, и возможно, предшествовало названию д. Ишкужа (современное Искужа – авт.). Кроме того, в данном источнике мы обнаружили названия и месторасположение и некоторых других населенных пунктов южных тунгауров, ранее не известных в науке. Так по обоим берегам реки Степной Зилаир ниже по ее течению от д. Бытукова на карте указаны: Темирова, Юлушева, а на реке правом берегу р. Сакмара д. Мамбетова Зилаир [Оренбургская губерния, 1880]. Немного отвлекаясь от темы, следует сказать, что все эти названия прослеживаются по шежере южных тунгауров и отражают имена башкир племени Тунгаур. По нашему предварительному мнению, месторасположения деревень, указанных на карте 1755 г. примерно соответствуют месторасположению современных аулов таким образом: д. Бытукова – д. Искужино, д. Темирова – д. Максютново, д. Юлушева – д. Старо-Якупово, Мамбетова – д. Юлдыбаево и Сынташево (Малоюлдыбаево), расположенных на территории современного Зилаирского района, что наводит на мысль о том, что эти названия аулов могли предшествовать ныне нам известным названиям деревень, или они располагались на тех территориях до образования там новых селений. Однако, подробное рассмотрение этого вопроса оставим на будущее и вернемся к основной теме.

В ревизской сказке, составленной 1 апреля 1859 г. в д. Ишкузиной деревни 4-го Башкирского кантона 2-й юрты (Тунгаурской волости - авт.) Оренбургского уезда Оренбургской губернии мы обнаруживаем внука тархана Джангильды Бытукова Умитбая Кульбаева Зиянгильдина, которому, как указано в документе, было 44 года [ЦГИА РБ. Ф.И.-138. Оп.2.Д.707.].

Разговор о потомках и родственниках тунгаурских тарханов можно продолжить не только на основе архивных документов. Например, линия тархана Джангильды Бытукова прослеживается и по шежере Ялан-тунгауров. В шежере родословная линия Джангильды Бытукова выглядит таким образом: Тунгаур – Хакколай – Иламан – Кустэнэ – Хатыусал – Ситаяй – Шатияк – Бытук (Бөтөк) – Джангильды (Янгильды) тархан. Следует полагать, раз Джангильды (Янгильды) числился тарханом в начале XIX века (1816 г.), то он, вероятно, унаследовал этот титул у предков. Значит, тарханство было наследственным, и оно распространялось и на других сыновей Бытука. Согласно шежере от Бытука (Бөтөк) родился Суюндук. В ревизской сказке 1816 г. Суюндука нет, видимо к этому времени он уже умер. По шежере от него идет такая линия: Суюндук – Мухаметвалей – Галиахмет – Шахивали – Шахишариф и Хакимьян.

По архивным источникам выясняется, что Суюндуковы, как и их предки, являлись влиятельными людьми своего времени. Среди них были военные, духовные лица. Так, Мухамедьяр Суюндуков являлся походным сотником и умер в 1814 г. [ЦГИА РБ. Ф.И.-138. Оп.2.Д.145.], вероятно, в Отечественной войне 1812 г. Мухаметвалий Суюндуков числился в списке ветеранов Отечественной войны 1812 г., составленном в 1836-1839 гг. За проявленный героизм Мухаметвалий Суюндуков, воин 8-го полка 9-го башкирского кантона, был награжден медалями «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.» и «1812 год». [Асфандияров, 2005]. В 1859 г. он числился как отставной зауряд - хорунжий, а его сын Галиахмет Мухаметвалиев Суюндуков находился на должности указной муллы. Кроие того Мухаметвалий Суюндуков

«по предписанию Г. Командующего Башкирскими войсками» в 1853 г. выступил основателем нового селения южных тунгауров – деревни Мухаметвалиево [ЦГИА РБ. Ф.И.-138. Оп.2.Д.707.].

Шежере и сведения информатора позволили нам проследить дальнейшую судьбу одной из линий потомков Суюндука Бытукова. Так, от Шахишарифа Суюндукова родились: Фазыльян и Тухватулла. Фазыльян Суюндуков был известный в Башкирском Зауралье мулла и врачеватель народной медицины, свою деятельность не прекращавший и в советское время, кроме того он активно участвовал в Великой Отечественной войне, имел серьезные ранения и награды. От Фазыльяна родился Шамиль Суюндуков, педагог, долгие годы проработавший учителем истории и обществоведения и директором школ в Зилаирском районе. У Тухватуллы (по свидетельству информатора, в голодные годы из д. Искужа переехал жить в д. Мамбетово нынешнего Баймакского района - авт.) родились 4 сына: Гайса, Юлай, Халиль, Ялиль и дочь Галия.

Достойным образом сложились судьбы Гайсы, Юлая, Халиля, Ялиля Суюндуковых, которые сегодня проживают в городе Сибай и являются весьма известными людьми города. Ялиль Суюндуков – ученый, известный не только в республике, но и далеко за ее пределами, доктор биологических наук, профессор, директор Зауральского филиала Башкирского аграрного университета и директор Государственного автономного научного учреждения «Институт региональных исследований Академии наук РБ. Интересным является и тот факт, что все они имеют отношение к военной службе, носят и носили офицерские звания: Ялиль Тухватович – старший лейтенант запаса, Юлай Тухватович – майор, заведующий судмедэкспертизой г. Сибай. Гайса и Халиль Тухватовичи – капитан и подполковник в отставке. Халиль Тухватович известен и как детский писатель, автор нескольких книг. [Информатор: Х.Т. Суюндуков].

Таким образом, на примере Суюндуковых ярко отражается судьба потомков тунгаурских тарханов, сохранивших славные традиции предков.

Литература:

- Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII-начала XVIII в. – Уфа, 1993.
Акманов И.Г. Башкирия в составе российского государства в XVII-первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991.
Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. – Уфа, 2006.
Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.
Информатор: Х.Т. Суюндуков, 1957 г.р., пенсионер, проживает в г. Сибай (записано автором в 2009 г.).
Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П.И. Рычкова 1755 года. – Оренбург, 1880. (Данный источник любезно предоставлен автору Р.И. Бакировым).
Таймасов С. О численности башкир, о старшинах и тарханах в период образования Оренбургской губернии // Ватандаш. – 2006. – № 10. – С. 91–104.
ЦГИА РБ. Ф.И.-138. Оп.2.Д.707.
ЦГИА РБ. Ф.И.-138. Оп.2.Д.145.

Сулейманова Р.Н., г. Уфа

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОНОМИИ БАШКОРТОСТАНА: ИСТОРИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Революции 1917 г., став знаменательными поворотными событиями века, открыли новые страницы в истории России и Башкортостана.

Среди них особое место занимает Февральская буржуазно-демократическая революция, провозгласившая демократические идеи — равноправие, народовластие, и продолжившая их развитие и реализацию, но иным путем — Октябрьская. Под влиянием этих событий и начавшейся демократизации общественно-политической жизни зарождается национальное движение мусульманских народов. Возникнув в его недрах, в мае 1917 г. выделяется в самостоятельное башкирское национальное движение. На проведенных им в течение этого года трех всеобщих съездах (курултаях) башкирского народа была провозглашена автономия Башкортостана, что явилось поворотным в его национально-государственном развитии [Революция и национальный вопрос 1930,328]. Впервые в мусульманском сообществе страны и края были приняты решения по женскому вопросу, что в корне изменило социальный статус женщин в обществе и семье, предоставив им возможность равноправного участия в общественно-политической жизни.

1917 г. дал толчок зарождению и активизации национальных движений мусульманских народов. Были проведены несколько форумов мусульман России, что свидетельствовало о возникновении довольно заметной силы в общественно-политической жизни страны в тот период. В том же году башкирское национальное движение выделяется из общемусульманского в самостоятельное и проводит три съезда.

В послеоктябрьский период активизация национальных движений вызвала довольно заметный интерес со стороны большевистской партии. Новая власть, заинтересованная в любой поддержке, в них видела опору в укреплении своих позиций. Поэтому они поддерживали идею о праве наций на самоопределение. На эту стратегическую цель ею были направлены меры, принятые буквально в первые послереволюционные месяцы, в которых были изложены основополагающие положения национальной политики большевиков: «Декларация прав народов России», обращение СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В них говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это» [Решения партии ...1967,29-31; Образование БАССР 1959, 75-77].

Пользуясь этими принципами, Башкирский областной совет (шуро) своим фарманом (приказом) №2 объявил башкирскую территорию Оренбургской, Уфимской, Самарской и Пермской губерний с 15 ноября 1917 г. автономной частью Российской республики. В декабре того же года Всебашкирский учредительный курултай (съезд) утвердил провозглашенную автономию Башкортостана.

Образование советской Башкирской автономной республики пришлось на переломный период XX столетия. В сложной обстановке происходило его развитие, правительство которого металось в поисках различных путей его признания. Образование первой в составе РСФСР автономной Башкирской республики проходило в своеобразных и противоречивых условиях и было связано с многовековой борьбой башкирского народа за национальное самоопределение и свободу, с длительным и сложным путем, которое прошло башкирское национальное движение от провозглашения автономии в 1917 г. до ее

признания и утверждения. В этом особая заслуга принадлежит лидерам движения, в частности З.Валидову [Кульшарипов 1992,59]. Автономная Башкирская советская республика возникла в результате подписания Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством в марте 1919 г. как одна из первых автономных национально-государственных образований в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [Образование БАССР 1959,227-232]. Это так, но основы автономии Башкортостана были заложены еще в знаменательном 1917 г. 1919-й год — год подписания Соглашения об образовании советской Башкирии, как и 1917-й, можно по праву считать переломным в истории национально-государственного развития Башкортостана. Несмотря на сложность и своеобразие образования советской Башкирской республики в результате подписания Соглашения, именно это событие является фактом подтверждения официального признания советской властью автономии башкирского народа, провозглашенной в ноябре 1917 г. [История Башкортостана. 2004,139].

И сегодня, когда прошло свыше 90 лет со дня подписания этого важнейшего документа, мы должны отметить, что это событие в современных условиях продолжающегося развития и укрепления национальной государственности республики, приобретает не только историческую, но, прежде всего, большую общественно-политическую значимость. И прямым правопреемником и продолжателем провозглашенного в ноябре 1917 г. автономного Башкортостана является принявшая в октябре 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете Республика Башкортостан.

Литература:

- Образование БАССР. Сборник документов и материалов. — Уфа, 1959.
История Башкортостана. 1917 – 1990-е гг. Т.1. 1917 – 1945. — Уфа, 2004.
Революция и национальный вопрос. Т.3. — М., 1930.
Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т.1. — М., 1967.
Кульшарипов М.М. З.Валидов и образование Башкирской Советской Республики. — Уфа, 1992.

Сулейманова Р.Н., г. Уфа

ЖЕНОТДЕЛЫ БАШКИРИИ В 1919 – 1929 ГГ.: СОЗДАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вскоре после победы Октябрьской революции 1917 г. был создан специальный государственный аппарат для работы среди женщин — женотделы при партийных комитетах (их названия за время существования регулярно менялись, но в отечественную историю они вошли как женотделы). Их вызвала к жизни вставшая перед партией и новой властью важная задача: помочь женщинам осознать необходимость участия в строительстве новой жизни, осуществить их раскрепощение и превратить в «верных помощников» партии.

В Башкирии женотделы возникли в 1919–1920 гг., с этого времени завершается этап независимого развития женского движения в Башкирии. В Уфимской губернии отдел по работе среди женщин был создан в октябре 1919 г., но к деятельности приступил в конце этого года [Революции... 1959, 51-52]. В Малой Башкирии женотдел возник в конце 1919 г. [Женщины Башкирии 1968, 48]. Свою деятельность он начал с проведения в сентябре 1920 г. Всебашкирской беспартийной конференции работниц и крестьянок [ЦГАОО РБ. Ф.22. Оп.4. Д.131. Л.1.]. Принятые решения

заложили основу в начало развертывания работы среди башкирских женщин.

В женотделы набирались партийные работники, учительницы, комсомолки, в основном из националок, владевших языками народов, проживавших в республике. Но их было мало. Было трудно, отсутствовали инструкции, специальная литература по женскому вопросу, особенно на национальных языках, но главное, не было подготовленных работников. Поэтому в первое время женотделы возглавлялись мужчинами. Направляемая из центра масса циркуляров была написана на русском языке, что вызывало определенные затруднения для женорганизаторов, но в первую очередь для основной массы женщин, которые не понимали по-русски. Немалую трудность в проведении работы представляли следующие моменты: отсталость и пассивность самих женщин, консерватизм мужчин, которые не могли примириться с мыслью о праве женщин на равное с ними участие в общественной жизни, да и в целом, неприятие общественным сознанием, особенно мусульманским, новой роли женщин.

Нелегким было начало работы женотделов в республике. В первые годы существования они отличались частой сменой ответственных работников. В отчетах с мест отмечалось, что «заведующие сменялись каждые две недели, бывало, что женотдел оставался совершенно без работников» [10 лет работы партии...1927,150]. К имевшимся общим проблемам в постановке и налаживании работы добавлялись устоявшиеся традиционные воззрения и религиозные установки на женщину, ее статус в семье и обществе. К тому же проявлялось неправильное, зачастую пренебрежительное отношение к женской работе, к женщинам-активисткам со стороны партийно-советских органов. Преодолевая эти колебания и осложнения в деятельности, женотделы проводили разностороннюю работу среди многонационального и многоконфессионального женского социума по вовлечению их в строительство новой жизни. В 1923 г. женотделы республики были укомплектованы подготовленными в областной советско-партийной школе первыми работниками [Женщины Башкирии 1968, 55]. По квалификации и опыту работы кадры женработников были слабыми, но это были преданные своему делу люди, страстно желавшие лучшей судьбы. Работать им приходилось с максимальной нагрузкой и в исключительно трудных условиях.

Вовлечение башкирских женщин в строительство новой жизни женотделы республики осуществляли через общественное производство, советское, профессиональное, кооперативное строительство, а также через привлечение в партию, комсомол, путем повышения культурно-образовательного уровня и развития политической сознательности и активности. В эти годы в своей деятельности они использовали самые различные формы и методы: индивидуальные и групповые беседы, собрания, конференции и съезды беспартийных женщин, коммунисток, женской молодежи, общепартийную и женскую печать, национальные праздники, делегатские собрания, практиканство в советских и общественных организациях, организация красных уголков и женских клубов, использование праздничных и юбилейных дат и др. В деятельности женотделов Башкирии сочетание агитационной работы с практической, в

вовлечении в общественно-политическую жизнь учет местных специфических особенностей — исторических, национальных, хозяйственных, этнокультурных, конфессиональных и др. — дало эффективную отдачу в деле раскрепощения башкирских женщин.

Женотделами учитывались специфические местные особенности, уделялось большое внимание работе особенно среди националок. Так, среди башкирского и татарского населения республики для проведения работы среди женщин женотделами широко использовались распространенные национальные праздники «сабантуй», «карга буткаxь» [Женщины Башкирии 1968, 54]. В развертывании работы среди башкирских женщин имело немаловажное значение то, что женотдел ЦК РКП (б), определяя задачи, формы и методы работы среди женщин, Башкирскую АССР относил к республикам советского Востока, что связывалось с традиционным положением башкирских женщин. Однако А.Нухрат, заведовавшая женотделом при обкоме партии, указывала: «Работу среди женщин Башкирии мы строили по опыту русских, ибо, бывая на всесоюзных встречах женотделов, убедились, что никаких особых «восточных» форм нам не требуется» [Женщины Башкирии 1968, 51]. И все же необходимость учитывать национальные особенности в проведении работы среди женского социума, особенно нерусских народов, возникала перед женотделами.

Работа среди женского населения после 1923 г. приобрела более организованный и систематический характер. Женотдел Башкирии был единым органом, который координировал деятельность отделов на местах и направлял их деятельность. Он не делился на отделы, которые вели бы работу среди конкретной национальной группы женского населения республики. В 1927–1928 гг. при областном женотделе существовали узкая и широкая женколлегии. [ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.7. Д.126. Л.105.] Эти совещательные органы способствовали всесторонней проработке всех вопросов, связанных с вовлечением женщин в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь республики. В конце 1920-х гг. они были упразднены, женский актив собирался для обсуждения вопросов по мере необходимости. Женотдел Башкирии работал под непосредственным контролем и согласно общей линии Отдела по работе среди женщин ЦК РКП (б), что осуществлялось путем направления инструктивных писем, директив, установок на места. Работники женотдела обкома партии приглашались на специальные совещания. Проводились также инспекционные поездки руководящих работников Центрального женотдела. Так, в республике не раз бывали С.Т.Любимова, К.И.Николаева и др.

Более чем 10-летнее функционирование женотделов сыграло важную роль в деятельности партийно-государственных органов по идейно-политическому воспитанию женщин и активному вовлечению их социалистическое строительство. Созданные специальные органы, женотделы, выполнили поставленную перед ними главную задачу — превратить женщин в «сознательных и преданных партии и советской власти гражданок». По глубине, масштабам изменений в социально-экономическом положении, политическом и культурном развитии женщин этот этап не имел себе равных. Особенно разительными были перемены, произошедшие в статусе и самосознании башкирских женщин.

Так, только через делегатские собрания – «школу практической деятельности», где женщины «обучались управлять государством», в Башкирии за 10 лет прошло до 50 тыс. работниц и крестьянок.

В 1929 г. партийно-государственным руководством страны было заявлено, что женский вопрос в Советском Союзе решен, и женотделы, действовавшие с 1919 г., были упразднены. Это же произошло и в Башкирии. Женотдел обкома партии и действовавшие в кантонах женотделы также прекратили свою деятельность, что впоследствии негативно сказалось на решении женского вопроса в республике и стране.

Литература:

Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917-1940 гг.). Уфа, 1959.

Женщины Башкирии. Уфа, 1968.

ЦГАОО РБ. Ф.22.

ЦГАОО РБ. Ф.122.

10 лет партии среди женщин Башкирии. Уфа, 1927.

Султангареева Р.А., г. Кумертау

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня от учителя в первую очередь зависит не только судьба цивилизации, но и сохранение человека на планете. Когда я произношу слово "УЧИТЕЛЬ", то имею в виду не только педагогов, работающих в средней или высшей школе, а саму систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям. Имею в виду всех тех людей, которые ее создают и которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за будущность своего народа, а в нынешних условиях - и будущность планетарной цивилизации. Последнее означает уже нечто большее: это чувство ответственности за судьбы "людей планеты" - своего биологического вида, которому предстоит в ближайшие десятилетия преодолеть трудности выживания. Человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет, новая система ценностей. Кто их будет создавать и пестовать? От того, как следующие поколения смогут усвоить эту тревогу за будущее, понять и реализовать собственную Ответственность, и зависит это будущее. Вот почему "УЧИТЕЛЬ" - тот, кто передает эстафету знаний, культуры, особенно в "минуты роковые", - превращается в центральную фигуру общества, центральный персонаж разворачивающейся человеческой драмы.

Духовный мир человека рождается, конечно, в контексте его практической деятельности, но взаимодействует с ней совсем неоднозначным образом. Возникающее знание, утверждение принципов взаимодействия человека с окружающей природой, его способность передавать накопленный опыт следующим поколениям начинают сами оказывать прогрессирующее влияние на действительность и становятся двигателем общественного развития... Многие ли задумывались над тем, как могло случиться, что за полтора десятилетия после окончания самой страшной войны, которую знало человечество, после трех десятков миллионов жертв и ужасающей разрухи, после репрессий 30-х годов, унесших жизнь и многих представителей русской интеллигенции, Советский Союз сделался

второй державой мира? Во всяком случае, в области науки и техники. Как такое могло произойти? Ответ однозначен. Основную причину я вижу в том, что в Советском Союзе была создана лучшая в мире система "УЧИТЕЛЬ". Она охватывала все уровни образования, все слои населения. И, что совсем немаловажно, эта система утверждала престиж образованности! Были созданы условия для передачи эстафеты знаний, эстафеты культуры. А корни этой системы были заложены еще в дореволюционные годы в системе земских школ, гимназий, университетов...

И таких примеров, которые показывают, что рожденная человеком система образования и воспитания однажды меняла направление судьбоносных русел истории, достаточно, чтобы отчетливо представить себе, что нет для нации более важной задачи, чем развитие системы образования и воспитания и передача эстафеты следующим поколениям. Особенно в период ломки стереотипов поведения и традиций, который переживает не только наша страна, но и все планетарное сообщество. И именно та нация, которая сегодня сумеет создать более совершенную систему "УЧИТЕЛЬ", сделается лидером XXI века!

Еще раз: не та, где сегодня самый высокий уровень жизни и самая совершенная электроника, а тот народ, который сумеет обеспечить передачу эстафеты знаний и культуры и найти то взаимоотношение с окружающей природой, которое отвечает современным потребностям.

Но для того чтобы система "УЧИТЕЛЬ" была способна сделаться истинным двигателем цивилизации наступающего века и содействовать процветанию нации, все те, кто ее создают и обеспечивают ее функционирование, должны четко представлять потребности страны и те трудности, с которыми столкнется человечество уже в ближайшее время. А предсказать многие особенности того, что нас ожидает, почти невозможно. Значит, развитие этой системы не может следовать каким-либо раз и навсегда данным стандартам, а должно непрерывно корректироваться изменениями условий жизни. Система "УЧИТЕЛЬ" должна сочетать положительный опыт традиции со все время возникающими новыми потребностями, и по мере того, как растет скорость изменения условий жизни, должна расти и скорость поиска новых форм образования и воспитания, должно происходить включение в систему новых знаний и отбраковывание старых. Творческое начало в процессах образования и разнообразие типов обучения тоже должно развиваться во все большей степени... Сегодня на авансцену выходят проблемы взаимоотношения природы и общества, того, что не совсем точно называют экологией. Природная ситуация меняется катастрофически быстро. И из фона среда, окружающая человека, превращается в действующий персонаж человеческой трагедии и грозит бедами, которые сейчас во все большей степени занимают умы ученых. Я не буду подробно обсуждать те предзнаменования, о которых сейчас пишут не только в научных трактатах, но и в широкой прессе. Это и неизбежное изменение климата, и постепенный распад озонового слоя, ухудшение генофонда, опаснейший рост городов и разрушение традиционной культуры, рост наркомании, преступности и т. д. И наконец, может быть, самое грозное - неизбежное исчерпание ресурсов, ибо Земля на самом деле очень

невелика, запасы, накопленные былыми биосферами, весьма ограничены, а потребности человечества удваиваются каждые 10-12 лет.

Наука утверждает, и мы обязаны признать это утверждение, сколь бы нам это ни было трудно, что человечество сможет иметь шанс на будущее только тогда, когда оно снова окажется в равновесии с биосферой, другими словами, когда прогресс человечества будет сопровождаться и развитием биосферы. Значит, деятельность человека, вся его активность должны быть подчинены определенным требованиям природы: человек обязан жить в рамках определенного экологического императива! И императив этот будет очень жестким. Все развитие человека подчинено тем же общим законам, которым следует и все остальное живое вещество. Человеку смертельно опасно игнорировать эти законы и чувствовать себя властелином, а не частью того мира, в котором он живет. Мир - это не окружающая среда, а наш единственный дом, в котором мы только и можем жить! Другого у нас нет и не будет. Для того чтобы обеспечить свое будущее, мы должны знать этот дом и уметь его обустроить. Для этого служат нам и наш Разум, и наша Воля, способные использовать полученные знания для того, чтобы обеспечить нам возможность жить в этом доме.

В этих условиях системе "УЧИТЕЛЬ" предстоит сыграть особую и определяющую роль! И мы, участники этой системы, должны не просто составлять те или иные программы, а заложить основы той цивилизации, рамках которой человечество способно жить и развиваться. Я убежден, что сегодня речь идет не просто об экологическом образовании и воспитании - обо всей системе "УЧИТЕЛЬ", основанной на новой этике и новом понимании места человека и задачах его цивилизации. И новой нравственности! Об этом тоже не надо забывать.

Торокова Е.С., г. Уфа

ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА В НОВЫЙ ДОМ У БАШКИР И ХАКАСОВ

Обряды перехода в новый дом являются завершающим этапом, кульминацией строительства жилища. В них, как и в строительной обрядности в целом у башкир и хакасов, можно наблюдать архаичные по содержанию мифоритуальные представления, связанные с «одомашниванием» пространства, которые имеют ряд сходств. Эти два тюркских народа имеют общие культурные связи и различаются только в конфессиональном плане, и как это проявлено в основных моментах обрядов перехода в новый дом у башкир и хакасов мы попытались проанализировать по этнографическим экспедиционным материалам хранилищ и архивов и собственным полевым записям.

И башкиры, и хакасы считали, что новопостроенный дом не должен долго пустовать, иначе в нем поселится злой дух (*ен* – баш., *айна* – хак.). Накануне переезда у некоторых групп хакасов и башкир проводились обряды, связанные с ритуальной подготовкой жилища к заселению. У хакасов уважаемые, знающие обряды старики специально ходили в новый дом топить печь и ночевали в нем до переезда хозяев [ПМА 2005, 1]. Первыми пускали в дом петуха или кошку: верили, что петушинный крик освящает дом, изгоняет злых сил, а кошка заставляет привыкать к себе домового этого жилища [ПМА 2005, 2]. У башкир Илишевского

района Башкортостана и в 1970–х годах продолжал существовать обычай приглашения на ночевку в новопостроенный дом девочек не старше 13–14 лет из числа родственников или соседей. Они играли в игры, веселились. Считали, что если они переночуют спокойно, значит и жизнь в этом доме будет радостной, хорошей [ПМА 2004, 1].

У обоих народов большое значение придавалось в жилище очагу: огонь являлся защитником человека в еще не освоенном им пространстве, а сам очаг – символом обжитости. Считалось, что нельзя ночевать в пустом доме, пока не затопят в нем печь.

Время переезда в новый дом приурочивалось периоду нарастания новой луны и полнолуния, притом благоприятным «легким днем» для этого у хакасов были вторник, четверг, пятница, суббота, у башкир – пятница, суббота, воскресенье. Если для всех хакасов благоприятные дни недели оставались едиными, то у башкир пятница трактовалась по-разному: часть из них чтит ее как праздничный день, когда запрещались всякие работы, другая же, признавая ее большим праздником, напротив, приурочивала к ней начало важных дел, в том числе переезд в новый дом.

Переехать в новый дом необходимо было утром или днем, так как с наступлением вечера башкиры и хакасы соблюдали одинаковые запреты на ведение любой производственной деятельности. Верили, что в это время начинали активизироваться злые духи, которые могли проникнуть в дом и принести несчастье его жильцам. Такая опасность особо грозила тем хозяевам, которых в старом доме преследовали болезни и неудачи, ибо причиной их являлись злые духи. В связи с этим некоторые хакасы считали, что при переезде утром эти духи остаются на прежнем месте [ПМА 2004, 2]. Однако наиболее действенным способом избавления от злых духов являлся переезд в другое жилище и обязательно за реку, о том, что он практиковался в прежние времена у хакасов и башкир, свидетельствуют их былички, предания.

При переезде особое внимание уделялось переманиванию в новый дом (*сакырыу* – баш., *хыырага* – хака.) духов-покровителей жилища, главным образом домового (*өй эйәһе* – баш., *иб эзэ* – хака.). Некоторые группы башкир считали, что домового оставляет на старом месте, потому его не звали с собой. У хакасов наряду с домовым с особым почтением приглашалась дух-хозяйка огня (*от ине*), культ которой прежде, видимо, существовал и у башкир, об этом свидетельствуют сохранившиеся в языке устойчивые словосочетания и некоторые элементы обрядов календарного и жизненного циклов, имеющие аналогии в культуре сибирских тюрков, в том числе хакасов.

Звали с собой домового после того, как вынесут из дома все перевозимые вещи. Приемы приглашения у башкир и хакасов функционально схожи. У некоторых групп башкир использовалось словесное обращение без совершения каких-либо действий: «Не оставайся, идем вместе», после которого уходили не оглядываясь в направлении к новому дому [ПМА 2005, 3]. Хакасы с едой и водкой совершали обряд окропления, приглашая домового следовать за ними, аналогично тому, как приглашают душу (*хут*) человека, умершего вдали от дома [ПМА 2005, 4]. Судя по полевым материалам, во время переманивания духов-покровителей жилища башкиры и хакасы не

делали четкого разделения между ними (домовым, дворовым (*кәртә эйәһе* – баш., *хазаа ээзи* – хак.), духом-покровителем скота (*мал эйәһе* – баш., *мал ээзи* – хак.)) и ко всем обращались сообща. Например, у башкир записано: «Идите, собирайтесь все, идите, не оставайтесь, вместе со мной идите. Идите, ... ваш хозяин уходит, и вы следуйте за мной. Идите, идите!» [НА УНЦ РАН, 121–122], у хакасов встречается такое объяснение: «Человек, когда уходит со своего жилища, зовет с собой своего защитника (*хуях*) (здесь дух–покровитель жилища – Е.Т.). Вот уходишь из дома, зови с собой весь свой дом. Называя имя каждого своего ребенка, зовут: «Пойдемте вместе», чтобы не остался здесь *хуях*» [ПМА 2005, 5].

У некоторых групп башкир и хакасов существовал одинаковый обряд переноса горящих углей из старого жилища в новое, и если башкиры связывали его с приглашением домового, то хакасы – с духом–хозяйкой огня [ПМА 2009, 1].

Старый дом нельзя было оставлять совершенно пустым, потому там оставляли стол, посуду, еду, монеты [ПМА 2009, 2].

У башкир и хакасов обряд очищения нового дома во многом был схож и проводился до внесения вещей в дом. У некоторых групп башкир обязательно стреляли из ружья во все четыре угла дома с тем, чтобы изгнать злого духа [ПМА 2006, 1], у хакасов с этой целью хозяин с топором в руках обходил каждый угол дома [ПМА 2009, 3]. При очищении дома хакасы окуривали его полынью, башкиры – можжевельником. Только после него хакасы разжигали огонь и кормили духа-хозяйку огня и домового.

При входе в новый дом и башкиры, и хакасы первым вносили хлеб и соль. Входя, обязательно перешагивали через порог правой ногой и произносили благопожелания, которые у хакасов и башкир схожи. Новый дом – это, прежде всего, начало новой жизни его хозяев, потому всё, что делалось и произносилось, было направлено на привлечение благополучной, счастливой жизни в нем.

В новый дом у башкир первым входил хозяин, у некоторых групп башкир первой входила женщина как будущая хозяйка дома: это могла быть молодая сноха [НА УНЦ РАН, 122] или даже маленькая дочь хозяев [ПМА 2005, 6], что было связано с представлением о том, что область домашнего пространства находится во ведении женщины – хранительницы очага. У хакасов первыми в дом входил сам хозяин или старший в семье или в роде, знающий традиции и обычаи.

Обряд освящения нового дома был обязательным, от него зависела жизнь хозяев, какой она будет в дальнейшем. Дом у хакасов освящали старик или старуха, которые, обходя трижды внутри дома, окуривали его полынью или брызгали святой водой по углам, или обносили горящую свечу, произнося молитвы и благопожелания. После этого они же кормили домового и духа-хозяйку огня. Башкиры для освящения дома приглашали муллу, и после общей молитвы хозяева раздавали приглашенным на этот обряд старым, почтенным людям пожертвования (*хайер*) – деньги, платки и т.д. Таким образом, можно отметить, что этот важный этап обрядовых действий проводился людьми, наделенными в обоих социумах определенным статусом «знающего». Это подтверждает и тот факт, что у некоторых групп хакасов в новый

дом приглашали сказителя для исполнения героического эпоса [ПМ Кулумаевой С.К. 1999]. С учетом особого статуса сказителя в хакасском традиционном обществе как человека, способного быть посредником между людьми и духами, возможно, что в роли освящающего новый дом мог выступать и шаман, как у тувинцев и якутов.

На новоселье (*өй котлау* – баш., *тура//уб тойы* – хак.) приглашались родственники, соседи. Гости приходили с подарками, считалось, что нельзя входить в новый дом с пустыми руками.

Во время празднества произносились благопожелания хозяевам и дому, который мыслился как живой микрокосмос. Очевидно, дом у обоих народов наделялся душой: как человек проходит обряды инициации от рождения и до смерти, так и дом у хакасов социализировался посредством празднества (*моу*); как всё, с чем человек соприкасался в своей деятельности, наделялось живой душой, так и это празднество у башкир, видимо, больше воспринималось как призывание и вложение в дом живой души (*ком*).

Таким образом, можно отметить, что обряды перехода в новый дом башкир и хакасов в сравнительном плане имеют больше функционально-семантических сходств, чем различий, и это свидетельствует об общем культурном источнике их происхождения и развития.

Список информаторов:

ПМА 2005, 1; ПМА 2005, 2; ПМА 2004, 1; ПМА 2004, 2; ПМА 2005, 3; ПМА 2005, 4; НА УНЦ РАН, 121-122; ПМА 2005, 5; ПМА 2009, 1; ПМА 2009, 2; ПМА 2006, 1; ПМА 2009, 2; ПМА 2005, 6

Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2, ед. хр. 945. С. 122.

Унгарбаева Г.И., Мендигалиева Г.К., г. Актобе

ИСТОРИЯ НАРОДА – ИСТОРИЯ ЕГО ЯЗЫКА

Язык выделяет тот или иной народ как самостоятельную историческую категорию от остальных этнических объединений. Язык каждого народа служит средством его самосохранения, то есть является своеобразным мощным фундаментом, который предупреждает его слияние с каким-либо другим народом и тем самым его исчезновение с арены мировой цивилизации.

Язык — это такое уникальное явление, которое находится в постоянном движении, в состоянии вечной динамики.

К сожалению, не все помнят, что первым русским ученым, выдвинувшим тезис о связи истории языка с историей народа и указавшим на языки как памятники истории народа, был В.Н.Татишев.

Известный математик, естествоиспытатель, горный инженер, географ, этнограф, историк и археолог, лингвист, юрист, политик и публицист, и вместе с тем просвещенный практический деятель и талантливый администратор. Его имя и деятельность неразрывно связаны с регионами Москвы и Петербурга, Урала и Оренбуржья. Характеризуя многогранность деятельности и обширность ума В.Н.Татишева, один из его первых библиографов Д.А.Корсаков совершенно справедливо поставил его рядом с Петром Великим, назвав при этом «первоначальным создателем русской науки».

Творчество В.Н.Татишева принадлежит той эпохе в истории русского литературного языка, когда церковнославянское слово,

оторвавшись от системы текста, становится отдельной лексемой, но еще слишком ошутим шлейф его связей в разной степени устойчивых сочетаниях. Именно славянизмы благодаря свойственной им «семантической и культурной памяти» связаны с историей русского народа и русского языка. И в том, что в семантике славянизмов сохранились отголоски бывших значений и употреблении, заключается их большая культурная и художественная ценность.

Попытаемся воссоздать целостную концепцию В.Н.Татищева, раскрыть его позицию на проблему церковнославянских элементов в русском языке.

Трактуя слово летописца о том, что славянский и русский язык один и тот же, историк писал: «Что ныне руссы язык славенский употребляют или славяне руссами назвались оное бесспорно; однако же разница в его речении есть двоякая: I. Тогда руссы от славян были разные, ибо руссы были языка сарматского, как он сам на многих местах различает; II. Хотя тогда которые славяне именовались, но язык, или наречие их, с сущим славенским так был разен, что едва разуместь можно» [Татищев 1962, 213]. Заметим, что В.Н.Татищеву было свойственно преувеличивать роль сарматского (финно-угорского) влияния на русский язык. Утрату церковнославянского языка и его падение историк объясняет именно финно-угорским влиянием на судьбы русского и славенского языков.

Термин «славенский язык» в языковой практике В.Н.Татищева полисемантичен. Под славенским языком он понимает церковнославянский, изначально старославянский, считая этот язык мертвым; сохранившимся только в церковных книгах, которые историк точно обозначает: «Хотя все вышеобъявленные народы правильно сльвянами именяются и от читания обькнут» [Татищев 1962, 344].

«Славенский» - это мертвый язык «святых» культовых памятников, которые были созданы нерусскими писателями и вне Руси. Так как на Руси памятники обычно переписывались, кодификация этого «славенского» языка являлась священной. Исправление «точного славенского» было невозможным, несмотря на то, что его «простой народ...мало разумеют».

В.Н.Татищев отмечает генетическую связь «славенского» языка с русским: это родственные, но разные языки. Историк подчеркивает, что дифференциация языков славянской группы произошла довольно рано: «...и в глубокой древности славяня, живучи по разным и весьма отдаленным местам, в языке уже разность немалую имели, как в древнейшие письма всех оных могут доказательством быть» [Татищев 1968, 97].

Под «славенским» языком В.Н.Татищев понимает прародительский язык русских. В этом смысле он равен «неиспорченному» русскому. Об этом он пишет в письме к Третьяковскому, где делится своими филологическими сомнениями и размышлениями: «В правильном разумении сих славенских слов не меньше погрешности видим, ибо многие настоящие и правильные оставлены, а вместо оных неправильные употребляемы... Вместо *жита* именяют *хлеб*, а *ечмень* *житом* — противу разума, ибо «*жито*» значит по имени всякое насыщению служащие, т.е. общественное имя всяких зерн, яко

пшеницы, ржи, овса и протчего, от чего и хранилище именуется *житница*, *хлеб* же, кроме печеного, именоваться правильно не может» [Татищев 1990, 223–224].

При этом В.Н.Татищев отмечает, что церковнославянская лексика с ее развитой системой отвлеченных значений, влияет на русский язык и, в свою очередь, русская лексика с более конкретными и узкими значениями влияет на семантическое изменение церковнославянских лексем. Он замечает, что в Библии отвлеченное значение сл. *нива* переводится на русский язык при помощи церковнославянизма *класы*, более частным проявлением в контексте реализуемого значения лексемы *нива*.

Итак, сближение русского языка со священным церковнославянским, или «славенским», обусловило употребление в рассуждениях историка на лингвистические темы терминов «порча, повреждение»: «Противни же тому, у нас во многие слова гласные буквы против славенскаго в середине прибавили, яко пишут *голод, мороз, город, порох, дерево, беремя* вместо *глад, мраз, град, прах, древо, бремя*», то есть В.Н.Татищев как отличительную особенность русского языка выделяет полногласные сочетания в корне слова.

Он отмечает и другие отличительные фонетические черты русского и славенского языков: «...индеже гласные убавили, яко вместо *бию, пию, любити, ходити* говорим *бью, пью, любить, ходить*; инде согласные или целые слоги вместили, яко вместо *баба, агнец, двадесять* говорим *бабка, агненок, дватцать*» [Татищев 1979, 97].

Стремление Татищева «исправить русское речение» и приблизить к «славенскому» позволяет предположить, что «славенский» язык квалифицируется им как книжный, полифункциональный, способный выразить сложнейшие понятия. Кроме того, это кодифицированный язык, нормы которого защищались на протяжении веков, образец нормированного языка с давней традицией письма и имевшего авторитет «священного» языка. В.Н.Татищев полагал, что создание нового типа «российского», или «славенорусского», как он называл, языка лежит на пути синтеза «простого и внятного» русского и «высокоумного» славенского [Татищев 1990, 326].

Под «славенскими» словами автор лексикона понимал, во-первых, слова старославянского языка, заимствованные из псалтыри, евангелия: «*Здо – р.кровля*. сие слово *здо* единою токмо во псалтыри положено» [Аверьянова 1964, 119]. Во-вторых, под «славенскими» В.Н.Татищев понимал слова книжного языка, среди которых были общеславянские, русские и заимствованные слова.

Таким образом, в «Рукописном лексиконе» В.Н.Татищев отражает почти все виды стилистических сопоставлений: лексические («*бес – сл. диавол*», «*бисер многоценный – р. жемчуг*», «*благодетель – р. добротство*»); словообразовательные («*выбирание – сл. избирание*», «*плакание – сл. плачь*», «*превоз – р. перевоз*»); фонетические («*бразда – р. борозда*», «*един – р. один*», «*зеркало – сл. зерцало*»).

Литература:

Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750гг / Отв. ред., авт. вступ. ст. и примеч. А.И.Юхт.-М.: Наука, 1990.

Татищев В.Н. Избранные произведения / Ред. С.Н.Валк.-Л.: Наука, 1979.

Утягулов М.М., г. Уфа

К ВОПРОСУ РАССЕЛЕНИЯ ЧУВАШКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ В НАЧАЛЕ ХХ В.

Расселение пришлого населения, в том числе чувашского, на территории башкирского Зауралья происходило в течение длительного времени. Это обуславливалось экономическим состоянием хозяйства в районах выхода, земельной обеспеченностью крестьянского двора и внутренней политикой царского правительства. Численность и расселение крестьян — переселенцев, прежде всего, зависели от наличия свободных запасных и казенных земель на переселенческих участках, которые подготавливались на местах водворения. Подготовку этих участков осуществляли чиновники Переселенческого управления при содействии местных властей.

Основная правовая база переселения населения в России сформировалась во второй половине XIX в. [ПСЗ РИ .Собр. II. 1826-1881, тт. 5,8,12.] и зачастую не соответствовала действительности из-за стихийности и массовости этого движения после отмены крепостного права.

За основу переселенческой политики правительства начала XX в. был принят указ от 9 ноября 1906 г., вошедшая в историю как столыпинская аграрная реформа, утвержденная III Государственной Думой как закон от 14 июня 1910 г.

Столыпинская реформа, как принято считать, не сводилась к простому разгрому крестьянской общины, а включала большой комплекс преобразований в аграрном секторе экономики. Главными из них были: введение свободы выхода из общины, формирования, путем расслоения крестьянства, сельской буржуазии — кулачества и переселение части крестьян из центральных губерний на окраины российского государства. Таким образом, предполагалось разрешить сложившуюся кризисную ситуацию в земельном вопросе.

Переселение крестьянства в Уфимскую и Оренбургскую губернии происходило неравномерно. Так, Х.Ф. Усманов указывает, что наибольшее количество переселенцев в Башкирию приходится на 1909 — 1911 гг., но по России пик переселенческого движения приходится на 1907 — 1909 гг. Такое положение объясняется тем, что значительная часть переселенцев, направлявшихся в Сибирь, к 1909 — 1911 гг. предпочитало оставаться в башкирском крае, где были довольно низкие цены на землю [Х.Ф. Усманов, 1958, 127-128]. Кроме того, основной причиной нежелания крестьян следовать в Сибирь, на Алтай оставалась неорганизованность и непродуманность столыпинской реформы. На местах выхода крестьян местные органы власти, как земские начальники, так и губернаторы, в целях скорейшего избавления от малоземельных и безземельных крестьян часто отправляли их на новые места жительства, обнадёживая их о подготовленности участков и благополучности переезда. Проходные свидетельства, выдаваемые на земельный участок, часто игнорировались или были недействительными, так как к моменту прибытия переселенцев на эти

земли они могли быть уже проданы. По этой причине многие крестьяне-переселенцы самостоятельно занимались поиском земельных участков и в большинстве случаев временно арендовали их у башкирского населения, нанимались на работу к старожилам или состоятельным и зажиточным крестьянам. Но нередко они возвращались к родным местам. Так, за 10 лет, с 1904 по 1914 год, в среднем из Уфимской губернии вернулись обратно 9 251 чел, или 21,3%, а из Оренбургской – 21 649 чел., т.е. 33% к общему числу переселившихся в губернию крестьян. [Сборник журналов, 1912, 64-65]

Одновременно с общим потоком переселенцев на территории башкирского Зауралья переселяется и чувашское население. Сведения о чувашских деревнях башкирского Зауралья в архивных источниках единичны. Эти деревни возникли во второй половине XIX – начале XX вв. на землях приобретенных у башкирского населения или в местах прежних зимовок и обязательно многократно проверенных благоприятных климатических условиях. Так сложились чувашские населенные пункты Пугачевка и Яковлевка – в Хайбуллинском, Чувашский Бердяш, Надеждинск и Ивано-Кувалат – Зилаирском, Чувашская Чумаза – Зианчуринском районах [Административно-территориальное устройство, 1999, 86-119, 337].

Земля заторгована в арендное пользование переселенцами у башкир и других владельцев, но не была утверждена за ними в установленном порядке.

На основе положений указа от 9 ноября 1906 г. из различных губерний Российской империи начинается массовое переселение населения. Так, крестьяне, жители Нижние Кибекси, Канагуш и Акулево Цивильского уезда Казанской губернии направили ходочков в поисках земель для переселения в Оренбургскую губернию. Во главе ходочков стоял, как мы полагаем, Иванов Иван Терентьевич, так как в большинстве оформленных документов значится его имя.

Село Ивано-Кувалат Зилаирского района Республики Башкортостан образовалось в 1911 году, о чем свидетельствует копия акта 1910 года. У Оренбургского Лесного Промышленного и торгового общества, из Кананикольской дачи, было куплено две тысячи двести семьдесят пять десятин, в верховьях р. Колалат, по тридцать рублей за десятину. Уполномоченными по купле и продаже земли были: Иванов Иван Терентьевич и Иванов Петр Иванович, а от Оренбургского Лесного Промышленного и торгового общества его директор – распорядитель Пимонов Арсений Моисеевич.

В продажу входила исключительно земля, но не произрастающий на ней лес, который оставался собственностью общества, и подлежал вырубке в течение 4 лет.

Выкопировка из плана на продаваемый участок и отведение его в натуре должны были быть сделаны Оренбургским обществом не позднее 1 июля 1911 года [М.М. Утягулов, 2001, 82.].

Деревня была заложена вдоль левого берега реки Колалат. Но всегда первое место поселения бывает непрочным, что объясняется его дальнейшим разрастанием из-за увеличения численности населения. В горно-лесных условиях, как правило, площадь первоначальной закладки деревни бывает небольшой. Аналогично было и с деревней

Ивано – Кувалат. Деревня была заложена на изломе реки открытой влажным и холодным ветрам осенью и жарким сухим – летом. Кроме того, находящиеся напротив деревни луга весной были недоступны из-за большой воды во время паводка. Восточная и южная сторона деревни были гористы и покрыты лесом и кустарниками. Переселенцы, чуваша из Цивильского уезда Казанской губернии поселилась в землянках.

Ряд домов застраивался дальше вверх по течению р. Кувалат. Начальный период закладывания деревни особенно труден. Выкорчевывали ручную лес (он был осиновый, поэтому первые дома – землянки из осинового сруба). Жили в очень трудных условиях, т.к. землю приходилось обрабатывать примитивными орудиями труда. Землянки топились по-черному, полы были земляными.

Быстрому росту деревни способствовало переселение чувашей из Казанской, Самарской, Оренбургской, Уфимской губерний. и уездов (Стерлитамакского Белебеевского уездов губернии и др.).

Через некоторое время, из-за притока населения из ближайших малых хуторов деревня начинает разрастаться. Но нашему мнению в деревне число дворов первоначально не превышало 25 - 30, и дома были поставлены вдоль левого берега речки Колалат, а в последующем и вдоль ручья Малиновки. За водой жители ходили к трем колодцам на окраине деревни, т.к. в прежние времена колодцы на улицах таких поселений явление редкое.

Основным занятием первых жителей были земледелие и скотоводство. На каждую семью осваивалось по 3-5 га земли. Высевали в основном такие культуры, как рожь, овес, конопля, картофель. Зимой заготавливали лес для строительства в своем хозяйстве. Избы-землянки крылись соломой, топили чувалы. Но уже через 3-4 года быт населения меняется. Дома ставятся более просторные, пятистенные с печным отоплением.

По данным сельхозпереписи 1917 года, в деревне насчитывалось 90 дворов, где проживало 543 человека.

Литература:

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание II СПб, 1826-1881.ТТ. 5,8,12.)

Х.Ф. Усманов Столыпинская аграрная реформа в Башкирии.: Уфа Башгосиздат, 1958. 175 с. Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания XXXVII очередной сессии 1911 года. Уфа.,1912. С.148.С.129.

Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан на 1 июня 1999 г. Уфа: Китап, 1999, 416 с

М.М. Утягулов. К изучению образования чувашских поселений на юго-востоке Башкортостана /Материалы научной конференции Сибайского института БГУ. Сибай, 2001. С.82.

Уиницкий В.В., г. Якутск

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЛЕМЕНИ КАНГЛЫ СРЕДИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

У всех современных тюркских народов имеются племена и роды под названием канглы или с основой канг. Поэтому происхождению племен с этнонимом канг придается ключевое значение. Тюркологи С.С. Аманжолов и Н.К. Антонов этноним канглы/канлы вывели от слова канк «телега» [Аманжолов 1959]. Ещё в легенде об Огузе, приведенной у Абулгази, даётся народная этимология, согласно

которой предок канглы получил свое имя вследствие того, что чинил телеги [Абульгази 1984].

В легенде, приводимой Рашид-ад-дином (XIII в.) говорится: "Канглы. В то же самое время, как Огуз воевал со своим отцом, дядьями, братьями и племянниками, делал набеги и грабил их страны, то из всего народа, все те из его родственников, которые присоединились к нему и стали с ним заодно, по соображению собственного ума сделали повозки и нагружали на них [все] награбленное, другие навьючивали добычу на животных. [Повозку по-тюркски называют "канглы"], по этой причине и они названы именем канглы. Все ветви канглы [происходят] от их потомства. Впрочем, Аллах знает лучше!" [Рашид-ад-дин 1952, 84].

Схожую легенду в китайской летописи "Юань ши" (XIV в.) обнаружил исследователь А.Ш. Кадырбаев: "Канглы (Канли) это есть то, что в эпоху Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) называлось Гаочэ-го - страна высоких повозок" [Кадырбаев 1990, 21]. Данная легенда свидетельствует о том, что канглы можно отождествить с гаогуй — уйгурами.

Используя слово «канкали», Э.Паркер имеет в виду народ, известный китайцам во времена хунну как динлин или тиклик, при Тоба как «высокие телеги», во времена тюрков как «уйгуры», а во времена монголов как канкли — тюркское слово, означающее «телега» [Паркер 2008, 119].

И. Маркварт пришел к выводу о том, что название народа «канглы» не имеет ничего общего с названием западно-тюркского племени кенгерес и трех наиболее знатных печенежских орд Кангар, а также с именем древнего княжества Канг-ку (в окрестностях Ташкента), которое впоследствии распространилось на всю Согдиану (Канг). Отождествление канглы с кангарами представляется невозможным еще и потому, что эти последние уже в конце IX века не остались под властью огузов, а ушли из области между Аральским морем и Яиком в причерноморские степи. Канглы с кангарами Константина Багрянородного, но также и с иранским племенем канг-ку китайского полководца Чан-Кьена (128 г. до н.э.) отождествил В. Шотт. Поэтому И.Маркварт считал, что встречающийся в уйгурской легенде об Огуз-хагане вывод наименования «канглы» от тюркского «канг», «повозка», может быть вполне правильным. Исходя из этого, он приводит китайское обозначение народа теле, то есть поздних уйгуров при династии Северное Вэй (386—556 гг.): «динлины с высокими повозками».

И. Маркварт приходит к выводу, что имя само по себе не позволяет нам сделать заключение о происхождении канглы. По сведениям восточных авторов, йимаки были одной из орд канглы. Считая канглы новой конфедерацией племен, пришедших на смену кимакам, он вполне удовлетворительно разъясняет указанное Рубруком близкое родство канглы с команами (кипчаками). Тем самым считает справедливой замечание В.В. Бартольда о том, что «племенные наименования канглы и кипчак представляются нам почти тождественными» [Маркварт].

Ю.А. Зуев находит еще канглы-канггойцев на территории Центральной Азии. В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэцзы (чернотележники) шивей, входившие в состав объединения Канцзюй или даже тождественные ему. По его утверждению, область Канцзюй находилась

еще в северной части Внутренней Монголии и на востоке Большого Хингана. Для нас является совершенно новым и неожиданным является его гипотеза о связи с этнонимом канглы-кангюй с названием города Кан-кати, упоминаемого Рашид-ад-дином в стране «пеголошадников». Еще более интересно утверждение его о наличии тележных кангов среди лыжных тюрков, делившихся на три племени: дубо (тува), милиге (меркит) и хэйчэжцы (канглы) [Зуев 2002]. Следовательно, потомки гаоюйцев – канглы имелись среди тюрко-уйгурских племен Дубо.

А.И.Гоголев кыпчакский компонент в составе саха связывает исключительно с кангаласами. Впервые отождествление этнонима ханалас с названием племени канглы было сделано Г.В.Ксенофонтовым в неопубликованном II томе «Ураангхай-сахалар». Исходя из этого, Г.В.Ксенофонтов предполагал тождество канглы с гаоюйцами-уйгурами. Гаоюй в переводе с древнекитайского языка обозначает «высокие телеги» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф.4, оп.7, ед.хр.32]. Он их считал предками кангаласов – третьей этнической волны в формировании саха.

Известна тесная, а возможно, и генетическая связь канглов с кераитским улусом Тогрул-хана, занимавшего земли в районе реки Тола, в среднем течении Орхона и бассейне реки Онгин в Северной Монголии. Представители канглийской знати, например упоминаемый "Юань-ши" некий Кайранбай, служили при дворе кераитских ханов, а китайское сочинение "Менуэр-шицзы" прямо пишет об их родстве: "Кераиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные кераитами" [Кадырбаев 1990, 35-36].

То значение, какое придается канглы в составе тюркских народов, позволяет усомниться в их иранском, среднеазиатском происхождении. Более убедительной является версия, отождествляющая их с объединением Гаоюй, которая позволяет сделать вывод о преемственности тюркских народов на протяжении тысячелетий.

Литература:

- Абульгази. Родословное древо тюрков, пер. Г.С. Саблукова. – Казань, 1906.
Архив ЯНЦ СО РАН, ф.4, оп.7, ед.хр.32.
Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата, 1959.
Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002.
Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. – Алма-Ата, 1990.
Маркварт И. О происхождении народа куманов // Сайт «Великая степь» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml>. Дата обращения (22.06.08).
Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. – М., 2008.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1, кн.1 - 2. – М.; Л., 1952.

Фадеева М. М., г. Саранск

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МОРДВЫ НА УРАЛ

(по архивным материалам)

Этнокультурные проблемы и развитие национального самосознания в настоящее время приобретают особую значимость и глубину социально-культурного осмысления. Это связано с теми социально-экономическими, общественно-политическими и историко-культурными процессами, которые происходят сейчас в стране [Балашов 2004, 5]. Этнокультурная и национальная идеи мало исследованы, и потому они находятся в центре внимания ученых на современном этапе

развития общества. Отношение к прошлой истории и к культурному наследию во многом определяет наше будущее. В этом и смысл, и необходимость глубокого изучения истории общества и его культуры. Каждое новое поколение ученых пытается реконструировать прошлое в ходе социально-исторического анализа. Важной является задача сохранения и воспроизведение прошлого» [Мазур 2009]. В этом и состоит актуальность статьи по изучению культурного наследия региона.

Изучение письменных источников — один из самых важных методов этнологии, ценность которого заключается в разнообразной и достоверной информации об изучаемых народах и культурах. В качестве письменных источников используются обычно история народов, написанная ими самими, или описания их культур, что сохраняет к этим источникам устойчивый интерес ученых-этнологов. Однако такого рода историко-культурные описания не единственный тип письменных источников, представляющих интерес для этнологов. В настоящее время существует огромное количество еще не исследованных письменных материалов, которые содержат много полезной и неизвестной информации о жизни и культурах народов разных стран и эпох. К таким материалам относятся документы, хранящиеся в региональных и центральных архивах.

В этой статье впервые предпринята попытка проанализировать документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве РМ (ЦГА РМ), касающиеся переселения мордвы на Урал. По переписи населения 1926 года, численность мордвы в Уральской области составляла 5 985 человек (городского населения 384 чел., сельского — 5 601 чел.) (Всесоюзная перепись населения 1928). По данным переписи населения 1937 г., в Челябинской обл. мордвы проживало 17 557 человек (0,63% от общего населения) (Балашов 2004, 5), в 1959 г. — 30 540 чел., 1970 г. — 31 915 чел., 1979 г. — 29 306 чел., 1989г. — 27 095 чел., 2002 г. — 18 138 чел. В Свердловской обл. в 1959 г. — 17 830 чел., 1970 г. — 17 135 чел., 1979г. — 16 164 чел., 1989г. — 15 453 чел. (причём 89,7% из них относились к горожанам) (Мазур 2009), 2002г. — 9 702 чел. В Курганской обл. в 1970 г. — 1 881 чел., 1979 г. — 1 600 чел., 1989г. — 1 569 чел., 2002г. — 1 089 чел. В Тюменской обл. в 1970г. — 3 012 чел., 1979 г. — 5 507 чел., 1989 г. — 11 159 чел., 2002 г. — 9 683 чел [Национальный состав населения Республики Мордовия 2005, 58 — 94].

Нами были рассмотрены 126 дел фонда Р — 473. В д. 116 Ф. Р. — 473 оп. 1, где мы обнаружили выдержки из письма Начальника Челябинского переселенческого отдела тов. Фомичева: при наличии высокоразвитой промышленности, Челябинская область одновременно представляет собою также и край крупного земледелия — восточную житницу нашей страны. Занимая по посевной площади второе место, по численности крупного рогатого скота — пятое, свиньям и овцам — шестое, Челябинская область составляет главную базу Союза по производству высококачественной яровой пшеницы, мяса и экспортного масла. Около шести миллионов гектар плодородных, преимущественно черноземных пашен, 1,6 млн. га сенокосов и свыше 2,0 млн. великолепных пастбищ являются надежной базой для развития всех отраслей сельского хозяйства. На полях колхозов и совхозов работает 14,5 тысяч тракторов, 5 тысяч грузовых машин, 6 тысяч

комбайнов, 9 тысяч тракторных сеялок. 152 машинотракторных станции области играют огромную роль в деле укрепления колхозного строительства, поднятия урожайности полей и обеспечения колхозникам счастливой и зажиточной жизни. При помощи МТС тяжелый ручной труд переложен на машину. Механизация основных видов сельхоз работ в колхозах области с каждым годом возрастает. Несмотря на ежегодное освоение новых земель, по наличию пахотных угодий посевная площадь в области может быть еще увеличена почти в два раза. Свыше 20% всех колхозов области имеют земельные массивы от 4 до 18 тыс. га. на один колхоз. Средняя обеспеченность пашен на один колхозный двор по области составляет 20 га. Необъятные плодородные земельные массивы и благоприятные климатические условия области позволяют выращивать все основные зерновые, технические, овощные и даже плодовые культуры. Широкое применение агротехнических мероприятий, механизация процессов сельскохозяйственного производства организационно-хозяйственное укрепление колхозов содействовали повышению в области урожайности всех сельскохозяйственных культур [ЦГА РМ. Ф. Р – 473, 35 – 37]. В этом же деле написано, что «дореволюционные сорокапудовые урожаи в данное время в среднем по области перекрыты более чем в 2 раза. Производство зерна в области с 1,3 млн. тонн в 1913 г. к настоящему времени возросло до 4 млн. тонн. Одновременно с повышением урожайности полей и увеличением производства зерна растет и зажиточность колхозников... За последние три года колхозами области было выдано колхозникам в среднем на один трудодень по 8 – 10 кг зерна, колхозы с проведением более полного комплекса агротехнических мероприятий имели более высокий урожай и выдавали на один трудодень свыше 20 кг зерна. Обычным явлением считается, когда одна семья колхозника на заработанные в течение года трудодни получает десятки тонн хлеба и тысячи рублей деньгами. Большое значение Челябинская область имеет также и в деле животноводства. Свыше миллиона голов крупного скота, два миллиона овец и коз, полмиллиона свиней служат прекрасной базой для снабжения области и других промышленных центров нашей страны мясными и молочными продуктами, шерстью, кожей. Закрепленные за колхозами свыше 8 миллионов гектаров земельных угодий освоены только наполовину. Причем дальнейшее освоение новых земель в области задерживается в данное время исключительно резким недостатком трудовых ресурсов. Средняя нагрузка освоенной пашни в колхозах на одного трудоспособного по области составляет 10 га, доходя в отдельных колхозах до 15-25 га. Далее зафиксировано, что «намечаемый переход колхозов области на более интенсивные формы ведения сельского хозяйства потребует дополнительно огромное количество рабочей силы. Большую помощь им в этом могут оказать колхозники – переселенцы из других областей. Изъявившие согласие переехать в Челябинскую область могут по своему выбору вступить в существующие колхозы, организовать новые колхозы на свободных земельных фондах. Новые кадры колхозников, помогут в Челябинской области вовлечь в оборот новые тысячи ценных земель, умножить колхозные стада и использовать технику» [ЦГА РМ. Ф. Р – 473, 35 – 37].

Таким образом, исходя из имеющихся сведений, можно сказать, что переселение мордвы на Урал было добровольным, власть на местах контролировала переселение (издавались специальные директивы, списки, постановления и т.п.), но данный вопрос до конца не изучен, особенно архивные материалы. Кроме того, по переселению мордвы в Сибирь и на Дальний Восток и другие области состоялись специальные этнографические экспедиции в 2000–2009 гг., рук. профессор Л. И. Никонова, изданы или находятся в печати научные труды [Никонова 2009–2010], но по мордве, переселившейся на Урал, их круг ограничен, в чем и состоит актуальность поставленной проблемы. Благодаря сохранившейся достоверной информации об изучаемых народах и культурах, можно проследить изменения, которые произошли в расселении и численности как всего мордовского народа, так и отдельных его групп за определенный период времени, и анализ причин, которыми были вызваны эти изменения [Козлов 1960, 5]. Изучение архивных материалов займёт свою нишу в изучении культурного наследия мордвы, проживающей на Урале.

Литература:

- Всесоюзная перепись населения 1926г. — М., 1928. — 303с.
Балашов В. А. Мордва // Мордовия : в 2 т. : Энцикл. — Саранск, 2004. Т. 2.
Козлов В. И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. — М., 1960. — С. 5 — 62.
Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XXв.). электронный ресурс [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0049(01_13–2007)&xslin = showArticle.xslt&id=a17&doc=../content.jsp] (дата обращения: 10.10.2009).
Национальный состав населения Республики Мордовия // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Саранск, 2005. — С. 58 — 94.
Никонова Л. И. Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Ч. 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции. — Саранск, 2009. — 112 с.
Никонова Л. И. Мордва Дальнего Востока. — Саранск, 2010. — 312 с.
Никонова Л. И. Мордва Саратовской области. Ч. 1. Петровский район. — Саранск, 2009. — 200 с.
ЦГА РМ. Ф. № Р — 473, оп. № 1, д. 52. Географические и экономические характеристики районов и колхозов Новосибирской и Челябинской областей. 5 марта — 25 марта 1941г. на 58 л.

Фазуллин Ф.Х., г. Уфа

УЧИТЕЛЬ: ДЕМОНИЗАЦИЯ ОБРАЗА

В названии темы моего выступления содержатся два ключевых понятия: учитель и образ. Как ни странно, вы нигде не найдете хотя бы базовых (философских) определений этих без преувеличения государствообразующих начал. Странно, не правда ли? С одной стороны — очевидная стратегическая важность вовлечения школьного учителя в процесс формирования «национального воспитательного идеала», воспитания «ответственного, инициативного и компетентного гражданина России» (данные определения высших целей и задач современного образования взяты из Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников, подготовленной в РАО), с другой стороны — мы движимы допотопным словарным определением учителя, как человека, «который обучает чему-нибудь». Берусь утверждать, что аморфность образа, встающего за таким определением, является опосредованной причиной неуспешного государственного строительства в современных условиях. А между тем, санскритский корень этого слова «чит» (в переводе — «знание»)

указывает, прежде всего, на божественный, духовный смысл учительского труда. Но не будем вдаваться сейчас в толкование одного из главных древневедических терминов, потому что и так ясно: на наших глазах произошел глубокий мировоззренческий разрыв между официально декларируемой ролью учителя и реальным наполнением, содержанием его образа.

Образ учителя. Сегодня официальной идеологией востребована его позитивная трансформация, на что, собственно, и была направлена идея проведения Года учителя в России. Чуть позже я скажу, как реально воплощается эта стратегия, а пока с большим сожалением приходится констатировать, что прекрасные образы учителя истории Ильи Семёновича Мельникова и учительницы английского языка Наташи Гореловой из кинофильма «Доживем до понедельника» не вписываются в современную систему образования. Потому что в понятие «позитивного образа учителя» наше государство (его лидеры и профильные институты) вкладывает, прежде всего, меркантильный смысл. Престиж великой профессии напрямую увязывается с размером заработной платы. Понятно, что сегодня, в условиях катастрофического сокращения притока молодых специалистов в школы (это наглядно подтверждают материалы расширенного заседания комиссии по вопросам науки, образования и молодежной политики Общественной палаты Республики Башкортостан от 29.12.09г., посвященного рассмотрению социально-экономических проблем учительства), необходимо любыми средствами переломить ситуацию. Но даже если это и произойдет, вопреки уже укоренившемуся в сознании молодых людей образу преуспевающего бизнесмена или юриста, нам все равно не удастся уйти от мучительных вопросов уже не событийного, а бытийного плана. Например, какой учитель на самом деле нужен школе - тот, который впишется в понятия «человеческого капитала и конкурентных преимуществ, или тот, который научит ребенка быть по-настоящему счастливым? Понятно, что прежде надо будет научить самого учителя любить себя и свою профессию, которую он выберет не по хорошо оплачиваемому госзаказу, а по предназначению. Механизм такой «массовой социализации» будущих «сухомлинских» и «макаренко» еще предстоит выработать, а для начала надо научиться прислушиваться к голосу того самого общества, ради которого так стараются государственные институты. Прочитав лишь небольшую выдержку из обращения к Президенту РФ представителем родительской и научно-педагогической общественности России (Некоммерческое партнерство «Родительский Комитет»), обеспокоенных продвижением рыночного подхода к образованию: «По своей сути данный подход, когда образование, являясь товаром, услугой, покупается и продается на рынке образовательных услуг, производит тонкую мировоззренческую подмену: не экономика — для человека, а человек (и, следовательно, образование) — для экономики. По сути, образованию вменяется цель готовить отнюдь не «свободную и ответственную личность», а узко мыслящего и духовно неразвитого специалиста-прагматика, человека-функцию, легко поддающегося любым манипуляциям...». Таким образом, по мнению социально активных носителей подлинной демократической власти (по

конституции), в нашей стране система образования призвана не выстраивать подлинные человеческие отношения, а встраивать личность в предложенные «форматы». И здесь, увы, не трудно продолжить логическую цепочку от выпуска «человека-функции» из школы до его же появления на пороге этой же школы после успешного окончания педвуза. С тем же «мировоззренческим багажом». Все, круг замкнулся.

В подтверждение, пусть и косвенное, целевого заказа на мрачноватое рыночное будущее нашего образования можно привести пример официального обращения Благотворительного фонда «Учитель» в Министерство образования и науки РФ. Мы сформулировали идею проведения Всероссийского конкурса школьных сочинений на тему «Мой идеал (образ) учителя». Письмо с Положением о проведении конкурса было направлено 11 декабря 2009г. Ответа нет до сих пор. В том, что он будет отрицательным, увы, нет сомнения. Как и в том, что образы нашего образования и его сердцевины – учителя – это главные участники сражения за душу человека, в которой, в иносказательном смысле, равновелико присутствуют и светлая, и темная стороны. Куда качнуть стрелку весов – решать нам всем. И думать надо быстро. Тогда, может быть, еще удастся помочь разобраться в ситуации и нашим топ – менеджерам от преобразований и образования, которые не видят ничего страшного в разрушении светлого образа учителя и школы (не будем путать это со стремлением искусственно поддерживать «на высоте» главные элементы образовательного процесса). Так, комментируя ситуацию с прокатом сериала «Школа» по 1 каналу (традиционно главному «государственному» каналу для россиян), министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко заявил, что сериал привлек внимание к проблемам образования. Ни больше, ни меньше. А премьер-министр В.В. Путин вообще не удосужился взглянуть на столь одиозный фильм, открывший Год учителя, но полагает необоснованным из отдельных проблемных явлений в области образования делать обобщающие выводы.

«Какой зритель, такой и фильм», - сказала режиссер сериала в интервью газете «Коммерсант». Я с такой постановкой вопроса категорически не согласен. А вы?

Фархиаатов М. Н., г. Уфа

**«ОЧЕНЬ ЖЕЛАЛ БЫ ИМЕТЬ НЕКОТОРЫЕ НАУЧНЫЕ
ИЗДАНИЯ ИЗ СССР...»: ПИСЬМА А.-З. ВАЛИДИ АКАДЕМИКУ
И. Ю. КРАЧКОВСКОМУ (1930-Е ГОДЫ)**

Известный башкирский ученый и политик Ахмет-Заки Валиди (Заки Валидов, в Турции: Ахмет-Заки Валиди Тоган, 1890–1970) оставил значительное эпистолярное наследие на русском, турецком, немецком, английском, арабском и других языках, а также на языке тюрки. Оно разбросано в архиво- и книгохранилищах разных стран: России, Турции, Германии и т. д. Это обстоятельство во многом объясняет крайне медленное вовлечение писем А.-З. Валиди в научный оборот [См., например, Из переписки... 2000; Новая страница... 2001; и др.]. Но именно они дают редкую возможность заглянуть в его исследовательскую лабораторию и восстановить многие малоизвестные

страницы из его биографии и его адресатов, а также истории отечественного и мирового востоковедения.

Данная статья имеет целью ознакомить читателей с корреспонденцией А.-З. Валиди с академиком И. Ю. Крачковским (1883—1951) прежде всего 1930-х годов, сохранившейся в личном фонде последнего в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФА РАН. ф. 1026. Оп. 3. Д. 195).

Всего в фонде И. Ю. Крачковского сохранилось восемь писем и четыре почтовые открытки А.-З. Валиди [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 1—21]. Первые три письма были отправлены им петроградскому востоковеду на арабском и русском языках еще в дореволюционный период, а именно в 1915—1916 гг. Уже в этих письмах отчетливо проявились такие качества А.-З. Валиди, как стремление поддерживать личные научные контакты с ведущими отечественными учеными-востоковедами, обсуждать с ними волнующие его научные вопросы, обмениваться научными изданиями, посещать известные научные центры и т. д.

Так, из письма А.-З. Валиди от 7 марта 1915 г. мы узнаем, что он уже тогда состоял в переписке с другим выдающимся российским востоковедом-тюркологом А. Н. Самойловичем (1880—1938) [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 3]. Строки из этого и других писем свидетельствуют также, что уфимский историк следил за новыми публикациями столичных ученых, а когда не находил их в местных библиотеках, просил *мударриса* (араб.: учитель) или *устаза* (араб.: наставник, мастер) И. Ю. Крачковского выслать ему некоторых из них наложенным платежом [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 1 об., 3, 4], например, его книгу «Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва ал-Дамасский» (Пг., 1914).

Революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война прервали переписку между А.-З. Валиди и И. Ю. Крачковским. В архиве последнего сохранилась лишь датированная 31 декабря 1919 г. коротенькая записка в пять строк на арабском языке башкирского ученого, втянутого в активную политическую деятельность. В ней А.-З. Валиди сообщает «товарищу (араб.: *рафик*) Игнатию Крачковскому», что предьявитель сей записки уполномочен передать адресату «подарки» (араб.: *хадийа*) (в виде продуктов питания. — М. Ф.) от имени «Республики Башкортостан» (араб.: *мухтарийат Башкурдистан*) [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 6].

В 1923 г. А.-З. Валиди по политическим соображениям покинул Советский Союз и с 1925 г. обосновался в Турции. Тем не менее, его связи с российскими коллегами по науке не прервались. Так, во второй половине 1920-х годов он состоял в активной переписке с академиком В. В. Бартольдом [См., например: Из переписки... 2000]. Но его переписка с И. Ю. Крачковским возобновилась только в октябре 1931 г., то есть уже после кончины В. В. Бартольда. Она продолжалась до 1937 г. и была насильственно прервана властными структурами диктаторских стран [См.: СПбФА РАН. Д. 195. Л. 20].

1930-е годы были периодом очередного крутого поворота в судьбе башкирского ученого. Так, после защиты в 1935 г. диссертации в Венском университете он в течение последующих четырех учебных лет преподавал в Боннском и Геттингенском университетах [См. подробнее: Фархшатов 1998]. Примечательно, что в предвоенной

Германии А.-З. Валиди оказался по приглашению известного немецкого востоковеда Пауля Каале (Paul Kahle, 1875–1964). Ему башкирский историк как знатока малоизвестных в Европе восточных рукописей порекомендовал сам И. Ю. Крачковский [См.: СПбФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 195. Л. 16: Д. 408. Л. 71].

Годы «второй эмиграции» оказались для А.-З. Валиди, пожалуй, одними из самых плодотворных в научном плане. Лучшие его работы, вписавшие имя башкирского ученого в историю мирового востоковедения, были написаны именно в 1930-е годы [См.: Материалы к библиографии... 1996, 31–36]. В их числе в первую очередь нужно отметить немецкоязычную монографию А.-З. Валиди «Путевые заметки Ибн Фадлана» (Leipzig, 1939). И практически в каждом письме башкирского ученого-эмигранта И. Ю. Крачковскому находит отражение тот или иной историко-филологический аспект изучения уникальной рукописи арабского средневекового путешественника, обнаруженной в 1923 г. самим же исследователем в Мешхеде.

В письмах А.-З. Валиди И. Ю. Крачковскому поражает широта научных интересов башкирского ученого-эмигранта. Например, в них поднимаются вопросы о монетной системе домонгольских хорезмийцев, некоторых болгарских археологических памятниках, археографических находках российских ученых на согдийском и китайском языках в Таджикистане, и т. д. [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 10 об., 13–13 об., 16 об., 19]. Валиди спрашивает академика о новейших публикациях российских ученых по той или иной востоковедческой проблеме, подчеркивает, что «очень желал бы иметь некоторые ученые издания из СССР» [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 8, 10 об., 13 об., 16, 20], например, монографию Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (Л., 1934).

Сквозь почти всех писем А.-З. Валиди 1930-х годов сквозит боль о своих трудах, которые до сих пор по тем или иным причинам не увидели свет [См., например: СПбФА РАН. Д. 195. Л. 10]. Симптоматично и то, что некоторые свои труды, опубликованные на Западе, А.-З. Валиди мечтал увидеть переведенными на русский язык, например, изданную на немецком и английском языках статью о влиянии ислама на географическую науку [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 16].

По сведениям А.-З. Валиди, И. Ю. Крачковский не оставлял его письма без ответа [СПбФА РАН. Д. 195. Л. 13]. Академика подкупали в башкирском ученом-эмигранте его незаурядные познания в области восточных рукописей, новаторский подход при их изучении, нескончаемая научная любознательность. О признании им научных заслуг А.-З. Валиди красноречиво говорит следующий факт. Осенью 1942 г., когда И. Ю. Крачковский с осажденного Ленинграда эвакуировался в Москву, он взял с собой лишь одну книгу, и это была книга башкирского ученого-эмигранта об Ибн Фадлане [См.: Баньковская 1987, 357].

Переписка с И. Ю. Крачковским, как и другими российскими учеными, оказала плодотворное влияние на А.-З. Валиди как ученого. Нужно подчеркнуть также, что именно такие ученые, как русские В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, В. Ф. Минорский (1877–1966), немец Пауль Каале, англичанин Э. Денисон Росс (Edward Denison Ross,

1871–1940), венгр Дьюла Немет (Gyula Nemeth, 1890–1976) и многие другие, с которыми в 1930-е годы А.-З. Валиди состоял в активной переписке, и образовывали мировое научное сообщество, способное противостоять сильнейшим деструктивным устремлениям «большой политики».

Литература:

Баньковская 1987 - Баньковская М. В. Три года в полувековой дружбе И. Ю. Крачковского и В. М. Алексеева. Переписка военных лет // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1987. С. 344–383.

Из переписки... 2000 – Из переписки выдающихся востоковедов [В. В. Бартольда и В. Ф. Минорского А.-З. Валиди 1920–1930-х годов и письмо А.-З. Валиди В. Ф. Минорскому от 11 мая 1931 г.] / Публикация А. М. Юлдашбаева // Ватандаш. 2000. № 6. С. 110–129.

Материалы к библиографии... 1996 – Материалы к библиографии Ахмет-Заки Валиди Тогана / Сост. Р. М. Булгаков. Уфа: Гилем, 1996. 160 с.: ил.

Новая страница... 2001 – Новая страница из Жизни А. З. Валиди [Письмо А.-З. Валиди узбекскому историку Пулату Салиеву от 9 марта 1925 г.]. Сост., предисл. и примеч. Р. Н. Шигабинова; пер. на рус. яз. А.-К. Захидий. Токуо, 2001. 39 с., 11 л. факсимиле.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1026: Академик И. Ю. Крачковский. Оп. 3: Переписка. Д. 195: Письма А.-З. Валиди; Д. 408: Письма Пауля Каале (Paul Ernst Kahle) (на нем. яз).

Фархшатов 1998 – Фархшатов М. Н. Повороты судьбы Заки Валиди (Немецкие архивные документы о жизнедеятельности башкирского ученого-эмигранта в Германии) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 1998. Т. 3, № 2. С. 53–62.

Фатихова З.С., Туймазы к.

ТУЙМАЗЫЛЫЛАР БӨЙӨК ВАТАН ҺУҒЫШЫНДА

Бынан 69 йыл элек фашистик Германиянын бузған илебегә һөжүм итеүе хакындағы хәбәр бөтә Туймазы халкын аякка бақтыра. Ватанын һаҡларға бөтә ил менән Туймазылылар за күтәрелә, һуғыштын беренсе көнөндә үк район Кызыл Армияға 165 кеше, 35 йөк машинаһы, 2 трактор ебәрелә. 23 июндән башлап район етәкселәре тарафынан төрлө комиссиялар ойшторола. Эвакуацияланған халықты қабул итеү, карауһыз калған балаларҙы урынлаштырыу, һалдат ғаиләләренә ярҙам итеү, Кызыл Армияға бүлектәр һәм посылкалар йыйып ебөрөү кеүек комиссиялар төзөлә. Ғөмүмән, ошо һуғыш йылдарында Туймазы районынан 10641 төрлө әйбер һәм 13 вагон бүләк ебәрелә. Был йылдарҙа ата-әсәһеҙ калған бик күп балалар ғаиләләргә алына.

«Бөгәһе лә фронт өсөн, бөгәһе лә енеү өсөн!» тигән лозунг һәр беренең йәшәү законы була. Һуғышка тиклем унышлы эшләп килгән бустәу фабрикаһы был осорҙа бер нисә сменаға эшләй башлай. Төрлө ауылдарҙа уның әртилдәре ойшторола (Төркмән, Түбәнге Троицк һ.б төбөктәр). Күп кенә катын-кыздарыбыз: Мартынова Мария, Козырёва Наталья, Камалетдинова Мөнәүәрәләр үзәренән пландарын бер нисә тапкыр 130-150%-ка арттырып үтәйҙәр. Фронт өсөн шинелдәр, телогрейкалар етештерелә.

Һуғыш бөтә ерҙә лә, бигерәк тә азык-түлек тоноуҙа, каты экономияны талап итә. Илде һаҡлар өсөн төрлө саралар қулланыла. Бөгә предприятие, ойшма, учреждениелар штаттары кабат қарала. Райпромкомбинатты район төзөү материалдарын кушыу идаралык аппаратын қыскартыу мақсат итеп қуыйла.

Ауылда катындар, балалар һәм оло йәштәгеләр генә қала. Һалдаттарға һуғыш қоралдары, танқылар, самолеттар һәм башка бик күп нәмәләр кәрәк була.

Бөйөк Ватан һуғышы башланған йылдарза предприятиялар, ойошмалар, учреждениялар эште һуғыш қалыбына қора. Уларзын күбеһе фронт өсөн продукция сығарыуға күсә. Мобилизация йәшәндәге ирзәр фронтка киттә. Эштәрзә уларзы катын-кыззар алмаштыра. Транспорт кантораһында «Туймазынефть» тресында, мәсәләһ, фронтка киткән Василий Зименконың катыны қала. Машина йөрөтөүселәр булып Елена Поздеева, Катя Власова, Пелогоя Огородникова, Нина Акимова, Мария Назарова һ.б эшләйзәр.

Енеү көнөн яқынайтыу теләге менән Туймазы районы эшселәре Кызыл Армияға төрләсә ярзам итәләр. Сталиндың Енеү фондына, танк колонналары, «Комсомолец Башкирии» авиаэскадрильяһын төзөүгә зур өләш индерәләр. Мәсәләһ, Верхнетроицк ауылы халкы ун мең биш йөз һум, «Уңыш» колхозы хезмәтсәндәре ун мең һумдан артык акса тапшыра. Туймазы нефтселәре «Нефтяник Башкирии» эскадрильяһын төзөүгә зур өләшөн индерә.

Күреүебезсә, Туймазы районы халкы тылда язмыштың каты һынаузарын күтәрәп, илбасарзарзын оятыһыз баһымына каршы қакшамаһ тотороқлоқ, рух нығклығы һәм қаһарманлығы күрһәтә.

Һуғыш үзенән фажигәләрән күрһәтәп тора. Һәр көн тиерлек эштән қайтқан катындарзы «қара хат» көтә. Төнә буйы күз йөшә түгәүгә қарамаһтан, улар иртә тандан тороп эшкә китә. Сөнки был Көнбайышта һуғыш бара. Бер көн, азна, ай ғына түгел, йылдар буйы баш күтәрмәй эшләгән, хәлдән тайзырғыс эштәрзә башқаралар улар. Ләкин халкыбыз енеүгә ышана. Улар енеү өсөн генә түгел, алдағы тормош, киләсәк өсөн көрәшә.

12681 кеше «1941—1945 йылдарзағы Бөйөк Ватан һуғышындағы мақтаулы хезмәт өсөн» мизалы менән бүләкләнә. Улар араһында йөштәр, оло йөштәге колхозсылар, катын-кыззар һәм Бөйөк Ватан һуғышы инвалидтары бар. «Үрнәк», «Сөн-Тамак», «Яңы таң», «Қысқа-Йылға» һ.б. колхоз хезмәтсәндәре енеү көнөн яқынайтыу өсөн күп көс түгәләр.

Туймазы Кызыл Армия яугирзары һәм командирзары хақында оло хәстәрлек күрә. Мәсәләһ, 1941 йылдан 1943 йылға тиклем районда госпиталь урынлаша. Район кыззары шәфкәт туташы һәм санитарқалар булып хезмәт итә. Мәктәп укыусылары госпиталь эшселәренә актив ярзам итәләр.

Бөйөк Ватан һуғышының беренсә көндөрәнән үк Туймазы ирегәттәре өстөнә һалдат шинелән кейә, үз теләге менән фронтка китеүселәр байтақ була, улар араһында катын-кыззар за әүземлек күрһәтә. Мәсәләһ, Иманғол ауылынан ғына 19 катын-кыз һуғышка алыузарын һорап ғариза яза. 20 меңдән ашыу кеше Балтик ярзарынан Кара дингезгә тиклем фашистарға каршы батырзарса көрәшә. Илебеззә барған яуза улар тиңһез батырлықтар күрһәтә. Шуларзан А.Т. Карманов 3 фашист истребителән бәрәп төшәрә, Советтар Союзы Геройы исеменә лайық була. Был исем беззәң районыбызған тағы ла 3 кешегә — А.М. Лысенковка, И.С. Ёлкинға, Ф.Ф. Ғәбдрәшитовка бирелә. Әйтергә кәрәк, бөгөнгә көндә геройзарзын исемә мәнғеләштерелгән: қала һәм район хақимиәте тарафынан Геройзар аллеяһы булдырылған.

Якташ языусыларыбыздың батырлығын хөкүмәтебез лайыклы баһалай. Улар араһында дан ордены кавалерҙары бар, күптәр «Кызыл Байрак», «Бөйөк Ватан һуғышы» ордендары һәм миҙалдар менән наградалана, һуғышта катнашкан катын-кыздардың да физикәр хезмәте юғары баһалана.

1945 йылдың 24 июнендә якташтарыбыз Кызыл майҙанда уҙғарылған һәм зур түҙемһезлек менән көтөп алынған Енеү парадында катнашыу бәхетенә ирешә. Улар — Гибәзуллин А.Т., Фәйзуллин К.С., Әбреев. Кыҙғаныска каршы, ветерандарыбыздың күбеһе арабыҙға юк инде.

Без бөгөн, бөтә Туймазы калаһы һәм район халкы, зур рәхмәт йөзөнән һуғыш кырҙарында һәм хезмәт фронтында Енеүгә тос өлөш индергән Башҡортостан улдарын һәм кыздарын данлайбыз. Кәҙерле ветерандарыбыҙы хөрмәтләйбез, фронттан тыуған йорттарына әйләнеп кайтмаған һәм бөгөн инде яныбыҙға булмаған яугирҙарҙы искә алабыз.

Хәтер быуаттар аша нығый барһын, бөтөн донъялағы тыныслыҡка ынтылыусы кешеләрҙе берләштерһен.

Әҙәбиәт:

Документы Туймазинского горрайархива: Ф.260 о.1 д.6; Ф.20 о.1 д.49,49а,49в; Ф.49 о.1 д.2,4,5,6,9.

Документы мужества и героизма: Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Уфа 1980г.

Гибадуллин Б.Г. Советская Башкирская в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1971.

Фаткуллина А.Я., г. Уфа

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Актуализация вопросов формирования нравственной культуры современной личности продиктована велением времени и теми объективными процессами, которые происходят сегодня в российском (башкортостанском) обществе. Становление нравственной культуры человека означает не только расширение его нравственного кругозора, развитие высших духовных потребностей и смыслжизненных целей, но и становление его как активной, деятельной, ответственной за свою судьбу и судьбу Отечества личности. Преодоление социального и духовного кризиса, в котором оказалось современное общество, невозможно без задействования в многогранный и сложный процесс формирования нравственной культуры человека и общества целого комплекса организационных, социальных, экономических, просветительских, педагогических и др. мер на общегосударственном уровне, объединения деятельности всех организаций и институтов (семьи, системы образования, молодежных движений и др.), заинтересованных в позитивных переменах в личной и общественно-национальной жизни. Особое место в этом процессе принадлежит женщине-матери. Как известно, нравственная культура характеризует уровень восприятия в личном и общественном сознании и меру объективации в реальной нравственной практике моральных идеалов и ценностей, выступая как показатель гуманности межличностных и общественных отношений. Нравственная культура личности как «мораль в действии» (Н.Н.Крутов) отражает ее восхождение к

моральному идеалу, стремление к самосовершенствованию и качественному развитию, самореализации, творчеству по законам добра и красоты. Л.С.Лаптенюк подчеркивает, что «нравственная культура не существует без творческой активности личности» [Лаптенюк 1999, 43].

Нравственная культура – важнейшая составляющая духовного мира современной личности. С ней связано утверждение добра в поведении и деятельности индивидов, добродетелей – в их внутреннем мире, хрупкой духовной жизни молодых людей. От ее наличия и степени развития в человеке зависят его интеллигентность, гуманистическая направленность его устремлений и деятельности, особая одухотворенность отношений к своему окружению, другим людям, природе. Человек стремится приобщиться к миру добра, и его задевает отсутствие у людей чувства сострадания и доброжелательности. Дефицит нравственной культуры особенно современной молодежи является как следствием издержек либерально-демократических преобразований современного российского общества, так и результатом проблем в духовном воспитании подрастающего поколения. Воспитание нравственной культуры – это благородное дело каждого, долг и обязанность семьи, государства и его институтов.

Каким же образом сформировать в современных условиях личность, являющуюся носителем этих добродетелей? К сожалению, под влиянием безудержной пропаганды СМИ культа индивидуализма, западного образа жизни и космополитизма, утверждения культа силы, свободной любви, способов обогащения любыми доступными средствами идет обесценивание таких глубинных нравственных ценностей, как патриотизм, гражданственность, любовь, семья, уважение к собственной культуре, истории, родному языку, уважительное отношение к старшим, которые, в частности, на протяжении веков были традиционными в башкирской культуре.

Основы будущего нравственного «я» как фундамента нравственной культуры индивида формируются уже в самом раннем возрасте, и ключевую роль в этом процессе играет мать. Ребенок пытается осмысливать самого себя, свою собственную сущность, оценивать свое предназначение и социальную значимость, анализировать свои достоинства, действия, поступки. Детство – пора быстрого самосозревания «маленькой личности», становления ее характера, воли. Именно в детские годы определяется, быть ли человеку настоящим человеком, и прежде всего от матери, изначально закладывающей в ребенке основы нравственности, зависит то, станет ли он духовной личностью с активной жизненной позицией, с благородными помыслами, достойными жизненными ориентациями и высшими духовными запросами или останется на уровне узкоэгоистического субъекта с примитивными потребностями и интересами, с незрелым интеллектом, с инфантильными социальными чувствами, с ограниченными творческими потенциями. У матери, не сумевшей сформировать в ребенке осознания своей причастности к единому общественному целому, к судьбе своего народа и культуры, вырастут дети – будущие рассадники субъективизма, эгоизма, эгоцентризма и морального зла в практической жизни.

Именно мать ответственна за воспитание в ребенке разумной, твердой воли как способности человека управлять своей жизнедеятельностью, способствующей преодолению неблагоприятных для поставленных целей условий и факторов. Безвольный индивид — слабый, бесхарактерный, малодушный человек, и он не может стать хозяином собственной судьбы, кузнецом собственного счастья. Он всегда будет идти на поводу своих сиюминутных потребностей, желаний и страстей, беспрекословно подчиняться изменяющимся жизненным условиям, будет молчаливым исполнителем и равнодушным пособником чужой, возможно, злой и разрушительной воли.

На протяжении веков башкирская женщина — мать, мать-воспитатель, мать-наставник, мать-советчик, принимала самое непосредственное участие в формировании нравственного мира подрастающего поколения. В самом начале пути жизни мать помогала наметить основные жизненные ориентиры, осмыслить, что такое «добро» и «зло», всегда приходила на помощь и возмещала индивидуальное бессилие ребенка в сложных ситуациях морального выбора силой совместной практической или теоретической деятельности, совместным решением трудных жизненных проблем и определением приоритетных направлений жизнедеятельности ребенка, формировала в подрастающем поколении иммунитет к аморализму. В настоящее время на мать возлагается ответственность не только за дальнейшую «успешную, счастливую» судьбу. Именно мать в состоянии предотвратить многие ошибки, в ее руках будущее ребенка. Современная жизнь ставит подрастающее поколение в такие ситуации морального выбора, перед которыми капитулируют его индивидуальные силы, задает такие нравственные задачи, решение которых носит поливариантный характер. Как быть, если вокруг процветают зло, культ силы, личного обогащения, легкой наживы, обесценивается человеческая жизнь, падает духовность, растут преступность, наркомания и алкоголизм? Где и в чем искать подрастающему поколению нравственную опору, как, по каким меркам строить свою жизнь, чтобы она была как можно более полноценной, полноценной, разносторонней по содержанию и глубокой по смыслу, как противостоять современному аморализму, этическому релятивизму и равнодушию?

Беседы о том, «что такое хорошо и что такое плохо», добре и зле, смысле жизни и смерти, достойных примерах, человеческих пороках, предстоящих жизненных трудностях и соблазнах, путях их преодоления и правильном моральном выборе — вот те механизмы, при помощи которых мать может заложить «кирпичики» в фундамент нравственной культуры вступающего в жизнь маленького человека. Задача матери состоит в воспитании нравственного отношения ребенка не только к самому себе, но и к другим людям, их жизни и судьбе, окружающему миру, природе.

Главная беда современного (и башкирского, и российского) общества — отчуждение людей от мира моральных ценностей. Образовавшийся смысловой «вакуум» и хаотический поиск новых ценностей может привести к духовной и физической деградации человека. И именно мать, обладающая жизненной мудростью, должна

помочь сориентироваться молодому поколению в жизненном пространстве, не указывать, а помогать наметить подлинно нравственные цели, без которых жизнь становится бессмысленной. Нет сомнения в том, что сегодня женщине-матери принадлежит ключевая роль в охране духа подрастающих поколений от негативных влияний противоречивой социальной среды, упрощенных толкований сложнейших проблем человеческого бытия, оказании помощи в ситуациях морального выбора, воспитании в подрастающем поколении нравственных добродетелей, чувств гражданственности, патриотизма, веры в справедливость, честности, любви к родной земле, природе, родному языку, культуре, Отечеству, т.е. тех основополагающих этических ценностей, образующих ядро нравственной культуры личности.

Литература:

Лаптенко Л.С. Нравственная культура общества: преемственность и новации. – Мн., 1999.

Хайруллина Р.Х., г. Уфа

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Активная педагогическая деятельность, повышение качества работы в общеобразовательных школах, педагогов в образовательных учреждениях (дошкольных, дополнительного образования и т.д.) напрямую связана с решением социально-экономических проблем учительства, с созданием оптимальных условий их труда.

В Республике Башкортостан ведется огромная целенаправленная работа по повышению качества жизни и труда учителей. Правительством Республики были приняты меры по повышению объемов капитального строительства, ремонту аварийных школ, укреплению их общей и особенно - противопожарной безопасности, укреплению материально-технической базы. Приняты и успешно реализуются целевые программы «Школьный автобус», «Компьютеризация школ», внедряется грантовая система финансирования педагогической деятельности.

Улучшились экономические показатели. За последние три года в образовательную систему РБ вложено 72,7 млрд. рублей. В 2009 году по сравнению с 2005 годом финансирование увеличилось в 1,8 раз.

Вместе с тем, остаются нерешенные или требующие модернизации вопросы, которые можно объединить на 3 группы:

1. Вопросы подготовки педагогических кадров, их трудоустройства и повышение квалификации работающих учителей в новых социально-экономических условиях, подготовка кадров для образовательных учреждений новых типов.

2. Социальные вопросы (жилищные проблемы, внедрение здоровьесберегающих технологий, охрана труда, организация медицинского обслуживания и пенсионного страхования и т.д.).

3. Экономические вопросы (оплата труда, стимулирующие доплаты, предоставление различных льгот, предпринимательство в школах и др. образовательных учреждениях и т.д.).

Первый вопрос связан прежде всего с трудоустройством выпускников педвузов и педколледжей и с сокращением штатных

единиц в общеобразовательных школах (в 2009 году сокращено до 3,5 тыс. ед.) [я идет сокращение ставок воспитателей, социальных педагогов, школьных психологов, логопедов в школах - то есть тех специалистов, которые а духовно-нравственное воспитание школьников, работают со специальным контингентом учеников. В период, когда необходима усиленная работа с трудными детьми, детьми из неблагополучных семей, детьми с поведением, когда растёт количество детей, не посещающих школу, когда школьный контингент формируется и за счет миграционных процессов, сокращение этих специалистов приведет к обезличиванию, унификации воспитательной и коррекционной работы со специальным контингентом.

Одним из путей сохранения педагогической деятельности в этом может быть создание в каждом микрорайонах, в городах и при РОО в сельской местности учреждений социально-психологической службы, которая могла бы функционировать как на бюджетной, так и коммерческой основе. Другим путем сохранения педагогических кадров этого профиля должна быть их переподготовка по востребованным в образовании специальностям в рамках институтов и факультетов повышение квалификации и профессиональной подготовки (БГПУ им.М.Акумулы, БИРО) - за счет государства.

Сокращение школьного контингента - явление временное. Уже сегодня растёт рождаемость в республике. Средний возраст учителей в школах РБ — предпенсионный (половина учителей — это люди, имеющие стаж более 20 лет). В недалекой перспективе из школы уйдут учителя старшего возраста, количество учащихся увеличится, а работать с ними будет некому, так как, во-первых, сокращается набор на педагогические специальности, во-вторых, с 2010 г. Вся Россия переходит на двухуровневую подготовку в вузах и специальность «учитель» исчезнет из перечня подготовки специалистов, что, при сохранении должности «учитель» в школе, приведет к тому, что в школе будут работать бакалавры, выпускники классических университетов, не подготовленные к педагогической деятельности. Современный учитель работает в новом образовательном формате. Развитие науки, новых образовательных технологий (например, дистанционное обучение для детей с ограниченными физическими возможностями), компьютеризация обучения и др. - все это делает актуальным вопрос о периодическом повышении квалификации учителей по новым программам.

Повышение квалификации учителей по правовым, экономическим, информационным вопросам - тоже требование времени.

Кроме того, в обществе начинают функционировать новые типы образовательных учреждений (частные школы и детские сады) и новые формы педагогической деятельности (патронатное, губернаторское воспитание, дистанционное обучение детей с ограниченными физическими возможностями). Для этого нужны специальные кадры, которые можно подготовить в процессе переподготовки имеющихся кадров и в процессе получения дополнительного образования, например, в Институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки БГПУ им. М.Акумулы.

Велика потребность в педкадрах для дошкольных образовательных учреждений, поскольку их сеть расширяется. В РБ всего 1810 ДОУ, а охват детей 1-6 лет – всего 59,2 % и специалистов с высшим образованием в этих ДОУ работает всего 37,4%.

Вторая группа вопросов - социального характера. Современность такова, что престижность профессии человека определяется его зарплатой. Низкая зарплата учителя не мотивирует выпускников школ к выбору этой профессии. Идет утечка высококвалифицированных кадров из школ. Учитель сегодня социально-экономически незащищенный член общества. Ввиду низкой заработной платы, он не имеет возможности приобретать жилье, достойно питаться (особенно в городе), он ограничен в материальных приобретениях, в культурном досуге, дорогостоящем лечении. Он вынужден жить «долг».

Социальное расслоение общества идет и среди контингента обучаемых. Зачастую учитель хуже обеспечен материальными благами, чем некоторые его ученики. Это унижительно. Если в XIX веке учитель имел свой дом, экипаж, мог иметь кухарку и кучера, в обществе пользовался авторитетом, то сегодня учитель больше вкладывает в государство, чем получает от него материального и морального вознаграждения. В республике активизирована работа по финансированию образования, но сегодня это адресное финансирование школ и отдельных (пусть даже лучших по профессии) учителей. А рядовой учитель, педагог школьного образовательного учреждения, дополнительного образования, воспитатель и др. не имеет возможности участвовать в грантовых и конкурсных мероприятиях и получает низкую зарплату.

У него ненормированный рабочий день, он не имеет возможности работать одновременно на 2-х работах, поскольку проводит в школе весь день.

Третья группа вопросов тесно связана с социальными вопросами - это экономические проблемы как образования в целом, так и отдельно этого учителя в частности.

Оклад учителя (4 200 руб.) за ставку - это ниже прожиточного минимума. Стимулирующие доплаты за высшее образование (5 %), за I квалификационную категорию (35%), за высшую категорию (55 %), 1 800 руб. за классное руководство (которое имеют не все учителя) - в итоге на 1,5 ставки учитель получает 11-12 тыс. рублей (для сравнения - у пекаря без высшего образования на хлебзаводе – 14-15 тысяч руб.). А у начинающего учителя без стажа или учителя без высшей или первой аттестационной квалификации (идет снижение количества учителей с категориями) – не более 5-6 тысяч рублей. Если в сельской местности учителя имеют подсобное хозяйство, которое их кормит, то в городе учитель всегда экономит на всем, в том числе и на питании.

С 2010 года снимаются выплаты за заведование кабинетом, в связи с выходом на пенсию и др. Постепенно государство перекладывает на плечи учителя те финансовые льготы, которые раньше оплачивалось им, - коммунальные услуги, взносы в негосударственные пенсионные фонды, беспроцентные ссуды в банках, медицинское обслуживание.

Как считают социологи, учителя сегодня - это «новые бедные».

Увеличение зарплаты учителя становится его личным делом или ложится на плечи школы, экономическая и хозяйственная деятельность которой не имеет прочной правовой основы. Желание заработать приводит к ведению

нелицензированной репетиторской деятельности учителем в своем же классе, но

это актуально только для учителей, чьи предметы выходят на ЕГЭ.

Неясны вопросы собственности и хозяйственной самостоятельности образовательных учреждений, нет четкого разделения предпринимательской и непредпринимательской деятельности ОУ. Ввиду недостаточного финансирования директора школ собирают на нужды школы денежные взносы с родителей, но не в каждой школе есть попечительские советы, контролирующие эти благотворительные взносы. Финансовое положение родителей учеников не одинаково, а потому деньги сдают не все.

Надо дать возможность ОУ и учителю законно зарабатывать.

А в связи с этим необходимо, как считают экономисты в области образования, внедрять:

- вклады спонсоров и благотворительность со строгим контролем за их расходованием («меценаты образования» были во все времена);

- расширять платное обучение в ОУ для финансово состоятельной части населения;

- разрешить сдачу в аренду площадей ОУ (например, спортзалов для спортивных обществ, вузов и др., помещений для социокультурных объектов);

- найти законные способы реализации производственной продукции, изготовленной учащимися и учителями (сад, огород, мастерские, подсобное хозяйство и т.д.);

- разрешить платные кружки, секции на базе ОУ.

Сегодня же большинство нормативных актов, регламентирующих деятельность ОУ, в значительной степени ограничивают самостоятельность и возможность творческой реализации учителей. Для реализации этих мероприятий необходимо повышение правовой и экономической грамотности учителей.

Таким образом, необходимо разработать программу мероприятий по укреплению социально-экономического положения учителя.

Школа - это учитель. Нельзя оздоровить общество, не создав для тех, кто формирует его будущее, достойных условий для жизни и труда.

Ханнанова Ф.Х. г. Уфа,

ВКЛАД НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ (к 65-летию Великой победы)

65 лет Победы. Время удивительно скоротечно. И сегодня, когда видишь, как из года в год рдеют ряды ветеранов, или приклоняешь голову у обелисков и братских могил защитников Отечества, особенно четко понимаешь - именно эту Память с большой буквой надо беречь.

Суровые испытания Великой Отечественной войны доказали величие единения народов нашей страны. Более 700 тысяч лучших своих сынов и дочерей послал многонациональный народ

Башкортостана на смертельный бой с фашизмом, из них более 300 тысяч пали на полях сражений. Не по принуждению, а по убеждению защищали башкортостанцы нашу общую Отчизну. Высокое понятие долга и чести объединяло воинов и тружеников тыла. Как описать в словах подвиг наших воинов? Как найти такие выражения, чтобы рассказать о выигранных ими сражениях, о муках тех, кто попал в плен, о судьбе без вести пропавших? Всё вместе они сокрушили врага и сотворили общую Победу. Более 322 тысяч наших земляков не вернулись с войны, а население республики составляло тогда 2 млн. 600 тысяч человек. Такова страшная цена, которую Башкортостан заплатил за Победу. В этих бесстрастных цифрах - безутешное горе многих тысяч матерей, отцов, вдов и сирот. Вот почему священное 9 мая для нас - «это праздник со слезами на глазах».

Вклад народов Башкортостана в Победу был велик. Воины, из Башкортостана участвуя в боях, проявляли храбрость и отвагу, не сгибаемую волю к победе, готовность идти на любые жертвы. Всему миру известно имя гвардии рядового Александра Матросова, закрывшего грудью амбразуру вражеского дзота и обеспечившего успех наступавшего подразделения. Этот подвиг, повторенный Миннигали Губайдуллиним, стал примером мужества и отваги для всех воинов Советской армии. Оба были удостоены звания Героя Советского Союза.

Много подвигов совершили воины - наши земляки и в боях под Ленинградом, на Курской дуге, на Днепре, на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике, при освобождении поработанных фашистскими захватчиками народов Европы. В завершающих боях и при штурме Берлина особо отличились летчики Г.И. Мушников, Н.И. Дегтярь, артиллеристы В.Ф. Тарасенко, А.Н. Калганов, разведчик Г.С. Сайтов. Всем им присвоено звание Героя Советского Союза.

В нашей республике все знают о подвиге одного из легендарных лётчиков Великой Отечественной войны Муссы Гайсиновича Гареева. Начав войну в Сталинграде, он закончил ее под Кенигсбергом. На его счету 250 боевых вылетов. Фашисты его знали и боялись как огня. Среди немногих воинов в свои 23 года Мусса Гареев дважды удостоился высокого звания Героя Советского Союза.

В Великой Отечественной войне наряду с мужчинами участвовали славные дочери нашей Родины. Из Башкортостана ушли на фронт сотни и тысячи героических женщин-добровольцев: радисток, медсестёр, врачей.

Лётчица Магуба Сыртланова из города Белебея в составе полка ночных бомбардировщиков совершила более 700 успешных боевых вылетов. Она стала Героем Советского Союза. Патриотический подвиг наших женщин-воинов – уникальная страница мировой истории. Им было очень трудно, но они с честью и достоинством вынесли все испытания этих огненных лет.

Более 200 тысяч воинов Башкортостана за мужество и храбрость были награждены орденами и медалями. Наиболее отличившихся солдат и офицеров удостоены звания Героя Советского Союза. Многие стали кавалерами ордена Славы всех трёх степеней. Не за награды воевали наши ветераны, не об орденах и медали думали двадцатилетние

юноши, поднимаясь из окопов навстречу огненному смерчу. У них, говоря словами из известной песни, была одна забота – чтобы жила родная страна. Они - наша честь и гордость, вечный пример для новых поколений.

Вспоминая о роковых военных годах, невольно задаешься вопросом: в чём источник побед, одержанных нашим народом в этих тяжелейших условиях? Битые фашистские генералы ссылались на российский мороз и необъятные просторы. Наши союзники отмечали мастерство и талант, непреклонную волю советских полководцев. В этом они, конечно, правы. Но главная причина того, что мы не согнулись от неудач в первые дни войны, выстояли и победили, - наш дух. Пламенная любовь к Родине, готовность к самопожертвованию за свой народ, за свободу и справедливость, объединявшие всех советских людей, - солдат и маршалов, тружеников тыла, взрослых и детей. Именно в этом – корни массового героизма. И об этом мы никогда не должны забывать. В Уфе Республиканский музей Боевой Славы свято хранит память о них.

Суровые дни Башкортостан стал надёжным бастионом, где днём и ночью ковалось оружие. В 1941-1942 годах в республику вывезено оборудование более 120 промышленных предприятий с Украины, из Белоруссии, Азербайджана, Ленинграда, Москвы, из областей Российской Федерации. В эти же годы в Башкортостане развернулась мощная сеть госпиталей, вернувшая в строй немало бойцов и командиров.

Предприятия и организации, трудящиеся оказывали всевозможную помощь раненым воинам, находящимися на выздоровлении. У нас, в Башкортостане, нашли приют тысячи эвакуированных из других республик и областей нашей огромной страны. Они навсегда запомнили теплоту сердец жителей республики.

Великая Отечественная война для нас сегодня – это не только славное и трагическое прошлое, но и ценнейшие уроки для новых поколений. Прежде всего – это немеркнущий пример подлинного патриотизма, истинной любви к Отечеству, что очень нужно нам и сегодня. Эти яркие образцы самопожертвования в борьбе за общее дело, за свободу и будущее своего и других народов.

На опыте Победы мы еще раз убеждаемся в том, что только неимоверный труд, терпение и стойкость являются надежной гарантией преодоления самых сложных, кризисных ситуаций в жизни страны и народа.

Тяжелые годы войны показали и непреходящее значение исторических традиций наших народов, подвигов предков. Становясь примером для потомков, они вдохновляют и воодушевляют новые поколения, порождают чувства долга и желание быть достойными своей великой истории.

Вспоминая те тяжелые, полные лишений годы, мы не можем не отметить уроков традиционной для наших народов взаимопомощи, общественной солидарности. Они помогли многим преодолеть голод, холод и бедствия военного лихолетья.

А главное – убедительное свидетельство того, что народы, объединенные единой целью, способны совершить великие подвиги,

защитить и возродить свою родину, выстоять в трудную годину, преодолеть любые испытания.

Хочется повторить слова фронтовика, народного поэта Башкортостана Мустая Карима: «Чтя память и славу павших сыновей и дочерей, народ возвышает себя и утверждает силу своего духа, в то же время он проникается мыслью о пагубности игры с огнем, кто бы его ни разжигал».

В нашей республике многое делается, чтобы ветераны войны чувствовали к себе внимание и уважение. Мы выражаем благодарность руководству Республики Башкортостан, которое находит возможность для конкретной и ощутимой поддержки участников Великой Отечественной войны, для решения вопросов, непосредственно касающихся поддержания боеготовности Вооруженных сил и обеспечения обороноспособности государства. Мы твердо знаем, что именно благодаря героям-фронтовикам мы живём на этой земле.

Хасанова З.Ф., г. Уфа

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ЗАГОТОВКИ СЕНА У ГОРНО-ЛЕСНЫХ БАШКИР

(на примере Белорецкого района Башкортостана)

На протяжении многих веков животноводческая отрасль хозяйства башкир являлась гарантом благосостояния башкирского народа, определяя уклад его жизни, быта. Главной бедой скотоводов был падеж скота от бескормицы, особенно для тех, у которых скотоводство было основным занятием. Поэтому башкирам во всех частях Башкортостана приходилось в летний период заготавливать определенное количество сена для прокорма скота зимой.

Во всех без исключения записях башкир на припуск в их вотчины XVII и XVIII вв. оговаривалось право «сене косить». В начале XVII в., по сведениям Юхнева, башкиры Сибирской и Ногайской дорог сено летом заготавливали только «для мелкой скотины и для лошадей», которых берегли зимой «к войне малое число». Башкиры Казанской дороги, по его же сведениям, кормили скот лучше, так как у них было много хлеба и соломы, а башкиры Осинской дороги косили много сена. [Руденко С.И. 2006, 100-101].

Основным занятием у башкир в горно-лесной зоне до начала XX в. было скотоводство, поэтому для содержания скота заготавливали большое количество сена, так как тебеневки была невозможна в связи с долгой и многоснежной зимой. Сено начинали готовить, когда созревала трава для косьбы. По народной примете это время цветения дикого клевера (середина июля). Сенокос начинали либо в понедельник, либо в пятницу, поскольку считалось, что эти дни наиболее удачные и урожайные.

В сенокосный период горные башкиры с семьями и со своим скотом переезжали на летник, расположенный в нескольких километрах от дома (от 10 км и более). У каждой семьи был свой надел для сенокоса – участок земли, который передавался по наследству. Одним из важных условий при выборе места для стойбища было наличие воды: речки, родника. При обилии в горах ключей и родников и естественных оборонительных укреплений летние поселения

располагались здесь равномерно, на значительном расстоянии одно от другого. [Шитова С.Н. 1980, 29].

Полевые материалы автора 2009 г. показали, что, у жителей д. Шигаево и Хусаиново Белорецкого района республики Башкортостан сенокос неизменно, начиная с конца XIX в. и до наших дней, находится по долинам р. Рязь, а у жителей Узьянбаш – в верховьях р. Узьян, у истока, который расположен на горе Большая (хребет Уралтау). [ПМА 2009].

В первый день выезжали мужчины для постройки шалаша для проживания и ремонта ограды. Делали навесы для телят, чистили родник, готовили место для очага, устанавливали на берегу печки из привезенных кирпичей для выпечки хлеба, заготавливали дрова из сухостоя. С собой они везли так же инструменты для заготовки сена (косы, деревянные вилы и грабли). [ПМА 2009].

Для постройки шалаша из леса привозили много жердей. Шалаш (кыуыш) имел форму конуса диаметром примерно 3-3,5 метра, и его высота достигала 4 метров. Чем больше членов семьи, тем больше и шире шалаш, для мальчиков его строили отдельно, недалеко от родительского шалаша. При сооружении остова шалашей устанавливали две прочные жерди, вставляя одну из них в развилку на конце другой, и к ним прикладывали еще одну или две жерди. Конструкция из трех жердей получила название «өс таған». Конструкция-основа шалаша скреплялась черемуховым обручем; к нему приставляли до двух десятков жердей, оставляя проем для двери, которую делали из дранки.

После этого верх шалаша покрывали свежей травой, толщина которой доходила до 20 см: чем толще травяной покров, тем в шалаше было теплее, а вода не проникала даже в затяжные дождливые дни. Внутри шалаша делали нары из обтесанных топором жердей, которые клали вплотную друг другу. Нары делали на высоте 30–40 см, шириной 170–180 см. Сверху нары так же застилали травой для «мягкости». Когда шалаш был готов, для избавления от вредных насекомых внутри разжигали небольшой костер. [ПМА 2009].

Напротив шалаша в центре площадки сосредотачивались очаги (усак) с котлами; над ними сооружался помост (ылаш), на котором складывались подойники, вялилось мясо, сушились сырки (корот). [Шитова С.Н. 1980, 29].

На этом месте убирали дерн (т.е. верхний слой земли) и обкладывали камнем или кирпичом. На берегу рек для выпечки хлеба на весь лагерь делали одну печь из камня или из привезенного из деревни кирпича. Рядом с очагом устанавливали стол для приема пищи, изготовленный из обтесанных жердей. Высота стола – 70– 100 см, ширина 100–120 см. Рядом ставили стулья из того же материала, прибитые к земле. Стойбище было огорожено редкой изгородью. Для домашних животных делали загон, а для телят навесы из жердей, которые располагались недалеко от летника. [ПМА 2009].

На второй день на стойбище переезжали остальные члены семьи со скотом, который гнали верхом на лошадях или пешим ходом. С собой привозили продукты, постельные принадлежности, посуду. Этот день уходил на обустройство быта.

Нары покрывали самодельным покрывалом (армак), на краю нары ставили сундук (нандык) с одеждой, поверх которого стелили постель: кошмы, одеяла, подушки. На полу рядом с дверью ставили большой сундук с продуктами и посудой. Если в семье были грудные дети, то справа от двери устанавливали колыбель (сәнгелдәк). Для инструментов делали специальный навес, вилы и грабли располагались в одном месте, а косы в отдельном, недоступном для детей месте. В день приезда резали барана, проводили обряд жертвоприношения, читали молитву и угощали всех соседей летника. Для хранения молочных продуктов – масла, сметаны, молока, катык, а также мясных продуктов – делали маленький пруд. Для сохранения мясо солили, а перед применением отмачивали, затем варили. С вечера взрослые приводили в порядок инструменты: отбивали косы, проверяли зубы граблей. [ПМА 2009].

Коса (салғы) – инструмент для косьбы. Коса имела деревянную ручку, сделанную из березы (косье – деревянная палка с ручкой посередине), и основную часть, которая называлась горбуша, размер горбуши – от 5-го до 10-го размера. 5-й размер косы предназначен был для детей, 6-й – для подростков, 7-ым и 8-ым размером косили женщины и старые люди. Обычно мужчины косили горбушами 9-го и 10-го размера.

Вилы (һәнәк) делали из березы, черемухи, ивы. Вилы бывают для копны, скирда и стога. Вилы для копны более легкие, так как копну складывают в основном подростки и женщины.

Стоговые вилы (күкрәк һәнәк) делали с длинной ручкой (260–280 см). Длина отростков – 80–90 см, а расстояние между концами отростков – 40–45 см. Вилы тяжелее и крепче, чем копновые. Для основания использовали короткую, а для вершины – длинную ручку (280–300 см), расстояние между концами отростков – 30–35 см (ос һәнәге).

Грабли (тырма) – инструмент для сбора сухой скошенной травы. Лучшими считались грабли, сделанные из осины и липы. У этого инструмента 5–9 зубов.

С восходом солнца взрослое население – все, кто был способен косить уходило, – шли на сенокос. Брали с собой косы, брусок и напиток айран (кисломолочный продукт). Первыми начинали косить мужчины, за ними шли женщины. После завершения косьбы одного ряда (40–50 м) косы затачивались бруском. Косцы, проработав 2 часа, завтракали и принимались вновь за работу до наступления сильной жары (примерно 12 ч. дня). В полдень они прерывались на обед, после которого отдыхали, дожидаясь спада жары (примерно до 16.00). С этого времени и до заката солнца все участники сенокоса продолжали свою работу. Таким образом проходило 5–6 дней косьбы. В первую очередь, выкашивались лесные поляны, где трава была более питательной.

При ясной погоде скошенная трава за 5–6 дней высушала. С помощью деревянных граблей женщины и дети начинали грести в кучи. Мужчины или юноши складывали эти кучи в копны. Под копной оставляли две молодых березки для дальнейшей транспортировки. Копны должны были простоять 5–7 дней, за это время сено уплотнялось. В ясную погоду 13–15 копна стягивали в одно место, а

потом складывали в стог. Готовый стог огораживали жердями. За все лето башкиры горно-лесной зоны заготавливали 6–7 таких стогов. Для одной коровы с теленком, чтобы перезимовать, надо было два стога. [ПМА 2009].

В случае непогоды, проливных дождей башкиры не покидали летовки. В такие дни женщины и дети собирали ягоды – чернику, малину, смородину, бруснику. В свою очередь, мужчины обдирали дранки, плели из прутьев черемухи короб (куреп), березовые веники, чилиговые метла, заготавливали деревянные орудия на следующий год.

После первых заморозков (в начале или середине сентября) башкиры начинали возвращаться в деревню, так как трава теряла свое качество. Таким образом, время сенокоса длилось около двух месяцев (с середины июля до середины сентября). Это зависло от погодных условий и урожайности. В начале зимы после первых заморозков мужчины начинали вывозить сено на лошадях [ПМА 2009].

Полевые материалы автора свидетельствуют, что на протяжении длительного периода времени, несмотря на технический прогресс, основные традиционные способы заготовки сена и орудия труда у горных башкир сохранились вплоть до наших дней. Изменения произошли только в бытовой сфере – сокращении периода сенокоса, в строительстве вместо больших шалашей маленьких, предназначенных для хранения продуктов питания и укрытия в них в непогоду, в способах транспортировки сена.

Литературы:

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 245.

ПМА. Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Шигаево. 2009 г. Информаторы: Абсалямова М.Б., 1924 г.р.; Абсалямов М.Б., 1924 г.р.; Абсалямова В.М., 1950 г.р.; Абсалямовой Ф.А., 1928 г.р.; Мустафина Ш.М., 1963 г.р.; Хасанова Ф.Г., 1950 г.р.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Шитова С.Н. Временные поселения башкир // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980.

Хусаинов С.М., г. Уфа

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII В. – ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИЙСКОГО ВОСТОКА

Вторая половина XVIII в. отмечена деятельностью таких крупных исторических деятелей – идеологов и вождей религиозных и освободительных движений как ахун Батырша Алиев, мулла Мурат, абыз Кинзя Арсланов, национальные вожди в Пугачевском движении Салават Юлаев, Канзафар Усаев и др. Их деятельностью и делами вынуждены были заниматься в высших инстанциях Российской империи. В этот период истории были созданы выдающиеся произведения народной публицистики, появлялись реформаторские религиозные сочинения, выдающиеся поэтические произведения реалистического направления. Кроме того, в этот исторический период произошла трансформация политики Российского государства в отношении своих подданных – мусульман. Ряд законодательных актов привел к признанию ислама, его права на существование в Российской империи. Эти новшества оказали влияние на всю последующую историю и духовную культуру мусульманских народов России и сопредельных территорий. Чем же была вызвана такая смена политики

государства? Выявить глубинные причины этого невозможно без раскрытия характерных особенностей, исторического содержания того периода.

Исторические периоды отличаются тем, что в каждом из них общество решает назревшие исторические задачи, вставшие перед ним.

В 40-ые годы XVIII в. завершился период узконациональных восстаний башкирского народа, начавшийся еще в XVII веке. Эти восстания были вызваны нарушениями условий подданства и колониальным наступлением России. Эта неравная борьба принесла к большому человеческим жертвам, к ослаблению народа. Только в ходе восстания 1735 – 1740 гг. башкиры потеряли, по неполным данным, свыше 40 тыс. человек. В это число не вошли умершие от голода и бежавшие от карателей в казахские степи. [Акманов, 1987, 47] Р.Г. Кузеев отмечал, что жестокости царизма при подавлении выступлений башкир в XVIII в. привели к демографической стагнации этноса. [Кузеев, 1992, 137]. Край же был окружен цепью крепостей. Наступили тяжелейшие времена в истории народа. Башкирское общество вступило в полосу глубокого духовного и идейного кризиса, который усугубился все нарастающим религиозным притеснением.

В отношении своих подданных Российское государство проводило политику христианизации и ущемления прав по религиозному признаку. Особенно активизировалась эта политика с 20-х гг. XVIII в. С этого времени царизм активизировал христианизацию нерусских народов Среднего Поволжья. В 1731 г. при Свяжском Богородицком монастыре была учреждена «комиссия для крещения казанских и нижегородских мусульман и других инородцев». В 1740 г. «Комиссия...» была преобразована в «Новокрещенскую контору». Эти учреждения повели христианизацию нерусских народов Среднего Поволжья. Только в 1741–1747 гг. здесь было крещено 234620 мусульман и язычников. [Акманов, 1987, 22].

С началом деятельности Оренбургской экспедиции политика по укреплению идеологических позиций правительства с помощью православной церкви постепенно охватывает и Башкирию.

В ходе борьбы с восстанием 1735 – 1740 гг. захваченных во время карательных экспедиций детей и жен участников восстания раздавали офицерам, солдатам, местным чиновникам и принудительно крестили. Было немало случаев когда голодающие башкиры продавали своих детей и родственников уфимским купцам и другим богатым, которые сразу же подвергали их крещению. Историк И.Г. Акманов ссылаясь на данные П.И. Рычкова писал, что в 1735–1740 гг. было роздано 9182 человека из семей башкирских повстанцев для поселения во внутренних районах России. Все это население было обращено в христиан. [Акманов, 1987, 22].

Многие из числа новокрещенных стремились возвратиться на родину и вернуться в ислам. Так, большая часть крепостных – башкир, сосланных в Тобольскую губернию, отреклась от православия и бежала обратно в Башкирию. [Азаматов, 1999, 19]. Переход же новокрещен обратно в ислам жестоко преследовался. С целью пресечения этих явлений в 1738 и 1740 гг. были сожжены на костре башкиры Тойгильде Жуляков и Исаев. [Азаматов, 1999, 19].

Однако, несмотря на определенные результаты в деле христианизации язычников, достичь главной цели — перевести мусульман в православие не удалось. В этом деле результаты были ничтожными. Мусульмане отчаянно сопротивлялись навязыванию чуждой им веры. Последовали многочисленные жалобы на насильственную христианизацию. В середине XVIII в. среди мусульманских народов Российского Востока назревало недовольство. В своих проповедях духовенство призывало к объединению всех мусульман и выступлению единым фронтом против насилия. Этот призыв нашел отклик и среди широких слоев башкир. Народ осознал бессмысленность борьбы за свободу в одиночку. Идея совместной освободительной борьбы всех мусульман под знаменем религиозного единства утвердилась в общественном сознании и башкирского народа. Она привела общество к выходу из переживаемого им глубокого духовного и идейного кризиса. Так в середине XVIII в. в истории мусульманских народов Российского Востока начался новый период, который был общим для всех. Он был определен движением, имеющим религиозное содержание.

Это религиозное движение имело широкую национальную и социальную базу и, отражаясь в памятниках народной публицистики, добивалось признания ислама в Российской империи. Все усилия властей задушить это реформационное движение не увенчались успехом.

В 50-х годах XVIII в. развернулась широкая идеологическая и публицистическая деятельность ахуна Батырши Алиева, который рассылал во многие регионы России, где проживало мусульманское население, воззвания с призывом к объединению и совместной борьбе за освобождение. Следствием этого явилось восстание 1755 г. Хотя восстание было разрозненным и тоже потерпело поражение оно стало предостережением для властей. Программа Батырши, изложенная в его «Воззвании к мусульманам края» и «Письме императрице Елизавете Петровне» серьезно насторожило власть. В последнем документе в словах «рабы различных исповеданий равны в своем рабстве» отражалась идея об уравнивании в правах мусульман. Идеолог восстания был заточен в тюрьму и в 1762 г. убит. Тем не менее власти вынуждены были пойти на очередные уступки. Неудача с исполнением главной миссии — христианизация мусульман привела к упразднению в 1764 г. Новокрещенской конторы. Предлогом для этого явились дутая отчетность и финансовые нарушения. Однако требования, касающиеся религиозных свобод для мусульман России оставались злободневными. Требование свободы вероисповеданий содержалось и в наказах башкир в Уложенную комиссию, организованную по указу Екатерины II в 1766 году и занимающуюся составлением свода законов взамен устаревшего Соборного Уложения 1649. Эти наказы также вливались в общее русло реформационного движения.

Реформаторские идеи через 15 лет после ахуна Батырши в какой-то мере были подхвачены муллой Муратом. Принимая эстафету от первого, он критикует «множество зол в свете» и допускает, по мысли властимущих, крамольные идеи и недопустимо вольную трактовку священной книги мусульман — Корана. Загоревшись интересом,

священнослужители принялись переписывать рукописи Мурата и распространять их в крае. Часть духовенства и местных чиновников увидела в Мурате второго Батыршу, а в его деятельности — события и настроения, охватившие край накануне башкирского восстания 1755 г. Некоторые из них увидели в его деятельности опасную вещь — свободомыслие, а власти заключили, что автор внушает простому народу мысли, подрывающие устои общества и государства. [Хусаинов. 1998, 574]. Устрашенные превращением заурядного муллы в масштабную общественную фигуру, ахун и муллы Сеитовой слободы спешат объявить его безбожником, а оренбургский губернатор — бунтовщиком и злодеем. Они ожидали от правительства сурового приговора вольнодумцу.

Однако произошло непредсказуемое: дело Мурата, направленное в Сенат, попадает в собственные руки Екатерины II. И императрица оправдывает муллу Мурата. «Вероятно, что она хочет показать себя милостивой государыней, а более — просвещенным монархом в духе французского Просвещения». [Хусаинов, 1998, 575]. Всего лишь через год принимается указ «О терпимости всех вероисповеданий». Как раз в дни завершения суда над муллой Муратом Екатерина II писала Вольтеру: «Я запретила беспокоить их (мусульман), и они за это очень благодарны мне». [Там же].

Описывая события Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева 1773—1775 гг. исследователи оставляют в стороне один немаловажный фактор. Это религиозный аспект проблемы. На самом деле он имел немаловажное значение. Одним из идеологов Крестьянской войны, главным помощником Е. Пугачева являлся абыз Кинзя Арсланов. В исторических документах Кинзя Арсланова именовали по-разному: Кинзя-абыз, Кинзя мулла, Кинзя старшина, главный полковник и главный атаман. Хорошо знавший религию, обычаи и нужды мусульман он имел большой авторитет среди них и влияние. Благодаря письмам и возваниям К. Арсланова к восстанию примкнули тысячи их представителей. Будучи членом военной коллегии, К. Арсланов входил в штаб восстания и находился вместе с крестьянским царем до последних минут пребывания его на свободе. Действуя в общем русле освободительной Крестьянской войны башкирский и другие мусульманские народы имели в ней и свои специфические цели и задачи, среди которых религиозные имели весьма немаловажное значение. Духовно-религиозные интересы народов Поволжья и Урала признавал и Емельян Пугачев. В именном указе башкирскому народу он «жаловал» его «землями, водами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и морями, хлебом, верой и законом вашим». [Азаматов. 1999, 20]. Признание религиозных интересов мусульман обеспечило Крестьянскую войну под его руководством дружной поддержкой мусульман. В год начала Крестьянской войны Российское правительство также делает очередную уступку. В мае 1773 г. Екатерина II объявила указ Синоду, в котором было сказано «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ее Величество из тех же правил сходяствуя его святой воле всем поступать изволить». [Азаматов, 1999, 20].

Окончательное государственное признание ислама и его институтов в России произошло лишь с образованием Оренбургского магометанского духовного собрания. В эти годы императрица учредит в Уфе муфтиат, в 1788 г. и Духовное управление мусульман России, введет институт мулл. Так благодаря активной публицистической и идеологической деятельности видных представителей своей эпохи, участия широких слоев мусульманских народов в массовых движениях в период второй половины XVIII в. в России произошло знаменательное явление – Мусульманская реформация. История закрыла одну из мрачных эпох – эпоху официального притеснения мусульманских народов России по религиозному признаку. Мусульманская реформация открыла новую страницу истории народов Российского Востока. Прекратились восстания под религиозными знаменами и лозунгами в которых видную роль играло духовенство. Общество склонялось на путь разрешения недовольства через существующие законы. Острога социально-политической обстановки в Урало-Поволжском регионе, равно – провал политики христианизации мусульман восточных регионов России толкуют самодержавие на признание относительного равноправия двух главных конфессий страны – православия и ислама.

В советской исторической энциклопедии сказано: «Реформация оказалась последним крупным антифеодальным движением, проходившим под религиозной оболочкой. Новый этап борьбы с феодализмом проходил уже под новым идеологическим знаменем – знаменем Просвещения...» [Советск. истор. энциклоп. 1971. т. 12. 287].

Литература:

- Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987.
Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992.
Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, «Гилем». 1999.
Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Уфа, 2001.
Хусаинов Г. Литература и наука. Уфа, 1998.
Советская историческая энциклопедия. Т. 12, т. 13. М. 1971.

Хусаинов А.С., г. Уфа

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1920 Г. ПРЕСТУПЛЕНИЯ В. ПОЛЕНОВА В БАШРЕСПУБЛИКЕ

В начале 1920 г. театр военных действий гражданской войны с территории Башкортостана перемещается дальше на восток. Но, несмотря на это, башкирское население подвергалось насилию и грабежу со стороны различных карательных отрядов, продотрядов, как красных, так и белых. Обстановка накалялась и тем, что вокруг реализации национально-территориальной автономии и принципа федерализма, проблемы руководства и управления республикой разгорелась острая борьба между Башревкомом (Башкирским правительством) и обкомом РКП (б) [Кульшарипов 1992, 85]. У руководства Башкирской областной партийной организации оказались люди, которые к самой идее предоставления башкирам прав автономии относились весьма скептически. Центральные органы присылали в Башкортостан своих эмиссаров, которые не имели ни малейшего представления о культуре и духовной жизни нерусских, особенно

мусульманских народов. К таковым в полной мере относились профессиональные революционеры, большевики Ф.Н. Самойлов и Артем (Ф.А. Сергеев). [Касимов 1997, 164]. Членов Башревкома они обвиняли в национализме и сепаратизме, вешали ярлыки контрреволюционеров и чинили им всяческие препятствия практически во всех делах, направленных на реализацию Соглашения от 20 марта 1919 г. о Советской Башкирской Автономии. Острые разногласия вызывали вопросы, касающиеся взаимоотношений Башревкома с такими органами централизованного управления РСФСР, как БашЧК, Башвоенкомат, Башсовнархоз, Башнаркомпрод.

Углублению политического кризиса способствовали события 16 января 1919 г. В Стерлитамаке, по приказу Х. Юмагулова, председателя Башревкома были арестованы члены обкома партии РКП (б) Шамигулов и Измайлов, член военного ревтрибунала Мустафин и др., которые обвинялись в действиях против Башреспублики. Эти действия были осуждены на совещании коммунистов и ответработников, обвинившие Юмагулова и Башревком в попытке контрреволюционного переворота. В.И. Ленин, центральные органы власти оперативно вмешались в дела, происходящие в Башкортостане [Кульшарипов 200, 253]. Наведение порядка поручается Командующему Туркфронтом М. Фрунзе, который фактически в эти дни ввел в Стерлитамаке военное положение. 16 января коменданту Оренбургского укрепрайона И. Каширину был отдан приказ выслать в Стерлитамак конный отряд для пресечения произвольных действий Башревкома. В итоге 19 января арестованные члены обкома партии РКП (б) были освобождены.

Тем временем Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) внимательно следила и анализировала обстановку в Башкортостане. В Стерлитамак инкогнито прибывали сотрудники Секретного отдела центрального аппарата ВЧК для анализа оперативной обстановки в регионе, которым содействовали и сотрудники Уфимской губЧК [Мардамшин 1999, 46]. 8 апреля 1920 г. башкирский вопрос был рассмотрен на заседании пленума ЦК РКП (б), а 14 апреля ситуация в Башкортостане становится предметом обсуждения на заседании Политического бюро ЦК РКП (б). Тезисы решения Политбюро ЦК легли в основу декрета ВЦИК и СНК о государственном устройстве Башкирской республики от 19 мая 1920 г., который резко ограничил суверенитет Малой Башкирии. Протесты, со стороны председателя Башревкома З. Валидова, были тщетны.

В итоге, 16 июня члены Башревкома, не видя смысла дальнейшей борьбы с Центром за национально-государственный суверенитет, по совету Валидова оставили свои посты. 26 июня был создан новый Ревком во главе с М. Мансыревым, где не было ни одного известного представителя башкирского народа [Кульшарипов 1992, 285].

Новые власти республики (Башревком, БашЦИК) при проведении внутренней политики с самого начала допустили массу ошибок и перегибов. В частности, башкир, занимающихся отгонным скотоводством, насильственно переводили на занятие земледелием, вводя для них хлебную разверстку. Все это приводит к тому, что в разных частях Башкортостана (главным образом в кантонах юго-

востока) вспыхивают повстанческие движения, для подавления которых были брошены войска внутренней охраны РСФСР-ВОХР и батальоны БашЧК [Мардамшин 1999, 64]. В ходе борьбы с повстанцами имели место произвол и жестокость в отношении мирных жителей.

В июне 1920 г. в Бурзян Тангауровский кантон, который являлся центром восстания, прибывает уполномоченный БашЧК Владислав Поленов. По прибытии в кантон он объявляет военное положение и создает так называемое Военное совещание по ликвидации бандитизма и дезертирства. Вся власть сосредотачивается в руках Поленова и его помощников Руденко, Курочкина и Ключникова. Под видом борьбы с бандитизмом они начинают терроризировать мирное башкирское население, производить массовые аресты, расстрелы без суда и следствия [ЦГАОО РБ Ф.1832.Оп.2. Д.164. Лл.1-2.]. В Баймаке ими были расстреляны арестованные члены кантисполкома Гумеров, Булатов, Абдурахманов, Дулат-Али, нарсудья Тартышев, уполномоченный райЧК Кузнецов, красноармеец Волков и еще три башкира, якобы связанных с отрядом одного из руководителей повстанцев Х. Унасова [ЦДНИОО. Ф.5. Оп. 1. Д. 2914. Л. 3].

Поленов распространил свои действия и на соседние Тамьян-Катайский и Усерганский кантоны, куда были направлены карательные отряды из Баймака. При прохождении через башкирские деревни они грабили население, мужчин-башкир или расстреливали или отправляли в Баймак для допроса, при которых применяли всевозможные пытки. По свидетельствам уполномоченного по лесным заготовкам в Башреспублике Карамышева, только в Бурзян-Тангауровском кантоне было расстреляно до 3 тысяч человек мирного населения [ЦДНИОО. Ф.5. Оп. 1. Д. 2914. Л. 7].

Террор со стороны отрядов Поленова усиливал возмущение башкир, после которого расширялось повстанческое движение. О его преступлениях было известно зам. председателя БашЦИК Ф. Мансыреву, пребывающий в это время в Темясово. Но он на все закрывает глаза, одобряя действия Поленова. Вскоре, поняв бесперспективность решения проблемы силовыми методами, руководство республики, представители Центра начинают переговоры с повстанцами. Последние, в качестве одного из главных условий соглашения о прекращении выступлений, поставили требование наказать Поленова [Мардамшин 1999, 72]. Для расследования преступных действий против мирных жителей создается специальная комиссия во главе с представителем ЦК РКП (б) Мостовенко. Комиссией были выявлены и задокументированы вопиющие факты насилия со стороны отрядов Поленова. 04.12.1920 г. выходит Постановление Президиума Башкирского областного комитета РКП (б) об аресте и предании суду Ревтрибунала Поленова, Руденко и Ключникова, допустивших ряд уголовных и шовинистических преступлений при ликвидации восстания в Бурзян-Тангауровском кантоне [ЦГАОО РБ. Ф.1832. Оп.2. Д. 2. Л. 4.].

Дело поленовцев было изъято из ведения республиканских органов и передано в ВЧК, которая в свою очередь «благополучно» завершила расследование. К сожалению, несмотря на поступаемые из

Башреспублики жалобы и требования наказать Поленова за его кровавые преступления, он так и остался безнаказанным.

Литература:

Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1992. С.85.

Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.). – Уфа: Китап, 1997. С. 164.

Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). – Уфа: Китап, 2000. С. 253.

Мардамшин Р.Р. Башкирская чрезвычайная комиссия. – Уфа: Китап, 1999. С. 46.

Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование... – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1992. С. 285.

Мардамшин Р.Р. Указ соч. С. 64.

ЦГАОО РБ. Ф.1832. Оп.2. Д.164. Лл.1-2., ЦГАОО РБ. Ф.10311. Оп.1. Д.25.

ЦДНННО. Ф.5. Оп. 1. Д. 2914. Л. 3.

ЦДНННО. Ф.5. Оп. 1. Д. 2914. Л. 7.

Мардамшин Р.Р. Указ соч. С. 72.

ЦГАОО РБ. Ф.1832. Оп.2. Д. 2. Л. 4.

Шарипова Р.К., г. Кумертау

КУЮРГАЗИНСКИЙ РАЙОН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Россия готовится к 65-летию Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Этот день занимает особое место среди отмечаемых праздников в нашей стране.

Нелёгким испытанием для кююргазинцев стала Великая Отечественная война. Она обожгла своим пламенем почти каждую семью. Более трёх тысяч солдат и офицеров, отважных сынов Кююргазинской земли, пали смертью храбрых на полях сражений. Сегодня об их беспримерном подвиге напоминают памятники и обелиски, воздвигнутые почти в каждом населённом пункте.

Как и во всей стране, в Кююргазинском районе активно развивались рожденные войной и функционировавшие десятилетия после нее такие массовые движения, как «Общество содействия обороне» (ОСО), курсы «Ворошиловский стрелок» (ВС), обучение местной противовоздушной обороне (МПВО), подготовка подразделений снайперов-девушек, курсы санитаров, формирование фонда «Обороне – повозка с упряжью». Интенсивно работали ускоренные курсы по подготовке председателей колхозов, организаторов сельскохозяйственного производства из числа женщин.

Работники колхоза «Чишма» из дер. Верхнее Муталово (тогда подростки, а сегодня уже старики) хорошо помнят своего председателя Бибайкай-апу Туктарова, неумолимую, требовательную. Обстановка военного времени ковала крутой характер организаторов производства. Бибайкай-апа Туктарова сменила учительский труд на председательский, когда ее мужа, председателя этого же хозяйства, Гафурьяна Туктарова призвали на фронт. Учащаяся и допризывная молодежь района в годы войны активно участвовала в первичных организациях Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству; 1927–1948г.), в выполнении норм Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО; 1931г. формирования), а также в ступени БГТО («Будь готов к труду и обороне», с 1934г.). Все эти мероприятия

по подготовке защитников Родины для фронтовых и тыловых условий сыграли, безусловно, неоценимую роль в победе над врагом.

Из нашего района на фронтах Великой Отечественной войны участвовало 10700 человек, 5170 из них за отвагу награждены орденами и медалями СССР. Среди награжденных – шесть Героев Советского Союза.

Великая Отечественная война вписала в историю деревни Кинзеабызово новые страницы. Знаменательно, что эта башкирская деревня стала родиной трех Героев Советского Союза, причем один из них – потомок Кинзи Арсланова Гафиятулла Шагимарданович Арсланов, участник советско-финской войны 1939-1940 годов, башенный стрелок танка.

В одном из боев его танк был обстрелян и получил серьезные повреждения, но Арсланов продолжал вести огонь и уничтожил вражеское орудие, вывел танк с поля боя и спас жизни раненых членов экипажа.

В апреле 1940 года Г. Ш. Арсланову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал первым башкиром, удостоенным этой высокой награды. Гафиятулла Шагимарданович прошел всю Отечественную войну: был командиром танкового батальона, заместителем командира танкового полка. Погиб незадолго до окончания войны, в январе 1945 года, в звании подполковника.

Уроженец Кинзеабызово Сальман Галиахметович Биктимиров воевал в составе 16-й Башкирской гвардейской кавалерийской дивизии. Командир отделения кавалерийского эскадрона гвардии старший сержант С.Г. Биктимиров при форсировании Днепра в районе села Недангиги Черниговской области уничтожил 15 гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза ему присвоено 15 января 1944 года.

Отважным воином стал и Хасан Назирович Гайсин, ушедший на фронт из села Кинзеабызово. Командир пулеметного расчета Х.Н. Гайсин, участвуя летом 1944 года в освобождении населенных пунктов Литвы, не раз отражал атаки противника пулеметным огнем. Освобождая попавшую в окружение стрелковую часть, он возглавлял десантную группу на танке и при прорыве уничтожил 80 немецких солдат и офицеров. Звание Героя Советского Союза Х.Н. Гайсину присвоено в 1945 году.

Ныне нет уже в живых героев, прославивших родное село и Башкортостан своими подвигами, но благодаря памяти земляков герои не умирают – они уходят в бессмертие.

В 2001 году в Кинзеабызово открыт музей Кинзи Арсланова, получивший статус филиала Национального музея республики.

Приближали день Победы и женщины – молодые девушки из района. Крылатое выражение «у войны не женское лицо» родилось гораздо позже. А с началом той войны добились призыва на фронт Федяева Вера, Волкова Настя, Чугунникова Софья, Запольская Софья, Федотова Катя, Черкасова Зина, Фомичева Валя и другие. Все они достойно выполнили свой патриотический долг перед Родиной.

На нужды фронта из района было отправлено более 700 лошадей, 165 повозок, лыжи, упряжь, 22 гусеничных трактора, 40 автомобилей. В 1944г. в Орловскую область, освобожденную от фашистов, из нашего

района было отправлено как помощь 250 голов лучших коров, 105 рабочих лошадей.

Куюргазинцы-тыловики также самоотверженно трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». По всей стране получили распространение различные почины, движения в поддержку фронта. Одним из них явился сбор денег у населения для строительства именных, боевых механизированных соединений. Всего за годы войны куюргазинцы собрали и внесли в дело Победы около 7 млн. руб. личных денег. На строительство самолетов имени 25-летия Башкирии также была собрана куюргазинцами большая сумма. Так появились эскадрильи боевых самолетов, построенных на средства трудящихся республики: «Башкирский колхозник», «Комсомолец Башкирии», «Учитель Башкирии» и т.д. Об одном из куюргазинцев, который внес 100 тысяч рублей на строительство боевой машины, написал известный башкирский писатель Баязит Бикбай в очерке «Хабирьян, купивший самолет». Очерк получил широкий отклик.

На всю страну прогремела слава колхозницы из артели «Золотой колос» нашей землячки Чуевой Анны Николаевны. Ее трудовой подвиг поражает: на уборке зерновых при норме связки 400 снопов в день, она за одну страду связала 5200 снопов! В результатах ее труда отразились выносливость, природная сноровка, трудовой порыв ради Победы. Весь заработок она передала в фонд обороны. «Это мой счет мести немецко-фашистским захватчикам за погибших за Родину мужа и сына», – писала А. Н. Чуева в своем письме правительству страны. Знатная колхозница обратилась ко всем труженикам республики с призывом развернуть соревнование за высокие производственные показатели. Обращение нашло живой отклик, появились ее последователи. Среди них были трактористки из колхоза «Радио» А.М. Нестеркина, В.Д. Пустарнакова и другие. Впоследствии А.Н. Чуева станет Героем Социалистического труда, будучи уже свекловодом.

Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция Куюргазинского района также внесли свой значительный вклад в общенародную борьбу с врагом. И Родина не забыла куюргазинцев, достойно отметила их самоотверженный труд.

Щанкина Л.Н., г. Москва

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖИЛИЩНЫЙ КОМПЛЕКС МОРДВЫ СОРОКИНСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Согласно Всероссийской переписи 2002 г., в Тюменской области проживают 1647 чел. мордвы. С 13 по 29 марта 2009 г. заведующая отделом археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия доктор исторических наук, профессор Людмила Ивановна Никонова (руководитель экспедиции) и старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Любовь Николаевна Щанкина осуществили этнографическую экспедицию в Тюменскую область (с. Калиновка, Покровка и Большое Сорокино Сорокинского муниципального района) с целью изучения мордовской диаспоры. В ходе работы были произведены сбор историко-этнографического материала в архивах Сорокинской администрации и Покровского

сельского поселения, а также от жителей с. Большое Сорокино, Покровка и Калиновка, анализ документации по истории этих сел, развитию в них здравоохранения и образования. В результате была издана коллективная монография – Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции [Никонова, Щанкина, Шерстобитова 2009].

Формирование материальной культуры народов зависит от естественно-географической среды, в которой она складывается, направлений хозяйственной деятельности, социальной структуры этноса, культурного взаимодействия с другими народами, живущими на одной территории.

Жилой дом — сравнительно устойчивый компонент материальной культуры, используемый в бытовой жизни людей, в нем выявляется длительное функционирование традиций, формировавшихся в различные исторические периоды. С одной стороны, в жилых и хозяйственных постройках сохраняются древние традиции; с другой — происходят постоянные изменения, обновления, которые, в свою очередь, при условии длительного существования постепенно становятся традициями.

Согласно собранным сведениям, в с. Калиновка мордва заселилась в 1924 г. Первоначально жили в землянках. Пожилые люди вспоминали: «Поначалу было очень сложно, потому что не было жилых помещений, все строилось и становилось с нуля». Весной 1925 г. начали строить деревянные дома. Избы эти были небольшие, неказистые, с маленькими окнами, крытые соломой, дерном или берестой. В избах было грязно. Но такие дома, как говорили жители, были лучше землянок. Первый дом построили для Ксении Семеновны Мирошкиной.

Долгое время в архитектуре сохранялись своеобразные черты старого мордовского жилища. Окна прорубались только в тех стенах, которые выходили во двор. Входная дверь курных изб состояла из двух частей: нижней и верхней. Около потолка прорубались отверстия, так как печь топилась «по-черному». Обстановка в избах была бедная. Внутри дома кроме стола стояли одна-две лавки, лохань, деревянный сундук для одежды, а чаще вместо сундука была кадушка. Спали на деревянных топчанах, полатах или большой печи под рогожками и дерюгами на соломенных матрацах. Детские зыбки делали из лубка или плели корзины из прутьев ивы. Свободное место комнаты занимали нары (*керштель*), под которыми держали ягнят и козлят. В подполе находились птицы (куры, гуси). Освещением служила лучина, которую заготавливали летом на всю осень и зиму, или жир. Керосиновой лампой пользовались лишь по большим праздникам, на свадьбах, а также в случае болезни или родов. Но постепенно жизнь переселенцев налаживалась. Они жили единолично до 1929 г. В том году организовали коммуну [Бычкова 2006, 19; Петров 2005, 43]. Перед войной в деревне было всего семь пятистенных домов, остальные жители ютились в избушках, а некоторые в «землянушках» [ПМА: Петрикова А. С.].

Расположение домов в с. Калиновка — рядное. Один ряд длинный, основной, по нему проходит заасфальтированная дорога, другой ряд —

параллельный основному, вдвое меньше и выходит к школе (когда-то действовавшему току). Как вспоминала М. Ф. Зайцева, в 1933 г., когда они переехали в Калиновку, длина улицы составляла 2 км. Уличная форма характерна и для с. Покровка. А. А. Одышева, проживающая в ней, говорит, что тот край, где она живет, называют *Мордовский край*, а другой край — *Собачеевка*, там живут украинцы. Все жители разговаривают как на мордовском, так и на украинском языках. По рассказам М. М. Бахмач (Игишевой) из с. Покровка, то место, где она проживает, называют *Центр* [ПМА: Бахмач, Зайцева М. Ф., Одышева А. А.].

В первые годы после переселения строили пятистенные дома, у которых два сруба сращивались между собой таким образом, что одна стена была общей. Сначала, как только переехали, строили пятистенные дома, а в настоящее время — чаще крестовые. Печь в таком доме отапливает все комнаты сразу (ПМА: Бахмач). В с. Калиновка мордва также отдавала предпочтение крестовым домам, и в настоящее время также большинство домов — крестовые, площадью не менее 35 м². Внутри «крестовика» перекрещиваются две стены, и в целом постройка представляет собой четыре соединенных сруба. Кроме того, в с. Калиновка есть несколько саманных домов [ПМА: Шатунова О. Д.].

На исследуемой территории дома строили из березы и осины. В с. Калиновка есть два или три дома из сосны, которые купили у татар. В с. Сорокине мордва строит дома из кирпича [ПМА: Преснякова А. И.]. Зафиксированы два способа соединения бревен в венцы. Наиболее распространенными были соединение в простой угол с выпуском концов — «в чашу» и рубка без выступов концов по углам — «в лапу». Внутренняя площадь определялась длиной бревен. Высота сруба зависела от числа уложенных в него венцов — обычно от 18 до 21 венца. Для проконопачивания пазов сруба между венцами использовали мох, паклю. В с. Калиновка «пазы конопатили болотистым мхом, который заготавливали летом, чтобы он был чуть мокрым. Конопатили деревянной лопаточкой и деревянным молотком» [ПМА: Левин М. Г.]. Фундамент для дома делали из камней, которые соединяли с помощью раствора (для этого перемешивали глину, щебень, воду, песок и цемент). Иногда для фундамента просто использовали более толстые бревна. Кроме того, на 3–4-метровом венце делали небольшое отверстие для проветривания, которое зимой закрывали, а весной открывали. Подоконники, окна и двери выполняли из пихты и сосны.

Некоторые обряды совершались, когда ставили первый венец. Повсеместно устраивали помочи, в которых участвовало около 20 человек, так как для строительства крестового дома требовалось много народа. Для всех помогающих накрывали стол: угощали, чтобы работа шла веселее. Как вспоминал житель с. Калиновки М. Г. Левин, «женщины месили ногами в деревянной чаше глину, перемешанную с мелконарубленной соломой, вперемешку с конским навозом и водой. При этом они пели песни. Им также помогали дети. Этим месивом мазали стены» [ПМА: Левин]. Обычай взаимопомощи в с. Калиновка существует до сих пор. С теми, кто рубил дом, расплачивались деньгами. Когда ставили печь, печников обязательно угощали,

поскольку в народе считалось, что если не угостишь, то «дым будет валить в дом» или дом может сгореть. Такой случай был у Феодосии Федоровны Порунькиной, как говорили, сначала дым постоянно шел в дом, а потом загорелся пол.

При доведении сруба до нужной высоты настилали потолок. В последний венец в зависимости от размеров избы врубались один или два толстых бруса, обтесанных с четырех сторон, — матицы, служившие опорой для потолка, который настилали из расколотых пополам бревен. Матица иногда выходила на внешнюю сторону дома и вставлялась в выемку в стене. Так она «не торчала» изнутри и снаружи. По традиции под матицу клали овечью шерсть, монеты — для богатства и семейного тепла в доме. Сверху потолок утепляли слоем сушеных листьев, мхом (*нупонь*), опилками и слоем земли. Потолок, как правило, белили [ПМА: Левина Е. А.].

Крыши делали различные — и двускатные, и четырехскатные стропильной конструкции. Как говорят, четырехскатные крыши делать сложнее. Если раньше крыши покрывали соломой, дерном, берестой, то сегодня — шифером и железом.

Внутреннее помещение жилой избы состояло из четырех комнат. Обычай строить большие дома объяснялся большим количеством детей в семьях. Стены изнутри штукатурили, а затем красили известью или краской. Сегодня стены оклеивают обоями. Повсеместно мордва в своих домах генеральные уборки проводила два раза в год — на Пасху и после вскапывания картофеля.

Для отопления жилища и выпечки хлеба в домах делали печи. Печь, как правило, стояла с правой или с левой стороны от входа и занимала до 1/4 жилой площади. В крестовых домах она находилась посередине и отапливала все четыре комнаты сразу. Сзади печи, как правило, делали маленький чулан, где ставили умывальник. Печи топили березовыми дровами. В с. Покровка сени иногда делали дощатые или выделяли для них одну из комнат, поэтому они были теплые. «Красный», или передний, угол всегда располагался в противоположном по диагонали от печи углу. В переднем углу висели иконы, украшенные расшитыми полотенцами. Под иконами стоял стол, покрытый скатертью [ПМА: Бахмач и др.].

При переселении в новый дом мордва старалась соблюсти некоторые обычаи. В с. Калиновке после окончания строительства ставили позу — поза для нового дома (*од кудонь поза*). Приглашенные принесли с собой разную посуду. Когда переезжали в новый дом, «приглашали» с собой домового, при этом говорили такие слова: «Домовой, домовой, я иду по дорожке, а ты за мной» и на стол обязательно ставили горшок с кашей [ПМА: Шутова М. Г.].

Усадьба мордвы включает в себя двор, к которому примыкал огород, обычно с полем для картофеля. Хозяйственно-бытовые постройки мордовского населения гармонично примыкают к жилому дому, образуя в зависимости от местных условий, национальных традиций и бытовых потребностей различные типы застройки усадьбы. Для мордвы характерно наличие открытого двора с покоеобразной застройкой. Также встречается двурядная застройка, когда жилой дом и надворные постройки, располагаются в два ряда, параллельно друг

другу. Например, в с. Сорокине планировка дома и построек у А.И. Пресняковой П-образная и многие хозяйственные постройки размещаются под одной односкатной крышей, в том числе баня. В Сорокине в качестве оберега на хозяйственные постройки вешали оленьи рога и свиной пяточок, а в Калиновке и Покровке на дворях хозяйственных построек чертили мелом кресты [ПМА: Преснякова А. И.].

Усадьба включала в себя различные хозяйственные постройки: срубное здание для крупного и мелкого рогатого скота с высоким сеновалом, дощатые сараи для хранения дров, амбары, погреб, баню и летнюю кухню (в с. Покровка последнюю называют «малуха»). Хозяйственные постройки имеют как односкатные, так и двухскатные крыши под шифером. Поскольку в хозяйствах содержалось и содержится много разного скота, таких построек делалось много. Дворы огораживались ранее плетью, а сегодня жердями или досками.

Таким образом, переселения были весьма важным явлением как для областей, откуда шло выселение, так и для территорий, на которых обосновывались переселенцы. В этнографическом отношении этот процесс представляет собой значительный интерес, так как в новых местах по-разному складывался быт населения, в зависимости от совокупности конкретных условий развивались различные формы его материальной и духовной культуры. В частности, под влиянием природно-климатических условий, культур местных народов и других переселенцев в материальной культуре мордвы произошли изменения. Например, практически все переселенцы приспособились к сибирскому стереотипу, строя традиционные дома-пятистенки и крестовики, сохраняя лишь отдельные особенности своего жилья во внешнем оформлении дома, наличии резьбы, в планировке интерьера, в типе печи и др.

Литература:

Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Часть 1. Село Калиновка : сибирская история и мордовские традиции /под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. — Саранск, 2009.

Бычкова Т. Загадки мордовского народа // Мир национальностей. — Тюмень, 2006. — № 2 (6).

Петров А. В Калиновке, услышав голосок... Национальные культуры региона. — Тюмень, 2005. Вып. 9.

Чайко Е. А., г. Челябинск

«Я ЛЮБИЛА ГАРМОНИСТА, РЯДЫШКОМ САДИЛАСЯ»: ОТРАЖЕНИЕ В ЧАСТУШКАХ СТЕРЕОТИПНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ ДЕВУШЕК

В силу особенностей жанра частушки могут служить источником для изучения девичьей жизни. [4] В них предстает весь комплекс отношений, в которые вступала девушка дома (с родителями, братьями, сестрами), на работе (с бригадирами, управляющими), на гуляньях (с парнями, подругами, соперницами). Встречающиеся в частушках суждения об ухажерах, девичьих достоинствах, замужней жизни, будущей свекрови, любви, мечтах и т.п. выстраиваются в систему, позволяющую судить о том, что замужество, по-прежнему, представлялось приоритетной целью девушки. Этой цели были подчинены специфические формы времяпровождения, система знакомств и ухаживаний, являвшихся способами найти достойного

жениха/невесту. В ее основе лежала традиционно сложившаяся практика.

Теме отношений любовной пары: незамужняя девушка – неженатый парень посвящено большинство частушек. Иметь кавалера для девушки было почетным. Если его не было, девушки чувствовали себя обделенными: «Скучно жить одной девчончке без милого»; «брошу милого любить – буду несчастливая», наоборот, если «миленький бывает, нас и горе не берет». Право выбора принадлежало парню. Девушка могла постараться обратить на себя внимание, «себя показать». Одним из способов была ходьба по улице «мимо дома милого», что является довольно частым частушечным сюжетом: «Дорогой, мимо вас иду одиннадцатый раз». Хожение парней под окнами девушки расценивалось, как демонстрация симпатии: «Не ругай меня, маманя, // Что сметану пролила, // Шел Алешка под окошком, // Я без памяти была». Гулянья по улице парней и девушек происходили как в городах (до революции имевших статус заводов), так и в деревнях. В деревнях девушки брались за руки и ходили «стенками»: в середине гармонист, по бокам по две девушки; в городах «стенками» не ходили, прогуливались группами. Пляски происходили за плотиной, на краю села, на мосту или около клуба. Приведем описание одного из таких гуляний: «Собираются на «сковородке» – небольшой площадке овальной формы. Здесь вся трава вытоптана. Широко распространён танец «дорогой». Девушки встают парами друг против друга, хлопают в ладоши один раз, затем кружатся на месте по одной с опущенными руками и поют в это время частушки». [1] Упоминание о девичьей пляске чрезвычайно характерно для частушечных сюжетов. Она позволяла молодой девушке продемонстрировать стать, грацию, темперамент, и т.о. обратить на себя внимание потенциальных ухажеров: «Я плясала, топала, искала себе сокола». Праздное проведение времени на гуляниях считалось нормой для незамужней девушки: «Пошла плясать, // Одна доска хрустит, // Мое дело молодое, // Меня бог простит». В частушках пение упоминается наряду с пляской, как умение, присущее девушке: «интересны песенки для милого пою», «что подруга не поешь или голос не хорош?», «милый грал, злодейка пела». Отсутствие голоса или желания петь соответствует горестному душевному состоянию: «что подруга не поешь, // В уголок прижалася?» // Ушел милый на войну, // Сиротой осталася.»; «Куда голос мой девалася? // Милый пропил на вине. // С этой гадиной связался, // Не стал думать обо мне» и т. п.

Большую роль в трансляции стереотипных взглядов играл девичий коллектив – подружки, чье мнение во многом определяло поведение девушек. Из частушек явствуют взаимоотношения внутри этого коллектива. Подруги могли одобрить /не одобрить выбор девушкой ухажера - «хорошо тебе Полина, тебя любит гармонист», помочь создать/ расстроить пару, осудить/ похвалить поступок, костюм, голос, фигуру и т.п. Девушки выступают по отношению друг к другу в роли подруженьки или соперницы, злодеечки.

В послевоенные годы девушки продолжали устраивать вечерки: «Вы, девчонки, вольны пчелки, // Я солдатик рядовой. // Чаше делайте вечерки, // Еду раненый домой». Основное назначение вечеров было в

том, что они служили местами окончательно формирования и общения молодежных пар. Девушки «сидели» друг у друга по очереди, либо снимали дом «у старушки». Парни приходили на вечерки спустя некоторое время, чаще с гармонью. Сначала исполняли песенные, затем «заводили» плясовые мелодии: «Пели Шемахинскую, частушки, потом плясовую начнут. Выйдем, попляшем». «Дробили» сербиянку, танцевали вальс, краковяк, польку – бабочку, «подыспанку». Играли в фанты – «выбирали кого –нибудь и заставляли исполнять желания». Парни в карты играли. Каждой из девушек хотелось завести пару: «Неохота уходить// С поля недожатого.//Неохота уходить// Домой без провожатого». Приблизительно с середины пятидесятых годов под давлением властей «вечорки стали отменять».[3] Вместо этого молодежь собиралась в клубе или избе–читальне.

Отношения любовной пары строилось по подобию отношений между мужем и женой. Они предполагали совместные ночевки. Приглашали на ночевку девушки: «Одну песню я не спела, ночевать дружка звала». Для этого они подсылали подругу к нравившемуся парню с предложением. Он мог согласиться или отказаться. Кое-где парни просились к нравившейся девушке, через друга. Ночевки, как правило, происходили в снятом для этого девушками доме, при хозяйке. Они бывали дольше, чем вечерки, сменившиеся на вечера в клубе. «Уже когда в клубе танцевали, соберутся по две – три пары и идут ночевать к старушкам».[2] Совместные ночевки парня и девушки могли продолжаться от нескольких ночей до нескольких лет. Чаще они носили целомудренный характер – «ночевали, беседовали, про жизнь вспоминали», «всю ночь друг другу рассказы рассказываем, хохочем».[3] Если это было не так, то ответственность целиком перелажалась на девушку. Не спать ни с кем для девушки было зазорным, «не авторитетно», никому не сумела понравиться.[1] Для парня приглашение на ночевку тоже было честью, предметом гордости: «Что ты милка задаешься.//как картошка в борозде.//Я с тобой не ночевала, //а ты хвалишься везде». Отношения любовной пары носили эротический характер. Важной их составляющей были поцелуи: «Нету лета без июля,// А июля без цветов,// Нет любви без поцелуя,// а иначе не любовь». Согласно взятой на себя роли, девушке полагалось демонстрировать полное повиновение ухажеру: «Милый Коля, я снялася // В белой юбке под ремень.//Не в которой я желала,//А в которой ты велел.» Любовные отношения было принято закреплять подарками, рассматриваемые, как их материальное подтверждение, задаток. Ухажеры чаще всего дарили головной или носовой «платочек», гребенку, «в косу ленточку», пряники, конфеты, семечки, в особых случаях могли скатать для «милрой» валенки или купить ботинки. Приходить к девушке без подарков считалось не прилично: «Извини, моя миленька, //Что гостинца не принес.//Положил в саду на лавочку, //Не знаю, кто унес». В ответ девушки тоже что-нибудь дарили: вышитый платочек - «все четыре уголка», кисет, «теплы варежки». Если парень с девушкой расставались, то подарки возвращались: «Отдай, милка, два платочка - голубой да розовый». После войны в отношениях добрачных пар не было стабильности. Традиционно более лояльное отношение к парням–изменникам стало еще снисходительнее: «Это не

изменушка, // Когда изменит парень девушке. // Вот тогда изменушка, // Когда изменит девушка». Парень за измену имел право наказать свою «милку» оплеухами: «У ребят такая мода, за измену девок бить». Для девушки в случае измены «милого» вероятность «завести» нового кавалера была невелика: «Мене милый изменил, // Что же я поделаю? // Пойду в лес, возьму топор // И из дуба сделаю». Брошенка не должна была навязываться, подруженьки советовали «от милого отстать, опустите камень в море и попробуйте достать». В частушках подчеркивается одиночество брошенной девушки - «осталась едина», «сиротиночкой», «горемычная девчонка», «не утетишь, горькая рябинушка».

Т.о., в частушках представлена реальная модель поведения девушек, позволяющая сделать выводы об их представлениях о собственной жизни, главный смысл которой виделся в том, чтобы создать семью, стать женой и матерью.

Литература:

- Челябинский областной краеведческий музей. Ф. документов, оп 4, ед.кр. 277, л.5.
Хаманова З.П. 1930 г.р., Шалдин П. П. 1927 г.р.; Биянка Ашинского района Челябинской области.
Богомолова Е.В., 1930 г.р.; Шемаха Нязепетровского района Челябинской области.
Проанализированы частушки, собранные фольклорной экспедицией под руководством В.Е. Гусева в 1947-53гг. в горнозаводских районах Челябинской области.

Чуйкина Е.В., Шатунов С.В.

БРОНЗОВЫЕ ПРЯЖКИ С ЗООМОРФНЫМ СЮЖЕТОМ ИЗ РАСКОПОК САРТАКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

В 2007-2009 гг. отрядом Камской археологической экспедиции (КАЭ) Пермского госуниверситета начаты раскопки Сартаковского могильника в Чердынском районе Пермского края. Работы проводились по заданию краевого Министерства культуры и массовых коммуникаций и финансировались из бюджета края по программе исследований разрушающихся (разрабатываемых) памятников археологии.

Первые сведения о могильнике известны с начала XX века как «чудские ямы» [Кривошеков, 1914, 147; Остроумов 1926], после этого памятник осматривался только директором Чердынского музея И.А. Лунеговым в 1954 г., который опросил местных жителей, неоднократно находивших на распаханном поле древние вещи - «чудские чечки» (в настоящее время территория могильника заросла лесом и отнесена к землям лесного фонда). Лунеговым в шурфе были найдены фрагменты бронзовых украшений [Лунегов 1954].

Местность была обследована в 2006 г. в связи с поступившей информацией от местных жителей о проводящихся раскопках в окрестностях д. Сартаково. Сотрудником КАЭ С.В. Шатуновым были выявлены грабительские масштабные раскопки на площади более 2 тыс. кв.м., с 2007 г. С.В. Шатуновым ведутся противоаварийные раскопки, ежегодно исследуется 150-200 кв.м.

Всего на данный период изучено 78 погребений, раскопы закладывались в различных частях могильника и на участках памятника, с различной степенью насыщенности грабительскими ямами. В ходе исследований получен интереснейший материал, характеризующих материальную культуру Северного Прикамья эпохи средневековья.

Погребальный обряд, применявшийся на могильнике – трупосожжение, ориентация могил не четкая, погребения иногда перекрывают друг друга. Погребальный инвентарь значительной частью представлен элементами поясной гарнитуры, украшениями, а также бытовыми вещами и предметами вооружения.

Среди элементов поясной гарнитуры вызывают интерес находки бронзовых поясных пряжек. Из найденных при раскопках Сартаковского могильника, десяти экземпляров пряжек и их фрагментов, две пряжки выполнены в зверином стиле.

Одна из пряжек найдена практически на дне могильной ямы (2007 г., раскоп III, погребение 18). Размеры пряжки 2,2-2,7х5 см. В центральной части щитка изображена морда медведя в фас, проследить наличие лап можно лишь условно. Рамка пряжки украшена «витым» орнаментом (рис. 1а).

Пряжка с таким же сюжетом, но меньшая по размерам, была найдена при раскопках Степановского (Пожвинского) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа (раскопки А.В. Данича) [Белавин 2000, 165].

Вторая пряжка с зооморфным сюжетом была найдена в погребении 53 раскопа X (2009 г.). Размеры пряжки 3,5х7,5 см. В центральной части щитка пряжки изображена голова животного с витыми(?) рогами. По бокам центральной фигуры расположены две фигурки зверьков (рис. 1б).

Пряжка с таким же сюжетом, но большая по размерам, была найдена в погребении 48 Огурдинского могильника в Усольском районе Пермского края (раскопки Н.Б. Крыласовой, 1994 г.).

Находки бронзовых поясных пряжек в пермском Прикамье не слишком часты, их наличие в погребальных комплексах характеризуется как результат взаимодействия местного населения с зауральским. Стоит отметить, что большинство известных бронзовых пряжек в зверином стиле довольно разнообразно как по размерам, так и в сюжетном плане.

В связи с этим, поражает практически полное дублирование сюжета на пряжках из Огурдинского и Сартаковского могильников (чуть по-разному «читаются» пряжки из-за различной сохранности предметов и различий в качестве металла). Схожесть рисунков на рассматриваемых бронзовых изделиях, можно было бы объяснить наличием одной литейной формы, однако пряжки различны по размерам. В связи с этим, возможно предположить, что две похожие пряжки были изготовлены в очень узкий временной промежуток. Тем более что по погребальному обряду и комплексу инвентаря могильники довольно близки.

Анализ сюжета описываемых пряжек стоит отдельного внимания. Если изображение медведя на пряжке из погребения 18 Сартаковского могильника не вызывает сомнений, то вопрос о животных на пряжке из погребения 53 спорен.

Изображение на пряжке из погребения 48 Огурдинского могильника описывается как «голова животного с витыми рогами, обрамленной двумя фигурками соболей» [Иванов, Крыласова 2006, 82-83].

В то же время Н.В. Федорова интерпретирует данную композицию как состоящую из «головы медведя и двух профильных фигурок копытных

(?)», где «голова медведя образована кружочками, которыми переданы окончания ног копытных, и общим абрисом их ног...», создавая иллюзию «головы медведя с характерными для этого времени «раздутыми» ноздрями и круглыми большими глазами» [Федорова 2003].

Нам кажется более корректным описание боковых зверей как представителей семейства канисовых или псовых (например, лисица или волк), в крайнем случае, куньих (в т.ч. соболи), но однозначно не копытных животных. В пользу этого свидетельствуют острые уши, вытянутые острые мордочки, длинные хвосты боковых изображений. Считать, что абрис гипертрофированных копыт создает иллюзию раздутых ноздрей сомнительно. Центральная фигура животного, на наш взгляд, скорее всего, изображала голову лося, оленя, быка (копытного животного) с характерными пропорциями головы, крупными глазами и ноздрями, обозначенными рогами.

Конечно, основным зверем в сюжетных изображениях эпохи средневековья является медведь — один из главных персонажей в целом всего древнего изобразительного искусства. Однако, как отмечают некоторые исследователи, с середины I тыс. н.э. образ медведя начинает трансформироваться — дополняется другими чертами или совмещает в изображении одного существа черты других. Отмечается и появление образа быка на поясных пряжках как показатель южного степного влияния на таежные и лесостепные народы в конце I тыс. н.э. [Гордиенко 2007]. Но нельзя забывать, что фигура лося / оленя была вторым знаковым изображением наряду с медведем, имея отношение к промысловой магии [Липина 2006]. Поэтому наличие на бронзовой пряжке изображения лося очень вероятно.

В тоже время, если рассмотреть фигуры на пряжке как зеркальное изображение одного сюжета (в горизонтальной проекции, а не в вертикальной, как рассматривалось выше), то можно увидеть две головы лося, изображенные в профиль в центральной части предмета. Так же можно предположить наличие центральной разделительной линии зеркального сюжета, которая четче прорисована на пряжке из Огурдинского могильника.

В целом, погребальный инвентарь Сартаковского могильника показывает сложную систему межкультурных контактов местного населения, распространявшихся не только за Урал, но и в других направлениях. В раскопках найдены две западноевропейские монеты (саксонский пфенниг - денарий Оттона и Адельгейды и англо-саксонский пенни Этельреда II), характеризующие северный торговый путь (через Новгород). Также найдены восточные монеты: два дирхема и две их местных подделки (брактеаты).

Таким образом, дальнейшее исследование Сартаковского могильника становится перспективным для получения новых сведений о культурных связях населения северного Прикамья эпохи средневековья.

Литература:

- Белагин А.М., 2000. Камский торговый путь. Пермь.
Гордиенко А.В., 2007 Страна Медведя // Ассоциация «Северная археология». http://www.northarch.ru/sever_6.htm
Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006 Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь.
Липина Л.И., 2006 Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. — нач. II тыс. н.э.). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ижевск.

Луногов И.А., 1954 Сартаковский могильник // ПКМ 20712/6046. Архив В.А. Оборина. Папка с материалами, собранная Луноговым И.А. о могильнике Сартаковском в Чердынском районе. 1954 г.

Федорова Н.В., 2003 «Рогатый медведь» // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003.

Шакурова Ф.А., г. Уфа

МАТЕРИАЛЫ УРАЛЬСКОЙ ПОЕЗДКИ Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев (1834-1907гг.) отправился на Средний и Южный Урал в начале лета 1899г. и пробыл здесь почти три месяца. Инициатором этой поездки был министр финансов, статс-секретарь Сергей Юльевич Витте.

В докладной записке, которую 21 августа 1899г. выдающийся ученый отправил министру С.Ю. Витте, говорилось: «Ваше высокопревосходительство, Сергей Юльевич! С высочайшего соизволения Вам угодно было ныне летом отправить меня с тремя помощниками на Урал, для того, чтобы определить: 1) в чем должно искать причину медленного развития железного дела на Урале?...4) какие правительственные мероприятия могут содействовать возрастанию и удешевлению производства чугуна и железа на Урале и какое при этом значение могут иметь казенные заводы, руда и леса?» [Менделеев, 1949, 67]

Уже из первых строк докладной записки ясно, что поездка, совершенная Д.И. Менделеевым на Урал, имела свойство научной экспедиции. Выдающемуся химику предстояло посетить чугуноплавильные и железоделательные заводы, большая часть которых располагалась в пределах Пермской и Уфимской губерний. В задачи научной поездки входило также изучение состояний лесов и рудных месторождений, проведение магнитных наблюдений и изучение качеств руд.

В девятнадцатом столетии Урал представлял собой особый мир, отличный от остальной части России. Здесь функционировало более ста металлургических заводов, занимавшихся переработкой железной и медной руды.

В качестве помощников Д.И. Менделеев взял с собою трех химиков-технологов: П.А. Земятчинского, К.Н. Егорова и С. П. Вуколова с тем, чтобы успеть посетить за короткий летний период большую часть Уральских заводов.

Все члены экспедиции запаслись фотографическими камерами, благодаря которым ими было сделано несколько сот снимков, проявленных уже после возвращения в Петербург.

У каждого из членов экспедиции был свой маршрут. Профессор Петербургского университета П.А. Земятчинский выехал из Петербурга 21 мая 1899г. и 25 мая по железной дороге добрался до Златоуста. Затем он посетил Кусинский и Саткинский заводы, а также заводы в Симе, Белорецке, Верхнем Авзяно-Петровске, Каге. Позже отправился на Средний Урал и побывал в Екатеринбурге, Верх-Исетском, Нижнетагильском и других заводах Среднего Урала, а также на горах Магнитной, Благодать и Высокой.

Д.И. Менделеев с двумя другими помощниками выехал из Москвы 14 июня водным путем. Исследователи добрались на пароходе до Нижнего Новгорода, затем пересели на поезд и трое суток ехали до Перми.

На Среднем Урале они посетили гору Благодать, заводы в Кизеле, Кушве, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге, Уфалее, Кыштыме, Касли, Верхнем Уфалее и Катав-Ивановске. Д.И. Менделеев также побывал в Тюмени и Тобольске, а К. Н. Егоров – на Екибазтусских каменноугольных копях.

На Южноуральских заводах Д.И. Менделеев побывать не смог. После посещения Кыштыма у него открылось горловое кровотечение, которое не прекращалось в течение недели, и 22 июля 1899г. он был вынужден уехать домой в Клин. Его помощники продолжили исследование промышленного производства на Урале.

Итогом летней поездки 1899г. явился капитальный труд «Уральская железная промышленность». Объем этой книги, изданной в 1900г., составил 1 000 печатных страниц. В 1949г она была переиздана и вошла в 12-ый том Собрания сочинений Д.И. Менделеева.

Особый интерес для историков и этнографов представляет Часть первая, которая имеет заголовок «**Личные и фотографические впечатления Уральской поездки в июне, июле и августе 1899г.**». Эта часть книги состоит из восемнадцати глав, написанных разными авторами.

Д. И. Менделееву принадлежит авторство 1-ой, 2-ой, 16-ой, 17-ой и 18-ой главы. 11-ая, 12-ая, 13-ая, 14-ая и 15-ая главы написаны профессором П.А. Земятчинским. Главы 3, 5 и 7 подготовлены для публикации С. П. Вуколовым, главы 4, 6, 9, 10- К. Н. Егоровым. Глава 8-ая написана им же, но в соавторстве с С.П. Вуколовым.

«**Личные и фотографические впечатления об Уральской поездке**» содержат много ценной информации о народах, населявших Урал: пермяках, вогулах, башкирах, казахах, татарах и др.

Некоторые сведения имеют сенсационный характер. К примеру, авторы сообщают о том, что в деревне Абзаково, помимо башкир, проживали **казахи** (до революции их называли «киргизами»). Именно они занимались обжигом руды, добываемой на горе Магнитной.

Профессор П.А. Земятчинский, проехавший путь от Миасса к Верхнеуральску, дает описание деревень Уксуново, Сюдюково, Рисаево, в которых проживали **башкиры** и **тептяри**. «Эти две народности во многом сходны между собою, - отмечает П. А. Земятчинский, - и непривычный глаз даже не отличит их друг от друга.

С.П. Вуколов, посетивший ряд заводов, расположенных вдоль реки Вишеры, пишет о **вогулах**. «В старину на Вишере было много вогулов, занимавшихся охотой и рыбной ловлей, но большая часть из них выселилась на восточный склон Урала еще в прошлом столетии, так как появление русских в крае и проведение дорог сильно распугало дичь». [Менделеев, 1949, 375]

Население Среднего Урала имело специфическое транспортное водное средство. «Вишерские лодочки, - отмечает С.П. Вуколов, - длинные и узкие, выдалбливаются из осины. В них не сидят, а полулежат на спине, для этого на дно кладется сено, которое покрывается брезентом». Гребцы пользуются коротким и широким веслом и длинным шестом. При спуске лодки вниз по течению гребец работает веслом, а при подъеме верх по течению – действуют длинным шестом и стоя. [Менделеев, 1949, 383]

На одной из страниц книги помещен фотоснимок церкви, построенной в 1730г. на вершине горы Благодать. К церкви ведет красивая ажурная лестница с несколькими площадками для отдыха. Эта часовня была построена в память о вогуле Чумине, сожженном своими соплеменниками на этом месте за то, что он показал русским залежи магнитной руды.

Д.И. Менделеев, посетивший вместе с С.П. Вуколовым и К.Н. Егоровым завод в Кизеле и ближайшие к нему каменноугольные копи, обратил внимание на стоящую неподалеку мусульманскую мечеть.

Сведения, приведенные участниками поездки, говорят о том, что не везде население Урала бедствовало. К.Н. Егоров, ехавший из Перми на Юго-Камский завод, обратил внимание на зажиточность домов. «Селения, встречавшиеся на пути, обращали на себя внимание своим благосостоянием: хорошо построенные дома, с тесовыми крышами, часто двухэтажные с мезонинами, иногда с садиками, огороженные поля, значительное количество леса - все производило впечатление достатка» [Менделеев, 1949, 274-275].

В своих поездках по Уральским заводам химики-технологи пользовались фотокамерами. Книга иллюстрирована огромным количеством черно-белых фотоснимков, часть из которых была предоставлена местными уральскими инженерами. Так, на с. 343 запечатлена башкирская семья из четырех человек, проживавшая в деревне Кулебяково Златоустовского уезда. Семья сфотографирована внутри собственного дома, интерьер которой говорит о несомненной зажиточности этой семьи.

В главе, написанной П. А. Земятчинским, есть описание Миасса. «Миасский городок производит впечатление хорошего, бойкого городка. Постоянное его население достигает до 10 тысяч, между которыми находится довольно много башкир. Кроме обычных для провинциальных городов деревянных домиков, здесь довольно много видных красивых построек... На домах то и дело виднеются вывески: портной, сапожник, часовых дел мастер, колбасная, булочная, «номера» и проч. По всему видно, что не так уж справедливо мнение на Урале, что «золото разоряет», кое-что идет и на пользу». [Менделеев, 1949, 447]

При посещении Златоустовского завода петербургский профессор обратил внимание на живописное место загородных гуляний. Оно возникло в связи с пребыванием в Златоусте иностранных мастеров из немецкого города Золингена. Немецкие специалисты налаживали на Златоустовском заводе производство холодного оружия. «В числе разных льгот мастера из Золингена получили разрешение устроить себе место отдыха, вроде загородного гуляния, с рестораном, кеглями, пивом и прочее. С тех пор и поныне Златоуст в праздничные дни является сюда на гулянье. Лес тут расчищен, поставлены столики и скамейки, и во всем устройстве и до сих пор остается что-то немецкое во внешности». [Менделеев, 1949, 341]

Скрупулезность Д.И. Менделеева в сборе сведений проявилась и в том, что он предоставил полную информацию, касающуюся количества земель, населения и лесов в Уфимском, Бирском, Мензелинском, Стерлитамакском, Белебеевском и Златоустовском уездах Уфимской губернии. В примечаниях к данной Ведомости выдающийся русский

ученый перечисляет фамилии наиболее крупных землевладельцев. В Уфимском уезде к ним принадлежали В.П. Базилевский, Ф.И. Чижов, А. и Д. Д. Дашковы, Н.и. И.П. Балашовы, князь К.Е. Белосельский-Белозерский. В Бирском уезде крупным землевладельцем был А.Ф. Павлов, в Стерлитамском – В.А. Пашков, в Златоустовском – княгиня Н.Д. Белосельская- Белозерская. [Менделеев, 1949, 143]

Книга содержит много сведений топонимического характера. В частности, в ней, сообщается, что башкирская деревня Серменево имела второе название Кучушва (Кушык – от редколлегии), что Златоуст первоначально назывался Косотуром. Из книги мы узнаем, что топоним Кук-Таш, часто встречаемый в башкирской речи, существовал и у казахов. Словосочетание Кук-Таш («синий камень») казахи употребляли по отношению к медной руде за присущий ей синий цвет.

Поражает объем работы, проделанной гением русской науки за столь короткий промежуток времени. На склоне своей жизни Д.И. Менделеев отдал Уралу много сил. Уральская поездка произвела столь сильное впечатление на него, что он включил в отчет следующие слова: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом».

Литература:

Менделеев Д.И.. Уральская железная промышленность. Часть первая. Личные и фотографические впечатления Уральской поездки в июне, июле и августе 1899г. // Д.И. Менделеев. Сочинения. Том XII. М.-Л., 1949. С. 89-1086.

Эшматова Г. Б., г. Горно-Алтайск

ЛЕГИТИМНОСТЬ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Одним из важных факторов оптимизации этнополитических процессов является местное самоуправление. Данная статья посвящена вопросу, как институты местного самоуправления воспринимаются в молодежной среде. Анализ проблемы опирается на результаты социологических исследований, проведенных автором в Республике Алтай в 2002-2004 гг.

Предмет анализа составлял широкий круг вопросов (в частности, оценки и представления о развитии системы местного самоуправления, степени участия молодого населения в работе органов местного самоуправления).

Исследование имело сравнительный характер и проводилось по единой методике. Эмпирическая база исследования – молодежь до 29 лет.

Сделана попытка установить влияние социально-демографических характеристик на ответы опрошенных, что позволило сделать определенные выводы.

Что показал социологический опрос? Обратимся к конкретному материалу.

На вопрос: «Насколько хорошо Вам известно, что представляет собой система местного самоуправления? В целом по республике, как среди населения в целом, так и среди молодежи за исследуемый период заметных изменений в ответах не произошло. Разница в ответах между всем населением и молодежью до 29 лет незначительная (см. табл. 1).

Таблица 1

Насколько хорошо Вам известно, что представляет собой система местного самоуправления?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2002 г.		2003 г.		2004 г.	
	В целом население	Молодежь до 29 лет	В целом население	Молодежь до 29 лет	В целом население	Молодежь до 29 лет
Хорошо известно	23,5	22,5	19,7	20,6	36,1	31
Мало что известно	57,6	61,3	67,6	63,2	44,5	65
Ничего не известно	18,4	14,5	12,4	14,7	18,8	18
Нет ответа	0,5	1,7	0,3	1,5	0,6	

Как видно из таблицы, лишь третья часть опрошенных дали ответ – хорошо известно, более половины – мало что известно, до 18,8% - ничего не известно и до 0,6% не дали ответа.

Если сравнивать, как ответила городская и сельская молодежь, то в городе процент незнающих о местном самоуправлении значительно выше, чем у сельчан. Видимо, это связано с тем, что в селе местные органы власти более тесно связаны с населением, разрешая разные повседневные проблемы. Изменения в сознании молодежи по отношению к идее местного самоуправления наглядно свидетельствуют ответы на вопрос: «Поддерживаете ли Вы идею местного самоуправления?» (см. табл.2).

Таблица 2

Поддерживаете ли Вы идею местного самоуправления?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Да	35,8	50	45,3
Нет	57,1	49,3	40,6
Нет ответа	7,1	0,7	14,1

Число положительных ответов значительно возросло в пользу поддержки идеи местного самоуправления, самый пик пришелся на 2003 г. (50%). Возможно, это связано с тем, что в этом году был принят Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и повышение информационного фона вызвало положительные надежды не только у молодых людей, но и в целом у населения.

Следует отметить, что на ответы респондентов влияет социальный статус и уровень образования. Среди работающей молодежи значимость данных вопросов выше, чем у безработной. Доля ответов выше и у тех, кто имеет высшее и среднее специальное образование, чем среди лиц со средним общим (в том числе ПТУ и СПТУ со средним образованием) и неполным средним образованием.

Идея местного самоуправления не встречает массовой поддержки не только у молодых, но и населения республики в целом, возможно, это связано с тем, что органы местного самоуправления не имеют достаточно возможностей для эффективного воздействия на многие сферы общественной жизни. Так, по мнению молодых людей, органы местного самоуправления имеют возможность и самостоятельность в решении вопросов отдыха и культуры 51,6%, охраны окружающей среды 43,1%, занятости и трудоустройства 40,3%, в борьбе с преступностью 33,3%. В тоже время их деятельность малоэффективна в жилищной сфере 39,7%, развитии экономики 38%, в социальном обеспечении 32,3%. Необходимо отметить высокий процент затруднившихся ответить. Данное объяснение видится в том, что молодежь в теории и на практике мало соприкасается с органами власти и недостаточно вовлечена в социально-политические процессы. Законодательная база местного самоуправления в стране постоянно изменяется и дополняется, нет ясного представления о данном явлении. На уровне региона этот закон фактически не работает. Отсутствует четко проработанная, финансово-экономически обеспеченная молодежная политика. В настоящее время она имеет больше характер развлекательного свойства. Не проводится политического воспитания среди молодых. Молодежь характеризуется своей аполитичностью, низким уровнем политической культуры. Все это подтверждается ответами на вопрос: «Хотели бы Вы участвовать в работе органов местного самоуправления?» (см. табл.3).

Таблица 3

Хотели бы Вы участвовать в работе органов самоуправления?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2002 г.		2003 г.		2004 г.	
	В целом население	Молодежь до 29 лет	В целом население	Молодежь до 29 лет	В целом население	Молодежь до 29 лет
Да	20,7	28,3	24,6	40,4	15,8	24,2
Нет	64,7	51,7	68,1	46,3	72,0	62,9
Затрудняюсь ответить	14,6	20	7,3	13,3	12,2	12,9

Тому, насколько знает молодежь о существовании каких-либо органов самоуправления в их местности, был посвящен следующий вопрос. Где нужно было из перечисленных общественных организаций, объединений указать то, что имеется в их местности.

Наибольшее число упоминаний приходится на уличные комитеты, совет общественного самоуправления, Союз ветеранов Афганистана, Экологический фонд, женский совет (от 10% до 38%). Менее известны национальные общественные организации и объединения Ассоциация северных этносов Алтая, «Торгоо зайсанов Алтая», «Эне-Тил» (от 1% до 5%). Более четверти опрошенных молодых респондентов не дали ответа. Особенно различаются ответы среди городских и сельских жителей. Дело в том, что в городе общественная активность населения выше и число зарегистрированных и действующих организаций

больше, чем в сельской местности. Да и источников информации о деятельности органов самоуправления меньше: в районах за последние годы резко сократилось число радиотрансляционных точек, не везде работает местное телевидение, нет возможности выписывать и приобретать местные газеты. Мало проинформированы не только молодые, но в целом население республики.

Нужно отметить, что в ответах не проявилось ярких различий в ориентации в зависимости от пола, национальности опрошиваемых. Разве что о существовании национальных объединений и обществ русские осведомлены в меньшей мере, чем алтайцы.

В целом, результаты наших исследований молодежи позволяют заключить следующее: среди молодых отсутствует полное понимание и осознание идеи местного самоуправления. Даже когда говорят о самоуправлении, оно по сути дела таковым не является, так как этим термином условно обозначается реально существующая власть на местах. Для молодых характерна низкая степень участия в работе органов местного самоуправления. Настоятельной необходимостью является формирование системы воспитания молодежи.

Сегодня пришло понимание того, что нужны не только новые формы и подходы к работе с молодежью, но и насущной потребности возрождения некоторых методов и направлений работы, неоправданно отвергнутых в первые годы реформ, а это формирование социальной активности, возрождение интеллектуального, духовного, творческого потенциала, создание условий для раскрытия творческих способностей.

Якутов Р.И., г. Уфа

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИР: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

Изучение этнической истории и культуры башкир за последние 50 лет существенно продвинулось вперед. Но многие вопросы, сформулированные еще ранними исследователями этнографии башкирского народа, не раскрыты, малоизучены или по-прежнему дискуссионны. Вероятно, какие-то из них останутся в ряду нерешенных. В историографии случается и такое. Но для современности это особенно вероятно, потому что индустриальная эпоха колоссальным образом преобразует общество, на порядки отдаляя исследователя от традиционности и от информации о ней, так как и сама этническая культура преобразуется глобальными темпами.

Поэтому для исследователей этногенеза и ранних этапов истории и культуры башкирского народа вопрос об источниках для исследований на современном этапе становится более чем актуальным. Следует поэтому рассмотреть, как изменяется источниковая база в связи с указанными переменами в жизни общества и в том числе в связи с развитием методологической и теоретической базы и технологических возможностей самой науки. Отправной точкой анализа определим конец 1950-х годов, когда увидели свет труды по этнографии башкир С.И.Руденко и Р.Г.Кузеева, основанные исключительно на научной методологии. Кроме этого, в исследованиях названных авторов, особенно Р.Г.Кузеева, был представлен подробный анализ источников

для изучения этнографии башкир. Дополнением к анализу стали библиографические указатели и подборки, представленные в их трудах.

Отталкиваясь от этого материала, попытаемся дать типологию имеющихся источников для изучения этногенеза и этнической истории башкирского народа.

Первый тип – письменные нарративы средневековья. Это иностранные источники: историко-географические и политологические сочинения арабских, персидских, китайских, европейских и собственно российских авторов. Перечисление их заняло бы несколько страниц, поэтому здесь позволено сделать отсылку к работам российских востоковедов рубежа XIX-XX вв. Аннинского, Бартольда, Заходера, Эрдели, Хвольсона, в которых названный тип источников рассматривается критически на предмет достоверности и качества.

Второй тип источников составят также нарративы, но уже нового времени. Они несколько иного качества. В основном это труды европейцев, основанные на ранних научно-этнографических методах и ставшие результатом непосредственного наблюдения авторов за объектом исследований. Это описания путешествий действительных членов Санкт-Петербургской (позднее – Российской) академии наук и членов их экспедиций, а также ранних краеведов Южного Урала. Их имена широко известны, а труды также широко используются практически во всех историко-этнографических работах современности. Другой особенностью этого типа источников следует считать и то, что некоторые исследователи оставляют их все еще в разряде историографии. Мы же выделяем названные описания в отдельный тип первоисточников именно в силу их аутентичности. С другой стороны, они существенно отличаются от первого типа источников и по методическим критериям, и по формату, и по языку передачи информации, и по времени создания. Нелишне сказать, что и объект описания в первых двух типах источников отражен разный. То есть они застают по всем характеристикам разное состояние этноса башкир.

Названные два типа источников не исчерпывают письменной нарративной традиции. Третий тип – это опыт историографической рефлексии самого объекта – этноса башкир. Речь о родословиях – шежере. Это редкий и уникальный тип этногенетических и историко-этнографических источников. Их наличием и подобным информационным богатством может «похвастать» не каждый народ. О возможностях шежере для историко-этнографических описаний достаточно сказано в работах Р.Г.Кузеева, Р.М.Булгакова и др. Важно знать, правда, что до настоящего времени эти возможности реализованы далеко не в полном объеме. Собственно говоря, и критический рабор этого типа источников еще не завершен.

Следующий тип источников близок к предыдущему, но уже тяготеет к визуальным источникам – это башкирские тамги. Исследователи неоднозначно воспринимают тамги в качестве первоисточников. Скептики не видят широких возможностей их применения в этнографии и историологии. На особом значении этого типа для этногенетических изысканий настаивал Р.Г.Кузеев. Сам он собрал

богате́йшую коллекцию башкирских тамг, однако план их изучения и использования так и не был реализован. Можно поэтому утверждать, что тамги в качестве первоисточников в современных исследованиях практически еще не использовались, разве что как вспомогательный материал.

Пятый тип источников – также нарративный, но по содержанию фольклорный. Речь идет о записанных и опубликованных в разное время образцах - эпических произведениях, легендах, сказаниях, сказках, поговорках. Мы выделяем в особый тип ту часть названных образцов фольклора, которая уже подвергнута критическому разбору, имеет “легенды” происхождения и опубликованы. Это существенно облегчает их использование в исследованиях и собственно поэтому и является основанием для выделения в особый тип. Большая часть этих источников издана в серии Башкирское народное творчество и других отдельных изданиях и сериях.

Шестой тип нарративов образовался сравнительно недавно. В условиях означенной выше проблемы стремительной глобализации можно говорить о том, что материалы этнографических экспедиций XX века, особенно 1950-1970-х гг., становятся первоисточниками. Мы говорим об опубликованных этнографических описаниях различных сфер культуры башкир, сделанных в прошлом столетии. Они ничуть не более субъективны, чем все вышеозначенные типы нарративов средневековья или нового времени, и в этом смысле не отличаются от них. Следовательно, они могут быть признаны в качестве источников, и уже можно использовать их именно как источники и соответственно применять по отношению к ним принципиально иную форму критики – источниковедческую. Возможно, такой методологический поворот позволит увидеть в этих материалах как ранее незамеченные аспекты, так и достоинства и недостатки.

Седьмой тип источников – тоже нарратив, но по форме иной; это неопубликованные материалы тех же экспедиций XX века. Его (тип) можно и нужно подразделить на подтипы (или виды) по гуманитарной специализации: историко-краеведческие материалы, собственно этнографические, фольклорные, лингвистические. Эти материалы составляют почти нетронутый пласт источников, отложившихся в архивах научных учреждений (отделов, институтов, библиотек, центров и филиалов), часто в личных коллекциях и хранилищах. Например, этнографические и фольклорно-лингвистические материалы отложились в научном Архиве УНЦ, именных и иных фондах ЦГИА РБ. Этот тип источников объединяет еще одно свойство: они, хотя и не опубликованы, но все содержатся в систематизированном виде. Поэтому их поиск и работа с ними не столь затруднительны.

Восьмой тип источников – архивные письменные источники, но особого формата. Это массив еще не выявленных и не введенных в научный оборот документальных и нарративных материалов. Он требует специфического исследовательского подхода и развития особого направления исследований – архивно-этнографической эвристики. Надо сказать, что для современной этнографии это направление актуально как никогда ранее, так как реальное пространство полевых этнографических, фольклорных исследований

сужается, если не сказать - почти исчезло. Наши изыскания в этом направлении решительно подтверждают данную точку зрения.

Девятый тип источников — опубликованные археологические источники. Мы проявляем осторожность в выделении данной категории. Например, здесь не видится перспектив приравнивания к источникам опубликованных аналитических материалов, как это делалось выше применительно к этнографии. Причины понятны, в этнографии мы имеем дело все же с описаниями, то есть результатом визуальных наблюдений за носителями культуры, а археологические работы не фиксируют и не описывают явления, а трактуют бессловесные артефакты, причем зачастую достаточно неоднозначно и гипотетично. Точно так же невозможно выделить в отдельный тип археологические материалы, не введенные в научный оборот (т.е. неопубликованные). Причин достаточно. Во-первых, методами работы с ними владеет ограниченное число специалистов (в основном только сами археологи), во-вторых, в большинстве случаев хранение таких материалов оставляет желать лучшего. Исключение составляют коллекции солидных музеев. Поэтому в качестве первоисточников возможно принять только опубликованные (обнародованные) в виде отчетов и публикаций археологические материалы.

Что касается качественной (информационной) стороны вопроса о значении археологических источников для реконструкции этногенеза и этнической истории, надо сказать, что, как и в середине прошлого века, остается злободневной спорность объединения понятий археологическая и этническая культура. Здесь особые надежды следует возлагать на все еще слабо развивающееся направление археологии средневековья и нового времени. Артефакты этих эпох легче идентифицируются с этнологической точки зрения, даже на микроэтническом уровне.

Девятый тип источников, которые обрели свой особый статус в XX столетии — визуальные источники, прежде всего фотодокументы. Они, в отличие от письменных источников, представляют более широкое поле для исследователя к интерпретации культурных явлений. Однако принципы работы с фотографиями в современном источниковедении практически не разработаны. Огромный массив фотоматериалов, образовавшийся в продолжении столетия, будет все интенсивнее использоваться в исследованиях. Однако надо выразить и большой скепсис по отношению к этому массиву. Практика показывает, что редкие коллекции даже профессиональных исследователей или фотохудожников, корреспондентов и наблюдателей снабжены соответствующими аннотациями — «легендами», без которых информация на снимках практически теряет всякую ценность.

Сказанное в полной мере касается десятого типа источников — этнографических коллекций музеев. В те же 1950-1980-е годы и позднее собирательская работа музеев велась очень активно. В Башкортостане особенно. Собранные материалы сохранились как в местных музеях, так и в большом количестве отправлялись в музеи Москвы и Санкт-Петербурга. Результатом этой работы стало создание в Уфе первого академического Музея археологии и этнографии (ныне в структуре Института этнологических исследований УНЦ РАН). В последнее

время к собранным в 1950—1980-е годы коллекциям стали активно обращаться исследователи, и обнаружилось, что многие из них и отдельные предметы не описаны, их исходные данные утрачены, что делает сами эти коллекции бесполезными для научного анализа.

Одиннадцатый тип источников — также визуальный, но иного качества, чем предыдущие. Это видеозаписи. Они могут быть нескольких видов: бытовые, случайные, хроникально-документальные, избирательно-документальные, художественно-документальные, художественные. Для этого типа источников критерии использования вовсе не разработаны. Даже развитие такого самостоятельного направления современных исследований, как визуальная антропология, не помогает пока акцентировать внимание на источниковедческой критике.

Двенадцатый тип источников — периодическая печать, также достаточно новый. Критерии использования этого типа источников достаточно разработаны, однако время диктует новые условия, которые необходимо учитывать. Так, способы добычи информации и способы ее трансляции, скажем, в советскую эпоху и в современности существенно различаются. В первом случае требуется всегда иметь в виду идеологический фон, довлеющий над источником и его автором, во втором — довлеет уже финансовая или иная конъюнктура. В обоих случаях это влияет на качество сведений, содержащихся в источнике.

К этому типу примыкает тринадцатый — художественная литература всех жанров. Надо сказать, что возможности литературы в качестве этнографического первоисточника до сих пор почти не использовались. Но они значительны. Особого внимания заслуживает литература в жанре воспоминаний. Хотя и это не главное. Можно было бы обратить внимание на тот факт, что автор произведения всегда носитель культуры и его мировосприятие уже дает информацию этнологического свойства. Не говоря уже о случаях, когда этноисторические сюжеты являются объектом творчества авторов.

Таков беглый структурно-типологический анализ источников для изучения этногенеза и этнической истории башкир, необходимый для полноты исследований в этой сфере. Не следует думать, что этот круг раз и навсегда очерчен, равно как считать представленную типологию единственно возможной. Она лишь инструментальная необходимость, не более. Необходимость в том смысле, что за типологией должен следовать системный поиск критериев использования каждого типа и пополнение номенклатуры источников каждого типа, то есть поиск самих источников.

Что касается дальнейшего поиска, факты говорят о том, что архивы Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока, Северной Африки, Европы сегодня могут хранить даже источники первого типа, ранее не известные широкому кругу читателей. В особенности это касается библиотек религиозных учреждений и учебных заведений. Многие редкие материалы во второй половине XX века потенциально могли попасть в частные коллекции и архивохранилища США и Канады.

Для записей

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдрахманов Р.Р., г. Уфа, научный работник Национального литературного музея
- Абдулгазина Г.В., г. Уфа, аспирант отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Абсалямова Ю.А., г. Уфа, к.и.н., м.н.с. отдела этнографии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Ахмадиева Н.В., г. Уфа, к.и.н., с.н.с. отдела новейшей истории РБ ИИЯЛ УНЦ РАН
- Басырова С.Г., г. Стерлитамак, к.и.н., доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой
- Белевцова В.О., г. Самара, аспирант Поволжской Социально-Гуманитарной Академии
- Белинская К.Ы. аспирантка Новосибирского государственного университета
- Буляков И.И. , г. Уфа, аспирант кафедры историографии и источниковедения БашГУ
- Булэкова Ф.М., Сибай к., к.ф.н., доцент, зав. кафедрой башкирской филологии Сибайского института (филиал) БашГУ, г. Сибай
- Гарипова Ф.Х., г. Уфа, к.ф.н., зав. отделом социолингвистики ИГИ АН РБ
- Гарустович Г.Н., г. Уфа, к.ф.н., с.н.с. отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Гафарова Л.М., г. Уфа, учителя башкирского языка сош п. Чернолесовский муниципального района Уфимский район Республики Башкортостан
- Гвоздикова И.М., г. Уфа, к.и.н., гл.н.с. отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Гниятуллина Г.Г., г. Уфа, м.н.с. отдела новейшей истории ИИЯЛ УНЦ РАН
- Гришкина М.В., г. Ижевск, д.и.н., профессор, в.н.с. отдела историч. исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
- Давлетшина З.М., г.Уфа, к.и.н., с.н.с. отдела этнографии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Зинуров Р.Н., г.Уфа, д.юр.н., профессор, заместитель председателя Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан.
- Иванчина О.А., г. Самара, аспирант Поволжской Социально-Гуманитарной Академии
- Изелбаев М.Х., г. Уфа, д.ф.н., профессор кафедры башкирской литературы до 1917 г. БашГУ
- Илимбетова А.Ф., г. Уфа, к.и.н., н.с. отдела этнографии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Имамбаев Р.Р., г. Сибай, студент Сибайского института (филиал) БашГУ

- Исламов Р.Р., г. Уфа, к.пед.н., ст. препод. Баш. гос. пед. университета им. М.Акмуллы.
- Исмагилов Р.Б., г. Уфа, к.и.н., с.н.с. отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Исянгулов Ш.Н., г. Уфа, к.и.н., с.н.с. отдела новейшей истории ИИЯЛ УНЦ РАН
- Казанчиев А.Д., г. Уфа, к.и.н., с.н.с. отдела новейшей истории ИИЯЛ УНЦ РАН
- Казманов Н.К. Казахстан, г.Актобе, магистр истории, ст. препод. Казахско-Русский международ. ун-тета
- Каримова Л.Н., г. Уфа, к.пед.н., ст.препод. БГПУ им. М.Акмуллы
- Карцев П.П., г Якутск, н.с.НИИ и Музей антропологии МГУ имени Ломоносова
- Киденко О.А., г. Стерлитамак, аспирант (заочник) БГПУ им. М.Акмуллы
- Киньябузова А.С., г. Уфа, аспирант кафедры этики, эстетики и культурологии БашГУ
- Киньягулова З.И., г.Сибай, соискатель кафедры этномызыковедения УГАИ им. З. Исмагилова
- Кичекова Б.Ю., г. Горно-Алтайск, м.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Кляшев А.Н., г. Уфа, м.н.с. отдела религиоведения Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН
- Колчина Л.П. г. Ижевск, к.псих.наук, доцент кафедры психологии и специального образования ИПК и ПРО УР, профессор Международной Славянской Академии
- Крайнов Г.Н. г. Бирск, д.и.н., профессор зав. кафедрой Отечественной истории БирГСПА
- Кульшарипов М.М., г. Уфа, д.и.н., профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой истории РБ и этнологии Башгосуниверситета
- Кыргызбаева Ж.Ж., г. Бишкек, аспирант Бишкекского гуманитарного университета
- Левина И.Р., г. Уфа, к.пед.наук, доцент Баш. гос. пед. университета им. М.Акмуллы
- Майоров А. П., г. Уфа, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков БГМУ; Майорова О. А., г. Уфа, преподаватель английского языка кафедры инос. языков БГМУ
- Макаева Г.З., г. Стерлитамак, к.филос.н., ст. препод. филиала Уфимского гос. нефтяного тех. ун-тета в г. Стерлитамаке
- Маннапов М.М., г. Уфа, к.и.н., м.н.с. отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Маркова Е.А., г. Горно-Алтайск, м.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Масалимов Р.Н., г. Бирск, к.и.н., доцент Бирской гос. социально-

- педагогической академии
- Мигранова Э.В. г. Уфа, к.и.н., ст.н.с. отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Мижит Л.С., г. Кизил, к.ф.н., зав. сектором литературы Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве РТ
- Морозов Ю.А., г. Уфа, к.и.н., гл.н.с. отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Мурзабулатов М.В., г. Уфа, к.и.н., доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы
- Мәсәлимов Р.Н., г. Бирск, к.и.н., доцент Бирской государственной социально-педагогической академии
- Назарова Г.Г., г. Кумертау, учитель башкирского языка и литературы МОУ гимназия №1 ГО г. Кумертау
- Никонова Л.И., г. Саранск, д.и.н., профессор, зав. отделом археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
- Овсянников В.В., г. Уфа, к.и.н., с.н.с. отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Очир-Гаряев В.Э., г. Элиста, к.ф.н., доцент кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета
- Пислегин Н.В., г. Ижевск, к.и.н., зав. кафедрой гуманитарных дисциплин; научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы (УИИЯЛ) УрО РАН
- Псянчин А.В., г. Уфа, д.геогр.н., проф. Уфимский научный центр РАН,
- Романова М.Н. г. Саранск, магистр Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва
- Савка В.П., г. Саранск, аспирант отдела археологии и этнографии, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
- Сальманов А.С., г. Уфа, м.н.с. отдела этнографии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Сальманова А.А., г. Уфа, преподаватель кафедры хорового дирижирования Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова
- Сальманова Л.К., г. Уфа, м.н.с. отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Самушкина Е. В., г. Новосибирск, к.и.н., н.с. Институт археологии и этнографии СО РАН
- Ситдикова Г.Р., г. Уфа, председатель Общества башкирских женщин

- Стовба В.И., г. Бирск, ст. преподаватель кафедры педагогики и методики начального образования Бирской государственной социально-педагогической академии;
- Стовба А.В., г. Бирск, ассистент кафедры философии и социально-экономических наук
- Сулейманов Ф.М., г. Сибай, к.и.н., доцент, с.н.с. Института региональных исследований Академии наук РБ (г.Сибай).
- Сулейманова Р.Н., г. Уфа, к.и.н., зав. отделом новейшей истории РБ ИИЯЛ УНЦ РАН
- Султангареева Р.А., г. Кумертау, учитель башкирского языка и литературы сош №14» города Кумертау Республики Башкортостан
- Торокова Е.С., г. Уфа, к.ф.н., Институт этнологических исследований УНЦ РАН,
- Утягулов М.М., г. Уфа, к.и.н., доцент кафедры истории факультета философии и социологии БашГУ
- Ушницкий В.В., г. Якутск, к.и.н., н.с. сектора этнографии ИГИиПМНС СО РАН
- Фадеева М. М., г. Саранск, м.н.с. научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии
- Фархшатов М. Н., г. Уфа, к.и.н., с.н.с. ИИЯЛ УНЦ РАН
- Хайруллина Р.Х., г. Уфа, д.ф.н., проректор Башкирского государственного педагогического университета М. Акмуллы
- Хусаинов С.М., г. Уфа, н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Шарипова Р.К., г. Кумертау, учитель башкирского языка, зам. директора по УВР СОШ № 8 г. Кумертау РБ
- Щанкина Л.Н., г. Москва, к.и.н., докторант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
- Чайко Е. А., г. Челябинск, зав. музеем этнографии Челябинского госуниверситета
- Шакурова Ф.А., г. Уфа, к.и.н., доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимский филиал Московского Государственного Гуманитарного Университета имени М.А.Шолохова
- Эшматова Г. Б., г. Горно-Алтайск, к.полит.н., с.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Якупов Р.И., г. Уфа, д.и.н. ИИЯЛ УНЦ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Президента Республики Башкортостан М. Рахимова <i>Абдрахманов Р.Р.</i>	3
Участие женотделов Башкирии в защите детей в 1919-1923 гг..... <i>Абдулгазинова Г.В.</i>	4
Личные имена башкир Челябинской области Аргаяшского района по материалам ревизских сказок 1834, 1859 гг..... <i>Абсалямова Ю.А.</i>	6
К истории башкирских населенных пунктов западного Оренбуржья..... <i>Ахатов А.Т.</i>	8
Скотоводческое хозяйство башкир миасско-уйского междуречья во второй половине XVIII в..... <i>Ахмадиева Н.В.</i>	12
Трудовой подвиг башкирского крестьянства в годы Великой Отечественной войны..... <i>Ахметжанова Н.В., Ялалитдинова Р.К.</i>	15
Деятели культуры и искусства Башкортостана в годы Великой Отечественной войны..... <i>Басырова С.Г., г. Стерлитамак</i>	18
Педагогические кадры начальных школ министерства народного просвещения на Южном Урале в первой половине XIX в..... <i>Белевцова В.О.</i>	22
Трансформационные процессы в традиционной восточномарийской свадебной обрядности..... <i>Белинская К.Ы.</i>	24
Женская субкультура древних тюрок Саяно-алтая..... <i>Буляков И.И.</i>	27
Истоки формирования вотчинного права башкир..... <i>Булакова Ф.М.</i>	30
Йәмғиәт. Уҡытыусы. Өҙөбиәт..... <i>Гарипова Ф.Х.</i>	32
Некоторые проблемы развития языков Урало-алтайского региона <i>Гарустович Г.Н.</i>	36
Распространение ислама на Южном Урале (историографический аспект проблемы)..... <i>Гафарова Л.М.</i>	39
Особенности народного орнамента на коврах и паласах мастериц Уфимского района РБ..... <i>Гвоздиков И.М.</i>	45
Военное губернаторство В.А. Перовского и башкиры..... <i>Гниятуллина Г.Г.</i>	47
Из истории ЗАГСа в Башкирии в 1920-х гг..... <i>Гришкина М.В.</i>	50
Дети и детство в культуре удмуртов XIX века..... <i>Ғәбизуллина З.К.</i>	53
Башкорт дәүләт телен һәм туған телдәрҙе өйрәнәүҙә уҡытыусының роле..... <i>Давлетшина З.М., г.Уфа</i>	59
Традиции и новации в изготовлении войлока у башкир.....	62

<i>Зайтунова Г.А.</i>	
Роль педагога в развитии общества.....	67
<i>Зинуров Р.Н., г.Уфа</i>	
Об этносоциальной и экономической характеристике евроазиатского (XIV-XV вв.) и североамериканского (XVIII-XIX вв.) номадизма.....	68
<i>Зинуров Р.Н.</i>	
Федеративные отношения – опыт прошлого и настоящее.....	71
<i>Иванчина О.А.</i>	
Женщина в структуре семейных отношений чувашей (по материалам полевых исследований 2009 г.).....	77
<i>Изелбаев М.Х.</i>	
Кобагош менән Акмырза әйтешендә әхлаки киммәттәр һәм ил язмышы сағылышы.....	79
<i>Илимбетова А.Ф.</i> Орел в фольклоре, обычаях и поверьях башкир....	87
<i>Имамбаев Р.Р. А.</i> Валиди о проблемах демократии и социализма....	85
<i>Исламов Р.Р.</i> Башкирская вокальная музыкальная культура в подготовке будущего учителя музыки.....	87
<i>Исмагилов Р.Б.</i> О башкирских городах у Идриси.....	91
<i>Исянгулов Ш.Н.</i>	
Военное обучение женщин в осоавиахиме Башкирской АССР в довоенный период (1927–1941 гг.).....	92
<i>Казанчиев А.Д.</i>	
башкирское правительство и правый фланг антибольшевистского лагеря: причины разрыва.....	95
<i>Казманов Н.К.</i> Особенности казахской юрты.....	99
<i>Каримова Л.Н.</i>	
Теоретические основы формирования гуманистических ориентиров у учащихся детской музыкальной школы.....	103
<i>Карцев П.П.</i>	
Время и обстоятельства переселения саха (якутов) на среднюю Лену.....	107
<i>Киденко О.А.</i>	
Государственная политика в создании условий для адаптации демобилизованных воинов.....	109
<i>Киньябузова А.С.</i>	
Идеи Ризы Фахретдинова в контексте современного развития Республики Башкортостан.....	111
<i>Киньягулова З.И.</i> Музыкальный фольклор как средство развития творческих способностей музыкантов на разных этапах профессионального становления.....	114
<i>Кичекова Б.Ю.</i>	
Яьламаш (раковина каури) в жизни алтайца.....	115
<i>Кляшев А.Н.</i>	
Социальная деятельность неопротестантских религиозных объединений Башкортостана.....	118
<i>Колчина Л.П.</i>	
История рода предпринимателей мошевитиных в г.Сарапуле.....	120
<i>Крайнов Г.Н.</i>	123

Вклад г. Бирска и Бирского района в победу в Великой Отечественной войне.....	
<i>Красноперов А.А.</i> О функциональном назначении «портупей» из кара-абызских погребений.....	127
<i>Кульшарипов М.М.</i>	
Роль З. Валиди в становлении Российского федерализма.....	131
<i>Кыргызбаева Ж.Ж.,</i>	
Социально-культурная динамика населения урало-алтайского региона и Кыргызской Республики: история и современность.....	135
<i>Латыпова Ф.Ш.</i> Башкорт катын-кызы – эшкыуарлыккта "Һезгә һейһөнөс ебәрәм..."	137
<i>Левина И.Р.</i>	
Инновационная деятельность учителя музыки в многонациональном регионе.....	141
<i>Майоров А. П., Майорова О. А.</i>	
Родной язык в условиях глобализационных процессов в полиэтнической республике.....	144
<i>Макаева Г.З.</i>	
Исламский фактор в формировании башкирской культуры.....	148
<i>Маннапов М.М.</i>	
Архивные материалы по истории ссыльных башкир по фондам национального архива Республики Саха (Якутия).....	
<i>Маркова Е.А.,</i>	
Современная этнополитическая ситуация в Республике Алтай....	155
<i>Масалимов Р.Н.</i>	
Секции тюркской молодёжи комсомола (1918-1928 гг.).....	158
<i>Махмудова Р.В.</i>	
Бирск в годы Великой Отечественной войны.....	161
<i>Мигранова Э.В.</i>	
О фольклорно-этнографической экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН на южный Алтай в 1978 году.....	163
<i>Мижит Л.С.</i>	
Художественные особенности древнетюркских памятников.....	169
<i>Морозов Ю.А.</i>	
Костяные изделия из погребений срубной культуры Южного Урала.....	172
<i>Мурзабулатов М.В.</i>	
Индоевропейские народы Башкортостана.....	176
<i>Мухаметзянова-Дуггал Р. М.</i>	
Политика в сфере свободы совести в Башкортостане на современном этапе.....	179
<i>Мәсәлимов Р.Н.</i>	
Башкорт йәштәре хәрәкәте тарихының башланғыс осоро.....	182
<i>Назарова Г.Г.</i>	
Влияние Кинзи Арсланова как национального героя на своих односельчан.....	184
<i>Никонова Л.И.</i>	
Мордва: этнографические экспедиции и результаты.....	188
<i>Никонорова Е.Е.</i>	191

Истоки аппликативного декора на башкирской обуви: к проблеме взаимодействия степных и таежных культур на Урале и Алтае.....	
<i>Новикова О.И.</i>	
О необходимости изучения политики государства в сфере культуры.....	194
<i>Овсянников В.В.</i>	
Некоторые параллели в развитии искусства лесостепных культур Предуралья и Приобья в эпоху раннего железа.....	195
<i>Очир-Гаряев В.Э.</i>	
Калмыки и башкиры.....	200
<i>Пислегин Н.В.</i>	
Повесть о том, как.....	202
<i>Павлюченко Е.Н.</i> Еврейский праздник ту би-шват в Башкортостане (к проблеме сохранения традиций в многоэтнической среде).....	206
<i>Псянчин А.В.</i>	
Учреждение Оренбургского отдела РГО и проблемы этнографического изучения региона.....	208
<i>Рахимкулов А.А.</i>	
Трудовые подвиги подростков и молодежи БАССР в годы Великой Отечественной войны.....	210
<i>Романова М.Н.</i>	
Традиционное жилище мордвы: типы и архитектурные украшения.....	213
<i>Савка В.П.</i>	
Хозяйственная деятельность и промыслы в повседневной жизни мордвы, проживающей на дальнем востоке.....	215
<i>Саитова З.Р.</i>	
Региональные произведения малой прозаической формы: «миниатюры» С. Шарипова.....	219
<i>Сайфуллина Л.Ф.</i>	
Формулярные списки как источник по изучению национального военного чиновничества башкирии первой половины XIX века.....	222
<i>Сальманов А.С.</i>	
Башкирское родоплеменное объединение табын и его исторические корни.....	224
<i>Сальманова А.А.</i>	
Зарождение хорового пения среди башкир и история развития жанра обработки башкирской народной песни для хора.....	228
<i>Сальманова Л.К.</i>	
К вопросу о подготовке музыкантов оркестра в годы Великой Отечественной войны.....	232
<i>Самушкина Е. В.</i>	
Геральдическое творчество Республики Алтай: проблемы конструирования этнонациональной идентичности (1990 - е гг. XX в.).....	233
<i>Сибгъэтова Р.Ю.</i> Телсе генә түгел, тарихсы ла ул (<i>Касим Закир улы Әхмаров</i>).....	236
<i>Ситдикова Г.Р.</i>	
Нравственные основы башкирской семьи.....	240
<i>Стовба В.И., Стовба А.В.</i>	244

Духовная культура башкирского народа (экологический аспект).....	
<i>Сулейманов Ф.М.</i>	
О тарханах башкирского племени тунгаур.....	247
<i>Сулейманова Р.Н.</i>	
Становление автономии Башкортостана: историческое и общественно-политическое значение.....	252
<i>Сулейманова Р.Н.</i>	
Женотделы Башкирии в 1919–1929 гг.: создание, особенности деятельности.....	254
<i>Султангареева Р.А.</i>	
Роль учителя в развитии современного общества.....	257
<i>Торокова Е.С.</i>	
Обряды перехода в новый дом у башкир и хакасов.....	259
<i>Унгарбаева Г.И., Мендигалиева Г.К.</i>	
История народа – история его языка.....	262
<i>Утягулов М.М., г. Уфа</i>	
К вопросу расселения чувашского населения в башкирском Зауралье в начале XX в.....	265
<i>Ушницкий В.В., г. Якутск</i>	
К вопросу о происхождении племени канглы среди тюркских народов.....	267
<i>Фадеева М. М.</i> Переселение мордвы на Урал (по архивным материалам).....	269
<i>Фазуллин Ф.Х.</i> Учитель: демонизация образа.....	272
<i>Фархитов М. Н.</i> «Очень желал бы иметь некоторые научные издания из СССР...»: Письма А.-З. Валиди академику И. Ю. Крачковскому (1930-е годы).....	274
<i>Фатихова З.С.</i>	
Туймазылылар Бөйөк Ватан һуғышында.....	277
<i>Фаткуллина А.Я.</i> Роль женщины-матери в формировании нравственной культуры подрастающего поколения.....	279
<i>Хайруллина Р.Х.</i>	
Социально-экономические проблемы учителей Республики Башкортостан.....	282
<i>Ханнанова Ф.Х.</i> Вклад народов Башкортостана в Великую отечественную войну (к 65-летию Великой Победы).....	285
<i>Хасанова З.Ф.</i> Традиционные способы заготовки сена у горно-лесных башкир (на примере Белорецкого района Башкортостана).....	288
<i>Хусаинов С.М.</i> Вторая половина XVIII в. – переломный период в истории народов российского востока.....	291
<i>Хусаинов А.С.</i>	
Политический кризис 1920 г. преступления В. Поленова в Башреспублике.....	295
<i>Шарипова Р.К.</i> Куюргазинский район в годы Великой Отечественной войны.....	298
<i>Шанкина Л.Н.</i> Традиционный жилищный комплекс мордвы Сорокинского района Тюменской области.....	300
<i>Чайко Е. А.</i>	
«Я любила гармониста, рядышком садилась»: отражение в	304

частушках стереотипного поведения русских девушек.....	
<i>Чуйкина Е.В. , Шатунов С.В.</i>	
Бронзовые пряжки с зооморфным сюжетом из раскопок сартаковского могильника в пермском крае.....	307
<i>Шакурова Ф.А.</i> Материалы уральской поездки Д.И. Менделеева как исторический источник.....	310
<i>Эшматова Г. Б., г. Горно-Алтайск</i> Легитимность системы местного самоуправления в молодежной среде.....	313
<i>Якупов Р.И.</i> Этногенез и этническая история башкир: структурный анализ источников.....	316

Научное издание

УРАЛ—АЛТАЙ: ЧЕРЕЗ ВЕКА В БУДУЩЕЕ

Материалы IV Всероссийской научной конференции,
посвященной III Всемирному курултайю башкир
(25-27 марта 2010 г.)

II ТОМ

Публикуется в авторской редакции

Корректор: Ф. А. Каримова
Компьютерная обработка: Р.Н. Каримова

Подписано в печать 19.03.10.
Формат 60x90_{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 23,79. Усл.печ. л. 20,75.
Тираж 250 экз.
Отпечатано на ризографе с готового оригинал макета.